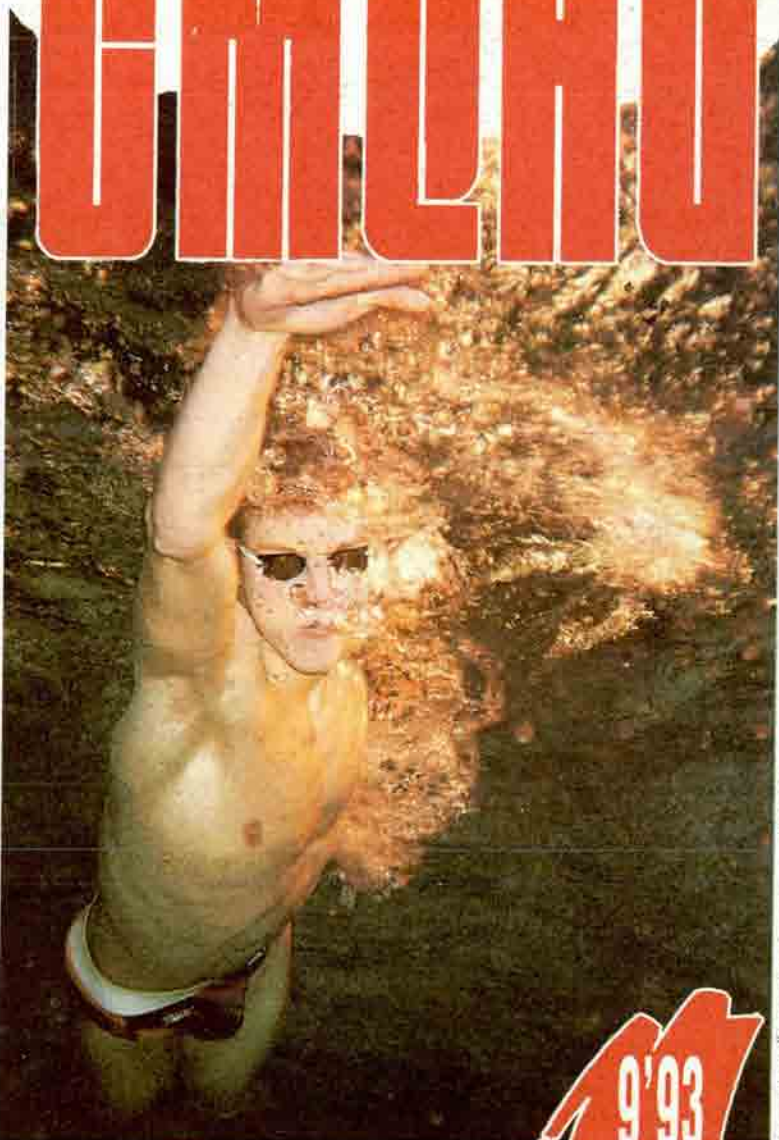

СМОЖА

У ШКОЛИ ТЕЛОСОВ... ШИРЬКИ ПОДОГ... ОНИ СМЕРЬ... ВАСИЛИИ ФИЛАТОВ... ВОИТЕЛИ

ДМИТРИЙ ШЕСТАКОВ • ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА

9'93

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР • ВЫСТРЕЛЫ У СИРАНО

ФИРМА

(Читайте стр. 4)

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНОШЕВСКИЙ,
зам. главного редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА

**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 18.06.93.

Подписано к печати 19.07.93.

Формат 84×108¹/₂.

Бумага «Газетная».

Печать офсетная.

Усл. п. л. 15,54.

Усл. кр.-отт. 17,64.

Уч.-изд. л. 23,10.

Тираж 273200 экз.

Заказ № 548.

Цена свободная.

101457, ГСП, Москва,

Бумажный проезд, 14.

212-15-07 — для справок

257-33-87 — отдел рекламы

и реализации.

250-49-98 — отдел писем.

Факс (095) 250-59-28.

Журнал зарегистрирован

в Министерстве печати

и массовой информации

Российской Федерации. Рег. №166.

Учредитель —

коллектив редакции

журнала «Смена».

Рукописи, фото и рисунки

не возвращаются.

Типография издательства

«Пресса», 125865, ГСП, Москва,

А-137, ул. «Правды», 24.

9 (1547) СЕНТЯБРЬ

© Издательство «Пресса».

© «Смена», 1993.

9'93

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

В НОМЕРЕ:

Проза

28

ЕВГЕНИЙ НОСОВ. ИЛО НАШЕГО ДЕТСТВА
Рассказ

74

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ. ПРАВЫЙ ПОВОРОТ ЗАПРЕЩЕН
Криминальная повесть

242

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР. ВЫСТРЕЛЫ У СИРАНО
Детектив

Поэзия

13

МИХАИЛ ДУДИН. ОДИНОКИЙ ДУБ В ЧИСТОМ ПОЛЕ

177

ЕВГЕНИЙ ЖУРАВЛЕВ

Человек и общество

4

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ. ФИРМА

46

СЕРГЕЙ МАШИН. СЕРДЦЕ — НЕ КАМЕНЬ

54

ВАСИЛИЙ ФИЛАТОВ. ВОИТЕЛИ
Исторические очерки

178

ДМИТРИЙ ШЕСТАКОВ. ЛЮБОВЬ — ДО ГРОБА

Культура, музыка, искусство

20

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА. ЛИЦА И МАСКИ

188

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. ТИМУР И ЕГО КОМАНДА

192

Фотовернисаж **СЕРГЕЯ КИВРИНА**

На нашей
обложке:
трехкратный
олимпийский
чемпион
1992 года
пловец
**ЕВГЕНИЙ
САДОВЫЙ.**
Фото
**СЕРГЕЯ
КИВРИНА**
(Читайте стр. 192)

206

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ. ГАРСИА

Хроника певческой семьи

238

ЛАЙМА ВАЙКУЛЕ: «КРОМЕ МУЗЫКИ, ЛЮБЛЮ МУЗЫКУ»

276

АЛЛА ПАВЛЕНКО. ТАМ ЧУДЕСА, ТАМ ЛЕШИИ

280

КРОССВОРДЫ, ШАХМАТЫ

10•93

3

■ **ДЖЕФФРИ КОНВИЦ. «СТРАЖИ»**

Вас ждет первая встреча с героями знаменитой дилогии американского автора Джеффри Конвица. Острый детективно-мистический сюжет «Стража» разворачивается вокруг апокалиптической истории смены часовых у врат Ада. На грани вселенской катастрофы в чудовищном водовороте людских судеб слетаются отчаяние и глубокая вера, надежда и героическое самопожертвование. Но полным драматизма романом автор не просто щекочет нервы жадного до развлечения читателя, напряженное повествование вновь напоминает нам о роли и ответственности человека в извечной борьбе сил Света и Тьмы.

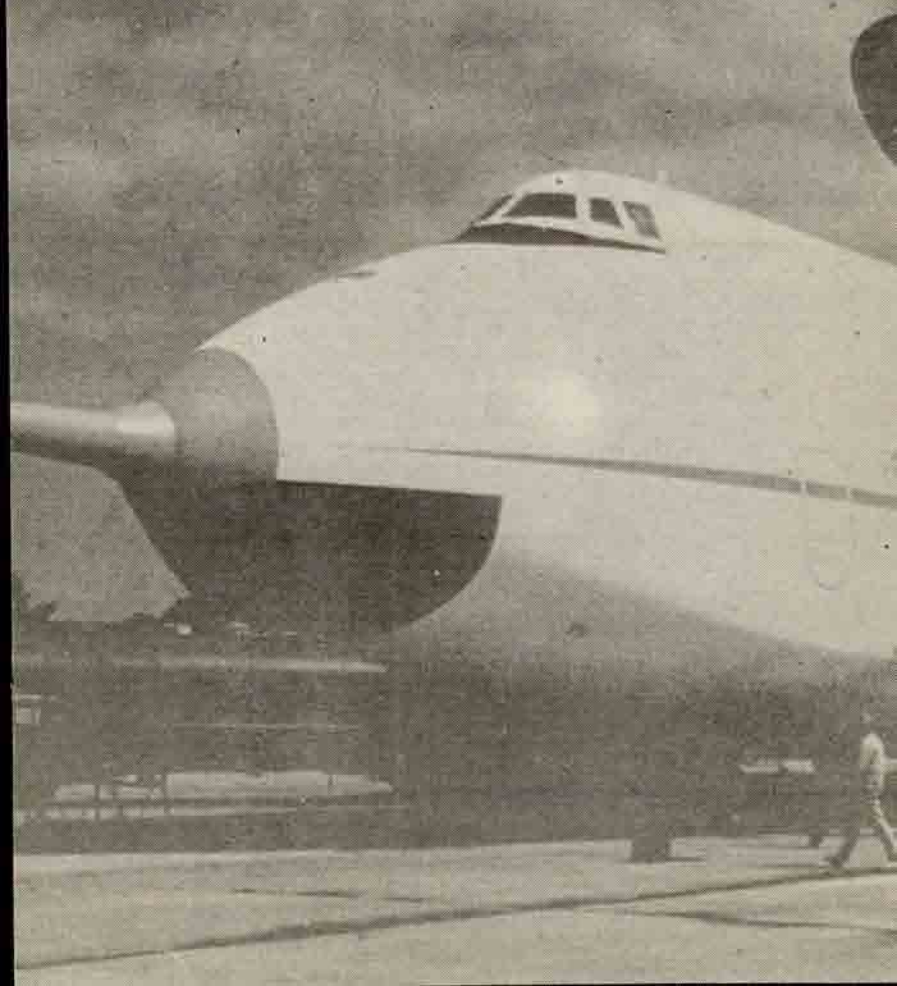
■ **ГОРЯЩАЯ РОССИЯ.** Беседа с Главным государственным инспектором Российской Федерации по пожарному надзору генерал-лейтенантом Владимиром Дедиковым

■ **ЛУИС ОРТЕГА. Стихи**

Поэзия — одна из граней разностороннего таланта выдающегося современного гравера и мастера эстампа, родившегося в Испании и живущего в России. Ортега достиг превосходства в огромном числе форм творческого выражения, включая живопись, гравирование, дизайн, инженерное дело и даже художественную литературу. Он с одинаковой легкостью пишет философский трактат, сочиняет сонет или запечатлевает оттенок чувства в гравюре, выполняемой с помощью инструментов, которые сам изобрел.

АНОНС:

ФМФ

ША

ВЛАДИМИР АНИСИМОВ

Фото: ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ
и ГЕОРГИЯ НЕСТЕРЕНКО

огда Хрущеву показали макет (в натуральную величину) пассажирского самолета «Н», спроектированного на базе АН-8, он первым делом заинтересовался у Антонова:

— Сколько двигателей ставят на такие самолеты за рубежом?

— Четыре.

— А почему на вашем только два?

Мнение главы государства оказалось решающим: самолет в серию не пошел. Пришлось проектировать заново.

...Осмотрев следующий вариант — АН-10, — Хрущев остался доволен, только заметил:

— Мне многие говорили, что самолет получился пузатым. Но это же не порок, я ведь тоже пузатый.

На что конструктор двигателей Александр Ивченко отвечал:

— У нас, как на флоте: все, что от колена и выше, считать грудью.

О визитах Хрущева в Киев мне рассказывал один из старейших работников антоновской фирмы Виктор Гаврилович Анисенко. Начинал он еще в Новосибирске — там в годы войны Антонов был заместителем Главного конструктора в КБ Яковлева. Отпочковавшись от «Яковлева», Антонов набрал в новосибирском авиатехникуме три десятка толковых ребят, в том числе и Виктора, а в 1952 году по приглашению украинского правительства переехал в Киев.

Молодой Главный и его такие же молодые сотрудники начинали, как принято говорить, с нуля. Ни научной, ни технической базы тогда для них в Киеве не было. Вся наша авиационная наука сосредоточилась в Москве. Кстати, и ныне антоновское КБ — единственное в бывшем Союзе вне Москвы. Точнее, теперь это не КБ, а АНТК —

авиационный научно-технический комплекс имени О.К. Антонова, располагающий всем, что требуется столь серьезной фирме. Фирма сама обеспечивает всю цепочку — от проектирования до строительства опытных образцов.

Во дворе комплекса стоит перенец КБ — самолет АН-2, построенный аж в 1947 году! Авиационная «мода» того времени, казалось бы, не благоприятствовала удаче: шла борьба за большие скорости, высоты; все другие КБ отказались от бипланов. Но Антонов продолжал проектировать свой «небесный тихоход» — неприхотливый, способный садиться куда угодно. АН-2 побил все рекорды долголетия — он до сих пор выпускается серийно в Польше. Самолет оказался незаменимым для Сибири, Севера — там, где небольшие города и поселки не связаны дорогами. Впрочем, где только не летают «Антоны»? А санитарная авиация, сельскохозяйственная может без них обойтись?

До недавнего времени предприятие было очень закрытым. Сюда и сейчас-то журналистам попасть непросто, что ж говорить о годах, когда секретили все подряд? А иностранцев и близко не подпускали. После распада Союза быстро поняли: секретничать невыгодно. Бывшие Госплан, Минавиапром худо-бедно обеспечивали антоновцам относительно спокойную жизнь, подбрасывали валюту. У киевлян не болела голова о том, какие заводы и в каком количестве будут строить их самолеты — заказы распределяла Москва. Теперь ни один завод не возьмется за новую технику, пока не найдет потенциального покупателя. Значит, приходится изучать рынок... Иначе не выжить, ведь фирма получает свой процент от продажи серийных самолетов.

Иссяк и централизованный источник валюты. Стало быть, надо зарабатывать самим, искать покупателей и партнеров за рубежом. Теперь недостаточно показывать готовую продукцию на авиасалонах. Необходимо демонстрировать научные и технические возможности фирмы — вот почему в отделах и цехах уже не удивляются визитам иностранных делегаций.

Открылись новые перспективы для сотрудничества. Англичане, французы очень заинтересовались транспортным АН-70Т, способным перевозить до 30 тонн груза, базироваться на грунтовых аэродромах. Они (иностранцы) начали проектировать подобные самолеты позже (не все ж нам отставать!). А в Киеве им предлагают покупать «Аны» либо организовать совместное производство.

— Вообще-то все авиаторы в мире кооперируются, — рассказывал нам главный специалист по рекламе Георгий Нестеренко. — Англичане, французы, немцы объединяются, чтобы сделать аэробус. У них один завод делает крыло, другой — фюзеляж...

Тут у нас возник естественный вопрос. После встречи «беловежских пушистов» почти все авиазаводы оказались за границей — в России. Наверное, рвутся связи, гложут контакты?

— Нисколько. Мы, авиаторы, как никто другой, понимаем, что нам нельзя терять связи, — и мы их не теряем. С Россией оформляется соглашение о производстве АН-70Т. В одной стране сделать его невозможно: 80 процентов комплектующих материалов идет из России. Единственная трудность — расчеты. У вас — рубли, у нас карбованцы-купоны. Но, думаю, эту проблему мы решим.

(Эх, всем бы такое понимание... А то недавно премьер-министр

Леонид Кучма заявил на заседании ВС Украины: «У меня такое ощущение, что у нас от государства отделилась не только церковь, но и промышленность, отдельные области и районы. Слава Богу, нет независимых армейских дивизий!!!» Да, именно так в стенограмме — с тремя восклицательными знаками.)

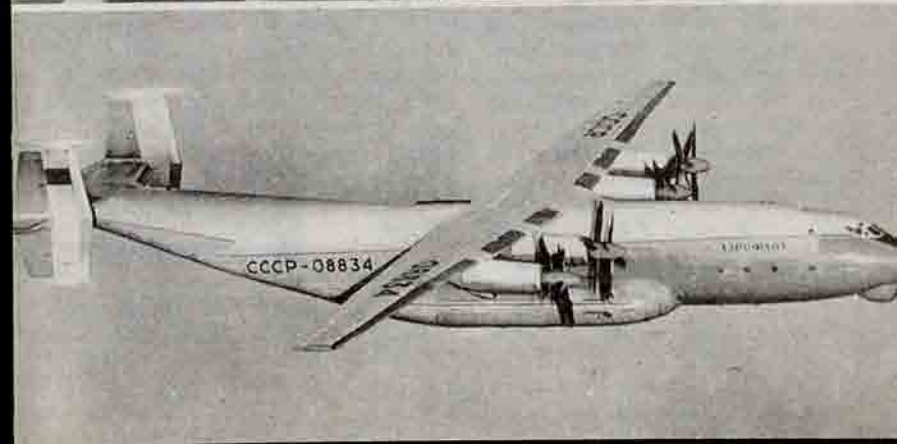
Конверсия, от которой стонут многие военно-промышленные директора, особых хлопот фирме не доставила. Даже в чем-то помогла. Прежде всего, антоновцы никогда не делали истребители и бомбардировщики. А превратить военно-транспортный АН в гражданский просто — достаточно снять вооружение и сократить должность стрелка.

Серийным военным предприятиям сложнее. В Новосибирске конверсия поставила авиазавод на грань закрытия. Заказов практически нет; авиаторы перешли на производство... моторных лодок. Но и те в силу дороговизны сбыть не могут. Сокращают рабочие недели, дни... Вот почему новосибирцы ждут не дождутся, когда пройдет испытания и поступит в серию АН-38 — легкий самолет на 26 пассажиров. Универсальный самолет: может использоваться как грузовой, санитарный, геологоразведочный, лесопатрульный и т. д. Новый АН ждут также и на омском заводе — покупателей хватает.

Ну, а киевляне в порядке конверсии проектируют... троллейбус особо большой вместимости, трамвай с низким полом, современный метровагон, рельсовую городскую дорогу. Причем Генеральный конструктор Петр Балабуев приказал «считать техническое направление «Наземный городской транспорт» наравне с основной тематикой фирмы».

По доброй ли воле взяли или навязали? Тут пятьдесят на пять-

десять, уклончиво говорили нам. Необходимость такой работы очевидна: киевские троллейбусы набиты сверх предела в любое время дня. Если конструкторы-транспортники неспособны решить проблему, то, может быть, авиаконструкторы с их нестандартным мышлением помогут родному городу? Кроме того, занимается транспортом один небольшой отдел — так что ущерба самолетостроению не предвидится...

На летно-испытательной базе фирмы под Киевом мы увидели «Мрию» — самый большой в мире транспортный самолет, сделанный в единственном экземпляре. Построен он был специально для перевозок космических грузов — «Бурана», секций «Энергии».

А «Руслан», предшественник «Мрии» — самый большой в мире серийный транспортный самолет, — без дела не стоит, работает в ближнем и дальнем зарубежье. Есть у АНТК транспортная фирма «Руслан» со своим парком самолетов, занимается перевозками в Индии, Китае, Перу, Африке, Америке...

Был с «Русланами» неприятный казус. Создавались они как военно-транспортные, а потом решили использовать их для внутренних и международных перевозок. Но гражданскому самолету положено иметь «паспорт» — сертификат по нормам летной годности. А о таких формальных пустяках у нас не заботились. Между тем конкуренция на мировом рынке авиауслуг мощная. Увидев серьезного конкурента, авиационные службы США и Великобритании «отреагировали» — запретили полеты «Русланов» над подконтрольными им территориями.

Сертификат получить — не паспорт в милиции выписать. Сертификация — это дополнительные

проверки и испытания, доводка навигационного оборудования и многое другое. Процесс, занявший полгода. Естественно, валютная прибыль в этот период весьма сократилась... Но промашку исправили максимально оперативно. И теперь из шести сертификатов, выданных Авиарегистром фирмам бывшего Союза, три имеет АНТК: на АН-28, АН-74 и «Руслан». (Остальные — ЯК-42, ИЛ-86, ИЛ-96-300.)

— Теперь нет таких могучих заказчиков, как армия и Аэрофлот, — говорил начальник летно-испытательной базы Анатолий Буланенко. — А нам необходимо выстоять, сохранить базу. Поэтому ведем несколько проектов сразу, готовимся к испытаниям АН-70Т и занимаемся перевозками по всему миру.

«Руслан» — это и 30 мировых рекордов подъема грузов, высоты, дальности. В том числе кругосветный перелет через оба полюса в 1990 году. Вопрос: нужны ли такие самолеты, нет ли тут отзвука гигантомании? Очевидно, нужны, поскольку есть спрос на перевозки во всех регионах мира. «Русланы» возили гидротурбины, 150-тонные американские самосвалы, яхты... Прагматичные американцы построили СИ-5 — машину такого же класса — много позже.

И самый первый в мире широкофюзеляжный транспортный самолет тоже был украинским — «Антей». В 1965 году в Париже он произвел сенсацию. И подтолкнул «Локхид» на создание СИ-5А. (Кстати, Анисенко получил Ленинскую премию за участие в создании этой машины.)

Разумеется, перевозки — лишь побочная коммерческая деятельность, позволяющая закупать электронику, компьютеры, уникальное оборудование. Да и разный ширпотреб для работников

фирмы — берут оптом и продают своим одежду, радиоэлектронику и т. п. много дешевле, чем в магазинах. Впрочем, помогают не только «своим». Купили оборудование для строящегося цементного завода, медтехнику для Республиканского центра и поликлиники...

Менее чем за полвека на фирме создано более ста типов и модификаций самолетов различных классов, поэтому даже перечислить их просто невозможно. Ограничусь теми, что находятся в работе сейчас.

АН-218 составит серьезную конкуренцию аэробусу ИЛ-86. Берет 350 пассажиров, летит до 8500 километров, но экономичней ИЛа.

АН-180 выйдет на линии до 5 тысяч километров, возьмет на борт 163 человека.

АН-140 — для местных воздушных трасс, рассчитан на полсотни пассажиров.

АН-38 способен взять 26 человек. Возможны и другие варианты его использования — санитарный, геологоразведочный, аэрофотосъемочный и т. д.

Кроме того, самолеты транспортные, патрульные, для тушения лесных пожаров, административные (бизнес-самолеты для деловых людей с салонами для работы, отдыха, автомобиля, с современной системой связи).

Фирма работает стабильно, потому что четко представляет, где может рассчитывать на успех. Даже не имея заказчиков (было такое время), работу над новыми машинами продолжали, искали свою «нишу».

...Нас провели в зал автоматизированного проектирования. Никаких кульманов, ворохов бумаг и чертежей. Ряды компьютеров, а за ними сидят и нажимают на кнопки молодые люди. На дисплеях появляются и исчезают детали будущих самолетов, в которых нам все равно никогда не разобратся.

Сергей Кобзев, начальник бригады, обслуживающей этот зал, поясняет:

— На бумаге было много неточностей в чертежах, сейчас это исключено. Правда, электроника добавила работы конструкторам, но качество проектов повысилось. А теперь переходим на пространственное проектирование. Что это означает? Можно отказаться от изготовления моделей — они «создаются» на дисплее. Исключаются чертежи — программа по проводам передается на станок с ЧПУ. Конечно, идеал недостижим: без бумажных носителей информации никто в мире не обходится. Но пространственное моделирование на компьютере — ступень к безбумажной технологии.

— Получается, конструктор в старом понимании этого слова исчезает? Становится статистом у компьютера, как сборщик у конвейера?

— Действительно, некоторые ведущие специалисты отказываются работать с компьютером, считая, будто это не творчество. Но есть такой термин — «тайм ту маркет». Переводится это как «время, необходимое для выпуска продукции на рынок». Так вот, компьютеры помогают значительно сократить его. А в условиях рыночной конкуренции это жизненно важно. Да ведь и не обязательно всем поголовно работать с электроникой. Для диалога с машиной нужен творческий материал — его в основном готовят вручную старые специалисты, обладающие большими знаниями, интуицией...

С точки зрения пассажира, главное в самолете — надежность. Мне, простите, безразлично, сколько керосина сжигает АН — мне важно благополучно долететь до места назначения. У АНТК самый крупный в Европе зал прочностных испытаний — площадью ровно гектар и высотой 36 метров. Водил нас по нему начальник от-

дела испытаний на прочность Виктор Уколов. Сложные механизмы создают условия полета, взлета и посадки. Испытания бывают разные — на статическую прочность, усталость металла. Проверяется каждая деталь и самолет в целом.

В углу зала стоит киль «Руслана» с намертво приклеенными к нему лямками, которые безостановочно «нагружают» обшивку.

— Под заклепками, — показывает Уколов, — появляются усталостные трещины. Сначала они не видны, потом выходят наружу. С помощью визуального осмотра, ультразвука, рентгена мы находим трещины, наблюдаем за их развитием. После «налета» определенного количества часов даем рекомендации по увеличению ресурса самолета. Обычно мы нарабатываем в 5—10 раз больше часов, чем рекомендуем летать... Наш отдел сейчас нужен всему бывшему Союзу: парк самолетов старый, изношенный, поэтому возникает потребность в продлении ресурса. Бывает, самолет с виду как новый, но свое отработал, и может ли еще летать — неизвестно. Мы заключаем договора с авиакомпаниями, создаем программу усталостных испытаний. Берем у компании списанный «лидер», то есть самую старую машину. И после испытаний определяем, сколько часов он еще может летать, сколько посадок сделать. Или показываем, что надо отремонтировать.

Интересно было бы узнать, почему парк самолетов в СНГ так стар и изношен? При наших-то гигантах-авиазаводах в Воронеже, Ульяновске, Ташкенте?.. Ответ становится понятен, когда помотришь репортаж с военных заводов — ряды боевых самолетов, которые никто не берет. Вот куда шли ресурсы, материалы, деньги, оборудование. И довели почти до

безработицы. Недаром омичи и новосибирцы так ждут новые «Аны».

А как «Антонов» выглядит на международном фоне? Скажем, в сравнении с американскими фирмами? И об этом мы говорим с Анисенко.

— В области конструкции фюзеляжа, хвостового оперения, крыла — я имею в виду конструктивные решения — мы впереди. В целом по самолетостроению, аэродинамике идем голова в голову. Отстаем в области электроники, дизайна, комфорта. Долгое время пренебрегали экономикой — конструктор редко думал, как сделать подешевле каждую деталь. Отстаем по ресурсу двигателей — это связано с отсутствием некоторых жаропрочных материалов...

— Может, надо покупать двигатели за рубежом?

— Не думаю. Это будет временный скачок. К тому же их система обслуживания очень дорога. И еще — с иносфирмами дело иметь сложно. Допустим, мы просим продать пять моторов для опытных самолетов, а она предлагает не менее ста. Но зачем нам сто, если мы пока не знаем, купят ли у нас эти самолеты и сколько? Да и у нас есть отличные двигатели из Запорожья — на ИЛ-18 они превзошли зарубежные по надежности. Сделать все можно, если не растерять связей. Объединить усилия бывших республик по созданию самолетов. А получать продукцию пропорционально вложенным труду и средствам. Если так пойдет, будем нормально жить. А если разгорятся политические амбиции... России-то легче — она многое может обеспечить по замкнутому циклу... Мы пока живем благополучно, но кто знает, что будет через год-два?

Так уж невольно получилось: почти каждый разговор на АНТК с конструкторами, рабочими обязательно сворачивал на политику. Вдали от Киева казалось, что от-

ношения с Украиной уверенно портятся: дележка флота, спор о ядерном оружии, ситуация вокруг Крыма, разговоры о границе, таможене...

Признаться, направляясь в Киев, мы ожидали встретить неприязненное отношение к нам — чужеземцам, москалям. Но ничего подобного. «Простым» киевлянам разборки в верхах, похоже, надоели так же, как и «простым» москвичам.

— Скорей бы кончились эти дележки, — сказал нам на прощание бригадир Василий Бондарь. — Ну, что нам делить?

Все собеседники рассказывали, как переживали за исход апрельского референдума в России. Я даже удивлялся: — А вам-то чего переживать?

Ответ был всегда одинаков:

— Как чего? Если у вас правые победят, то и у нас они поднимут голову. Разве вы не понимаете, насколько мы связаны?

На этом оставим политику...

Фирма — лидер в деле разработки и внедрения полимерных материалов. Здесь давно поняли, что традиционные материалы исчерпали себя для создания сверхтяжелых машин. Построили цех неметаллических конструкций. Многие детали, узлы крыла, фюзеляжа и оперения антоновских машин — из угле-, стеклопластиков. Определенным подбором, расположением этих нитей, лент, тканей придают конструкции нужные свойства. На «Руслане», к примеру, композиты дали снижение веса почти в две тонны. Но выигрыш не только в весе. По жесткости эти материалы в два-три раза превосходят металлы и сплавы.

Добавлю, что полимеры — отличный материал для разного ширпотреба. А это означает и дополнительную прибыль для фирмы. Делают спортивный инвентарь — начинают поставлять каркасы лу-

ков во Францию, США, Испанию. Много заказов на автодетали, элементы яхт. Между прочим, олимпийская сборная по бобслею выступала на киевских «бобах».

...Еще одно направление — сверхлегкая авиация. Известно, что Олег Константинович очень увлекался планерами, строил, летал на них. Сегодня их нет... «А сегодня с обычным планером в небе делать нечего, — объясняли нам конструкторы. — вы ничего на нем не покажете. Нужны новые конструкции высочайшего класса».

Планеры вытеснены мотодельтапланами — они дешевле, проще в управлении. Их тоже делает АНТК — для спорта, сельхозавиации, изыскательских работ. Мотодельтаплан Т-2СХ, к слову, имеет самую большую грузоподъемность и единственный в СНГ сертифицирован.

Вот такой диапазон фирмы — от сверхлегких до сверхтяжелых. Но и планеры, полагают ветераны, вернуться на новом уровне. Ибо, как говаривал Антонов, пока человек хочет летать, планеры будут нужны.

Не может быть все безоблачным в наше время. Жизнь в Киеве суровей, чем в Москве. Средняя зарплата рабочего втрое меньше (я сопоставляю по рыночному курсу карбованца и рубля). Между тем повального бегства с фирмы нет. Срабатывает престиж предприятия, интересная и разнообразная работа. А вот женщины наши могут позавидовать «антоновским»: у них там (у всех поголовно!) четвертый год — шестичасовой рабочий день. С оплатой как за полный.

Как ни странно — жизнь суровей, но спокойней. Побойц на митингах, типа московских, не случается.

Понимают — работать надо, а не драться.

МИХАИЛ ДУДИН

ОДИНОКИЙ ДУБ В ЧИСТОМ ПОЛЕ

*...«Я верю, что победит земля
и мы вернемся к ней,
чтобы исцелить
наш оскопленный
городом дух».*

Хосе Ортега-и-Гассет

*Незаметно к последней точке
Поворачивает строка
В одиночестве одиночки
Одинокого старика.*

*Ниагарою век грохочет,
Сбросить в пропасть меня маля,
И, с погибелью мира, хочет
Объясниться через меня.*

*Гибель гибнет со мною рядом,
Превращая движенье в лед,*

*И над гибельным водопадом
Звонкой радугою поет.*

*И душа ничего не просит,
Покидая земную вервь.
А навстречу летят лососи
Через гром водопада вверх.*

*Коридором цветущей черемухи
Через ночь пролетела Стрела.
Давних встреч забытые шорохи
Память на два крыла развела.*

*И окончилась в жизни история,
Разменялась судьба на гроши,
Задыхаясь в пылу крематория
Без отдушны горькой души.*

*А судьба оживает и дразнится
В сонной одуре пепла потерь
Тем, когда-то решающим с праздника,
Указующим жестом на дверь.*

*А за дверью зеленые сполохи,
Белых вихрей земная напасть.
И пронзительный холод черемухи,
Разжигающий старую страсть.*

*Злодейства землю потрясают,
Неправда зыблет небеса.*

Г. Р. Державин

*В Карелии обилие воды
Не делает Карелии беды.*

*Здесь до сих пор по скалам гонит вскачь
Отчаянную конницу Кивач.*

*И эхо глухо мчит во все концы,
Как ржут державинские жеребцы.*

*Здесь лунной ночью легкая форель,
Как ласточка, перелетает мель.*

*Здесь на хвосте танцующий лосось,
Классически диагональю вкось*

*Пересекает бешеный напор
Воды, не покоренной до сих пор.*

*Здесь мой приятель каждую весну
Таких пижонов ловит на блесну.*

*Здесь жизнь живую, намертво в кулак
Зажав, полвека царствовал ГУЛАГ.*

*И в дебрях непролазных наплодил
Угрюмое молчание могил,*

*Деревни выжег и монастыри
И превратил посевы в пустыри.*

*Печальна тень крестов сторожевых
И свет надежды мертвых на живых.*

*Пусть след беды весенняя вода
Из жизни не смывает никогда.*

*Пускай в веках не устает греметь
Великая державинская медь.*

ЧА-ЧА-ЧА!

*Она от любви умерла.
Хосе Марти*

*Играя, кровь поет по жилам,
Хмельную душу горяча,
На каблуках, как на пружинах,
Подскакивает Ча-ча-ча!*

*И звуки в бой идут на звуки,
Как в измерении ином,
И машут ноги, пляшут руки,
И тело ходит ходуном.*

*Мир куролесит каруселью,
И цель нацелена на цель,
И пахнет потом и постелью,
И начинается апрель*

*Капелью с крыш. Зима сдается.
У мира страсть кипит в крови.
И сердце бьется, бьется, бьется
И умирает от любви.*

≡
*Жизнь беспощадно двойственна
Для мира и для Вас,
И верность ей не свойственна
И в прошлом, и сейчас.*

*За правду жизни ратую,
Диктаторы кричат,
А над судьбой оратая
Ораторы молчат.*

*Не по закономерности,
Без прошлого следа,
Вы родились без верности,
И в этом вся беда.*

*Но всей судьбой поэтовой,
Всей памятью равно,
Я Вас люблю поэтому
Печально и давно.*

*На славу, на утеху ли,
Разменивая честь,
Куда б Вы ни уехали —
Вы остаетесь здесь*

*Обманутою скромницей
За малые труды
Под старою смоковницей
В тени чужой беды.*

==

*Что ж! Доллару все удается.
За доллары все продается:*

*Познания древнее древо
И с опытом юная дева,*

*Пленительный пляж на Гавайях
И нефть в океане на сваях,*

*Идеи, легенды и были,
Шоферы и автомобили,*

*Божественный опыт предтечи
И гениев будущих речи,*

*Блаженная свежесть озона
И легкая гибкость закона,*

*Престижное в обществе место
И вид на Луну с Эвереста.*

*Все будет, чего не бывает.
Но все на земле убывает:*

*Запасы питья и питания,
Последний причал обитанья.*

*Все в мире кончается. Точка.
Пустыня. И ты — одиночка!*

*Прошла мировая растрата,
Пришла моровая расплата.*

*И ты ничего не получишь.
И кукиш на доллар не купишь!*

ГРЕШНАЯ РИФМА

*Мы разучились сеять и пахать.
Мы научились охать и вздыхать!*

==
*Вот мчится тройка удалая
Через Шаляпинскую степь.
Себе покоя не давая,
Мне вслед за нею не поспеть.*

*Кто не влюблен из русских в эту
Лихую скорость прошлых дней,
Переродившихся в ракету
И обезумевших коней.*

*Ты надъезжала до отвала,
Свободой хаоса дыша,
А вот тебе все мало, мало,
Пространств и времени душа!*

*Другая жизнь! Судьба другая!
Другое горе новых дней!
Умчалась тройка удалая,
А жизнь летит еще за ней.*

==
*Домашние цветы на подоконнице,
Заморенные нищие цветы,
Ночные врачеватели бессонницы
Осатанелой зимней мастью.*

*Вы перестали быть сегодня жалкими
От солнца, заглянувшего в окно,
И расцвели, и сделались фиалками,
Какими уже не были давно.*

*Над сумраком тоски и лихолетия
Открылся праздник, солнцем залитой,
И вспыхнули по бархату соцветия
В лиловой дымке ряби золотой.*

*Мир веселел без напряженья лишнего
Равно для этих и равно для тех.*

*И старый посох у слепого нищего
Зазеленел, как молодой орех.*

==

*Во имя жизни «Смертью смерть поправ!» —
Слова превыше всех житейских правил.
Я смерть за жизнь во имя жизни славил
В лихие дни.*

И оказался прав.

*В победный день отликовал отбой,
Исполненный особого значенья:
Что жизнь есть риск, а мир — не богадельня.
Что Жизнь и Смерть равны между собой.*

*Мы новой войной оглушены.
Она гремит и впереди, и сзади.
И надо жить!*

*Но надо жить не ради
Уменья жить во имя тишины.*

*А надо научиться и уметь
Не требовать от жизни снисхожденья,
...Есть торжество и таинство рожденья,
Риск жизни и свобода умереть.*

==

*Что может быть прекраснее и проще,
Оставленной у детства вдалеке,
Под синим небом белоногой рощи
В тишайшей перевернутой реке?!*

*Она как путь в поэзию из прозы,
Таинственная роща, а под ней
Из голубого бархата стрекозы,
Парящие над всплеском окуней.*

*А над парением стрекоз в лазури
В лиловой туче перекатный гром,
Свист иволги и — упреждение бури —
Кукушки одинокий метроном.*

*Все это не проходит в жизни мимо,
Все это оживает наяву.
Неистребимой памятью хранимо.
Я чудом этой памяти живу*

*И радуюсь. Мне до всего есть дело
Сегодня здесь и в дальнем далеке.
...А роща все еще не поредела
Над тихим отражением в реке.*

≡
*Могучий дуб посередине поля
Приземист и широкоплеч.
Вокруг него необозрима воля,
Которую в веках ему беречь.*

*И, ощущеньем вольности насытись,
Он, сам себе, хлебом и небу люб,
Стоит на перепутье, словно витязь,
Своих владений гордый однолюб.*

*Он сам себе глаголет сквозь досаду
Обдуманый и взвешенный ответ:
— Нет меж людьми в моих владеньях ладу,
И у властей согласия тоже нет.*

*И шепчет мне внушительно и глухо
Его души железная листва:
Смерть не погибель творческого духа,
А перевоплощенье естества.*

Май — июнь 1993 года
Санкт-Петербург.

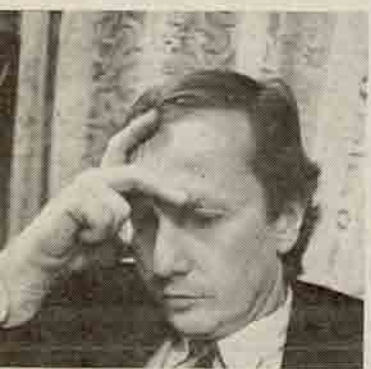

ЕЛЕНА ЦЫГАНКОВА

ЛИЩА И

МАСКИ

*Не смешной
разговор
с Михаилом
Задорновым*

В 12.00 он обещал меня встретить в условленном месте. Покровка дрожала и задыхалась от пыли, разомлевшие от жары люди в ожидании троллейбуса искали спасения в подъезде старинного московского дома, из которого он должен был появиться. Но он не появлялся. Оставалось одно — искать самой. «Он занят, — сказала секретарша. — У него люди. —

И уточнила: «Вы договаривались с ним?» В половине первого, удивившись, что без напоминания он обо мне не вспомнит, попросила секретаршу передать ему привет. Через минуту дверь распахнулась, и на пороге появился он, смущенный и чуть растерянный: «Простите, у нас еще дел минут на пятнадцать... Если хотите, можете послушать...»

Бред какой-то! Задорнов в роли «главначпуса» в моей голове не укладывался. Талантливый сатирик, сделавший себе имя на высмеивании огрехов системы, вдруг добровольно усаживается в кресло чиновника и становится рядовым функционером?! Конечно, он скажет, что чувствует своим долгом быть сейчас на этом месте и делать то, что он делает. Но кто тогда займет его место за письменным столом и на эстраде?

— Посмотрите план наших благотворительных мероприятий? — первое, что спросил он на полном серьезе ну совершенно в бюрократическом стиле застойных времен!

— Спасибо, — улыбнулась я, — будет гораздо лучше, если вы расскажете все это своими словами. — А про себя подумала: «Стоп! Если сейчас же не переломить ход беседы, он увлечет меня в такие дебри, из которых нам уже не выпутаться! У меня же задача иная. В конце концов кто бы он ни был — писатель, общественный деятель, спортсмен, комсомолец, красавец, — он прежде всего интересный человек, и ничто человеческое ему, надеюсь, не чуждо. Из этого и будем исходить...»

— У вас уже выработался «комплекс» юмориста, когда человек считает, что от него постоянно ждут остроот?

— Настолько выработался, что я в компании перестал ходить — потому что даже «здрасте» в простоте сказать нельзя, сразу чувствуется разочарование присутствующих: «О-о-о! Да ведь так каждый может...»

— Тогда, если вы не против, давайте забудем, что вы — писатель-сатирик, и поговорим о чем-нибудь вечном... О любви, напри-

мер... Читателей «Смены», скажем, интересуется, влюбчивый ли вы человек?

— Видите ли, в моей сегодняшней жизни есть такие моменты, которых нельзя касаться даже ради читателей «Смены»...

— Хорошо, попробуем иначе: Бальзак считал, что любовь — это удивительный фальшивомонетчик, постоянно превращающий не только медяки в золото, но и золото в медяки... А вам с чем чаще приходилось сталкиваться?

После минутного замешательства Задорнов рассмеялся и, пожав плечами, сказал: «Мне трудно переключиться на такой разговор, потому что голова занята совсем другим. Фонд помощи русским в ближнем зарубежье, который поглощает теперь все мое время, настраивает совершенно на иной лад».

— Тогда, может, поговорим о том, что волнует вас?..

— Вы знаете, я заметил, что то, что волнует меня, не волнует никого! Точнее, мало кого волнует. Поэтому я стал за последнее время более молчаливым. Не раз сталкивался с тем, что, если начинаю искренне делиться с кем-то своими мыслями, почему-то думают, что я пижоню.

— Это касается фонда?

— И «любви, надежды, тихой славы...». Поэтому я ни с кем ими и не делюсь...

— А вам не надоело, что про вас пишут в принципе одно и то же?

— Осточертело! Поэтому я и перестал давать интервью.

— Так может все-таки пойдём с другой стороны? Про то, о чем еще никто с вами не беседовал и не писал?

Задорнов погрузился в глубокую задумчивость, вероятно, прос-

читывая, как шахматист, чем грозит ему подобный ход, и, взвесив все, решил:

— Давайте попробуем...

— Интересно, что останавливает ваш взгляд в человеке? Внимание ваше на чем застревает?

— То, что, с одной стороны, меня восхищает, а с другой — вызывает негодование. Во мне всегда как бы два человека — поэт и сатирик: один замечает прекрасное, другой — безобразное. Но за поэзию деньги не платят, поэтому я и стал сатириком.

(Так... Теперь его «сносит» к накатанной дорожке интервьюируемого «короля смеха». Еще чуть-чуть, и он начнет говорить отрывками из своих миниатюр...)

— А на улице вы знакомились когда-нибудь?

Вопрос, прямо скажем, не из тактичных. Но нужно же его как-то расшевелить! Разозлить, возмутить — все, что угодно. Только бы увести от отработанных на других журналистах ответов!

— Конечно. Только редко — у меня всегда была проблема, с чего начать? Я был очень стеснительным всегда. И по-кавказски нагло никогда себя не вел: фразы типа «Не меня ли вы ждете?» или другие заурядные вещи я никогда не умел говорить. Я вообще не люблю ничего банального. Выжать из себя нечто подобное я не в состоянии даже ради женщины, с которой хотелось бы познакомиться...

— Но, по-моему, женщина скорее оценит что-то оригинальное...

— Так это еще придумать надо...

— Хорошо, где же вы знакомились? На студенческих вечеринках?

— На танцы я ходил лишь в очень раннем возрасте. Меня

даже, может быть, драки больше интересовали... В МАИ, например, я уже на вечера не ходил. Занимался спортом — ручным мячом, а потом увлекся самодеятельностью, и она отняла ту энергию, которая обычно уходит на танцы, дискотеки... В юности я «болел» театром, поэтому и друзья мои были из той сферы — Леня Филатов, Володя Качан, тогда еще студенты Щукинского. Мы как-то больше собирались тогда на дому, ребята сочиняли чудные песни... Конечно, в компании были и девушки, которые надеялись, что мы когда-нибудь будем знаменитыми... Так, в общем, и произошло со многими, только девушки те теперь неизвестно где... (В голосе Задорнова послышались ностальгические нотки...)

— А вы вообще помните, так сказать, череду своих девушек?

Как пионер, который, по словам учителей, должен был без запинки отвечать таблицу умножения, будучи разбуженным посреди ночи, Задорнов с завидной легкостью сказал:

— Если говорить честно, всех не упомнишь... Даже сейчас иногда появляются какие-то женщины примерно моего возраста, с которыми, догадываюсь, мы были когда-то знакомы, но до какой степени — не помню... Хотя иногда рефлекс молодости срывается...

— Но вот, допустим, вы знакомитесь с девушкой, которая вам понравилась. А потом она открывает рот, и вы видите, что красавица глупа, шепелява и еще Бог знает что... Вам легко удавалось уйти от дальнейшего контакта?

— Но раньше-то эти недостатки не были препятствием. Какую бы глупость она ни говорила, это не имело значения — нравится — и нравится: в этом и суть молодости

сти, наверное... Но сейчас, конечно, и речи не может быть о дальнейшем общении. Я уже не так стеснителен, как прежде. И, кроме того, ко мне очень мало подходят на улице, тем более девушки. Девушки сегодня — это «титомирки», «киркорочки», «пугачевки»... Это другой жанр. А мой — он не увлекает девичьи сердца. Он может привлекать, но не увлекать. Нет такого ажиотажа. Причем я говорю это не с сожалением, а с радостью — очень удачно все получилось — нас не ждут сумасшедшие у служебного входа. Как правило, мы слишком умны для них. Так нехорошо говорить, но это факт. Мы что-то такое говорим со сцены, во что они «не въезжают». Так же, впрочем, как я не могу войти в хард-рок или хэви-металл... Для меня просто загадка, что испытывает человек, слушая эту музыку... Я даже молодых расспрашивал, правда, они мне тоже не могут этого объяснить.

— А вы испытываете ностальгию, когда звучит музыка вашей юности?

— Нет. Мне просто нравится классическая музыка, классический джаз. А песни и музыка моей молодости меня никогда не волновали. То есть я могу сказать, слушая старые «Огоньки», «какие теплые были песни»... Но ностальгия... Ностальгия — это то, что хочется слушать и слушать, да? Но мне это слушать не хочется... Так... вспомнится какое-то старое доброе время агиттеатров, песен, КСП, путешествий по России, по БАМу... Я вообще ведь очень много путешествовал, должен вам сказать...

— А как же в вас это так удачно сочеталось — и застенчивость, и студенческий театр, где нужны задор и смелость?

— Застенчивость потом прош-

ла... после дружбы с Леной Филатовым и Володей Качаном... И потом, когда что-то увлекает, тогда комплексы уходят. Большинство наших людей комплексует потому, что нет настоящих интересов. Теперь я довольно раскрепощенный человек, признаюсь.

— А вы чувствовали, как происходило это превращение, или обнаружили его внезапно для себя?

— Мне всегда не нравилось в себе то, что я такой представитель своего народа, который долго думать не может. Чувствами жить может, а подумать как следует и сделать логичный вывод — нет. Это меня безумно раздражало в себе всегда.

— И во что это выливалось? Вы могли совершить ряд необдуманных поступков?

— Мог, да... Неожиданные поступки бывали всегда. Русский человек — это настроение, а не профессия. Хотя я как-то все-таки старался развивать аналитическое мышление в себе. Я благодарен в этом плане МАИ — у нас были очень хорошие педагоги, которые, помимо мышления, развивали еще и личность. Не специально, а своим примером. Такие люди у меня вызывают большое уважение.

— Вам не жаль, что вы так далеко оторвались от этого круга? Ведь ваш уход в другую профессию был незапланированным?

— У меня в жизни ничего не было спланированного. И профессии я менял случайно, согласно обстоятельствам. Так впервые мне предложили быть режиссером, хотя я был инженером и занимался самодеятельностью. Но работа на кафедре была бесперспективной — и я согласился. Тем более что наш театр получил уже премию Ленинского комсомола — это было тогда серьезно.

— Вы доверчивый человек?

— К сожалению, много лет был доверчивым, сейчас уже нет. Хотя все время хочется видеть в людях что-то хорошее, потребность такая есть. И на это ловишься очень часто.

— Вас много водили за нос?

— Да... Правда, я не знаю критериев — много это или нет. Но хотелось бы, чтоб это было пореже. И все время хочется подкапывать в себе доверчивость, что в последнее время мне чаще удается.

— А, как правило, на каком этапе вы начинаете понимать обман? У вас бывали случаи, когда вы знали, что вас обманывают, но продолжали действовать так, как считали нужным?

— Бывало. Но все-таки, когда есть факты, тогда я бунтую, становлюсь совершенно другим человеком. Многие считают, что это — зазнайство, а на самом деле просто ненависть к непорядочности. Скажем, делаем большой концерт. Государственный. Деньги переведены на какую-то фирму — нужно оплатить свет, звук, телевидение, а эта фирма денег нам не переводит. В день концерта я звоню туда и говорю: «Я приеду к вам со всеми структурами, которые только есть в государстве, и вы выложите эти деньги». Шуму, крику в ответ!.. Но тем не менее через два часа деньги перевели!

— Это все касается работы. А в личных отношениях?

— Ну, это мелочи! Я на это не обращаю внимания!

— А что для вас мелочи? Что вы можете человеку простить?

— Ну, не предательство же...

— Предательство, наверное, тоже разное бывает...

— Вообще для меня теория непротивления злу — главная. Точ-

нее то, к чему я хотел бы стремиться в жизни. Но, к сожалению, есть и другая теория — добро должно быть с кулаками, и иногда приходится действовать в соответствии с ней. Кстати, теория непротивления злу абсолютно непримлема большинством. Люди агрессивны и враждебны изначально. Причем даже добрые люди! Они так воспитаны — очередами, толкучками...

— Говорят, лучше иметь открытого врага, чем фальшивого друга. Вы разделяете такую точку зрения?

— Я режиссер и фальшь угадываю. А с фальшивыми людьми дел стараюсь не иметь. Поэтому и разочарований особо не испытываю. Мои разочарования более глобального масштаба, что ли... Я знаю, что большинство людей смеется над глупыми, пошлыми шутками, причем это даже не столько касается нашей страны. Наши еще ничего... А вот немцы, американцы... Эти развитые страны, оказывается, тупее наших... Вот это разочарование! Я думал, наши дурные... Ан нет! Наши-то, оказывается, еще и умнее остальных! Вот это уже серьезное разочарование!

Ну, вот... Опять заговорил писатель-сатирик. Срочно «ныряем в прорубь»!

— Михаил Николаевич! Вот Жванецкий делит всех женщин на молодых и остальных. А у вас есть своя классификация?

— Он не женат...

— От этого меняется подход к женщинам?

— В прессе — да.

(Отличная реакция! Недаром говорят, он здорово играет в теннис.)

— Я заметила, что вы такой «литературный Плюшкин» — неоднократно используете удачно

найденный прием, образ, обыгрывающая его, совершенствуя... Это как-то связано с вашим характером? Вы бережливы?

— Да нет! Просто теперь я выступаю несколько в ином жанре — рассказываю о том, о чем хочу рассказать со сверхзадачей, чтобы люди посмеялись. Я не хочу уходить со сцены, если в зале не захохотались! Этим и объясняются некоторые повторы. Я же не рассчитываю, что кто-то ходит на все мои выступления.

— Вы вообще к себе с любовью относитесь?

— Смотря в чем... Но я себя не ненавижу, это уж точно.

— Я имею в виду вот что: есть люди, которые, прекрасно относясь к своим близким, на первое место все-таки ставят свои интересы.

— Во второй половине жизни у меня на первом месте то, что я хотел бы написать. Но у меня очень много неустroенности в жизни родных, близких, поэтому я не могу приступить к главному, не сделав всего для них.

— Вы многое принимаете близко к сердцу?

— Можно научиться понимать любого человека, и когда это чувствуешь в себе — то многих просто становится жалко, как-то по-другому смотришь на мир.

— Так труднее жить...

— Внутренне труднее, да. Но внутренняя жизнь, если она существует в человеке, вообще дело трудное. Именно это есть одиночество, а не когда ты что-то хочешь себе купить, а тебе денег занять не у кого. Это внешнее одиночество, и оно мне не интересно. Люди пишущие, да и вообще все люди искусства, настоящего искусства, и бывают одиночками. Вспомните русских классиков!

«Я не про себя», — с иронией добавил Задорнов. Нет, что ни говори, а человек с юмором никогда не упустит шанс пошутить даже в самой серьезной беседе. Прекрасное качество, не позволяющее человеку превратиться в зануду.

— Вы похожи на родителей? Усматриваете связь своего характера с атмосферой, в которой росли?

— Я благодарен им за то, что они заботились о моем воспитании и образовании. В десять лет отец пригласил ко мне учителя тенниса, латышского и английского языков. Он сам читал мне Арсеньева, Гоголя, Гончарова... Много книг было о путешествиях... Создавался мир этой литературы, в который мы уходили с головой. Это давало, как я теперь понимаю, здоровый запас оптимизма на всю жизнь. Литература, модная сейчас, на мой взгляд, разрушает и рождает комплексы, и даже Булгаков, без прочувствованного усвоения Лермонтова, Тургенева, Гончарова, способен породить в молодом человеке комплекс неполноценности. Меня отец от такой литературы старался в те годы отрезать.

— Вы ведь рано уехали из дома? Родителям удавалось воздействовать на вас издалека?

— Конечно, и даже ссоры с отцом оказывали свое влияние. Я довольно часто ездил домой. Помню, когда я написал в девятнадцать свою первую весьма большую повесть «Точка пересечения», о девушке и юноше, чьи жизни как две прямые, которые пересеклись однажды и больше никогда не встретятся, отец прочитал и сказал: «Есть две странички хорошей литературы — описание тайги...»

— Здорово он, наверное, задел ваше самолюбие — до сих пор все помните!

— Да не все, конечно... Был со мной один забавный случай. Когда я учился в девятом классе, мы познакомились с каким-то мальчиком — играли вместе в теннис. Здорово так резались, наверное, сутки целые! Потом гуляли по Риге, я привел его домой, показал библиотеку отца, а он вдруг задает мне вопрос, как я отношусь к тому, что Пастернаку вручили Нобелевскую премию. Со своим «Дерсу Узала» я, во-первых, не знал, кто такой Пастернак, во-вторых, что такое Нобелевская премия... У меня вообще был другой мир совершенно! Потом я переадресовал его вопрос отцу, и он сразу насторожился: «А кто тебе это сказал?» Вот и все. Больше мы с этим мальчишкой не виделись. А потом прошло лет двадцать. Марк Розовский знакомит меня с Геннадием Хазановым, который мне говорит: «Мы с вами знакомы...» — и напоминает тот случай. И я с трудом узнаю в нем того самого мальчишку!

— Кто бы мог подумать: из двух таких серьезных ребят выросли такие несерьезные люди...

— Мужчины — дети, и с годами игрушки их становятся опаснее. Я никогда не относился всерьез к тому, что я делал. К деньгам, которые я таким образом зарабатывал, я относился серьезно.

— Да просто у вас была база, профессия, вы знали, что в любой момент можете пойти в какой-нибудь «ящик» и будете конструировать там крылья самолетов...

— Не совсем так. Когда я получил свой первый гонорар за эстрадный номер, понял, что в «ящик» не пойду никогда. 860 рублей мне набежало (это по тем-то временам!) в ВААПе! Помню, я им еще позвонил и спросил, имея в виду 86 рублей: «У вас запятая там не затерялась?» Они

же опешили: «Ну вы и наглец!» — думая, что я их про тысячи спрашиваю, потому что многие авторы тогда уже получали именно такие суммы. Так что деньги мне фактически дали свободу — я никогда никому не подчинялся и говорил то, что считал нужным. Многие на меня обижались за это и до сих пор есть обиженные... Но я все время делал вид, что мне кто-то разрешил это говорить. Только не говорил — кто. Потому что его не было никогда!

— Так вы еще и хитрый?

— Скорее делаю вид...

Ну вот и закончился разговор. Он сидел с таким видом, как будто дал интервью...

Раннее мальчишество мое приходится на то далекое время — самое начало тридцатых годов, когда даже такой обыкновенный пустяк, коим считается ныне электрическая лампочка, воспринимался как непостижимая диковина.

С угасанием дня, особенно в глухое осеннее ненастье, курские окраины погружались в кромешную тьму — все эти подгорья и понизовья, затускарные и куровые заулки, прогонные и луговые, полевские и песковские обываловки... А еще — непроглядная казацкая сторона за девятью догами, окутанная тоскливым собачьим лаем. Да запредельная ямская Мурыновка. Да вспомнить цыгано-бугорскую картежную вольницу! Да стрелецкую глухомань за Кривецкой протокой... Или же очаковские переулки с их неизбывными хлябями, хлиными мостушками, кладями в одну-две доски над черной застойной погибелью, поросшей ядовитым чемером и стрелолистом. Лишь отсветы тусклых керосиновых огней в калюжинах и канавах да робкое голубоватое сияние лампад в окнах темных, необитаемых в будние вечера горниц служили кое-каким указателем в лабиринте тесовых сараюшек, заборов и хибар.

И только в самом центре города, на вознесшихся холмах, где-то на Херсонской, а больше на Московской, светло, медово полнились электричеством окна высоких этажей, разноцветно мигали и млели какие-то письма на фронтонах. И тогдашним окраинным ребятишкам, глазевшим из своих темных низин, грезилося, будто в тех осиянных домах каждый вечер устраивались веселые праздники и все тамошние обитатели счастливо смеялись и отплясывали, жгли бенгальские огни, пили розовый морс и запросто ели земляничное мороженое в клетчатых хрустящих вафлях.

Впервые собственноручно я повернул электрический выключатель в одна тысяча девятьсот тридцать первом году.

Как раз в ту осень мы переехали в заводской четырехквартирный флигель на Красноармейской. Квартиросъемщики восстановили этот дом из обгорелых руин гражданской войны. Они работали там по выходным и даже в светлые летние ночи, будоража окрестные дворы тесовым тяпом топоров и звонкой звенью вдохновенно-обозленных пил.

В день новоселья сам директор завода, красный выдвигенец Лыкин, с кавалерийской плеткой за голенищем, подставив табу-

детства

Рисунок
МСТИСЛАВА БОРОВСКИХ

ретку, лично вернул лампочку в свисавший с потолка патрон и, щелкнув выключателем, заставил всех зажмуриться и зябнуть руками, будто и впрямь включил коммунальное солнце.

— Порядок! — сощуренно глядя на раскаленный волосок, одобрительно засмеялся он, весь пропахший седельной кожей, хромом потертой кавалерийской куртки, и, потрепав меня по рыжему ежику, весело заверил: — Теперь вся наука будет видна. Учись давай!

Весь остаток дня мы с Нинкой-сестрой забирались на табуретку и по очереди вертели белую фаянсовую вертушку выключателя. И, глядя на слепяще вспыхивающий пузырь под потолком, не могли взять в толк, как это огонь загорался без всяких спичек и потухал сразу же, едва повернешь колодочку на стене. Нет, в самом деле, как: лампочка вон где, а выключатель вон где? А между ними всего только витой шнур. Чудно и непонятно!

Когда же вскоре к нам приехала помочь по дому наша деревенская бабушка Варя, мне ужасно хотелось, чтобы и она повернула выключатель и убедилась, как это здорово: тик — горит, так — погасло! Тик — снова горит, так — опять погасло!..

— Ну, ба! Это же запросто! Гляди, как...

— Боже меня избавь! — искренне ужасалась бабушка, пряча руки под наплечный платок. — И вам нечего зря глаза жечь. А то курослеп привяжется.

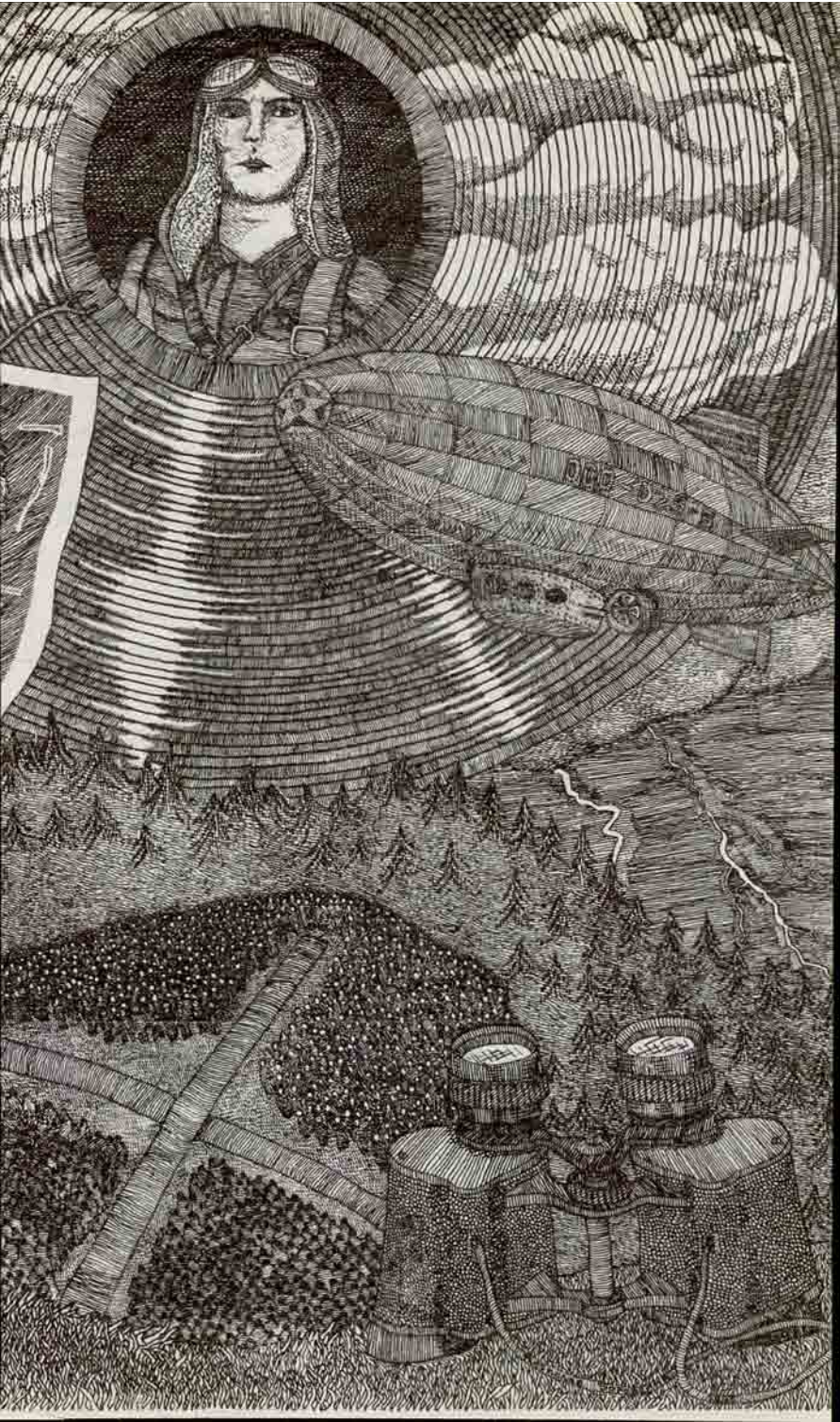
Сколько я ее помню, бабушка потом ни разу не произнесла слово «электричество». То ли оттого, что уж больно оно непровратно для ее вольного деревенского языка, то ли считала сие новшество нечестивым, «козлородным» делом.

Других событий, подобных электрической лампочке, в нашей тогдашней жизни больше не наблюдалось, так что мы, дворовые мальчишки, тешили себя обыденной шкодой: обтрясали чужие яблони, охотились с мотиком на чужаков-голубей, слетавших на выставленное водопойное корытце, проволочным крючком-правилом гоняли бочковые обручи, а еще лучше — печные конфорки, которые, катаясь, издавали чугунный звон, и чем меньше была конфорка, тем голос ее становился выше и пронзительней, так что кавалькада из трех или четырех разновеликих колесиков составляла целый симфонический оркестр, за который нам иногда крепко влетало. Пацаны постарше, уже брэнчавшие в кармане собственной деньгой, резались в «черту», ставя на кон

изувеченную битами мелочь, среди коей еще попадались николаевские красномедные пятаки, трюшники и полушки в замысловатых именных вензелях. А то взбрело подбросить прохожим туго набитый газетной бумагой кошелек на суровой нитке. Нитку присыпали пылью, дабы не была видна и чтобы дернуть за нее в тот момент, когда к кошельку потянется чья-либо обрадованная рука. То-то было ликующего хохота! Да разве перечислить все, что придумывала тогдашняя мальчишеская голова задолго до эпохи мага и телека!..

Иногда всей гурьбой улепетывали на барахолку, располагавшуюся примерно там, где ныне возвышается почтамт. Барахолка заменяла нам музей и картинную галерею вместе взятые, куда нас, чумазных и голопятых, не пускали без родителей. Перешептываясь, мы восхищенно разглядывали разложенные на газетках и мешковине замысловатые вещицы — статуэтки в виде всадников, обнаженных богинь, крылатых амуров, охотничьих собак и всякой лесной дичи — кабанов, оленей и медведей; мелодично отзванивающие часы в золоченом чеканном убранстве, литые бронзовые подсвечники, всевозможные шкапулки, портсигары, медальоны, цепочки, трости с отполированными чьими-то ладонями металлическими набалдашниками, граммофонные пластинки, старые потрепанные журналы и прочие небывалые в наших домах предметы, кои распродавала, как тогда говорили, недобитая буржуазия. Глазели до тех пор, пока, случалось, кто-либо из продавцов, какой-нибудь желтый лицом в потертом лапсердаке с плюшевым воротником старикан не шикнет на нас ядовито:

- А ну кыш! Нечево... А то еще стащите чего...
- Да не-е! Мы только посмотреть.
- Все равно нечево: товар мне застить... Кыш, сказано!

В суховеиную пору в городе то здесь, то там что-либо горело. Мы опрометью мчались на черный дым и, полнясь цепенящим страхом, перемешанным с восторженным любопытством, с дрожью и ознобом глядели, как под бабий вой и вопли с озверелым ревом и гудом бушевал огонь, в котором, будто никчемные спички, корчились, извивались в муках целые плахи и под напором горячего воздуха, исторгаемого ревушим пламенем, срывались и летели прочь, громяхая, раскаленные и скрюченные листы кровельного железа. В сутолоку врывались взмыленные гривастые упряжки пожарных выездов, и еще на ходу с красных колесниц, обращавших в трепет одним своим тревожным обликом, горохом сыпались пожарники в сияющих отсветом огня медных касках, похожих на шлемы древнеримских легионеров. И тотчас принимались разматывать с катушек пустые брезентовые кишки и тянуть их к красным колесным бочкам и к медью сверкающим помпам, у коромысел которых уже готовно замерли дюжие насосные номера.

Впрочем, курские пожары я уже где-то описывал, а потому не стану больше отвлекаться, дабы успеть на отведенных мне страницах рассказать о главном событии, которое приключилось в следующем году, долго потом возбуждавшее умы и пересуды городских обывателей.

Помнится, стояло знойное сухое безветрие. Белые глыбы облаков, похожие на горные хребты, с самого утра недвижно зависли на самом краю неба, никуда не устремляясь и не меняя своих грозных и величественных очертаний.

Мы с пацанами, изнывая от полуденной жары, лениво, от нечего делать, пробавлялись в «ножички» в зыбкой тени старого иссохшего каштана. Черед метать лезгу выпал Сережке по кличке Махно. Свое прозвище он схлопотал за то, что не стригся от школы до школы и к сентябрю зарастал клокастой нечесаной волосней дворняжки. Он приладил было лезвие к подбородку, чтобы затем метнуть нож острием в землю, как вдруг цепкие его зрачки — глаза зяблого голубятника — метнулись в небо и замерли в неподвижном прищуре, как бывало всякий раз, когда он схватывал в вышине отбившегося чужака. Мы — а в кругу еще были братья Трубаровы и, кажется, Мишка Китайчик — невольно вскинули глаза в том направлении, куда уставился Махно. Глянули и будто закусили языки...

Высоко-высоко, над соборной стороной города в воздухе висело неизвестно что такое... Какая-то невиданная штуковина. Больше всего она походила на переросший огурец, какие бабушка Варя оставляла на семена. Даже отсюда, с нашего двора, было видно, что огурец этот неохватного размера и не бурого, как всякий семенник, а легкого, дымчато-серебристого цвета, почти не приметного, растворенного в блеклой зыбкости полуденного неба. Располагался он горизонтально, и у него, если взглядеться, проступали тупо округленное рыло и утыканная остряками хвостовая жупка.

— А чево это? — опасливо насторожился младший Трубаров. Все промолчали. Никто не знал, что это могло быть...

Странный предмет не издавал никаких звуков, немо и отрешенно висел над городом, и от этой тягостной, давящей неизвестности всем нам сделалось боязно и неудобно.

— А?.. Пацаны? — Младший Трубаров смятенно заглядывал в глаза, по его лицу пробегали то заискивающее вопрошение, то готовность зареветь.

Из сеней вышла бабушка Варя с тазиком у бедра и принялась развешивать на веревке наши с Нинкой постырушки.

— Ба! — окликнул я, указывая в небо рукой: — Смотри!

Бабушка долго не могла сориентироваться, вертелась туда и сюда, но наконец замерла, как бы затаилась, вглядываясь в поднебесье из-за белья. Ничего не сказав, она мелко, торопливо перекрестила свою пазуху, цапнула опустевший тазик и, втянув голову, будто под дождем, согбенно пошлепала калошами к сеням. На пороге она остановилась, еще раз сощуренно стрельнула глазами в небо и озабоченно проговорила, обращаясь ко мне:

— Шел бы ты домой...

— А чево? — попытал я бабушку.

Та помедлила с ответом.

— Чего дома-то? — добивался я, хорохорясь перед ней, хотя, честно сказать, очень хотелось тоже стрекануть в сени.

— Запри мне вьюшку, — наплась с ответом бабушка. — А то сажай несет. Сама я не дотянусь, что-то поясницу заломило.

Бабушка всегда просила затворить печную трубу, если снаружи собиралось что-то неладное. Но небо по-прежнему оставалось ясным и голубым. И только этот блеклый, притуманенный маревом и далью огурец тревожно нарушал безмятежность полдня.

— Ладно, потом закрою, — отмахнулся я. — Нету ведь никакой грозы.

— Теперь нету, дак будет, — проворчала бабушка. — Не гроза — еще чево ни то станется...

И тут обнаружилось, что сей странный овощ вовсе не висел на одном месте, а едва зримо, так что мы сперва и не заметили этого, смещался на восток. Поначалу он находился примерно над водоразборной башней на Мясницкой, потом очутился над польским костелом и вот уже был готов погрузиться в кроны деревьев, возвышавшихся перед соседним домом.

Чтобы не потерять его из виду, мы ринулись на улицу, откуда открывался широкий обзор городского взгорья с вознесенным куполом Знаменского собора и просторного неба над ним.

Улица уже пестрела высыпающим людом: мужики, бабульки, ребятишки — знакомые и незнакомые. Все были возбуждены небывалым видением, но, в общем, никто не знал, что это могло быть и чего ожидать от такой невидали: худа или добра...

— А вот в писании сказано, — подала голос чья-то бабуля, — будто перед концом света начнет летать по небу всякое этакое.

— Дак что — этакое?

— Что, что... Анчутки всякие, сказано...

— Свят, свят...

— Ну, завели неоколесную... А вот по делу спросить: знает ли про это начальство? Может, позвонить куда следует?

— Гришуха бегал к пожарникам...

— И чево?

— Те уже звонили...

— А что толку? Хоть бы по радио чего объявили: мол, так и так, мы — в курсе... А то народ блукатится, в темноте весь...

Из калитки двадцать шестого номера вышел Леха-студент, ершиком подстриженный парень в красной футболке с белыми шнурами на груди, недавно вернувшийся из Харькова на летние каникулы. Леха вскинул бинокль и, пока погруженно изучал парящий огурец, окружавшие его терпеливо и затаенно ожидали результата. Наконец кто-то поторопил студента:

— Чего видно-то?

— Минуточку... — продолжал наблюдать Леха. — Так, так... ОСО — 029 «Б»... Или — «В»... Что-то не очень четко читается...

— Дак ты скажи, ежели чего знаешь... Не мурьжьк...

— Ну, говорю: обыкновенный дирижабль, — убежденно объявил Леха. — Понятно теперь?

— Ух ты, ена-матрена... А это чево такое?

— Ну... Такой воздухоплавательный прибор. Легче воздуха. На вот, погляди.

Леха передал бинокль любопытствующему. Тот долго прилаживался, подолом рубахи протирали запотевшие стекла, и, видимо, так и не поймав странную штуковину в дрожащие окуляры,

облегченно выпустил воздух, который все это время держал в себе, и спросил:

— А люди на ём есть?

— Ну как же!

— Погоди, Леха... Чтой-то я не пойму: ежели на ём есть люди, тогда как же эта штука легче воздуха?

— Ладно тебе, не забивай человеку голову, — осадил мужики Фому-неверующего. — Дай сюда бинок, небось другим тоже глянуть охота...

За это время «воздухоплавательный прибор» минул купол Знаменского собора и медленно, в разморенном безразличии поплыл над Стрелецкой слободой. Был момент, когда он всем своим огуречным боком вдруг ослепительно сверкнул, разбрасывая рассыпчатые лучи, и Леха-студент пояснил, что так блестит его алюминиевая оболочка.

— Как ты, Леха, сказал — что это?

— Ди-ри-жабль! — вразяжку произнес Леха.

— Ага! Так, так! — обрадованно закивали мужики, как будто наконец-то все стало ясно и понятно.

Но ясного еще было мало...

Неведомый пришелец, как бы очнувшись от дремы, принялся описывать размашистую дугу. Проплыв над Цыганским бугром и Кулигой, он поворотил свой нос опять к Знаменскому собору. И, когда развертывался на обратный курс, стало слышно монотонное гудение.

— Моторы запустил, — пояснил Леха-студент. — Это он против течения пошел. Там, наверху — постоянные воздушные потоки. Даже когда у нас тут тихо и жарко. Там — воздушный океан, а здесь — дно его.

— А ежели это не то, что ты, Лексей, говоришь, — усомнился все тот же Фома-неверующий. — А еще чево, тебе неизвестное?..

— Да то! То! Я же вижу! — убежденно подтвердил Леха-студент. — Самый обыкновенный дирижабль. Человеком сделанный!

— А ты почем знаешь?

— Так если бы не человеком, то и никаких номеров и букв на нем не было бы написано... А то смотри: «ОСО». Понимай — «Осоавиахим». Общество содействия обороне, авиации и химизации: — О-СО-АВИА-ХИМ! Понятно теперь?

— Кто ж его знает... А то доглядимся, рты разинувши... Да и что с того, что человеком состроен. А ежели он не наш, а капиталом посланный? Возьмет щас да ка-а-ак шандарахнет! Или обольет чем-нибудь заразным. Откудова знать, что у его на уме... Вон, вишь, опять разворачивается, в который раз к центру заходит. Стало быть, что-то надобно ему в том месте, что-то ж он там выглядывает?.. И вроде как ниже стал...

— Пальнуть бы из берданки — для остратки.

— Не-е... Высоковато еще. Не достанет.

— А ежели волчьей катанкой? Ею за триста сажений кастрюлю прошибает. Люминий — он хли-и-пчай!

Тем делом летательный прибор опять отдалился было в Ям-

скую сторону, но, будто раздумав, снова поворотил к городскому центру, однако гораздо ниже, чем летал до того.

И тут все увидели, как в самый раз над Первомайским (прежде — Купеческим) садом из-под его брюха выпало черное и, кувыркаясь, полетело книзу.

— Я ж говорил: шас шандархнет!

Все замерли.

Однако над кувыркавшимся предметом полыхнул красный парашют и тот закачался туда-сюда, затихая и обретая очертания сундука или ящика.

— Да, все правильно! — обрадованно успокоил Леха-студент. — Это он депешу выбросил: кто, откуда, что надо. Ну, может, еще какой-нибудь кубок на память или пачку брошюрок про Осоавиахим...

Пока воздухоплаватель делал еще один круг-маневр, глуша и вновь запуская моторы, сброшенную в квадрат Первомайского сада депешу, надо полагать, благополучно нашли, потому что вскоре над садом взмыли одна за другой три зеленые ракеты — в знак того, что послание прочитано и отданы соответствующие распоряжения, а еще через какое-то время из нашей пожарной части, каланча которой возвышалась на углу Красноармейской и Пастуховской (здание пожарки сохранилось и поныне), выкатил наряд в полном составе с конным фореитором впереди и, громыхая бульжником, высекая искры подковами, резвой рысью серых красавцев покотил вниз по улице.

Леха-студент все это объяснил тем, что, мол, дирижабль надумал садиться, для чего выглядел себе место не иначе, как на Сеймском дугу, и что пожарные помчались именно туда — на «всякий пожарный случай»...

Весть была потрясающа. Куда девались все наши мальчишеские страхи!

— Айда, пацаны! — подал клич Серега Махно, и вся скопившаяся на улице босоногая орава, не мешкая, ринулась к названному месту.

Обгоняя пожарных, мы мчались своим укороченным путем: сразу вниз по Дружининской, мимо МРЗ, где работали многие наши отцы и матери, через тускарные мосты возле кожзавода, далее — к Серафимовской школе, устроенной в прежней церкви преподобного Серафима, еще по каким-то бугорским переулкам, и вот тебе — Сеймский дуг — ровнехонький и радостно зеленый, усыпанный белыми выводками гусей, козами и телятами. И пока бежали без передыха, все поглядывали в небо, искали глазами «дерижаб», не опустился ли без нас на землю?

Но он все еще летал, заметно снизившись, лоснясь тучными боками, пуская солнечные зайчики на поворотах.

На дугу уже и без нас было пестро и людно, а из прилегающих улиц все сыпал и катился горохом народ, всполошенный и упревший от бега и самого события. В самом скопище, над людскими головами возвышались конные милиционеры в белых холщовых рубахах, перекрещенных ремнями, и в белых же островерхих шлемах, метко прозванных «здравствуй и прощай» за то, что имели два козырька: один — спереди, другой — сзади.

Тем не менее шлемы эти имели весьма внушительный и торжественный облик, и я не понимаю, почему их потом упразднили, поменяв на фуражки армейского образца, как и оригинальные сверкающие пожарные каски, впоследствии замененные скучными армейскими наголовниками.

Конные милиционеры терпеливо, но настойчиво оттесняли зевак, покрикивая в жестяные рупоры: «Граждане! Ослобоните территорию под посадку! Па-а-прашу сдать назад! Па-а-прашу!» Сытые, лоснящиеся кони, разбрасывая пену с удил, трясли потными мордами и со свистом секли по лицам длинными хвостами, из которых Махно уже успел надергать пук отменных лесок.

В то время милиция — эти угловатые и неловкие рабочие и крестьянские парни, не притершиеся к своим ремням и нашивкам, — еще была улыбчива и не багровела от малейшего несоответствия инструкции, а потому круг раздавался бестолково и непослушно, подобно взопревшему тесту, ужимаясь в одном месте, но одновременно выпирая в другом. Когда же толпу удалось умять шагов на полтораста, сразу же на расчищенную поляну высыпали пожарные и по всему периметру принялись кувалдами заколачивать железные костыли. Забивали их не наобум, а заглядывая в бумажный свиток и отмеряя нужное место желтой матерчатой рулеткой. Таким манером было вколочено попарно дюжины две штырей, о назначении которых в тот момент никто не знал, тем не менее удары кувалды еще больше возбудили интерес и беспорядочную давку, и тогда снова донеслось из рупоров: «Па-а-прашу!», «Не мешайте работать!»

Покончив с костылями, пожарники приволокли две катшки брезента и в самом центре поляны выложили из них большой белый крест.

Между тем дирижабль, поблукав над Засеймьем, над калиново-ольховой глушью Линева озера, нацеленно направился к людскому скопищу. Его огромная плотная тень сначала перевалила через желто-песчаную железнодорожную насыпь, затем проутюжила будочникову картошку и вот уже, макнувшись в Кривцовскую протоку, побежала по Сеймскому лугу, гася звонкую солнечную зелень прохладой темной киновари.

— Граждане! — загремел рупорный голос. — Будьте внимательны и осторожны! Возьмите своих детей за руки! Начинается посадка. Повторяю...

Погудывая моторами, подгребая то левым, то правым крылом, а то обоими сразу, дирижабль в конце концов удачно вырулил к означенному месту и в какой-нибудь полусотне метров завис над белым крестом.

Только теперь сполна можно было осознать, какая это неоглядная громадина.

Посверкивающий рядами клепки, дирижабль производил впечатление тысячетонного монолита, висевшего в воздухе вопреки здравому смыслу и вообще наперекор всякому представлению о сути вещей. Его жутковатая близость, застывшая почти полнеба, порождала по крайней мере у нас, ребятишек, знобкое чувство незащитности, букашиной малости, отчего поначалу невольно хотелось втянуть в себя голову или опрометью стрекануть прочь.

Толпа, нетерпеливо мельтепившая фуражками, панамками, косынками, самодельными бумажными кепарями и всей разномастной простоголовостью, шарканьем ног, шорохом одежды, жарким, скученным дыханием, тесной толкотней слов и выкриков, порождавшая непрерывный возбужденный гул, вдруг замерла, придавленная, казалось, зыбким и ненадежным парением этой громады.

И в напряженной тишине стало слышно, как, дробно переступая, страшась необычности своего бытия, настороженно всхрапывали милицейские кони.

Вдруг из гондолы, прикрепленной под брюхом дирижабля, сразу на обе стороны полетели веревочные бухты. На свободном конце каждой из них, как потом выяснилось, был привязан мешочек с песком. Он-то и тянул, выпрастывал из мотка веревку, не давая ей путаться с другими концами в случае ветра.

Сброшенные веревки неожиданно произвели на толпу разряжающее воздействие.

Приняв каждую сброшенную веревку за приветно протянутую руку, люди вновь всколыхнулись, пчелино загудели и в каком-то радостном рвении кинулись ловить концы. В оживленной сутолоке, под озабоченные свистки и возгласы милиционеров, не ожидавших такого поворота, стропы были благополучно разобраны, поделены между кучками счастливиц и вполне толково, с пониманием дела растянуты в соответствующие стороны. Было только неясно, что же с ними делать дальше: просто держать или тянуть.

В этот ответственный момент в гондоле дирижабля распахнулась дверца. Из проема высунулся один из воздухоплателей. Он был в кожаном шлеме с обвислыми, как у спаниеля, ушами.

Оглядев посадочную площадку и все, что творилось внизу, человек раскатисто крикнул с высоты:

— Здравствуйте, товарищи!

Земля в ответ прибавила гула и затрепыхала вскинутыми руками.

— Это Курск?!

— Курск! Курск! — польщенно отозвалась поляна.

— А мы едва нашли вас! — выкрикнул воздухоплатель. — Так барахлил компас... Вы тут на сплошном железе живете. Наверно, и вода рыжая?..

— Не-е! — завосклицали внизу. — Вода хоро-о-шая!

— И вообще, как вы тут?

— Хорошо-о!

— Тогда, значит, так... Все смотрите на меня, на мою руку.

Понятно?

— Понятно!

— Я поднимаю руку и на «раз-два» вы все сразу подтягиваете чалки. Договорились?!

— Га-а!!! — радостно гаркнула поляна.

— Ну, тогда начали! И-и!.. — Воздухоплатель поднял руку. — Раз-два-а... взяли-и!

Дирижабль вздрогнул и закачался с боку на бок.

— Еще раз... взяли-и...

Норовисто подергивая стропы, устрашающе шипя стравливаемым газом, под дружным усилием сотен рук, он неохотно, короткими полуметровками уступал высоту, и чувствовалось, как по натянутым постромкам передавалось как бы нервное содрогание пойманного чудовища...

— Все, голубчик! Отлетался! — азартно упирались посеимские северяне, потомки древних севрюков, будто и на самом деле заловившие Змея Горыныча. — Щас, щас мы тебя окоротим! Эй, там!.. Хвост ему прижимайте! Вишь, хвост кверху дерет!

— А вы хрючку пока придерживайте! — отозвались хвостовые.

— Держим!

— Хорошо-о! Хорошо-о! — одобрял голос сверху.

— Вот это так чуха!

— Одних заклепок — миллион!

— А и правда: легче воздуха! С неба никак не стянешь...
Вроде не хочется ему на нашу землю.

— Щас, щас мы ево...

Мы, мальчишки, конечно, ничем не могли помочь делу, и нам ничего не оставалось, как вовсю таращить глаза, дабы ничего не упустить и все самим увидеть.

И вот уже просторная гондола из рубчатого алюминия с округлыми иллюминаторами мягко коснулась земли пробковым днищем, и пожарники, не мешкая, накрепко принайтовали выбранные стропы к забитым в землю штырям.

Стоявший у открытой дверцы лопухий воздухоплаватель в синем комбинезоне с каким-то значком над карманом, должно быть, сам командир дирижабля, едва ощутив касание, нетерпеливо спрыгнул на луговую травку и тут же сцапал в объятия первоопавшегося земного жителя. Но и его тоже незамедлительно подхватили под руки и ноги и принялись с гиком и гаком остервенело подбрасывать, и тот летал с блаженно замершей улыбкой, взмахивая долгими ушами своего плема.

— И-и! Эа-ах! И-и! Эа-ах!.. Еще р-разок!..

Отпустив командира, взялись качать еще четверых его сотоварищей в таких же ушанах и комбинезонах. И тут кто-то из ближних рядов высоко, ликующе, на пределе возможностей голоса возопил:

— Пионерам прогресса — ура-а!!!

— Р-ра-а! — троекратно прокатилось по Сеймскому дугу.

— Все — в стратосферу! — выкрикнул в ответ командир дирижабля, и его за это еще несколько раз благодарно подбросили.

Тут же, на поляне, сам собой, стихийно и горячо полыхнул митинг.

Правда, я не помню, кто и что тогда выкрикивал: у мальчишек были свои интересы. Нас манили не столько слова о чудесах и прогрессе, сколь сами осязаемые чудеса.

И пока на поляне гомонили и смеялись ораторы, мы, влекомые любопытством, трепетно и благоговейно шныряли вокруг гондолы.

От близко нависших краснопропеллерных моторов, вынесенных на обе стороны пилотской кабины, волнующе празднично

для мальчишеской души пахло натруженными двигателями, бензином, теплым машинным маслом, и чудилось, будто веяло самым небом, высью, простором, дальними неведомыми краями, голубой тающей запредельностью и еще чем-то невыразимым, бессловесно прекрасным, похожим на утренние незапомнившиеся счастливые сны, от которых остается в тебе лишь радостная доверчивость ко всему миру... Как хотелось надеть такой же синий комбинезон, опоясать себя хрустящими ремнями, забраться вот в эти мягкие кожаные кресла, что коричнево маячили за толстыми выпуклыми стеклами, нажать на эти кнопки и переключатели на приборной доске, чтобы враз ожили и заходили указатели и стрелки, и крикнуть тем, кто остается: «Отдать швартовы!»

— Гляди-ка, пистоля! — заворуженно прошептал младший Трубаров, расплющив нос об иллюминатор.

— Где, где пистоля?

— А вона, над дверью висит.

— Ого! Ничего себе!

— А хайло какое! Вот если врежет?!

— Да ты еще и в руках не удержишь.

— А ты удержишь?

— И вовсе это не пистоля, — вклинился в наш разговор незнакомый пацан в фраерской бескозырке с якорями.

— А что же, по-твоему?

— Ракетница, понял? Сигналы подавать. Мне отец рассказывал. Когда он на флоте служил, у них на корабле была такая.

40 И тут позади нас, в толпе, раздалось громкое хрюканье. Расчищая себе путь звуками резиновой груши, сквозь людское скопище к посадочной площадке пробился броневик — зеленое узкоглазое чудище, усыпанное бородавками заклепок. Приоткрылась толстая дверца, и на землю выпрыгнул, как зеленый кузнечик из спичечного коробка, бодрый, готовый прыгать и дальше, зелено одетый военный. Прикладывая ладонь к фуражке, он горячо, преданно пожал руки воздухоплавателям, после чего достал солнечно сверкнувший портсигар и предложил выкурить по дружественной папиросе.

Броневик привез какие-то толстые голубые баллоны. Пожарники осторожно перенесли их на брезентовых носилках под нос дирижабля и там сложили в два штабеля. После баллонов вынесли еще и корзину с яблоками. Воздухоплаватели тут же, не церемонясь, принялись хрустеть белым наливом.

— У-ум-м! — изумленно возликовал командир дирижабля, откусивший сразу полналива. — Чудеса с плюсом! Говорят, у вас тут яблок!..

— Пока не считали! — выкрикнули из окружения.

— Сверху глядеть — сплошные сады!

— Кушайте, кушайте! — подбадривали куряне, довольно улыбаясь и радуясь тому, что угощение пришлось в самый раз.

Вскоре, однако, броневик, сделав свое дело, забрал всех воздухоплавателей и увез, как было сказано, в летний гарнизонный лагерь обедать: яблоки — яблоками, а похлепать горячих щей после долгого перелета тоже не помешает.

На поляне остался лишь рыжебородый неразговорчивый механик, должно быть, для общего догляда и связи с общественностью.

Никакой связи с общественностью он, однако, не наводил, молча убрал вовнутрь кабины корзину с яблоками, а из багажного отсека вынес какие-то шланги, раздвижной металлический ящик с инструментами, потом с помощью пожарников вывел толстый, похожий на рулет, резиновый тюк, оказавшийся, когда его разостлали на траве, огромным надувным матрасом. После всего этого он прихватил пучок красных флажков на железных штырьках и, отсчитав сколько-то десятков шагов, веером воткнул их в землю.

Местный активист Осоавиахима эти действия молчаливого механика озвучил через жестяной усилитель, объявив, что начинается газовая дозаправка дирижабля, а потому просят всех отступить за красные флажки, так как вблизи находится строго запрещено.

— Па-а-пра-шу! — снова раздалась бесстрастная команда конного милиционера, сморенного долгим пребыванием в нагретом седле.

Люди отступали неохотно, не желая расставаться с чувством праздности и установившегося дружественного единения не только с заоблачными гостями, но и с их небывалой летательной машиной, которую тоже полюбили и приняли открытой и гостеприимной северской душой. Но рыжебородый механик был непреклонен и не замечал никого, кто еще недавно восторженно подбрасывал его своими руками и угощал белым наливом.

Толпа, лишившаяся внимания, утратила и свое внутреннее единство и распалась на отдельных людей, хаотично бродивших за красными флажками. К тому же стало не на шутку погромыхивать, невзвест как и когда за рекой вздыбилась глухая отвесная туча, накопившая в своих темных недрах немало грозового синь-пороха.

Опасливо поглядывая в померкшее заречье, горожане нехотя, словно чего-то недоглядев, не истратив возбужденного любопытства, начали разбредаться. Из сбившейся и запутанной людской кудели постепенно вытеребивались отдельные косицы, которые, в свою очередь, рассучивались по лугу на долгие изрезанные прядки, вбираемые пригородными улицами и переулками.

Тут и там мороженщики покатали свои покрытые тентами двукольные колеснички.

Чубарый конек с девической, ровно подстриженной челкой помчал опорожненную бочку из-под клюквенного морса.

Выждав свой черед, когда на лугу почти никого не осталось, снялись и обрадованно, по-мальчишески, на рысях удалились конные милиционеры, оставив по себе два не то три человека пешего наряда.

Но нам никак не хотелось уходить. Распластавшись в запретной близости у затравенелой омежки, мы — Сережка Махно, два Трубаровых и я — упоенно подглядывали за тем, что делалось на посадочной площадке: как пожарники подсоединяли баллоны к газоприемному клапану матраса, как наполняемый водородом

матрас постепенно толстел и горбился китоподобной спиной, как к подбрюшью дирижабля приставили стремянку и подвели широкий брезентовый рукав и как вдруг польхнула молния и отраженно заблеснула в голубоватой обшивке корпуса.

— Шевелись! — выкрикнул механик, из-под ладони вглядываясь в тучу. — Пошевеливайся давай! — А сам побежал проверять крепление чалок.

Тут и застучал он нас в траве, внезапно встав над нами, оцепеневшими от его появления.

— Кто такие?! — грозно изумился бородатый механик.

Мы понуро поднялись на ноги. На наших голых животах отпечатались помятые травы.

— Ну, чего молчите? Отец-мать есть?

— Мы сами...

Он нахмуренно и въедливо оглядел каждого из нас и определил:

— Шпионы, значит...

Сережка Махно, мгновенно сообразив, что надо делать, во всю прыть задал стрекача.

Механик усмешливо кивнул вслед:

— Это ваш главный?

— Ага...

— Все ясно: трус и паникер.

Мы виновато молчали.

— А с вами — разберемся. Пошли!

Мы подавленно поплелись за механиком. Младший Трубаров не выдержал и заревел, басово, противно растягивая «а».

— Отставить! — обернулся сопровождающий. — Гунявых мне не надо.

— А-а-а... — не мог удержаться тот.

Механик сморщился, будто у него заболели зубы.

— С тобой тоже все ясно, — сказал он. — Можешь удирать.

— Он с нами. — Старший Трубаров охватил вздрагивающие плечи младшего. — Это мой брат.

— Тогда выгтри ему нос. Также мне шпионы...

На посадочной площадке, под дирижаблем, хлопотало несколько пожарников, обнаженных до пояса, но в источающих свет блестящих касках.

— Вот, — объяснил механик. — Пленных привел.

Пожарники рассмеялись, а рыжебородый, попеременно глядя в наши глаза, сказал:

— А теперь признавайтесь: кто хочет стать осоавиахимовцем? Только честно и напрямую. Кто не хочет — отойди в сторону.

Никто из нас не шевельнулся.

Посвящение в «осоавиахимовцы» состояло в том, что механик, поочередно подхватывая под мышки, забросил нас на верхотуру вздутого резинового мешка. Это надобно было для того, как он объяснил, чтобы мы своим весом ускорили отток газа. Матрас оказался зыбким, провалистым, нам не сразу удалось даже стать на ноги, и лишь после того, как мы, схватив друг друга за руки, утвердились, обрели равновесие, механик отдал команду:

— Открыть заслонку!

Пожарник, готовно стоявший наверху стремянки под самым днищем дирижабля, что-то там покрутил, и мы тотчас почувствовали, как вздрогнула под нами резиновая оболочка, а в дюралевой утробе дирижабля что-то заурчало, будто в брюхе голодного зверя.

Рыжебородый обошел матрас, попинал его кулаками и удовлетворенно осведомился:

— Ну как вы там?! Нормально?

Мы попробовали переступить по шаткой, уходящей из-под ног резиновой оболочке. Механик одобрительно закивал:

— Во-во! Молодцы! В движении легче удержаться. Велосипед не падает, пока едет. Топчите его, топчите, пляшите и прыгайте. — И вдруг громко запричитал, захлопал в такт ладонями:

А мы просо сеяли —

Сеяли!

А мы просо вытопчем —

Вытопчем!

Вскоре мы освоились, осмелели и уже сами себе выкрикивали в подмогу:

А мы просо вытопчем —

Вытопчем!

И мы усердно, самозабвенно топтали сморщившийся матрас до тех пор, пока ноги не почувствовали земную твердь.

— Ну молодцы! — Механик потрепал нас по взмокшим загривкам. — Молодчаги!

Он достал из нагрудного кармана по большой дырчатой галетине, которые мы тут же принялись крошить и хрумкать — от безмерной голодухи.

А еще каждому выдал по значку, на котором был изображен голубой продолговатый воздушный шар, охваченный золочеными стропами. Поскольку прикреплять значок было не к чему, то он вложил его каждому в ладошку.

— Ну все! — сказал механик. — А теперь — марш по домам!

И мы рванули, каждый зажав свой значок в кулаке.

Позади снова оглушительно шарахнуло, и вдогон по лугу покатилося нечто, похожее на порожнюю жестяную бочку. Но это лишь придало нашему бегу отчаянной бесшабашности, и мы неслись, не разбирая ни кротовых кочек, ни занозистых колюч, ни свежих коровьих лепех...

Уже на исходе луга, в быстро густевших грозовых сумерках, под оглашенный хохот грозы и хлесткую сечу косога ливня, нас в галопе нагнали закончившие свою работу пожарники, подхватили к себе в одну из колесниц и укрыли полами непромокаемых курток.

Нам с пожарниками было по пути. Через полчаса лихого скоку по лужам и ливневым потокам обезлюдившего города мы были на своей Красноармейской.

Бабушка Варя, отпирая сени, не проронила ни слова. Я прошел, вернее прокрался мимо нее с заведомо втянутой в плечи мокрой головой, покорно готовый к законному подзатыльнику.

И только на кухне, при обливанном свете электрической лампочки, окинув меня беглой косоглазой меркой, сказала с болезненным выдохом:

— У, злыдень... Нелегкая тебя носит... Чего кулак-то зажал? Небось опять порезался?

— На, гляди! — выпалил я обиженно и злорадно, протягивая на ладони осоавиахимовский значок...

А утром, как и стоворились, еще по прохладце, по туманной послегрозовой испарине, мы снова улепетнули в Сеймский луг — глядеть, как будет отлетать дирижабль. Как отвяжут и разом отпустят чалки, и он, почуяв свободу, нетерпеливо воспарит ввысь. В проеме распахнутой дверцы, как тогда, будет стоять командир, а может, и знакомый механик, посылая рукой последние приветы. И хорошо, если бы на прощание пальнул бы из ракетницы...

Но на лугу дирижабля уже не было...

Не было его и в ясном вымытом небе.

Все вокруг: и скучный от своей пустой ровноты луг, и разбредшиеся по нему козы и коровы, и серая от росы лозняковая поросль, обозначившая речные извивы, и пустые безоблачные дали у горизонта — все было зримо и обыденно.

И только он, загадочный пришелец, казался теперь удивительным недосмотренным сном.

Впрочем, далекое мальчишество мое — уж не сон ли оно?..

КОЛДАКТ

Першение в горле
Слезящиеся глаза
Заложенный нос
Обильное выделение из носа
Чихание

- Для взрослых капсулы;
- Детям - сироп.

Инструкцию
спрашивайте в аптеках города

Оптовые поставки:
(095) 319 00 28

ФЕНИОЛЬС

Безопасность!
Современная
технология!

-Анемия;
-Беременность
и лактация;
-Большие
кровопотери;
-Обильные
менструации.

Инструкцию
спрашивайте в аптеках города

Оптовые поставки:
(095) 319 00 28

МОСКОВСКАЯ ФАБРИКА ЛИТЬЕВЫХ И ПРЕССОВАННЫХ ИЗДЕЛИЙ

Реализует широкий ассортимент
пуговиц, пряжек,

замков-защелок,

вешалок,

крышек полиэтиленовых

и другие изделия из пластмассы.

ДЕШЕВЛЕ, ЧЕМ У НАС, ВЫ НЕ НАЙДЕТЕ НИГДЕ!
Можем выполнить любые ваши заказы из пластмассы.

ФОРМА ОПЛАТЫ ЛЮБАЯ.

НАШ ТЕЛЕФОН: (095) 487-85-65, 487-77-75.

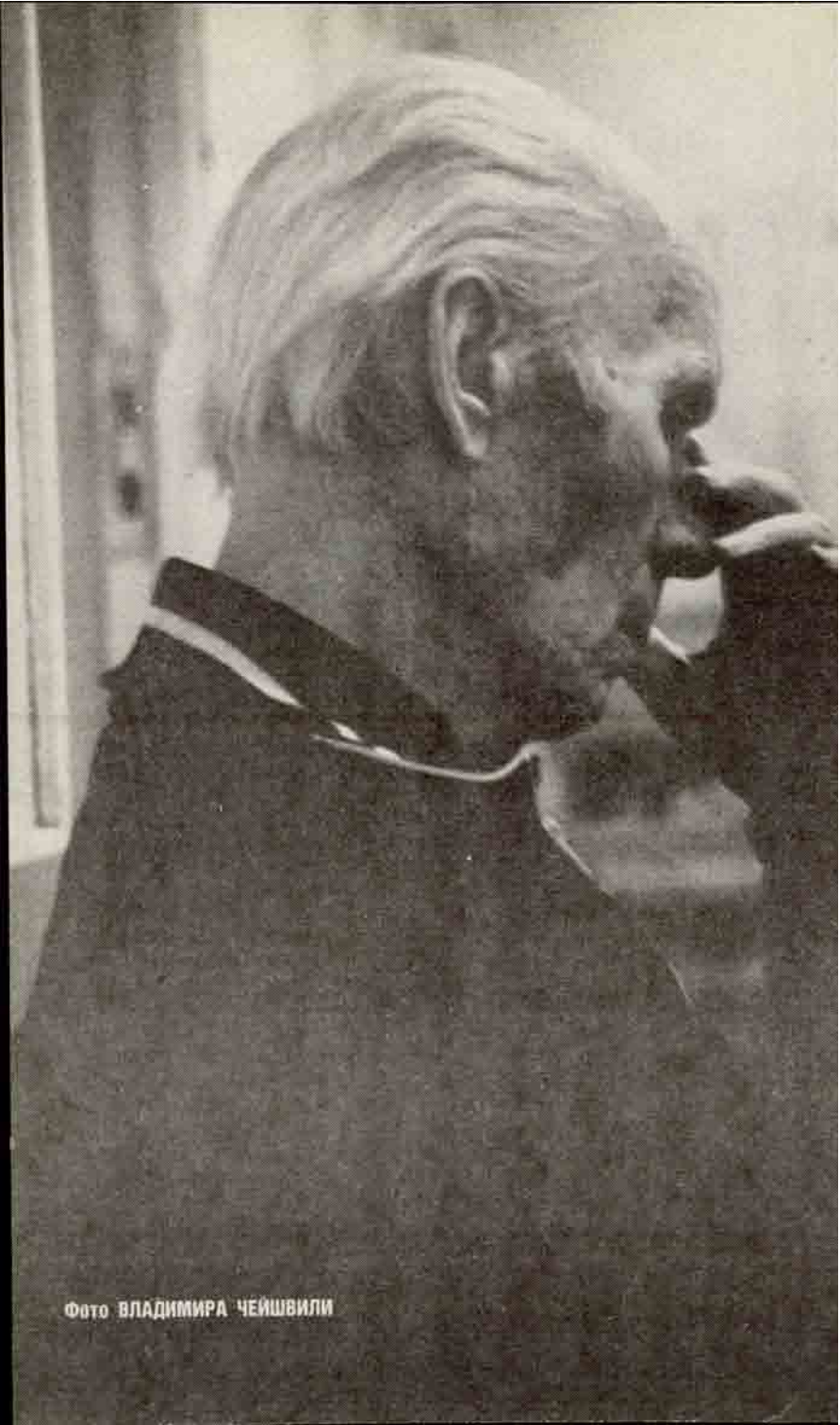

Фото ВЛАДИМИРА ЧЕЙШВИЛИ

СЕРГЕЙ МАШИН

СЕРДЦЕ НЕ КАМЕНЬ

Никто не знал, что со мной происходит

СТАНИСЛАВ ГРЕЧИЩЕВ, 58 лет, геолог, член-корреспондент Российской Академии естественных наук.

Первый раз это случилось пять лет назад, в 1988 году, в Якутске, в гостинице. Я там был в командировке. И вдруг мне стало плохо. Лег на кровать — ни рукой, ни ногой шевельнуть не могу. Друзья вызвали «скорую помощь». Приехала она минут через сорок, но к тому времени мне стало лучше. Измерили пульс, давление, вроде бы все в норме. Я тогда, конечно, не знал, что в этом и состоит коварство моей болезни: к приезду врачей все приходит в норму.

Через месяц приступ повторился уже дома, в нашем институтском поселке под Балашихой. Снова приезжают, измеряют — снова все нормально. Чувствую: так нельзя. Поехал в Москву. Месяц меня обследовали, нашли кучу мелких болячек, но в чем причина, отчего эти внезапные приступы полной слабости — так и не смогли выяснить.

В ноябре прошлого года я рухнул без сознания в одной из лабораторий института, расшиб голову, вывернул руку. Снова месяц меня изучали, ничего не обнаружили, но уже высказали предположение... И отправили меня в наш главный кардиологический центр. А там мне после второго обследования врач сказал: «Обмороки могут быть от тысячи причин: и гипертонический криз, и диабетическая кома, и еще Бог знает что, в том числе и сердце».

Тогда я спрашиваю: «Что же, теперь мне так и ходить согнутым?» То, что я морально согнут, само собой разумеется. Но ведь ходишь согнутым в самом прямом смысле, чтобы ближе было па-

дать, чтобы не разбиться, если вдруг потеряешь сознание...

И пошел я к экстрасенсам. Надо сказать, многое угадали, помогли по части мелких болячек. А до главного так и не дошли.

Но тут, к великому счастью, я упал в обморок по дороге в институт, рядом с нашей амбулаторией. Меня отнесли туда, сделали моментально электрокардиограмму и увидели: сердце-то почти не бьется! Ударов двадцать или тридцать в минуту! Вот в чем был весь секрет! А раньше-то, пока приезжала «Скорая», проходило минут сорок, и к тому времени пульс у меня восстанавливался и вроде бы все нормально. И попробуйте, как говорится, найти черную кошку в темной комнате, особенно если она оттуда уже ушла. В этот раз «кошка уйти» не успела...

Так я попал в Институт Вишне-вского, в отделение кардиохирургии в Четвертой градской больнице.

Аппарат работает

ЗОЯ ЯКОВЛЕВНА БОНДАРЕНКО, 77 лет, пенсионерка.

По квартире я вроде бы ходила почти нормально. А выйду из дома, пройду пять метров — начинается одышка. Останавливаюсь, отдыхаю. От дома до автобусной остановки даже для старого человека ходьбы от силы десять минут. А я там несколько раз останавливаюсь, пережидая. Измерила случайно пульс, а его у меня почти нет, сорок ударов в минуту! Стала пить рибоксин, капли Зеленина, другие лекарства. Восстанавливала пульс. А месяца через три-четыре снова падает до сорока. Причем я точно знаю, что сорок, а кардиограмма показывает пятьдесят. Видно, в этот момент от волне-

ния... И врач наш мне говорит: мол, с таким пульсом люди годами живут, спортсмены, например. Ну так они же спортсмены, тренированные, а я нетренированная.

Тут деду моему попало в глаза объявление в «Аргументах и фактах», что в Институте Вишне-вского лечат аритмию сердца, бесплатно, у всех. Сказала я об этом врачу, а она мне говорит, что направление в Москву дают только тем, у кого пульс меньше тридцати ударов, и что для этого, для направления, надо дойти аж до гор-здрава. Ну, у нас сын в Москве живет, позвонили мы ему, а он уже сюда позвонил и говорит нам: все это ерунда с направлением, давно уже никому ни от кого никаких направлений не надо, приезжай и лечись, кто хочет. Вот я из Симферополя и приехала.

Сегодня семь дней, как сделали операцию. Аппарат работает! Семьдесят два удара в минуту! Раньше до столовой в три остановки доходила, а сейчас хоть бы что. Завтра выписываюсь...

Стимулятор

АНДРЕЙ ЖДАНОВ, руководитель отделения хирургии нарушений проводимости и ритма сердца Института хирургии имени А. В. Вишневского.

Случай с геологом Гречищевым и пенсионеркой Бондаренко — типичные в нашей практике. Типичные для заболеваний, которые называются «атриовентрикулярная блокада сердца» и «синдром слабости синусового узла». Я попробую рассказать о них более или менее популярно, что называется, показать на пальцах, хотя мне это и сложно в силу привычки к профессиональной лексике.

У человека в сердце есть такой орган — синусовый узел. В нем генерируется возбуждение, он «отвечает» за частоту сокращений,

От него поступает импульс во все остальные органы сердца, до желудочков, которые и работают, как насосы, поставляя кровь организму. Так вот, до желудочка импульс доходит через атриовентрикулярный узел. Здесь-то и возникает блокада, полная или частичная. Как правило, у пожилых людей, но бывает и врожденная. Если сказать популярно, это как бы надлом в электропроводе, когда ток проходит частично или вовсе не проходит. То есть сердце сокращается очень редко, пульс до двадцати—тридцати ударов в минуту. Или же, при полной блокаде, при внезапных приступах сердце вовсе останавливается на несколько секунд. Кровь перестает поступать в сосуды головного мозга, наступает состояние, близкое к клинической смерти. Бывают внезапные приступы, когда человек теряет сознание, начинаются судороги. Это напоминает приступы эпилепсии, и наши больные раньше часто попадали в психиатрические лечебницы. Сейчас, слава Богу, все врачи «Скорой» знают, куда надо доставлять людей при внезапных обмороках, если они сопровождаются урежением пульса.

Другое, родственное заболевание — синдром слабости синусового узла. Это когда сам синусовый узел, отвечающий за частоту сокращений, генерирует недостаточное количество импульсов. При синдроме слабости синусового узла предсердие и желудочки сокращаются последовательно, но число сокращений редкое, недостаточное для работы организма в целом. У больных возникают слабость, одышка, отеки.

И в том, и в другом случае способ лечения один — имплантация электрокардиостимулятора. Раньше такие операции делали, вскрывая грудную полость, при-

соединяя аппарат непосредственно к сердечной мышце. Сейчас же все упростилось, грудная клетка не вскрывается. Под ключицей делается разрез и через подключичную вену проводится к сердцу и закрепляется там электрод, к которому, в свою очередь, подключается стимулятор. А сам стимулятор вшивается под ключицей. Это маленький аппарат, чем-то напоминает широкую, плоскую зажигалку овальных форм. В нем — литиевая батарейка и сложные электронные микропроцессоры. Техника — на уровне космической, да и делают эти аппараты на заводах, которые занимались электроникой для ракет средней дальности.

Если больной страдает слабостью синусового узла, то стимулятор просто-напросто заменяет синусовый узел и задает определенное число сокращений сердца. Если же синусовый узел работает нормально, но импульс не доходит из-за блокады атриовентрикулярного узла, аппарат выполняет роль посредника, он передает импульс от синусового узла на предсердие и желудочки.

Вот вкратце, огрубленно, и все.

Причем наши больные, которым поставлен стимулятор, перестают быть больными. Они не инвалиды, как раньше считалось, а вполне нормальные люди, способные работать, выходить замуж, рожать детей, даже... играть в профессиональный хоккей, как это делал шведский хоккеист Торстон Эслунд, которому такой аппарат имплантировали в 1975 году. Кстати, человек, которому впервые в мире в 1958 году поставили электрокардиостимулятор, жив и здоров поныне, гоняет на яхтах.

Конечно, операция на сердце — это не аппендицит. Но современная медицина достигла такого уровня, что эта операция поставле-

на на поток. Наша клиника, например, работает уже в режиме «скорой помощи» круглосуточно. То есть в любое время, как правило, это бывает в три-четыре часа ночи, к нам привозят людей с приступами и мы через пятнадцать минут начинаем операцию. Эффект ее таков, что многим нашим больным становится лучше прямо на операционном столе: сразу же просветляется сознание, уходит пелена с глаз, и вообще человек с момента подключения аппарата становится нормальным человеком, сердце его начинает биться нормально.

Обязательно надо сказать, что мы готовы принять любого гражданина России и делаем операции бесплатно. Все расходы, в том числе и дорогостоящий аппарат-стимулятор, оплачиваются из бюджета Москвы и России.

Есть у нас и импортные стимуляторы. Лучших фирм Европы и Америки. Мы ставим и их, но, конечно, уже за плату. Они лучше наших, смогут работать в сенсорном режиме, то есть изменять ритм в зависимости от нагрузок. Состоятельные люди уже ставят себе такие аппараты, а у некоторых наших пациентов расходы на импортные стимуляторы берут на себя их предприятия и организации.

К нам же импортные стимуляторы поступают как, я бы сказал, натуральная оплата наших научных разработок. Да, это очень важно отметить, особенно сейчас, когда повелось как-то, что у нас все самое худшее, мы самые плохие, неумелые и так далее. Научный уровень наших разработок очень высоко ценится во всем мире, практически все ведущие фирмы мира поручают именно нам те или иные клинические испытания, те или иные научные исследования. Да и масштабы тоже кое-

что значат: мы ежегодно проводим до восьмисот операций. Сейчас под нашим наблюдением находятся шесть-семь тысяч людей с имплантированными электрокардиостимуляторами. Я мог бы назвать многих известных наших сограждан, пользующихся стимуляторами, но врачебная тайна не позволяет. Всего же в мире, по статистике, недугами проводимости и ритма сердца страдают каждые семь человек из тысячи. Все они были обречены на смерть. Сейчас их лечение, возвращение к нормальному образу жизни стало обычной медицинской практикой.

Операция

Врач должен быть безжалостным. Иначе у него ничего не получится.

Впрочем, все, что я говорю, не точно, приблизительно. Что значит — «безжалостным»? К кому? К больному? А больных через его руки проходят тысячи. И если жалеть, переживать за каждого — тебя и на два месяца не хватит. Видите, как все оборачивается, как все усложняется, и нет здесь однозначных слов и понятий.

Поставьте себя на место хирурга, который каждый день режет живых людей: вскрывает внутренности, вскрывает грудную клетку и обнажает сердце, режет и зашивает. А теперь представьте себя на месте больного. Хотели бы вы, чтоб врач нервничал, переживая за вас? Да будь он хоть каким бревном бесчувственным, лишь бы скальпель в руках не дрожал!

Когда я уходил в клинику, чтобы присутствовать на операции, так сказать, проникнуться атмосферой, жена была бледней мела: «Да ты же там в обморок упадешь, ты же кровь из пальца боишься сдать на анализ!»

Чтобы сразу покончить с эмо-

циями, скажу: это потрясение не передать, такое ощущение было, будто поговорил с Богом или дьяволом, одним словом, заглянул по ту сторону, за человеческий предел.

Но в обморок не упал. Тут ведь важно было, что не по своей воле шел туда — служба требовала. А это сильно укрепляет. И потом я там не столбом стоял, трясясь от нервного озноба, а работал, помогал, что отвлекает. Можно сказать, исполнял обязанности санитаря.

Всю операцию проводили два человека: хирург Владимир Юрьевич Акатов и операционная сестра Ирина Короткова. Они, как и положено, абсолютно стерильны. То есть им нельзя прикасаться ни к чему не стерильному: ни к столам, ни к подоконникам, ни к рентгеновскому аппарату, даже к коробочке с электрокардиостимулятором. Но ведь кто-то должен подавать им то и се, пододвинуть, принести, вскрыть. Это должна делать санитарка, которой нет. Потому что на такую зарплату сюда никто не идет и не придет. И операционная сестра изворачивается, как может. Если надо открыть шкаф, цепляет его ручку спиной, где завязки халата, если взять что — идет в ход сложная система зажимов, пинцетов, ножниц. Ну а как вскрыть, не прикасаясь, плотно запечатанную коробку с кардиостимулятором? Как-то ухитряются.

В этот день обязанности санитаря выполнял я. Поднимаю, подаю, вскрываю. Стараюсь не смотреть на то, что называется операционным полем, на разрез. Но когда Акатов вскрыл вену, он меня по-дозвал: «Смотрите, вот она...»

Простите меня, люди, за такое сравнение, но большая подключичная вена похожа на сине-зеленую полихлорвиниловую трубочку, как для коктейля, например.

Хирург начал вводить в эту трубочку электрод. Включил перед этим рентгеновский аппарат, удалил из операционной сестру, а мне приказал встать за его спиной. Подошел другой хирург, Сергей Артурович Термосесов, и встал за моей спиной. Начал объяснять, почему так. Операция идет под рентгеновским излучением, изображение подается на экран монитора. Хирург проводит в операционной весь день, все время под облучением. А защита одна — надетый на хирурга пятикилограммовый свинцовый фартук. Нельзя сказать, что он облегчает работу. Да и сколько ни защищайся, а с головы до ног в свинец не закуешься.

— Самое смешное: нам за вредность не платят, — усмехнулся Акатов. — По совдеповским нормам коэффициент вредности распространяется только на тех, кто не меньше половины рабочего дня находится под облучением. Ну да ладно, у нас в Совдепии людей много, не жалко, особенно хирургов...

Говоря это, Владимир Юрьевич не отрывает глаз от монитора. На экране все видно: и сердце, и вену, и электрод, который движется по ней, извиваясь, приближаясь к сердцу.

— Людмила Васильевна! — обращается хирург к больной. — Сейчас вам будет немножко неудобно, сердце все-таки...

Электрод приближается к сердцу и... как бы входит в него, закрепляется там. Больная сжимает руки в кулаки, потом разжимает.

Подошел заведующий клиникой Андрей Михайлович Жданов:

— Володя, покажи, как электрод стоит.

— Вот он, вроде нормально...

— Нормально!

Приход Жданова, подключение дополнительной аппаратуры, присутствие научного сотрудника по

части электроники вызваны тем, что сегодняшняя операция не совсем обычная: больной вводят новый электрод, присланный на клинические испытания известной западногерманской фирмой. А в обычные дни операции здесь проходят тихо, буднично. На потоке. Как в авторемонтной мастерской, где опытные механики твердо знают свое дело.

Акатов присоединяет кардиостимулятор к электроду и... вкладывает аппаратик в разрез на теле, под ключицей. Начинает шить. Спрашивает:

— Как вы себя чувствуете, Людмила Васильевна? Не больно?

— Да ничего, только жжет немного, — отвечает она.

— Так что же вы молчите?! Вы говорите, говорите все, что чувствуете. Если жжет, сейчас мы вам еще новокаина введем... Так, а теперь не больно? Ну и хорошо.

Начинает зашивать. Сначала внутренние швы накладывает. А потом наружные. Спрашивает:

— Вы сознание во время приступов теряли?

— Нет, у меня только затемнение в глазах наступало.

— Ну, а теперь никакого затемнения не будет, впереди у вас светло и ясно. Все. До вечера не поднимайтесь, а вечером можете немного походить. А уж завтра живите как хотите.

— Все? — удивляется больная.

— Все, все, — успокаивает Акатов. — До свидания.

Больную увозят. А там, в коридоре, уже стоит каталка с другим больным. И где-то внизу, в палате, ждет своей очереди третий... И так весь день.

А потом домой. В обыкновенную жизнь. Я не знаю, как себя чувствуют врачи в стенах клиники, где они спасают жизни, но для больных они боги. Не мною замечено, что власть царей и тиранов,

все их триумфальные шествия — ничто по сравнению с властью и ореолом врача, когда он совершает обход...

Также не знаю я, что чувствует врач, только что спасший человека, за стенами клиники, в обычной жизни. Могут только догадываться, о чем он думает, когда видит в вагоне метро объявление, приглашающее на работу машинистов уборочных машин, где им, машинистам-уборщикам, гарантируется зарплата, в три раза превышающая его, хирурга-кардиолога, зарплату.

Здесь, в обыкновенной жизни, они, быть может, получают самый сильный удар, испытывают самые сильные нервные потрясения.

Но скорее всего я ошибаюсь. Основные перегрузки все-таки там, в клинике. Хотя они сами этого уже не замечают. Когда после операции я спросил у Акатова что-то насчет его ощущений, он отмахнулся:

— Да какие у меня могут быть ощущения?! Ощущения у нее, у больной, а у меня работа!

А кардиолог Александр Олегович Гуков, увидев меня, рассмеялся. Гуков — «чистый» кардиолог, однако и ему пришлось делать операции. До сих пор помнит, как привезли человека, которому требовалась срочная замена отслужившего свой срок стимулятора. Хирург был занят на операции, и Гуков провел замену, как вполне мастеровитый хирург...

— Да что это вы такой потрясенный? — рассмеялся он. — Успокойтесь, ничего же не случилось. Я понимаю, если бы у человека что-то отняли, руку там или ногу. А тут ведь наоборот — добавили!

— Ничего, человек ко всему привыкает, — поддержал меня Сергей Артурович Термосесов. — Еще пять-шесть операций «прове-

дете» и будете, как мы, спокойный.

Конечно, врачу переживать нельзя. Конечно, они спокойны.

Но вот факт, который начисто разрушает миф о врачебной бесстрастности, бесчувствии, безжалостности. По исследованиям ЮНЕСКО, в этом мире самая маленькая продолжительность жизни у журналистов, врачей-хирургов и летчиков-испытателей.

С журналистами пока непонятно, с летчиками все ясно, а вот у врачей-то отчего? Да от нервных перегрузок, от скрытых, неявных переживаний, оттого, что все откладывается на душе и на сердце.

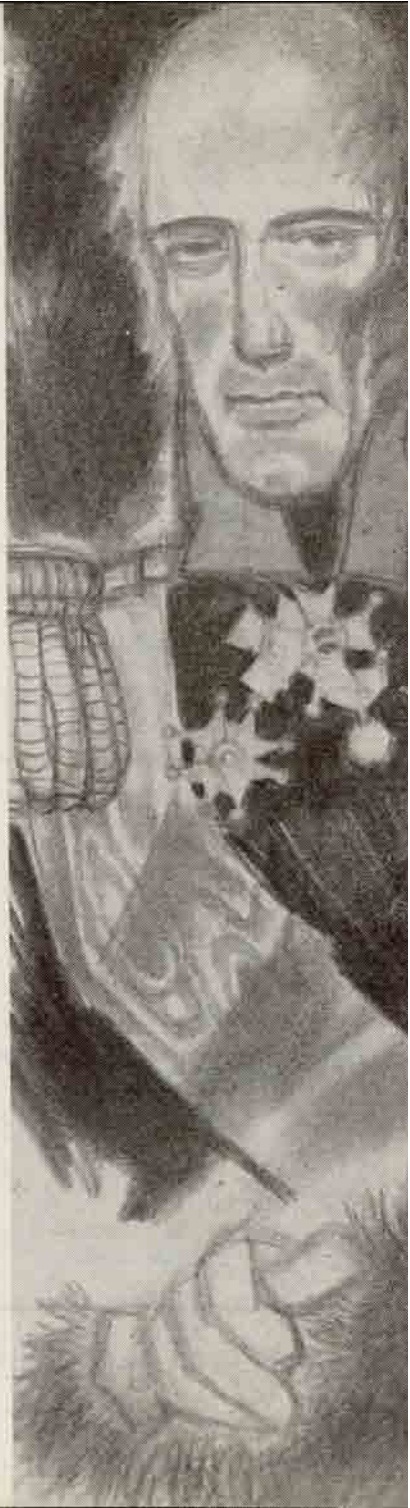
А сердце — оно ж не камень.

ВАСИЛИЙ ФИЛАТОВ

ВОЖИТЫ

Рисунки ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

«Двенадцатый год» трудно отнести к «белым пятнам» нашей истории. И тем не менее...

За долгие десятилетия приучен российский читатель — и это надо признать — к некоей одномерности изображения (а следовательно, и восприятия) событий давно известных и героев столь же давно знакомых. Но — непременно «черное» или непременно «белое» — не слишком ли это мало для постижения и людей, и истории? А добавив «тонов» и «полутонов», не узнаем ли мы больше о том, что казалось так хорошо и давно известным?..

За те же долгие десятилетия приучены мы и к тому, что между персонажами нашей истории, которых числят по рангу «положительных», всегда была тишь да гладь, а если конфликт, то исключительно «хорошего с лучшим».

Для размышлений на этот счет, для поиска ответов на многие возникающие тут вопросы мы и предлагаем эти исторические очерки об известных событиях и знакомых людях. Надо только добавить, что написаны они в 1912 году, а значит, в ту самую пору нашей истории, когда «царская цензура» уже приказала долго жить, а о новой, которая «царскую» за пояс заткнет, еще и не слыхивали.

БАРКЛАЙ-ДЕ-ТОЛЛИ И КУТУЗОВ

Блиставшая полководцами в дни Екатерины русская армия к началу XIX века осталась без вождей и в самые, быть может, трудные ратные годы оказалась в руках плац-парадных генералов вроде Аракчеева. Все это было следствием немецких веяний, воцарившихся в русском воинстве: размеренный шаг, начищенные пуговицы, пудренные парики, шпицрутены, тупая дисциплина, а над забитыми солдатами — свирепые фрунтовики, которые и довели русскую армию до Аустерлица и Фридланда.

Эти «герои поражений» царили и в армии, и при дворе. Лишь кое-где удерживались еще вожди былых войн и выдвигались понемногу образованные генералы новой школы. Однако ни тех, ни других не любили в дни Павла и Александра. Даже гениального Суворова только терпели и вызвали из ссылки к армии лишь по настоятельному требованию Англии.

Суворову, разбившему в Италии лучших генералов республики, столкнуться с Наполеоном не пришлось — его эпоха заканчивалась, начиналась другая, но паузы между ними история не дала; зарю наполеоновской славы Суворов увидеть успел. «Широко шагает мальчик — штаны порвет!» — пророчил старый фельдмаршал и не ошибся. Но при всей прозорливости вряд ли мог он предположить, что когда пророчество его сбудется и коса найдет на камень, «камнем» этим окажется один из лучших его учеников, о котором после взятия Измаила Суворов доносил: «Кутузов шел на моем левом крыле, но был моею правою рукой». Нарушая стиль военной реляции, живые эти слова не были, однако, преувеличением — ученик их стоил.

Это был полководец Божьей милостью, и суворовская выучка легла на благодатную почву: ему по плечу было и наметить широкий план войны, и под огнем идти с солдатами на неприятельские позиции. Дважды поплатился Кутузов за свою храбрость, и так жестоко, что лечивший его от второй раны врач говорил: «Надобно думать, что Провидение сохраняет этого человека для чего-нибудь необыкновенного, потому что он исцелился от двух ран, из коих каждая смертельна».

Действительно, выздоровление Кутузова походило на чудо. Ему не было и тридцати, когда в 1774 году, в битве с турецким десантом при Сунгусу, около Алаушты, он «был ранен,— как говорил рапорт,— пулею навывлет позади глаз». Не современная игла, а крупная свинцовая пуля ударила в левый висок и вышла около самого правого глаза. Окривел Михаил Илларионович, но жив остался, и врачи в России и за границей дивились такому необычайному случаю. Вторично Кутузов получил смертельную рану при осаде Очакова, но и тут крепкий организм выдержал, будто начинало сбываться пророчество врача о Провидении, хранившем этого человека для дел в России судьбоносных.

Покуда час этот еще не настал, надобно сказать, что счастливая особенность Кутузова еще и в том состояла, что он сочетал в себе не только качества талантливого генерала и храброго офицера, но и тонкого дипломата, прекрасно доказав это на посту русского посла в Константинополе, ведя переговоры по поводу заключения мира с Турцией.

И тем не менее Александр I не любил Кутузова. Он считал его придворным интриганом, каковыми во множестве был окружен престол царственной его бабки. Достаточные к тому основания отыскать трудно, а дело объясняется, пожалуй, куда прямее: Александр не мог простить Кутузову Аустерлица, где последний сыграл роль ширмы, не решившись указать царю на целый ряд его ошибок, поведших к жестокому поражению. Однако мнение императора было его мнение; общественное смотрело иначе, видя в Кутузове преемника екатерининской славы, военного героя и полководца, давшего России торжество в последней войне с Турцией. И все-таки звездный час его был впереди.

Завершив блестящую турецкую кампанию подписанием в Бухаресте 5 мая 1812 года предварительных условий мира, Кутузов уехал отдыхать в имение. Отдохнуть, однако, не пришлось: лишь только прояснился вопрос о нашествии Наполеона, Кутузов поскакал в Петербург. Александр встретил старика сухо и оставил не у дел. Но судьбами России вершил уже не император.

Летом 1812 года вопрос о войне между Россией и Францией, точнее Европой, подчиненной Франции, был решен окончательно; великая армия медленно, но неуклонно продвигалась к границе и 11 июня перешла Неман, причем в приказе по войскам Наполеон писал: «России не избежать своей судьбы. Неужели она думает, что мы изменились? Разве мы уже не воины Аустерлица? Она предлагает нам бесчестье или войну: выбор не подлежит сомнению. Итак, вперед! Перейдем Неман, внесем оружие в пределы России!»

На другой день, 12 июня, ночью, когда Александр был на балу, министр полиции Балашов тихонько доложил ему, что неприятель перешел границу. Это известие доставила Балашову неофициальная еврейская почта, которая в обычное время служила для сообщения экстренных коммерческих новостей; теперь она домчала весть о переходе границы раньше казенных фельдъегерей.

Русские войска не были готовы к встрече неприятеля; сравни-

тельно малочисленные, разделенные, они могли лишь наблюдать за движением великой армии.

Общее распоряжение боевыми действиями принадлежало военному министру генералу Михаилу Богдановичу Барклаю-де-Толли, фактически же в его руках была лишь 1-я западная армия. Остальные — 2-я западная под начальством Багратиона, дунайская адмирала Чичагова и три резервные армии генералов Тормасова, Меллер-Закомельского и Эссена — были как бы сами по себе. Но именно на Барклая Александр возлагал большие надежды. Незадолго до войны он писал ему: «Прошу вас, не робейте перед затруднениями, полагайтесь на Провидение Божие и Его правосудие. Не унывайте, но укрепляйте вашу душу великою целью, к которой мы стремимся: избавить человечество от ига, под коим оно стонет, и освободить Европу от цепей».

Заметим, что уже перед войною намечал Александр Барклаю огромную задачу — разрушение наполеоновской империи. Здесь невольно напрашивается вопрос: почему именно в Барклае видел он человека, способного победить Наполеона?

Барклай-де-Толли — сын поручика, из остзейских дворян — родился в 1761 году, семнадцати лет поступил в службу и сначала по служебной лестнице поднимался очень тихо. Впервые выдвинулся он в военных действиях с Наполеоном при Пултуске и Прейсиш-Эйлау. Здесь он показал себя храбрым, стойким офицером, но дарование полководца развернул в шведской войне в 1809 году: быстро захватив Финляндию, сделал по льду Ботнического залива смелый переход в Швецию и этим закрепил новую провинцию, став и первым губернатором Финляндии.

С 1810 года, назначенный военным министром, Барклай занялся преобразованием армии — на новых прогрессивных началах. Весьма решительно борется он «против привычки всю науку, дисциплину и военный порядок основывать на телесном и жестоком наказании». Ревниво следит министр и за тем, чтобы офицеры больше увлекались наукой, чем кутежами, превращавшимися уже в своего рода моду. Особенно заботится он о солдатах, ограждая их от злоупотреблений интендантства и офицерского произвола.

Недолгая, но, как оказалось, плодотворная работа на посту военного министра создала Барклаю репутацию дельного человека, а с тем вместе и множество врагов. «Всякий имел что-нибудь против Барклая, сам не зная почему», — вспоминал современник. И действительно, почти все не любили холодного невзрачного немца с перебитыми в сражениях рукой и ногой, а ему, вышедшему из ничтожества, досталось командование армией в самую трудную годину русской жизни.

Положение Барклая на этом высоком посту было не из легких, тем более что, по характеристике Ермолова, он был «не тверд в намерениях, робок в ответственности, боязлив перед государем и боялся потерять милость его»... Александр же, к несчастью, все время находился при армии, намеревался снова играть роль полководца, и вокруг него терлись всевозможные, по преимуществу иностранные, проходимцы; все они предлагали различные планы; император всех слушался, за все хватался.

Главная квартира с государем во главе была колодкой для главнокомандующего; все это понимали, и, наконец, статс-секретарь Шишков, министр полиции Балашов и граф Аракчеев представили Александру докладную записку, в которой указывали на вред, проистекающий от пребывания государя при армии. Александр решил покинуть театр военных действий и отбыть в Москву — для призыва к сбору пожертвований и создания ополчения.

Лишь с отъезда Александра 7-го июля начинается самостоятельная работа Барклая. Надо признать, что план первоначального отступления к Дриссе и Полоцку просто вытекал из слабости русских войск; но чем выгодней становилось соотношение сил, тем труднее делалось положение главнокомандующего, ибо солдаты и офицеры рвались в битву, а общественное мнение негодовало за непрерывное отступление. Но даже слабые попытки при Витебске, Салтановке и в других схватках ясно показывали, что сейчас остановить великую армию невозможно, и при повторных попытках русские войска будут раздавлены.

Барклай понял это так же, как поняли многие, например, Ермолов, но лишь Барклай один принял на себя ответственность за отступление, и с каждым шагом назад его задача становилась все тяжелее. Под Смоленском состоялось соединение с армией Багратиона; с этого момента и начинается действительная работа Барклая-де-Толли.

Соединившись 20-го июля, обе главные армии составили 120 000 человек. Пылкий Багратион ждал этого дня, чтобы дать Наполеону решительную битву. 26 июля военный совет в составе всех высших начальников единодушно высказывается за наступление, и Барклай против своего желания соглашается двинуться вперед, но уже 2 августа, опасаясь быть отрезанным, снова отступает к Смоленску.

Здесь и происходит двухдневная — 4-го и 5-го августа — битва, в которой французы несут гораздо больший урон, чем русские. Этот успех дает основания настаивать на генеральном сражении. Багратион, Беннигсен, великий князь Константин, короче, все требуют перейти в наступление или хотя бы продолжать защиту города, но Барклай приказывает в ночь с 5-го на 6-е августа отступить. Можно себе представить, с каким чувством войска оставляют залитые кровью, но не отданные позиции. Дело доходит до открытого порицания действий главнокомандующего. Константин Павлович, подъезжая к подчиненным ему войскам, «утешал» их:

— Что делать, друзья! Мы не виноваты!.. Не русская кровь течет в том, кто нами командует. А мы и болеем, но должны слушать его. У меня не менее вашего сердце надрывается...

С этого дня каждый шаг отступления был для Барклая шагом на Голгофу. «Иноземец», «изменник», «трус» — этими словами едва ли не все клеймили полководца. Даже Багратион писал Ермолову: «Нет, мой милый, я служу моему природному государю, а не Бонапарте. Мы проданы, я вижу; нас ведут на гибель; я не могу равнодушно смотреть... Я, ежели выберусь отсюда, тогда ни за что не останусь командовать армиею и служить».

стыдно носить мундир, ей-Богу, и болеть. А ежели наступать будете с первой армиею, тогда я здоров. А то, что за дурак? Министр сам бежит, а мне приказывает всю Россию защищать... Я выйду с честью в отставку и буду ходить в сюртуке, а служить под игом иноверцев-мошенников — никогда!»

После отступления от Смоленска Багратион пишет графу Аракчееву: «Я клянусь вам моей честью, что Наполеон был в таком мешке, как никогда, и он мог бы потерять половину армии, но не взять Смоленска... Ваш военный министр, может быть, и хороший по министерству, но генерал не то что плохой, но дрянной, и ему отдали судьбу всего Отечества».

При личных столкновениях между двумя командующими дело доходило прямо до безобразных сцен:

— Ты немец, тебе все русское ничем! — кричал Багратион.

— А ты дурак, и сам не знаешь, почему себя называешь коренным русским! — отвечал ему Барклай.

Как бы то ни было, а положение военного министра оставалось крайне тяжелым: огромная ответственность и общий план кампании требовали отступать и уклоняться от боя. Наполеон же искал генерального сражения, того же добивались и русские войска.

Порой воля Барклая как бы ослабевала, и он делал приготовления к генеральному сражению. Так, 10-го августа он писал графу Ростопчину в Москву: «После отступления армии от Смоленска нынешнее положение дел таково, что судьба наша будет решена генеральным сражением. Мы в необходимости возлагаем надежды на генеральное сражение. Все причины, воспретившие давать оное, ныне уничтожаются. Мы принуждены взять свою решительную меру. Отечество может избавиться от опасности общим сражением, к которому мы с кн. Багратионом избрали позицию у д. Усвятья».

Но решимость эта у Барклая не велика: уже после полудня того же дня он доносит Александру, что будет «стараться вместе с Багратионом избегать генерального сражения».

Эти колебания главнокомандующего вызвали сильное раздражение в армии. Багратион писал Ростопчину: «Продолжается прежняя нерешительность и безуспешность»; а начальник штаба в армии Барклая Ермолов сделал донесение государю о недоверии войск к главнокомандующему и о необходимости поставить во главе армии популярного вождя.

В эти, быть может, самые тяжелые дни окончательно вырисовывается и созревает план Барклая: армия должна закрываться от неприятеля сетью разъездов (тяжесть этой арьергардной службы пала на казаков Платова) и отступать, избегая серьезных сражений, в глубь страны, чтобы разорвать связь великой армии с ее далекой базой.

Этот, как оказалось впоследствии, гениальный план рос, а в Петербурге готовили Барклаю замену. Общественное мнение негодовало и возмущалось поведением армии: многочисленные пожертвования, огромные ополчения, усиленные рекрутские наборы — и ничто не помогало: неприятель спокойно, беспрепятственно шел внутрь России, разорял и захватывал страну. Народ

был в каком-то странном волнении: то охватывался патриотическим восторгом, выпрягал лошадей, вез Александра торжествующей толпой, то негодовал на него. Боязнь реального народного восстания была в те дни очень сильна, а общественное мнение как на вождя указывало на самого неприятного для Александра человека — на Кутузова.

В эти тревожные дни Кутузов оставался не у дел по воле императора. Петербургское дворянство, желая отметить эту ошибку и несправедливость, выбирает Кутузова в командиры петербургского ополчения, а когда ввиду все возраставших несогласий между Барклаем и Багратионом вопрос о назначении единого главнокомандующего встал ребром, то чрезвычайный военный совет в заседании 5-го августа единогласно постановил: вернуть начальствование над армией и всеми ополчениями Кутузову.

Противиться этому назначению император уже не мог, но заявил прямо: «Публика желала его назначения, я назначил его, что касается меня, то я умываю себе руки в этом».

Однако назначения Кутузова желала не «публика», а Россия, почувствовавшая или угадавшая, что это единственный достойный Наполеона противник. Позже историк и полковник французской армии Тьер скажет, что «из всех генералов, современников Наполеона, осторожный и хитрый Кутузов был самым опасным его противником».

В чем же заключалась эта сила Кутузова, признанная и неприятелем? Когда накануне отъезда в армию его спросили:

— Надеетесь ли вы разбить Наполеона?

— Нет, — ответил Кутузов, — а обмануть надеюсь.

И исполнил обещание блестяще. Недаром Наполеон звал его «Le vieux renard du Nord» (старая северная лисица).

11 августа Кутузов отбыл в армию. Прибыв 17-го в Царево-Займище, он осмотрел офицеров, которые выбирали позицию для генерального сражения в тылу армии, и велел им немедленно вернуться к войскам. «Как можно отступать с такими молодцами!», говорил Кутузов, встретив первые русские батальоны. И тотчас же сложена была солдатами поговорка: «Пришел Кутузов бить французов».

Но вся «соль» в том, что поговорка тогда не отвечала действительности: Кутузов совсем не собирался биться с французами; он принял от Барклая не только командование, но и план войны.

На словах осуждая тактику Барклая, Кутузов следовал его плану еще более твердо, чем автор, — он отступал до последней крайности, пока, так же, как и Барклай, не уперся в стену общественного негодования и не был вынужден дать Бородинское сражение.

Ни намерения Кутузова, ни позиция близ Можайска не располагали к нему, но исхода не было: все ждали битвы, ждали чуда освобождения, и действительно Бородино принесло если не освобождение, то великое облегчение; оно явилось той победой, которой искали ни император и генералы, искал этой победы народ, как бы ни казались выпрєнными эти слова. Слов этих не

побоялся сам Толстой. В «Войне и мире» он изобразил Бородинскую битву как необходимость, которая развивалась независимо от человеческих желаний: битва без подготовки, несмотря на долгое отступление, без общего плана, несмотря на таланты вождей — хаос смерти, бессмысленный и жестокий.

И в этом хаосе духовно торжествовал Кутузов, ибо Наполеон хотел взять в свои руки руководство, но не смог, Кутузов же просто предоставил своей армии возможность насладиться борьбой, и это удалось вполне.

С военной точки зрения Бородинская битва была поражением для нас, как о том писал и Кутузов: потери огромные, гораздо больше, чем у неприятеля, патроны и заряды все расстреляны, первая линия позиции взята, и уже к вечеру дано приказание отступать, чтобы «спасти остатки армии», как писал Кутузов в донесении государю от 9-го сентября.

Духовная же победа была в том, что все увидели: сопротивление Наполеону оказать можно.

Интересно, что Барклай, который в отличие от Кутузова не понимал народного духа, считал Бородино просто поражением, в котором армия не окончательно погибла только благодаря его распорядительности.

Интересно и то, что именно при Бородине особенно ясно проявились два эти характера: Барклай хлопотал, метался, намечал планы; Кутузов, напротив, был спокоен, почти равнодушен к тому, что творилось вокруг; он чувствовал, что в этот день не так важно было вести войска в бой, как задерживать, чтобы они не гибли даром под огнем неприятеля.

В своем подлинном донесении Кутузов не скрывал поражения, но Александру было представлено измененное (так распорядился Аракчеев), а опубликовано было еще более измененное (видимо, не без воли государя), почему Бородино в молве и истории превратилось не только в моральную, но и военную победу.

От Бородина началось новое отступление. Теперь Кутузову достались не только лавры Барклая, но и тернии, — опять требовали битвы, жаловались на бездействие главнокомандующего, но Кутузов в своих намерениях оказался тверже предшественника и на совете 1-го сентября в Филях решил покинуть Москву: «Я чувствую, — сказал он, — что мне придется поплатиться за все, но я жертвую побойю для блага отечества. Приказываю отступить».

В донесении государю Кутузов так мотивирует необходимость покинуть Москву без сопротивления: «После сражения при Бородине армия была весьма ослаблена. В таком положении мы приближались к Москве, имея ежедневно большие дела с авангардом неприятельским, и на сем недалеком расстоянии не представилось позиции, на которой мог бы я с надежностью принять неприятеля. Войска, с которыми я надеялся соединиться, не могли еще прийти; неприятель же пустил две новые колонны, стараясь действовать на тыл мой от Москвы; а поэтому не мог я никак отважиться на баталию, которой невыгоды имели бы последствием не только разрушение армии, но и кровопролитнейшую гибель и превращение в пепел Москвы... Вступление неприятеля в Москву не есть еще покорение России».

Наполеон вступил в пылающую Москву, Кутузов отодвинулся и окружил французов завесой кавалерийских разъездов. Кутузов выжидал, а буря негодования вспыхнула еще сильнее: Ростопчин называл его старой бабой, сплетницей, которая потеряла голову, и советовал отозвать «этого старого болвана и пошлого царедворца».

Что и говорить, московский генерал-губернатор если не по должности, то автор «афишек» по склонности к изящной словесности, Ростопчин за словом в карман не лез и в выражениях не стеснялся, особенно в эпистолярном жанре. «Кутузов, — писал он, — самый гнусный эгоист, пришедший от лет и развратной жизни почти в ребячество, спит, ничего не делает».

Впрочем, несмотря на все обвинения, что главнокомандующий спит по 18 часов в сутки, были все-таки люди, которые понимали его «действие при помощи бездействия». Так, например, генерал Кнорринг говорил: «Слава Богу, что он спит, — каждый день его бездействия стоит победы. Он возит с собою переодетую в казачье платье любовницу? Румянцев возил их по четыре. Это не наше дело».

А между тем в эти дни Кутузову приходилось трудно как никогда: он всячески задерживал Наполеона в Москве, согласился даже на переговоры, лишь бы затянуть время, и, быть может, тогда родилась историческая его фраза: «Будут они у меня конское мясо жрать, будут!»... А в Петербурге этого не понимали, и Александр настаивал на скорейших военных действиях.

Но Кутузов твердо выжидал, а когда в первых числах октября великая армия двинулась из Москвы, он и не подумал давать генеральное сражение: Бородино было просто необходимостью, теперь же, как отлично понимал Кутузов, важно было одно — не дать Наполеону прорваться в неразоренные места, и он теснил его своим фланговым движением, которое сам Наполеон оценил, говоря впоследствии генералу Потоцкому: «Хорошо прижал меня Кутузов своим фланговым маршем».

Битвы при Тарутине и Малоярославце Кутузов не превращал в генеральные сражения, а лишь закрывал дорогу. «Все это развалится и без меня», — говорил он. И в этом решении им руководили две идеи, две заботы: огромность и ненужность жертв и, как это ни покажется странным, опасность окончательно уничтожить Наполеона и его армию. А к последнему были причины: «Наследство его достанется не России, — говорил Кутузов англичанину генералу Вильсону, — или какой-либо другой державе на материке, а той державе, которая уже теперь господствует на морях, и тогда преобладание ее будет невыносимо».

Битвы под Вязьмой, Красным, Березиной были лишь толчками, которые гнали Наполеона, не уничтожая окончательно, и Кутузов заботился не только о том, чтобы изгнать врага, и чтобы скорей покончить с войной, которая так тяжело ложилась на русский народ.

— Ваш обет исполнен, — говорил он Александру I, — ни одного вооруженного неприятеля не осталось на русской земле; теперь осталось исполнить и вторую половину обета — положить оружие.

Но Александр и генералы, ему близкие, уже вошли во вкус. — Самое легкое дело — идти теперь за Эльбу. Но как вернуться? С рылом в крови, — говорил, глядя на них, Кутузов.

Кутузов понимал, что Наполеона свалила прежде всего народная война, а ее за Эльбу не перенесешь.

Вождем новой войны уже явился не Кутузов, а Барклай-де-Толли, который как генерал, может быть, и не уступал Кутузову, но уступал ему по уму, широкому пониманию общих народных интересов, которые всегда переплетаются с военными планами в их широком смысле. Бог не дал Барклаю этого широкого понимания, а потому не было у него и возможности превратиться из умного генерала в народного героя, каким стал Кутузов.

БАГРАТИОН И ЕРМОЛОВ

«Т осударь! От преданности доношу, — писал князь Багратион накануне вступления Наполеона в Россию: — не отнимайте у воинов твоих дух: прикажите нам собраться у Гродно и нанести удар врагам. Всякое отступление ободряет неприятеля и дает ему великие способы в краю здешнем, а у нас отнимает дух. Жаль истинно, и последствия будут самые пагубные. Чего нам бояться и маневрами методически изнурять армию? Неприятель, собранный в разных пунктах, есть суцая сволочь. Чего опасаться?.. Прошу, яко Бога моего, не падать нас и двинуться на врагов. Я присягал тебе служить верно, и мы твои. Иноверцы не могут так усердно судить, ибо они ничего не рискуют, а мы — все. Военная система, по-моему та: кто рано встал и палку взял, тот и капрал».

В этом письме сказался «генерал по образу и подобию Суворова», как говорили о князе Петре Ивановиче, и не без оснований. Нападать, поражать, бить — вот была система Багратиона, недаром взял он приступом знаменитый Чертов мост... Впрочем, в истории этой жизни таких «чертовых мостов» было изрядно.

Родом Петр Иванович был грузин и происходил от Афанасия Багратида, сын которого Ашод Курлопалот в самом начале IX века царствовал в Грузии, Имеретии и Кахетии. Нашего рассказа герой родился в 1765 году, семнадцати лет был зачислен в военную службу и сразу обратил на себя внимание поразительной личной храбростью. Он участвовал в непрерывных войнах на Кавказе и с Турцией, но особенно выделился в итальянскую кампанию 1798 года. Как свидетельствует Ермолов, «Суворов остановил на нем свое внимание, проник в него, отличил, возвысил. Современники князя Багратиона, исключая одного Милорадовича, не были ему опасными».

В действиях при Требии, Нови и других сражениях вместе с обычною своею храбростью Багратион проявил и блестящую распорядительность. При походе через Швейцарию Суворов поручил ему командовать авангардом, и Багратион оправдал его надежды: 13 сентября 1798 года он отеснил французов в походе Сен-Готард, что было необходимо для движения всей русской армии, а на другой день, 14 сентября, перешел Чертов мост через долину реки Рейс. Эта, одна из самых замечательных

побед Суворова, была выиграна благодаря безумной личной отваге князя Багратиона и его, уже несомненному, военному таланту. «Багратион, — пишет Ермолов, — возвратился из Италии в сиянии славы, в блеске почестей».

С начала эпохи наполеоновских войн Багратион уже не покидал поля битв. Даже в самой печальной для нас кампании 1805 года Багратион участвует с блеском: в тот момент, когда после разгрома австрийских войск и взятия Вены Наполеон готов был зажать своими тисками русскую армию, Багратиону поручают труднейшую задачу — прикрыть отступление и остановить движение французов.

При Шенграбене, с шеститысячным отрядом, он задерживает наступление тридцати тысяч французов, кстати сказать, под командой легендарного маршала Мюрата. Наполеон, недовольный задержкой, приказывает смять русские войска. Натиск французов силен и стремителен, но выполнить приказ императора оказывается невозможным, и благодаря энергии Багратиона русская армия спасается от разгрома.

Даже в таких несчастных для нас битвах, как Аустерлиц и Фридланд, Багратион проявил себя блестящим генералом, которого не в чем было упрекнуть, несмотря на драматический исход дела.

Главные качества ярчайшей этой природы можно уместить в нескольких строках. Это был человек с искрой, с огромным военным *природным* талантом, который даже искупал недостаток знаний и сильно выделял Багратиона среди сверстников его, и по рангам и по положению. Алексей Петрович Ермолов, сравнивая Багратиона с одним из самых крупных русских генералов той эпохи, говорит: «Если бы Багратион имел хотя бы ту же степень образованности, как Барклай-де-Толли, то едва ли бы сей последний имел место в сравнении с ним».

Еще не наступил Двенадцатый год, а «ратный лист» молодого генерала был блестящ и полон. В кампании 1808—1809 годов захватом Аландских островов Багратион наносит Швеции такой удар, что она склоняется к заключению хотя бы и невыгодного, но мира. В те же годы (1809—1810) Багратион — главнокомандующий в войне с Турцией... Но вся эта долгая, блестящая деятельность, раны, контузии были лишь подступами к главному и последнему подвигу — к Отечественной войне. В этой эпопее Багратиону сразу достался крупный, независимый пост — главнокомандующего 2-й западной армией.

Один из самых умных генералов того времени, человек, прямо скажем, скупой на хорошие характеристики, Ермолов так говорит о Багратионе в своих записках о войне 1812 года:

«Неустрасим в сражении, равнодушен к опасности. Не всегда предприимчив, приступая к делу, но решителен в продолжении его. (...) Ума тонкого, гибкого, князь Багратион сделал при дворе сильные связи. Обязательный и приветливый в обращении, он удерживал равных в хороших отношениях, сохранил расположение прежних приятелей. Никто из начальников не давал мне менее чувствовать власть свою; никогда подчиненный не повиновался с большей приятностью. Обхождение его очарователь-

ное... Недостаток познаний или слабые стороны его способностей, — тонко и деликатно прибавляет Ермолов, — могут быть замечаемы только людьми, особенно приближенными к нему».

Это было написано спустя время после долгих и бок о бок ратных дел. Но пока главные из них только начинались.

Положение Багратиона в начале Отечественной войны было не из легких: благодаря нелепому плану немецкого генерала Фуля русскую армию разделили на два отряда — 1-я (северная) под командой военного министра Барклай-де-Толли должна была отступать к Западной Двине, в укрепленный лагерь у Дриссы, 2-я под командой Багратиона действовать неприятелю во фланг и тыл. Но, по своему обыкновению, Наполеон стал действовать не так, как этого хотелось немецкому генералу, да и лагерь на Дриссе при осмотре оказался никуда не годным, и план кампании принял иной характер, чем было намечено. Как видно из приведенного в начале письма Багратиона государю, он прежде всего добивался соединения двух армий; ради правильных и успешных действий Багратион был готов пожертвовать даже своей самостоятельностью командующего, на что способны далеко не многие.

Как выяснилось, Багратион был прав, добиваясь соединения двух армий. Наполеон своей первой задачей поставил врезаться клином между ними и, чтобы раздавить 40-тысячный отряд Багратиона, послал против него своего брата Жерома — короля Вестфальского и маршала Даву.

Король Вестфальский, как потом скажут, «и ходить не умел», и он не только не разбил, но и упустил из вида армию Багратиона. Наполеон так рассердился на брата, что немедленно подчинил его маршалу Даву; обиженный король Вестфальский сложил с себя командование и уехал назад... Но это — к слову, к тому, что Багратион сумел искусно воспользоваться ошибкой Жерома, выбраться из труднейшего положения и, после ряда стычек, направить путь на Минск. Однако общее положение сложилось так, что раньше, 26 июня, в Минск вошел Даву.

После этого Багратион решил взять направление Могилев — Витебск, где его должен был ждать Барклай-де-Толли, но Могилев опять оказался захваченным французами, а под Витебском Барклай не решился дожидаться 2-й армии, ибо не было хорошей позиции для большой битвы.

Новым пунктом для соединения был намечен Смоленск.

Это трудное, тяжелое отступление, при котором Багратион каждый день рисковал быть отрезанным, видимо, его очень раздражало, да и натуре его приходилось поперек. Недаром же он писал тогда Ермолову: «За что вы срамите Россию и армию? Наступайте, ради Бога! Ей-Богу, неприятель места не найдет, куда ретироваться. Они боятся нас...» А через несколько дней, в другом письме: «Ради Бога, не срамитесь, наступайте, а то, право, стыдно мундир носить: право, скину».

Генерал Ермолов, на которого летели такие укоры, состоял тогда начальником штаба в армии военного министра Барклай-де-Толли. Алексей Петрович был одним из самых умных и образованных офицеров своей эпохи. Его интереснейшие записки

о войне рисуют автора как человека наблюдательного и остроумного, но именно за остроумие, язвительность ему и приходилось больше всего страдать на долгом жизненном пути.

Родился он в 1777 году, с пятнадцати лет уже служил в гвардии и шел по службе весьма успешно, но при Павле I, в 1798 году, по неизвестной причине был «посажен под караул, как преступник; найден невинным и обращен по Высочайшему повелению на службу; взят меньше, чем через две недели вторично, исключен из списков, как умерший, заключен в с.-петербургскую крепость и потом сослан в Костромскую губернию на вечное пребывание», — рассказывает в своих записках Ермолов.

С восшествием на престол Александра I Ермолов возвратился из ссылки и снова поступил в военную службу. Однако всю жизнь он оставался под подозрением как закоренелый либерал и карбонарий. Александр I, весьма чувствительный к насмешкам и язвительным словам, говорил: «Сердце Ермолова так же черно, как его сапог». Брат его и наследователь Николай I не любил Ермолова за самостоятельность и сочувствие декабристам; эта нелюбовь шла так далеко, что с поста командующего кавказской армией его отправили в ссылку в Орловскую губернию.

Блестящий генерал, герой Отечественной войны, окруженный ореолом либерализма и правительственных преследований, удивительно, что он всегда вызывал уважение и даже восторг в обществе. Несравненный сердцевед Пушкин, специально заезжавший перед поездкой в Эрзрум к Ермолову, оставил нам яркий его портрет: «Лицо круглое, огненные серые глаза, седые волосы дыбом, голова тигра на геркулесовом торсе. Улыбка неприятная, потому что неестественна. Когда же он задумывается и хмурится, то становится прекрасен».

Этот ореол — героя и либерала — до конца жизни сохранился за Ермоловым. Так, когда Герцен в 1847 году прибыл за границу, то его усиленно расспрашивали, особенно поляки-эмигранты, не предвидится ли заговора против Николая I и не принимает ли в нем участия генерал Ермолов.

Когда Алексей Петрович вернулся в 1801 году после первой ссылки, в Петербурге его хотя и встретили любезно и приняли на службу, но чином обошли. Молодой образованный офицер в те годы непрерывных войн, конечно, был замечен и быстро выдвинулся — накануне открытия военных действий Ермолову было предложено занять место начальника штаба первой армии под командой Барклая-де-Толли.

Ермолов усиленно отказывался от этой должности, как он объясняет в записках, опасаясь трудностей, особенно служить под непосредственным начальством военного министра. Другие полагали, что Ермолов хотел быть прямо на поле битвы. Но с этим назначением пришлось помириться, да и должность начальника штаба, надо сказать, подходила к Алексею Петровичу, образованному офицеру, владеющему пером и энергичному.

Сейчас же сталкивается он с целым рядом не порядков и преступлений, особенно жалуется Ермолов на воровство интендантов, которые представляли счета на не бывшие покупки, сделанные к тому же в тех местах, которые уже захватил неприятель.

Многие генералы вели себя не лучше. Так, например, в битве при Островне (одного из первых столкновений) дело едва не кончилось печально: генерал Коновницын завязал горячую схватку с неприятельским авангардом, на подмогу подошли еще войска под начальством генерала Тучкова 1-го, и он, как старший в чине, принял командование. В это время русские стали отступать под напором французов, ряды смешались, и Коновницын из зависти к Тучкову не стал восстанавливать порядок в рядах отступавших русских войск... Картина, прямо скажем, неприглядная, но и такое случалось в те дни.

Отступление до Смоленска не вызывало особенно сильного недовольства, на него смотрели как на необходимость, чтобы соединить обе армии; но когда было отдано приказание покинуть Смоленск после двухдневного удачного боя, в армии и в обществе вспыхнуло недовольство. Смоленск был первый старинный русский город, который сдавали французам. Раньше были скорей Польша, Литва, чем Россия; здесь же вспыхнули другие чувства, которые прекрасно изобразил Ермолов в своих записках.

«Разрушение Смоленска,— говорит он,— познакомило меня с новым совершенно для меня чувством, которого войны, вне пределов отечества выносимые, не сообщают. Не видел я опустошения земли собственной, не видел пылающих городов моего отечества. В первый раз в жизни коснулся моих ушей стон соотчичей, в первый раскрылись глаза на ужас бедственного их положения. Великодушные почитаю я даром Божества, но едва ли бы дал ему место прежде отмщения!»

«Отмщение! Немедленная битва!» — был общий возглас армии и России. Все негодуют, все ненавидят неприятеля, но больше всех — Багратион. Еще до оставления Смоленска, недовольный отступлением, видевший себя обойденным, Багратион считал как бы своей миссией разбить Наполеона и спасти Россию. Угрожал он, что снимет мундир и покинет армию, теперь же в письмах выражал свое возмущение.

«Я думаю,— писал он Аракчееву,— что министр уже рапортовал об оставлении неприятелю Смоленска. Больно, грустно и вся армия в отчаянии. Это самое важное место понапрасну бросили. Я с моей стороны просил лично и писал, но ничего его не согласило... Это стыдно, и пятно армии нашей, а ему самому (Барклаю), мне кажется, и жить на свете не должно... Слух носится, что вы думаете о мире, чтобы помириться. Боже сохрани; после всех пожертвований и после таких сумасбродных отступлений — мириться. Вы поставите всю Россию против себя, и всякий из нас за стыд поставит носить мундир».

Через несколько дней князь Петр Иванович пишет к Ростопчину в еще более резком тоне и в приписке к письму осуждает даже Александра:

«От государя ни слова не имеем; нас совсем бросил. Барклай говорит, что государь ему запретил давать решительное сражение, и все убегает. По-моему, видно, государю угодно, чтобы вся Россия была занята неприятелем. Я даже думаю, что русский и природный царь должен наступательный быть, а не оборонительный — мне так кажется...»

Раздраженный Багратион, считая, что он более достоин главнокомандования, даже не хотел подчиняться Барклаю-де-Толли, но Ермолов стыдил его и уговаривал бросить личное честолюбие, ибо на карту была поставлена не личная, но России целой судьба:

«Вам, как человеку, боготворимому подчиненными, тому, на кого возложена надежда многих и всей России, обязан я говорить истину: да будет стыдно вам принимать частные неудовольствия к сердцу, когда стремление всех должно быть к пользе общей; это одно может спасти погибающее отечество наше! Принесите в жертву ваше самолюбие, уступите другому и ожидайте, пока не назначат человека, какого требуют обстоятельства».

А между тем все сочувствие общества было на стороне Багратиона. «В имени соперника Барклая, — рассказывает современник, — искали видеть настоящего вождя и спасителя родины: «Бог-рати-он». Отметим и мы: в армии вообще негодовали на иностранцев, и иногда озлобление принимало опасный характер. Так, например, знаменитый атаман Платов полусхуля, но, конечно, готовый исполнить, предлагал Ермолову просто подстрелить полковника Вольцогена и Жалибара, про которых был пущен слух, что они сносятся с французами.

Назначение Кутузова несколько потушило распрю, но особенно заняла всех подготовка к генеральному сражению. И он пришел, так долгожданный Бородинский бой, — день смерти для Багратиона, день славы для Ермолова.

Багратион был назначен руководить действиями левого фланга русской армии, самую слабою частью позиции. Против него первого направил Наполеон свои атаки. Здесь было сосредоточено со стороны французов 400 и с нашей 300 орудий. Эти 700 орудий громили войска всего на площади в одну квадратную версту, три раза переходили из рук в руки флеша Багратиона. В этой бойне был контужен маршал Даву, ранены генералы Кампан и Дессе; с нашей стороны выбыли из строя генералы: князь Горчаков, Неверовский, принц Мекленбургский, граф Сен-При; наконец, при четвертой атаке, около 11 часов дня, был ранен сам Багратион — осколок гранаты раздробил ему переднюю часть правой берцовой кости; он не покидает поля боя. Рассказывает Ермолов: «Князь Багратион, одушевляя войска, идущие вперед, своим присутствием, чувствуя себя пораженным и избегая вредного действия на дух боготворящих его войск, скрывает терзающую его боль, но, ослабевая от истекающей крови, в глазах их едва не упадет с лошади. В мгновение проносится слух о его смерти, и войска невозможно удержать от замешательства... Одно общее чувство — отчаяние!»

Около 12 часов пополудни русские вынуждены были уступить флеша Багратиона, а его самого унесли с поля боя.

Почти одновременно с успехом на левом фланге после ряда обвальных атак французы захватили центральную батарею (редут Раевского). Потеря этого пункта могла повлечь за собой прорыв нашего фронта и полный разгром армии.

Битва эта была так жестока, в ней все так смешалось, что уже в это время, к полудню, общего руководства не было... И в этот

час, когда все висело на волоске, едущий с поручением Ермолов видит, что русские войска отступают от центральной батареи и ключ позиции в руках неприятеля; не теряя ни минуты, он берет батальон Уфимского полка, перестраивает остатки трех егерских полков и ведет атаку на потерянный редут.

Знаменитая эта атака богато украшена легендой. Говорили, что Ермолов, бросившись во главе своей колонны на батарею, кидал туда бывшие с ним Георгиевские кресты. Батарея Раевского была отбита, удержана, а позиция спасена.

День этот, с удивительными подробностями, до часов и минут, отчетливо сохранила память Ермолова: «В третьем часу пополудни, находясь на занятом мною возвышении, я получил известие о смерти графа Кутайсова. Верховая лошадь его прибежала в лагерь, седло и чепрак на ней были обрызганы кровью и мозгом. Недолго после я получил рану... Картечь, поразившая насмерть унтер-офицера, прошел сквозь его ребра, пробила воротник моей шинели, разодрала воротник сюртука, но шелковый на шее платок смягчил удар контузии. Я упал, некоторое время был без чувств, шея была синего цвета, большая вокруг опухоль и сильно помятые на шее жилы. Меня снесли с возвышения, и отдых возвратил мне чувства».

Сам Ермолов прекрасно оценивал значение этого дня; он отметил в записках, что неприятель «одержал победу», но — «несоответствующую его ожиданиям». При Бородине Наполеон рассчитывал на полную победу, на деле же «французская армия разбилась об русскую».

В то же время все отлично понимали, что если русская армия выдержала один натиск, то едва ли она сможет выдержать второй. В Москве, несмотря на велеречивые афиши Ростопчина, все готовились к отъезду, и сам он перед советом в Филях, когда войска уже опирались на Воробьевы горы, откровенно говорил Ермолову:

— Не понимаю, для чего усиливаетесь вы непременно защищать Москву, когда, овладев ею, неприятель ничего не приобретет полезного — оттуда все вывезено. В Москве останется лишь до пятидесяти тысяч самого беднейшего народа, не имеющего другого приюта. Если без боя оставите вы Москву, то вслед за собою увидите ее пылающею!

Рассказывая о решении оставить Москву, Ермолов жестко негодует на Кутузова, который хотел, как полагает автор, свалить ответственность за этот шаг на других.

На военном совете в Филях Ермолову, как младшему из присутствующих по чину, пришлось высказывать первому свое мнение. Он находил необходимым покинуть Москву без боя; это мнение желал от него услышать и Кутузов, но «не решился я, — говорит Ермолов, — как офицер, недовольно еще известный, страшая обвинения соотечественников, дать согласие на оставление Москвы и, не защищая мнения моего, вполне несомнительного, предложил атаковать неприятеля».

Но вопрос об оставлении Москвы без боя был уже предрешен, и русские войска отошли.

И здесь самое место сказать о том, о чем больше легенд, чем

правды, потому как она солона. Уже пообвыклись мы: если «народная война», то «все как один». Нет, не все. С негодованием рассказывает Ермолов, как «патриотическая» Москва отнеслась к раненым: без призора, в самом ужасном положении валялись они всюду в белокаменной; богачи, делавшие официальные пожертвования с большим шумом, не хотели на раненых истратить копейки, не давали ни помешений, ни подвод, так что среди солдат, видевших это, начался сильный ропот...

Москву заняли французы, русские расположились в Тарутине, и, несмотря на непрерывные стычки, порой серьезные битвы, между двумя армиями установились и мирные сношения; на аванпостах встречались и беседовали даже крупные генералы, что вызвало недовольство императора Александра, который сделал особый выговор генералу Беннигсену.

Ермолов не без юмора изображает эти встречи:

«Генерал Милорадович не один раз имел свидание с Мюратом, королем Неаполитанским. Из разговоров их легко было заметить, что в хвастовстве французам не всегда принадлежало первенство. Если бы можно было забыть о присутствии неприятеля, казалось бы свиданье их представлением на ярмарке или под качелями. Мюрат являлся то одетым по-гишпански, то в вымышленном преглуном наряде, в собольей шапке, в глазетовых панталонах. Милорадович — на казачьей лошади, с плетью, с тремя шальями ярких цветов, не согласующихся между собою, которые, концами обернутые около шеи, во всю длину развевались по воле ветра. Третьего подобного не было в армиях».

На войне как на войне, и в жизни как в жизни — все под одним небом, все в один час — и смех и трагедия рядом...

С серьезною, но не смертельною раню доставленный из Бородина в Москву, обнадуженный докторами и, похуже, выздоравливающий князь Багратион спустя несколько дней был вывезен из пылающего города по Владимирскому тракту в село Симы. Худая, ухабистая дорога, но особенно моральное состояние, вызванное вступлением французов в Москву, сделали свое дело: больной впал в беспокойство, которое вызвало горячку, а вслед за нею на ране началась гангрена... В мучениях, не приходя в сознание, 12 сентября князь Багратион скончался.

Со смертью его разделение на две армии фактически исчезло. 22 сентября Барклай-де-Толли покинул армию, штабы первой и второй армии слились, но Ермолов остался на прежнем месте и во второй половине кампании — от Москвы до границы — принял еще более деятельное участие. Почти все время преследования Ермолов командовал нашим авангардом, рвался в бой и злился на Кутузова, который, жалея армию и считая ненужной для России гибель Наполеона, сдерживал пыл русских генералов. Ермолову он даже однажды написал: «Голубчик, будь осторожен, избегай случаев, где ты можешь понести потерю в людях».

Негодую на Кутузова, Ермолов, в сущности, приходил к тем же выводам: французской армии уже нет, она гибнет, разлагается сама собой. Позже он отметит это в записках:

«В Вязьме в последний раз мы видели неприятельские войска, победами своими вселявшие ужас посюду и в самих нас уваже-

ние. Еще видели мы искусство их генералов, повиновение подчиненных и последние усилия их.

На другой день не было войск, ни к чему не служила опытность и искусство генералов, исчезло повиновение солдат, отказались силы их, каждый из них более или менее был жертвою голода, истощения и жестокости погоды».

Война в России шла к закату. Ермолов присутствует при последней трагедии великой армии — переправе через Березину, которая хотя и вызвала огромные потери со стороны французов благодаря морозу и обрушившемуся мосту, но — и об этом надо говорить правду, и Ермолов говорит ее — еще раз доказала бездарность многих наших генералов. По плану, выработанному еще в сентябре, Наполеона должны были охватить три армии: с юга — адмирала Чичагова, с севера — генерала Витгенштейна и с тыла — Кутузова, но две первые не сумели согласовать своих действий, и Наполеон прорвался с остатками армии к границе. Авангард же Ермолова подошел уже по окончании переправы.

В этой неудаче главным образом обвиняли адмирала Чичагова (даже Крылов написал басню «Кот и щука», где, как помнит читатель, Кот — Кутузов, а Щука — адмирал Чичагов), но Ермолов, считая это несправедливым, выступил в защиту адмирала и даже подал об этом Кутузову докладную записку.

Прибывший к армии в декабре Александр I назначил Ермолова начальником всей артиллерии в предстоящей заграничной кампании. Война в России кончилась. Начиналась другая.

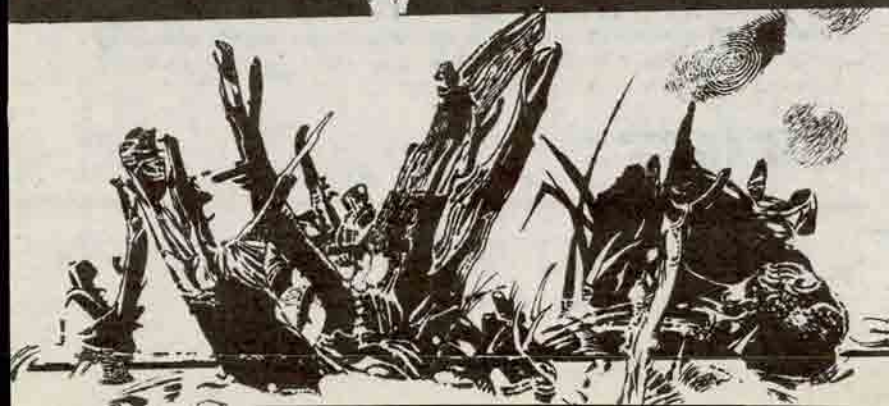
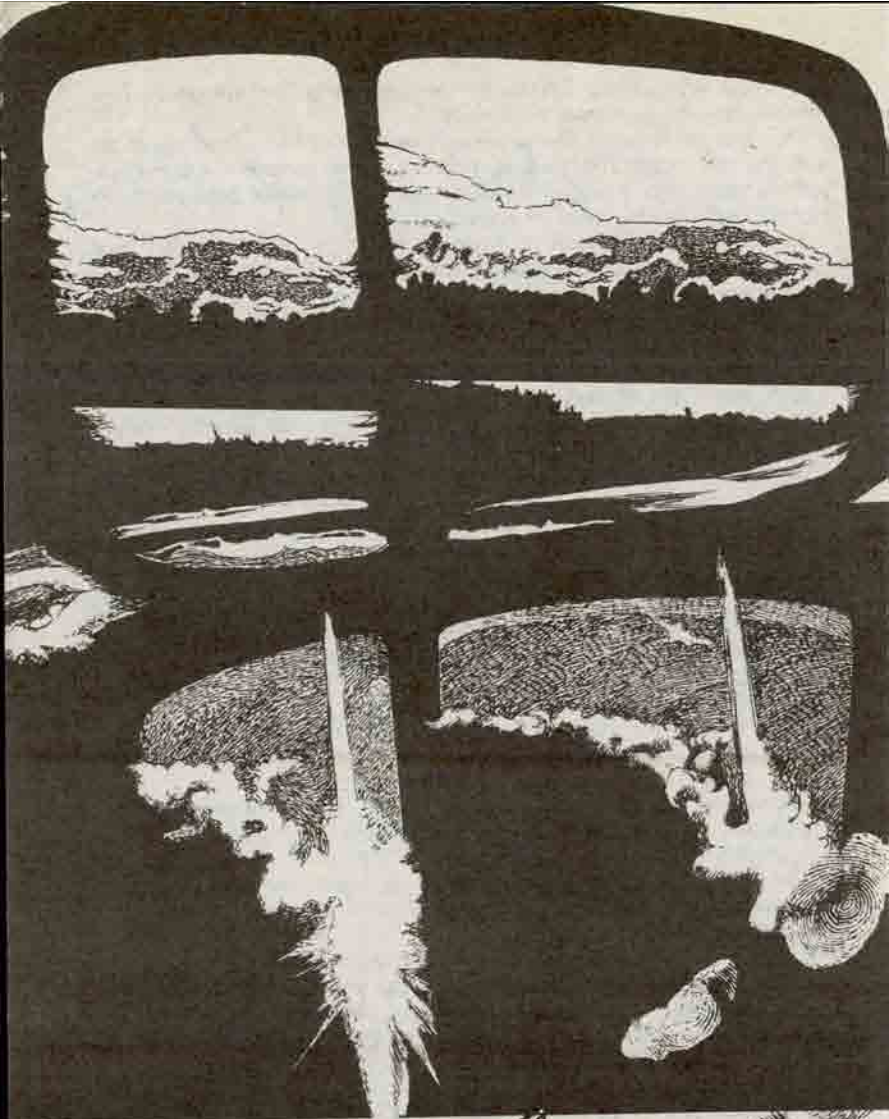
В судьбе всего русского воинства Двенадцатый год был тем кремнем, который высек искру, но свет ее и сегодня дает возможность взглянуть каждого — от солдата до генерала.

Совсем не случайно, но вместе с тем и ненамеренно равноправными героями этого очерка оказались два генерала, столь различные по характеру и по образу действий. Объединило же их время, можно сказать, рубеж русской военной истории, который, как оказалось, на целый век определил и всю общественную жизнь России.

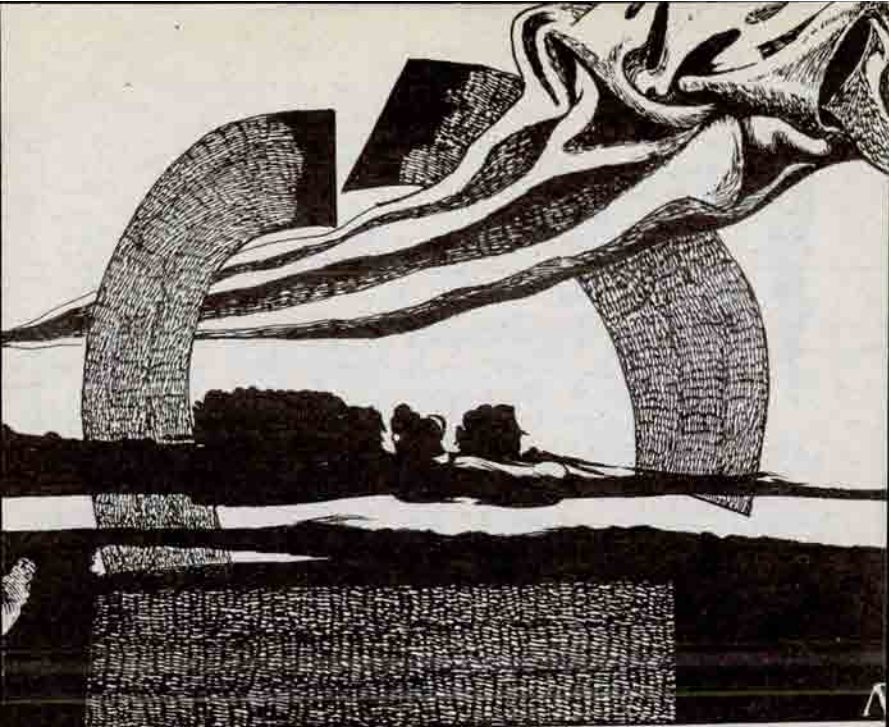
Багратион и Ермолов — типичные представители двух поколений нашей армии: суворовского, когда все строилось на отваге и вдохновении, и александровского, когда военные стали уделять много времени наукам, в первую очередь общественным.

Первые, как и Багратион, были только солдатами; вторые, познакомившись с Западом, скоро стали политиками; их поколение создало в России первое серьезное общественное движение. Ермолов не принимал активного участия в деле декабристов, но сочувствовал ему и даже после неудачи восстания не изменил своим либеральным идеалам.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

ГРИГОРИЙ ГЛАЗОВ

**ПРАВЫЙ
ПОВОРОТ
ЗАПРЕЩЕН**

Рисунки ЛЬВА РЯБИНИНА

Уже десять лет на моей визитной карточке напечатано: «Устименко Артем Григорьевич. Адвокат. Юридическая консультация Шевченковского района». А внизу мелко — адрес, служебный и домашний номера телефонов. Когда мне исполнилось пятьдесят три, из коих двадцать семь я проработал и следователем, и прокурором-криминалистом, и под конец прокурором следственного управления, из областной прокуратуры пришлось уйти. Однажды я понял: выжимают, как пасту из тюбика, и подал заявление «по собственному желанию», опасаясь худших вариантов.

С тех пор мои отношения с прокуратурой довольно сложные, но с некоторыми давними коллегами из следственного управления дружбу я все-таки сохранил...

История с доктором химических наук Еленой Павловной Кубраковой наделала много шума. Она не просто вышла за пределы города и республики, но в известном смысле пересекла и государственную границу, напомнив мне еще раз банальную истину, что все в мире взаимосвязано. В мае из Харькова в командировку на какой-то симпозиум химиков прикатила моя троюродная сестра Неля. Последний раз мы виделись лет пять или семь назад, но она не изменилась: была все такая же суетливая, настырная, пребывала в состоянии озабоченности чьей-то судьбой, не очень интересуюсь, насколько необходимо это ее вторжение.

В тот вечер после ужина мы пили чай.

— Ты надолго? — спросил я.

— На два дня. Кубракова устроила интересный симпозиум.

— Жить будешь у нас?

— Нет. Я остановилась у Ангелины Назаркевич. Моя школьная подруга. Чудная баба, а сын непутевый. Способный химик, но влез в какой-то кооператив. Хочу с ним поговорить.

— Тебе-то какое дело? — пожал я плечами.

— То есть как?! Она интеллигентный человек, а сын — кооператор!

— Ну и что?

— А если посадят в тюрьму?

— За что?

— У него, наверное, появились шальные деньги.

— Это еще не основание, чтобы сажать человека в тюрьму.

— А, брось! — махнула она рукой, словно я был безнадежно отставшим от времени человеком. — Я должна тебя познакомить с Ангелиной!

— Зачем?

— У нее иногда собирается интересная компания.

— Не люблю компаний, я уже стар для этого.

— Слушай, по каким дням у вас работает барахолка?

— Понятия не имею. Зачем тебе барахолка? Ты же приехала на симпозиум.

— Хочу купить набор импортных румян. Мне нужно сделать подарок Кубраковой.

— У нее день рождения?

— Нет, хочу дать ей на отзыв свою статью.

— Она пользуется румьянами?

— Не знаю. Но должна, ей под пятьдесят, надо быть в форме. Ты помнишь... — Она назвала фамилию.

— Нет, не помню.

— Ну как же! — чуть не возмутилась Неля. — Он когда-то хотел продать машину, и я у тебя просила письменную консультацию, как это лучше сделать.

— Продал?

— Не в этом дело. — Она вдруг прыснула. — Елена Павловна Кубракова была одно время его любовницей. Я их познакомила, хотела поженить. Но он отказался, сказал, что она храпит. Врал, конечно... Ладно, я пошла. У Назаркевичей завтра именины, хочу помочь Ангелине что-нибудь испечь...

Когда Неля исчезла, возникло ощущение, словно прекратилась долго терзавшая зубная боль. Какая-то Кубракова, какие-то Назаркевичи... Мог ли я тогда думать, что эти фамилии, вбитые мне в голову трескотней троюродной сестрицы, встретятся мне, но уже при других обстоятельствах?!

Итак, вернемся на полгода назад.

1

В тот теплый июньский полдень из зашторенных окон ресторана гремела музыка, нестройно пели голоса, раздавались выкрики, смех. Табличка, висевшая на входной двери, предупреждала: «Ресторан закрыт. Банкет».

Трое молодых мужчин лет тридцати семи — тридцати восьми разочарованно взглянули на табличку.

— Вот и победали, — огорченно сказал Назаркевич. — Я же говорил, надо было в аэропорт, там всегда открыто.

— Жаль, тут, пожалуй, единственное место, где еще прилично кормят, — произнес Вячин.

— Еще не все потеряно, — ответил им Лагойда и, направившись к швейцару, сунул ему пятерку. Дверь тут же была распахнута.

Они вошли в зал. Перед ними вырос администратор, недоверчиво оглядел их явно не подходящую для банкета одежду и сказал:

— Слушаю вас.

— Устройте нас в уголке, — командно произнес Лагойда.

— У нас банкет, — ответил администратор.

— Это я читал. Поэтому и нужно где-нибудь в уголке, за служебным столиком.

— Пойдемте, — после минутного колебания решил администратор, высчитывая, кто эти трое настырных: из угрозыска или из ВХСС, а может... Видимо, на большее его фантазии в силу профессии не хватило...

— Ну и арап ты! — засмеялся Назаркевич, когда они уже сидели за служебным столиком в глубокой нише в стороне от центрального зала. — Обедаем или гуляем?

— Скромно обедаем. — Вспомнив пытливые глаза администратора, Лагойда предостерегающе поднял палец.

Но были они не из угрозыска и не из ВХСС. Николай Николае-

вич Вячин, технолог, возглавлял кооператив «Астра», куда уговорил пойти на договорных началах своих приятелей: Сергея Матвеевича Назаркевича и Юрия Игнатьевича Лагойду, основным местом службы которых являлся научно-исследовательский и экспериментально-производственный институт металловедения, где Назаркевич работал инженером-химиком в лаборатории, а Лагойда заведовал всем энергетическим хозяйством. Когда-то и Вячин начинал свою инженерную карьеру в этом институте, но несколько лет назад ушел. Его кооператив «Астра», в сущности, был малым предприятием — солидным, хорошо отлаженным, с оборотом в несколько миллионов. Делали тут художественное литье из легких сплавов: фурнитуру для мебели, фигурные петли для дверей, накладки на замочные скважины, изящные дверные ручки, крючки для вешалок, штамповали модные люстры, бра и сувенирные подсвечники. Вячин сманил к себе хороших дизайнеров...

— Что будете пить? — спросил подошедший официант.

— Ничего, — отрезал Вячин.

— Ну, может, хоть пивка? — предложил Назаркевич.

— Ладно, три пива, — смилостивился Вячин. — Ты же непьющий, — повернулся он к Назаркевичу. — Чего вдруг?

— Да так что-то, захотелось.

— Хорошо. Приступим к делу. Выкладывай, — обратился Вячин к Назаркевичу.

— Если помнишь, еще при тебе Кубракова начала работу над этим лаком, — начал Назаркевич.

— Помню.

— На это ушло у нее шесть лет.

— Почему «у нее», ты ведь тоже участвовал? — вставил Лагойда.

— Идея-то была ее... Сейчас это значения не имеет, — раздраженно ответил Назаркевич. — Работа завершена. Результат потрясающий.

— А именно? — спросил Лагойда.

— Лак она назвала «поликаувиль». Он универсален. Может служить исходным материалом для десятков, а может, и сотен производных. Найдет применение в радиоэлектронике, в фармакологии, в антикоррозионной технологии.

— Какое это имеет отношение к нашим изделиям? — спросил Вячин.

— Поликаувиль водонепроницаем, сверхпрочен, его не берут ни кислоты, ни ляпис, он обладает сверхизоляционными свойствами. А ты ведь жаловался, что торговля приняла несколько претензий от покупателей. В чем они, эти претензии?

— Со временем тускнеет декоративно-тонирующее покрытие, потому что на лаке появляются трещины, проступают пятна окисления.

— Поликаувиль Кубраковой все эти проблемы снимает. Он хорош и как изолятор проводов. А ведь вы делаете бра, люстры. Я же говорю: он универсален!

— Ты мне говорил и про автомашины, — подсказал Назаркевичу Лагойда.

— Это к делу не относится, — ответил тот.

— А что автомашины? — спросил Вячин.

— Если в поликаувиль добавляются каучукосодержащие вещества и уза, он становится антикоррозионной защитой. Аналогов ей в мире нет. Сегодня, во всяком случае. Лак не затвердевает, а сохраняет упругость. Машине не страшны удары гравия в днище.

— А что такое уза?

— Восковой клей, сотовая сушь. Меду в ней нет. Пчелы узой заклеивают щели в сотах, — объяснил Назаркевич.

— Башковитая баба наша Кубракова, — засмеялся Лагойда.

— Хоть и стерва, но талантлива, — согласился Назаркевич. — Взгляни, как это выглядит в натуре. — Он извлек из кармана пузырек от корвалола с прозрачной жидкостью.

Лагойда внимательно осмотрел пузырек и передал его Вячину. Тот откупорил, понюхал, снова закрыл, взболтал пузырек, затем сказал:

— Вязкий. Но если распылять аэрозольно под большим давлением... Где взял?

— Перед промывкой аппарата слил из отстойника. Там всегда остается граммов 25—30.

— Много у нее этого лака? — спросил Вячин.

— Смотря для чего, — ответил Назаркевич. — Для промышленных нужд — капля в море. Установка-то опытная, лабораторная. Кубракова надоила на ней всего литров тридцать.

— Нам двух поллитровок этого поликаувиля хватило бы на год. Распыляли бы аэрозольно, — сказал Вячин.

— Попроси у нее, — посоветовал Лагойда. — У вас же были неплохие отношения. Может, даст.

— Так эта ведьма и разбежится! — скривился Назаркевич. — Впрочем, как хочешь. Она послезавтра утром вместе с директором уезжает в Германию.

— Надолго? — спросил Лагойда.

— А черт ее знает! Кажется, на неделю. По мне, так хоть бы и навсегда, — ответил Назаркевич.

— Тосковать будешь, — засмеялся Лагойда. — Ну, где этот официант? Жрать хочется!

— Вон уже катит тележку, расстегивай пояс. — Вячин убрал руки со стола, как бы освобождая место.

2

Серая «вольво» с польскими номерами, мягко вкатываясь в рытвины проселка и осторожно выползая из них, миновала последние дачные домики.

— Ну и дороги у вас! — сказал водитель.

— А то ты не знал! Первый раз, что ли? Да и у вас не лучше. Ездил, знаю, — ответил мужчина, сидевший на правом сиденье.

Машина легко поднялась на лесистый холм и остановилась. Они вышли.

— Дверцы не закрывай, пусть проветрится, душно, — с легким акцентом произнес поляк.

— Границу пересекал в Бресте?

— Нет, у вас.

— Опять в Турцию?

— Да.

— Надолго?

— Не знаю. Видно будет. Еще предстоит заехать в Баку, долг погасить.

— А к нам надолго?

— Дней десять пробуду. Есть дела.

— Как идут «колесики»?

— Хорошо! Спокойней. Ты молодец, что сообразил.

— Перемышль, Жещув, Люблин?

— Нет, хватит. Тут граница близко. Как это у вас говорят: «жадность фраера сгубила». Гоню их подальше: в Труймасто*, в Эльблонг, там по хуторам и деревням... Ты говорил, что на основе этого... как его... поликаувиля получается хороший антикоррозионный клей...

— Хороший? Лучшего нет ни у нас, ни на Западе! Испытывали кислотно-солевыми растворами днище и скрытые сечения. В разных температурных режимах, в разной среде.

— На чем же она варит этот лак?

— Для антикоррозионной пасты туда идет уза, сырая резина и еще много всякого.

— Что такое уза?

— Для чего тебе подробности? Ну, некое подобие воска.

— Да, пчелы умные люди. — Поляк сел. Солнце ушло за лес, пробивая его в отдельных местах длинными золотыми клиньями. — Мне бы такую мазь! Отбоя от клиентов не было б! «Фирма Тадеуша Бронича. Супернадёжное антикоррозионное покрытие. Аналогов в мире не существует. Принимаем автомобили всех марок. Оплата — только в свободно конвертируемой валюте». Звучит реклама? Я бы ее в газеты.

— Звучит. Но помочь тебе не могу.

— А если я сам к этой пани схожу? Поговорю, предложу проценты.

— В злотых?

— В хорошей валюте, — сжав пальцы в кулак, ответил хозяин «вольво».

— Нет, Тадек, боюсь, что не получится. Ты знаешь, какой характер у мужика, который в сорок лет стал импотентом? А характер старой девы? Так вот, сложи то и другое — и получишь нашу мадам Кубракову.

— Сколько ей лет?

— Под пятьдесят.

— А если я предложу ей создать совместное предприятие? Готов вложить свои форсы*. Опять же в долларах. Куплю, чтоб гнать эту мазь, импортное оборудование. Как думаешь, клюнет?

— Вряд ли.

* Труймасто — три города на Балтийском побережье Польши: Гданьск, Гдыня, Сопот (здесь и далее прим. автора).

* Форсы — (польск.) жаргонное слово, обозначающее деньги.

— А если попробовать?
— Она послезавтра уезжает в Германию.
— Ничего, постараюсь успеть. Это годится? — Поляк достал визитную карточку. «Тадеуш Бронич. Технический директор автосервисной фирмы «Будем знакомы».

— Фирма? Да ведь у тебя просто автомастерская в каменном сарае.

— У нас теперь все фирмы. Модно. Платный сортир — тоже фирма...

— Давно я не был в Польше. Как цены?

— А что цены? Все есть и в Польше, и в Москве, и в Улан-Баторе, и в Лондоне. — Тадек извлек из красивого мягкого портмоне несколько долларовых бумажек, протянул их собеседнику. — Это тебе, зарплата. И это тебе, — вытащил он из сумки толстую пачку двадцатипятирублевков. — Вернусь — добавлю, если, конечно, удачно съезжу.

— Спасибо, Тадек... «Пробу» видел?

— Да. Он сказал, что металл кончается.

— Хорошо, постараюсь.

— Старайся. Дело общее и интерес общий... Ну что, язда?

— Да, пора. Едем.

Они уселись в машину.

— В Жешув не собираешься? — спросил Тадек, съезжая на нейтральной скорости с холма.

— Возможно, поеду.

— Загляни там к Збыху.

— Обязательно...

«Вольво» миновала дачные участки и по накатанному асфальту выехала в городские улицы.

3

Поездка в Германию планировалась с зимы. Ехать должны были вдвоем: директор НИИ Альберт Андреевич Яловский и его заместитель по науке, заведующая ведущей лабораторией Елена Павловна Кубракова.

К весне партнеры по переговорам из фирмы «Универсальфарм ГмбХ» отправили Яловскому две телеграммы, трижды звонили ему и Кубраковой: хотели наконец определиться. В итоге немцы сообщили, что приглашают Кубракову и Яловского за счет фирмы. И наконец наступил день, когда Кубракова заканчивала сборы в дорогу, давала какие-то указания секретарше Свете.

— Кто бы ни звонил, меня сегодня нет, Света. Я уехала, умерла, испарилась.

— Хорошо, Елена Павловна. А если директор?

— Ну разве что... Ко мне есть кто-нибудь?

— Какой-то пан из польской фирмы. — Света подала ей визитную карточку.

Быстро прочитав, Елена Павловна отложила ее и вышла в приемную. Тадек поднялся навстречу. Чуть сошурившись, она всматривалась в его лицо, словно что-то вспоминая. Он не успел еще сделать следующий шаг, как она остановила его:

— Простите, вы по какому вопросу?

— Я бы хотел... Есть одно предложение,— заторопился он.

— Извините, я спешу. Света, пожалуйста, проводи господина к Вячеславу Петровичу.— Кубракова вернулась в свой кабинет.

Но идти со Светой к Вячеславу Петровичу поляк отказался:

— Мне нужна только пани Кубракова. В конце месяца я еще приеду.— Любезно поцеловав Свете руку, он удалился...

Елена Павловна перелистывала бумаги, раскладывала по папкам, составляла памятку, что нужно сделать после возвращения. После полудня позвонил Назаркевич:

— Света, шефиня у себя?

— Плохо слышу, вы откуда звоните?

— С химфармзавода, тут коммутатор. Она у себя?

— Уже ушла,— соврала, как и было велено, Света.— Она завтра рано утром уезжает. А что вы хотели, Сергей Матвеевич?

Подписать одно письмо.

— Придется подождать до ее возвращения.— Она положила трубку и тут же по внутреннему телефону позвонила Кубраковой.— Елена Павловна, звонил Назаркевич.

— Что он хотел?

— Подписать какое-то письмо.

— Мне не до него...

В шесть вечера, закончив все дела, вдвоем со Светой они вышли из лаборатории. На противоположной стене коридора в нише размером с тетрадь имелся небольшой запиравшийся сейфик сигнализации. Света включила тумблер и заперла металлическую дверцу.

— Вы домой? — спросила Кубракова.

— Нет, за Вовкой в садик.

На улице их поджидал Вячин.

— Елена Павловна, уделите пять минут,— попросил он.

— Некогда мне, Вячин.

— Я пошла, Елена Павловна,— сказала Света.— Счастливого пути вам,— попрощалась она и зашагала через скверик к трамвайной остановке.

— Не могу я с вами разговаривать, Вячин.— Кубракова нетерпеливо посмотрела на часы.

— Одну минутку, Елена Павловна.

Но Кубракова, раздраженно глянув на него, переложила портфель из одной руки в другую и двинулась прочь.

Он смотрел ей в спину, сцепив зубы, словно сдерживая гневные слова, готовые вырваться вдогонку.

Елена Павловна жила с матерью. В этой квартире был прописан и младший брат — майор, но он постоянно находился в райцентре Сокирцы, где служил военкомом. Ни мужа, ни детей у Кубраковой не было. Выйдя замуж сразу же после окончания института за своего сокурсника, Елена Павловна прожила с ним год. Расстались они тихо и незаметно, самым близким приятельницам она объяснила: «Не выношу, когда мужчина постоянно стрижет и подпиливает свои ногти и покрывает их бесцветным лаком»...

Где-то около одиннадцати Елена Павловна закрыла чемодан и села к столу, еще раз просмотреть документы, приготовленные для поездки. Не хватало одного варианта проекта договора. Она еще раз перерыла все бумаги, но договора не было. «Дура! Надо было там проверить!» — обозлилась она на себя и, надев бежевую пушистую мохеровую кофту, вышла в прихожую.

— Мама, я скоро вернусь. Ты ложись, я ключи взяла...

Сидя в полупустом вагоне трамвая, Елена Павловна старалась вспомнить, где мог лежать договор. «Скорее всего между папок в правом ящике. Света принесла мне две папки и прямо с машинки три экземпляра», — вспоминала она...

Четырехэтажное здание института было погружено во мрак. Поднявшись по ступеням, Елена Павловна подошла к широким дверям, прильнула лбом к холодноватому стеклу, заглядывая в холл. Темень. Кубракова достала из сумочки связку ключей, отперла дверь и вошла в холл. Справа — конторка ночного вахтера. Но в ней пусто. Это показалось странным. Шесть ступенек из холла в бельэтаж — и она уже шла по длинному коридору с большими оконными проемами, выходящими в темный внутренний двор. Кубракова сделала еще несколько шагов, как вдруг на столбе у гаражей вспыхнул сильный фонарь. Отсюда просматривался другой коридор, начинавшийся под прямым углом сразу за поворотом и тоже теперь освещенный. Почти в самом конце его — лаборатория. Она заметила, как дверь лаборатории отворилась и оттуда вышел человек. Он оглянулся, что-то затолкал в карман, подергал дверную ручку, вытащил из замочной скважины ключ, отошел к противоположной стене и... исчез.

Елена Павловна ощутила холодную дрожь, пробежавшую, как разряд тока, по спине и ногам. Вздохнув пересохшим ртом, она медленно двинулась к лаборатории. Дверь была заперта. Дрожащими повлажневшими пальцами Елена Павловна нащупала в сумочке ключи, отомкнула дверцу ниши сигнализации на противоположной стене, отключила ее и отперла приемную. В темноте просматривался стол Светы с зачехленной пишущей машинкой. Она прошла в свой кабинет. Люстру зажигать не решилась, а включила настольную лампу и, бросившись к сейфу, стала перебирать бумаги. Все, что касалось поликаувилы, было на месте. Из кабинета вела узенькая дверь в лабораторию. Отодвинув щеколду, Елена Павловна вошла и с порога окинула взглядом огромную комнату. Длинные столы. Реторты, колбы, бутылки, стеклянные змеевики, пробирки в штативах, перегонные колена, куб с дистиллированной водой. В углу, опутанная проводами и медными трубочками, большая цилиндрическая емкость с поликаувилем. Кубракова взглянула на деления датчика и покачала головой. Вернувшись в кабинет, она нашла в ящике письменного стола нужную бумагу, ради которой очутилась здесь в эту ночь...

В конторке вахтера уже горел свет. Услышав приближавшиеся шаги, вахтер поднялся со стула.

— Елена Павловна?! Как вы здесь оказались? Разве входная дверь была незаперта? — спросил он.

— Да нет, я своими ключами... Анатолий Филиппович, мимо вас никто не проходил? Вы ничего такого не заметили?

— Нет, Елена Павловна... А что?

— Да так... мне показалось...

— Я, правда, отлучался минут на пятнадцать, последний обход делал.

— Спокойной ночи, Анатолий Филиппович. Заприте за мной...

Идя домой, она пыталась снова все сопоставить. В одном Кубракова была уверена: не мираж ей привиделся. Она узнала того человека. И почти поняла, за чем он приходил. Но как удалось проникнуть в помещение? Входная дверь с улицы закрыта. Чтоб попасть из приемной через кабинет в лабораторию, надо отключить сигнализацию... А это можно сделать, лишь отперев дверцу ниши, где тумблер... Вахтера не оказалось на месте... Вахтер? Что она знает о нем? Работает здесь четыре года. Нареканий не имеет. На работу его принимал сам Яловский, даже не принимал, а как бы устраивал...

Вернувшись домой, Елена Павловна по привычке нажала клавишу автоответчика. После короткого шуршания раздался голос: «Елена Павловна, это Яловский. Куда вы запропалились на ночь глядя? Я дважды звонил вам. Вы мне очень нужны». Было без четверти час, но она без колебаний набрала номер Яловского:

— Простите, что так поздно, Альберт Андреевич, но вы просили позвонить. Что так срочно?

— Мы едем не завтра, а послезавтра. Не было билетов. Можно ехать другим поездом, но тогда в Польше пересадка. Я решил, что прямым лучше.

— А есть ли гарантия, что послезавтра будут билеты?

— Да. Мне начальник вокзала твердо пообещал.

— Но на работу я завтра не выйду. Есть кое-какие личные дела.

— Хорошо. Спокойной ночи...

Она медленно опустила трубку, думая, правильно ли сделала, что ничего не рассказала Яловскому о ночном происшествии. И решила, что так лучше, успеет, надо сперва самой разобраться, когда вернется из Германии...

4

У Сергея Назаркевича гаража не было. Машину свою — красные «Жигули» 21—03 он держал за домом, в проеме между двумя металлическими гаражами соседей — шофера из таксопарка и старика — инвалида войны.

В это воскресенье друзья собрались привести в порядок машину Назаркевича. Вячин — ходовую часть, Лагойда — барахливший замок зажигания, а сам хозяин — зашкурить и загрунтовать кромки крыльев, где появились пятна ржавчины...

Каждый делал свое дело почти молча, иногда перебрасывались фразой-другой. К двум часам дня решили передохнуть. От обеда, предложенного Сергеем Назаркевичем, отказались, но,

сбегав домой, он все же принес термос с кофе, большие чашки и бутерброды с колбасой и сыром. Перекусив, сели покурить.

— Ты хотя бы поставил противоугонное, — обратился к Назаркевичу Вячин. — Держишь машину в этом закутке и спишь спокойно?

— А какой выход? До платной стоянки час добираться двумя трамваями.

— У тебя же и правая передняя дверца не запирается, — сказал Лагойда. — Замок надо менять, зубчатка «съедена».

— Заработаю у вас в кооперативе — куплю «девятку», — засмеялся Назаркевич.

— Таких умников много. Знаешь, сколько сейчас «девятка» тянет? Да еще найди попробуй!

— Серега, у тебя, кажется, была пишущая машинка с латинским шрифтом? — спросил Вячин.

— Есть. Наташа иногда пользуется, когда печатает диссертации медикам. А что тебе нужно напечатать?

— Два деловых письма по-польски. Еду в Польшу, в Жешув. Меня разыскали поляки-мебельщики. Им понравилась наша фурнитура. Прислали приглашение. Может, наладим экспорт для них. Одним словом, потолковать надо, проспект наш показать.

— Приходи, Наташа напечатает.

— Спасибо, воспользуюсь приглашением. Слушай, Кубракова уже приехала?

— Нет еще... Выбрось из головы, не станет она с тобой говорить о лаке. Для нее это — табу.

— Ладно, черт с нею... Ну что, пошли работать?

— Сейчас бы вздремнуть немного, — лениво поднимаясь, произнес Лагойда...

5

В Веймаре Кубракова и Яловский пробыли четыре дня. Теперь — снова в Берлин, сутки там и — домой.

Яловский вышел в тамбур покурить. Когда вернулся, в купе было полутемно, кто-то задернул шторы на двери, чтобы из коридора не падал свет. Осторожно, боясь потревожить людей, уселся между Кубраковой и пожилой похрапывавшей немкой, плотно уперся затылком в спинку сиденья и закрыл глаза. Спать не хотелось, но так легче думалось.

— Устали? — тихо спросила Кубракова.

— Да нет, слава Богу, едем домой. Я считаю, что все пока идет удачно, главное — немцы дают оборудование. Представьте, что они будут делать из нашего поликаувилля, когда он потечет рекой? Чиновники из министерства готовы были продать им лицензию. Хорошо, что вы настояли строить завод у нас.

— Они что угодно продадут, лишь бы ничего не делать. Так им спокойней. Но вы еще намучаетесь в поисках площадки для завода. Возьмется ли «Химмашпроект» проектировать?

— Возьмется. Все-таки им немножко валюты перепадет. Кого вы пошлете к ним? Назаркевича?

— Ни в коем случае! Он истерик, все испортит. Кстати, назревает катастрофа.

— В связи с чем?

— Скоро в институте мы с вами останемся вдвоем: из-за мизерной зарплаты люди уходят в кооперативы.

— Что же я могу сделать, Елена Павловна?

— Платить людям нормально.

— А где взять деньги? Мы же ничего не производим. Мы — НИИ. И этим все сказано. Назаркевич как-то был у меня с одной идеей...

— Создать автосервисную станцию для антикоррозионной обработки машин?

— Мы бы неплохо зарабатывали. Но вы, как я понимаю, против.

— Категорически! Для этого нужно ставить производство поликаувилы на промышленную основу. Где взять деньги? Где доставать узу, сырую резину? Ездить по деревням скупать у пасечников, кланчить у авиаторов? Кустарщина! С немцами — вот это размах!..

Они замолчали. И снова в ней колыхнулась тревога, чуть придавленная суетой и напряжением дней, проведенных в Германии: вспомнила ночь накануне отъезда, вынужденный приход в институт, человека, вышедшего из лаборатории. Воспользовавшись тем, что уехала в Германию на сутки позже, она встретилась с ним, хотя и в спешке. Он был спокоен, ей даже показалось, что нагло спокоен.

— Слушаю вас, — сказал он.

— Я заметила, что поликаувиль в последнее время странно убывает. Датчик на емкости показывает даже граммы. Емкость герметична. Испарение исключено.

— Какое это имеет отношение ко мне?

— Прямое. В ночь накануне моего отъезда я видела, как вы вышли из лаборатории и исчезли. Сперва не могла понять, куда. Потом сообразила: через дверь в конце коридора на хоздвор, где гаражи. Вы немного просчитались: вы рассчитывали, что рано утром я уеду, и даже не удосужились вытереть потек на полу. Вы открыли трубки, идущие к отстойнику. Это надо уметь. Но, как видите, я еще здесь... Зачем вы воруете поликаувиль?

Все время, пока она говорила, он терпеливо молчал, затем сказал:

— У вас, естественно, была не галлюцинация. И все же это был не я.

— Не врите! — начала свирепеть она.

— Что вы сможете доказать? — спросил он вызывающе. — Кроме вас, этого мифического вора никто не видел. Меня в институте знают не один день. У меня безупречная репутация. Вы окажетесь в смешном положении.

— Ключи от ящичка, где находится прибор сигнализации, только у Светы и у вахтера. А вы единственный в институте, кто может отключить ее, не наделав шума. Вы однажды уже продемонстрировали это, но по моей просьбе, когда Света забыла ключ дома, а вахтер был на больничном. Тогда я посылала Свету за

вами. Она надежный свидетель! Я найду возможность припереть вас! А кстати, откуда вы знаете этого поляка?

— Какого поляка? — невозмутимо спросил он.

— Фирмача. Он приходил ко мне. Я видела вас позавчера в его роскошной машине. Вы очень оживленно беседовали.

— Это уже что-то новое! — Он засмеялся.

— Как называется кооператив, в котором вы работаете?

— «Астра». А в чем дело?

— Не для него ли вы от моего имени просили бериллиевую бронзу на авиаремонтном заводе?

— Фантазии, фантазии, Елена Павловна!

— Все они прояснятся после моего приезда!..

Человек прагматичный, не обремененный излишками эмоций, Елена Павловна Кубракова все же была возбуждена результатами поездки в Германию. В первый день, войдя в свой кабинет и взглянув на письменный стол, она нахмурилась и ощутила раздражение при виде бумаг, появившихся за время ее отсутствия. Да еще поверх всего — положенный Светой — листок-памятка, заготовленный Еленой Павловной накануне отъезда. Вдохнув, она грозно приказала сама себе: «разгрести, разбросать все это, к чертовой матери, за неделю!»

Когда Елена Павловна была раздражена, общаться с нею становилось сложно и небезопасно.

— Времени нет, так что я одновременно буду и обедать и заниматься вами, — жестко сказала Елена Павловна, отодвигая на столе бумаги, чтоб освободить место для тарелок — на одной стакан с очень крепким чаем, на другой — плавленый сырок и два бутерброда с колбасой. Все это из буфета только что принесла секретарша.

«Ну и обед!» — подумал Лагойда, сидевший в правом кресле, и осторожно взглянул на Назаркевича.

Назаркевич мысленно усмехнулся: «Как она может есть такую колбасу, сплющенное сало?!»

Кубракова подняла глаза на Назаркевича:

— В чем дело, покороче.

— Я хотел бы завтра поехать в Богдановск. Утром туда, вечером обратно.

— Зачем? — резко спросила она.

— На мехстеклозавод, договориться о ретортах.

— Вы считаете, это еще нужно?

Он не ответил.

— Я тоже завтра еду в Богдановск. — Она сделала паузу.

Молчал и Назаркевич.

Чувствуя напряжение, внутренне сжался Лагойда.

— Вы можете поехать со мной. Я еду на своей машине, — предложил Назаркевич.

— Мне надо быть там в половине девятого.

— Выедем в шесть утра.

— Буду ждать вас здесь, у подъезда. — Она встала, чтобы проводить, а скорее выпроводить Назаркевича из кабинета.

Помявшись у порога, Назаркевич глухо произнес:

— Вот то, что вы просили.— И протянул ей два листа бумаги с машинописным текстом, соединенные скрепкой.

— Это потом.— Она взяла страницы, распахнула дверь и сказала секретарше: — Света, зарегистрируйте и вложите в мою папку для доклада директору. Разговор, который мы начали полторы недели назад, завершим завтра в дороге,— усмехнувшись, обратилась она к Назаркевичу и захлопнула за ним дверь...

Между тем Лагойда, ожидавший ее, думал: «Автобусом ей трястись четыре с половиной часа. А Серега докатит ее за два с половиной, ездит он лихо».

— Что у вас? — хмуро спросила вернувшаяся в кабинет Кубракова.

— Хотел с вами поговорить... Все-таки... Я...

— Лучше письменно. Тут нужен документ, надеюсь, вы это понимаете? До свидания...

6

С утра телефон в приемной не замолкал. Света, отрываясь от пишущей машинки, отвечала:

«Еще не вернулась».

«В командировке... Нет, в Богдановске...»

«Не знаю...»

«Хорошо, вернется — передам...»

«Телефограмма? Диктуйте...»

«В отъезде...»

«Я без нее рыгаться в бумагах не стану...»

«Почему не знаю? В Богдановске...»

«Это вы спросите у нее...»

Истекал второй день с момента отъезда Елены Павловны в Богдановск. Свету это несколько не тревожило. Она хорошо знала свою начальницу. «Задержалась? Значит, так нужно», — спокойно рассудила Света. Около пяти часов позвонил Яловский.

— Света, Елена Павловна у себя?

— Нет, Альберт Андреевич, она еще не приехала.

— Что это она в Богдановске засиделась? — риторически спросил он и повесил трубку...

В начале седьмого Света ушла домой. В девять накормила и уложила сына. Затем хлопотала на кухне — готовила обед на завтра. Клокотала закипевшая вода в кастрюле, где варилась свекла. Света мыла мясо, чистила картошку, шинковала капусту. Муж — диспетчер на электростанции — в эту ночь дежурил. В половине двенадцатого раздался телефонный звонок.

— Светочка, извините, что так поздно, это Ольга Степановна,— узнала она голос матери Кубраковой.— Вы не знаете, когда Леночка должна вернуться? Сказала мне, что едет в Богдановск на один день. А сегодня уже второй истек. Я беспокоюсь.

— Не волнуйтесь, Ольга Степановна. Елену Павловну что-то могло задержать. Я думаю, завтра придет.

— Она не звонила вам?

— Нет.

— Мне тоже. А обычно звонит, справляется, ведь у меня высокое давление. Не заболела ли там? С кем она поехала?

— С Назаркевичем, на его машине. Я завтра узнаю и перезвоню вам.

— Пожалуйста, Светочка. Я не хочу ему звонить, вы ведь знаете, у них сложные отношения.

— Хорошо, Ольга Степановна.

— Спасибо, милая... Как ваш сынок?

— Все в порядке.

— Я не разбудила его своим звонком?

— Ну что вы! Он за день так набегается, что спит без задних ног.

— И слава Богу. Спокойной ночи...

На шоссе в эту утреннюю пору было много машин — местных и транзитных, направлявшихся в сторону областного центра: легковушки, самосвалы, автобусы, «дальнобойные» трейлеры. На бортовом «ЗИЛе», загруженном ящиками с огурцами, спиной к кабине сидели два грузчика. Они курили, иногда перебрасывались словами, а больше молчали, глядя на автомобильный поток, двигавшийся следом.

— Сегодня чего у нас, день-то какой? — спросил один с худым заросшим лицом и воспаленными глазами.

— Среда вроде. Завтра аванс, — ответил напарник.

— Слава Богу.

— Пропился, небось? Ночевал-то где?

— В машине. В четыре утра едва дополз. Здорово врезали. Чердак гудит, похмелиться бы, да денег нет.

— Значит, терпи...

И снова умолкли. Впереди пыхтел тяжелый дизель, обдавая удушливыми выхлопами сгоревшей солярки.

— Ну, сука, отравит же! — сказал небритый. — И так мутит. Постучи Вовке, пусть обгонит.

— Какое там! Посмотри, что на встречной полосе! Не высунешься... Вон, гляди, один резвунчик уже сколько пробует, да все никак, только зря тыркается. — И он указал на красный «жигуленок», водитель которого делал уже несколько попыток пойти на обгон, но всякий раз встречные машины загоняли его обратно. Где-то у пятнадцатого километра «жигуленок» вовсе свернул в правый ряд и двигался параллельно, но чуть сзади. Небритый грузчик уже мог разглядеть за рулем человека, натянувшего на глаза белую с зелеными клиньями каскетку с большим солнцезащитным козырьком, а в глубине салона смутный силуэт женщины.

— Слышь, а я этого мужика знаю, — смагивая слезу с воспаленных глаз, сказал небритый, кивнув на «жигуленок». — Пару раз видел у соседа.

— Смотри, он под знак рванул!

Действительно, «жигуленок» свернул на ответвляющуюся к реке грунтовую дорогу, несмотря на знак «Правый поворот запрещен».

— Он ведь с бабой! — хмыкнул небритый. — На бережок, в кустики. Наверное, и бутылка есть, и закусь. Везет же людям.

— Ты куда бумаги дел?

— Какие?

— Накладные.

— Я Вовке отдал, — махнул рукой небритый за спину, в сторону кабины.

— Не потерял бы. Товару вон сколько, не расхлебаем, ежели что.

— Вовка аккуратный, не первый раз. Я с похмелья всегда все бумаги ему отдаю...

Они замолчали. После пьянки и бессонной ночи небритого стало кидать в дрему, слипались глаза. Сдвинув ящики, высвободив место, он прилег, подобрав коленки, надеясь переспать тошноту и голодное урчание в животе...

В четверг, едва Света пришла на работу, в приемной ее ожидал Вячин.

— Здравствуйте, Светочка! — заулыбался он.

— О, Вячин! Какими судьбами? Ушли от нас и совсем забыли.

— Как видите, не забыл. А вы похорошели.

— Ну-ну, бросьте, старый прием. А вот вы располнели, это уж точно. Как кооперативная жизнь? Не жалеете?

— Жизнь тяжкая, но не жалею.

— Как же называется ваш кооператив? «Серп и молот»?

— Нет, мы денполитизированы. «Астра» называется.

— Цветочки выращиваете?

— Если бы цветочки, я пришел бы с букетом... У себя? — кивнул Вячин на дверь в кабинет Кубраковой.

— Нет.

— Когда приедет?

— Бог знает. Пора бы уж, сами заждались.

— Ладно, побегу... Не повезло.

— Заходите.

— Непременно...

В одиннадцать позвонил Яловский.

— Приехала?

— Нет, Альберт Андреевич.

— Да что ж такое! И не звонила? Она мне очень нужна.

— Нет. Я уже сама немножко беспокоюсь.

— Она одна поехала?

— С Назаркевичем. На его машине.

— А он вернулся?

— Лобанов говорит, что вчера не появлялся в лаборатории, позвонил, что и сегодня не приедет, разбил колено.

— Ерунда какая-то, — пробурчал Яловский и положил трубку...

Последним перед обедом заглянул Лагойда:

— Светочка, Елена Павловна у себя? Доложите, я по поводу силовой установки...

— Она еще не приехала, Юрий Игнатьевич.

— Жаль, я нашел новый трансформатор, договорился. Нужно решить с оплатой. Там ждать долго не будут.

— Ничем не могу помочь...

В пятницу, в начале третьего Яловский по автоматике набрал Богдановск, номер директора завода резиновых изделий.

— Лев Иванович? Добрый день. Это Яловский...

— Здравствуйте, Альберт Андреевич. Слушаю вас.

— Во вторник утром к вам уехала Елена Павловна...

— Да, она была у меня. И во вторник, и в среду. А что случилось?

— Сегодня пятница, а она еще не вернулась.

— Как так?! Мы решили с нею все дела, даже поругаться успели.

— Не понимаю, куда она могла поехать! Извините, Лев Иванович, что потревожил.

— Бога ради. Всего доброго...

В конце рабочего дня Яловский снова справился у Светы, не объявился ли Назаркевич. Но Света сказала, что в лаборатории он не появлялся, дома телефон не отвечал...

7

Вокруг Богдановска садово-огородные участки. В апреле отшестелели теплые дожди. Все пошло в рост. Только поспевай от дерева к дереву, от куста к кусту, срежай сушь, окучивай. В это жаркое июньское воскресенье райцентр словно вымер, дачное поветрие выдуло жителей туда, где земля пахнет землей, а ветерок приносит не бензиновую вонь, а запахи неказистых полевых цветов. Там, где река крутой дугой углубилась в песчаный пятачок, затеяли какую-то потеху босоногоие мальчишки. Они нырнули, чтоб добраться к коряге, принесенной течением вчера под вечер, и проверить, не прибило ли к ней чего-нибудь интересного. Вынырнув в центре мутной пузырившейся пены, они огляделись и вдруг начали истошно кричать, разбрызгивая суматошными взмахами воду, рванули к берегу, где их ждали заговоравшие на песке приятели.

— Там утопленница!..

— Какая-то тетка!..

— Вся синяя!..

— Одетая!..

Ватага помчалась вверх по косогору к огородам.

Через полчаса весть об утонувшей женщине облетела округу. Прибежали взрослые, откуда-то пригнали моторку. Труп, зацепившийся за корягу, вытащили на берег. Тут же какого-то владельца мотороллера послали на центральную усадьбу звонить в милицию. Когда милиция прибыла на место, народ все еще толпился вокруг утопленницы, перешептывались, пытаясь узнать, кто она. Примчался со своего огорода Омелян, к нему тут же бросился человек в майке, в спортивных брюках, руки перепачканы землей — зам. главного технолога завода:

— Лев Иванович! Да ведь это Кубракова!.. Она была у меня в среду!

— Вижу, что она. Не кричите... Надо же... Яловский беспокоился... Я еду домой звонить ему...

В квартире Яловского трубку сняла теща:

— Нет... Он на даче... Вернется вечером.

— А телефон там есть?

— В дежурке у сторожа. Но звонить туда трудно, через коммутатор железной дороги.

— Попытайтесь, пожалуйста, связаться с Альбертом Андреевичем. Это очень важно. Скажите, звонил Омелян из Богдановска, случилось несчастье с Кубраковой.

— С Еленой Павловной?! Что с ней?

— Утонула.

— О Господи! Я постараюсь разыскать Альберта...

8

О происшедшем я, разумеется, ничего не знал, да и не мог знать: в то время для меня еще не существовали ни Кубракова, ни Яловский, ни Омелян, ни другие лица. Познакомлюсь я с ними значительно позже, читая материалы следствия как адвокат. Пока что я был занят другими хлопотами: участвовал в процессе трех рэкетиров, защитником одного из них был я.

Стоя у входа здания областной прокуратуры, я докуривал сигарету и вдруг увидел Михаила Михайловича Щербу, прокурора следственного управления, с которым я проработал много лет. Нас связывали добрые отношения, хотя виделись мы очень редко.

— Здравствуй, адвокат, — протянул он пухлую короткопалую руку. — К нам пришел?

— Нет, в процессе сижу.

— Кого будешь спасать?

— Рэкетира.

— Модная нынче профессия... Смотришь на мою лысину? Увы, волос не прибавилось.

— А ты чем занят? — спросил я, хотя отлично знал по собственному опыту, сколько дел у него может быть в производстве.

— Всем понемногу, — ответил Миня. — Здоровье-то как? Сто граммов еще принимаешь?

— По большим праздникам коньячка еще могу. Символически.

— И то слава Богу...

В это время подъехал автобус криминалистической лаборатории. Из него вышли двое: прокурор-криминалист Адам Генрихович Войцеховский и следователь Виктор Скорик, недавно перешедший в областную прокуратуру из городской. Скорик неплохой следователь, но несколько тороплив. Он хорошо и модно одевался, от него пахло приятными импортными духами или лосьоном, всегда гладко выбрит и хорошо причесан.

Минут через пять подкатил «воронок», выскочили солдаты, распахнули дверь, выпуская подсудимых: серые лица, неопрятная казенная одежда, грязные — за спиной — руки. Один из них, низенький крепьш с шишковатой обстриженной головой, —

мой подзащитный. Ему двадцать семь лет, первая судимость, не глуп, со мной очень вежлив, избегает жаргонных словечек, учился в лесотехническом, но бросил. Ракетом занимается три года. Все банально: он и два его поделщика плотно присосались к кооператорам и «доили» их постоянно. Те безропотно платили.

Вот такого вымогателя подкинула мне судьба в качестве подзащитного. Посмотрев на часы, я выбросил окурок, пора было идти в зал заседания...

— Ну что, Виктор Борисович? — спросил Щерба. — Спать охота?

— Есть немножко, — ответил Скорик, вспомнив бессонную ночь, проведенную вместе с Войцеховским. — До шести утра работали.

— Ну и что наработали? — Щерба подпер тяжелый подбородок ладонью. — Что утонувшая?

— Или утопленная. — Скорик посмотрел на Войцеховского, сидевшего на стуле напротив.

— Вот как! — Щерба почесал толстым пальцем в ухе, где росли рыжие волосинки. — А вы что думаете, Адам Генрихович? — обратился он к Войцеховскому.

— Возможно. — Прокурор-криминалист пожал плечами.

— Кому же это понадобилось? — Щерба посмотрел сперва на одного, потом на другого. — Вы виделись с прокурором района?

— Ну а как же! И со следователем, и с милицейскими. Они уже сколотили группу, — ответил Скорик.

— Теперь подробнее, — попросил Щерба.

— Труп обнаружили мальчишки утром в воскресенье, он зацепился за корягу. Принесло его течением, видимо, ночью или на рассвете, те же мальчишки на том же месте купались накануне, часов до десяти вечера, коряги еще не было.

— С какого берега она попала в воду — с правого или с левого? Это существенно, — заметил Щерба.

— С левого вряд ли, — покачал головой Скорик. — На протяжении нескольких километров впритык идут охраняемая лодочная станция, причалы рыбокопильного завода, пляжи дома отдыха и пансионата, узкоколейка тарной базы. Конечно, при очень большом желании можно проникнуть к воде. Но это связано с риском быть замеченным. Кроме того, сперва надо перебраться из Богдановска по автодорожному и пешеходному мосту на тот берег. А мост метров на двести ниже места, где обнаружен труп. Да и какие дела могли быть у Кубраковой на левом берегу?

— Что она вообще делала в Богдановске? — спросил Щерба.

— Приезжала в командировку на завод резиновых изделий. Кстати, ее опознали директор завода и зам главного технолога.

— Вы допросили их?

— Подробно еще нет.

— Вскрытие было?

— Да.

— Кто делал?

— Районный судебный медик Ванчур.

— Старик Ванчур дело знает. И каковы результаты?

— Все признаки утопления: жидкость в желудке, разжиженная кровь, наличие планктона в дыхательных путях, тяжелая гипоксия и прочее. И — никаких повреждений или следов борьбы. Смерть наступила в воде около четырех суток тому назад, — объяснил Войцеховский.

— Но вода ли тут первопричина?

— Что вы имеете в виду? — спросил Скорик.

— Подумать надо, — дернул носом Щерба. — А у вас пока пустые руки.

— Бумагами еще успеем обзавестись, — усмехнулся Скорик.

— Вот-вот, я это имею в виду. И чем быстрее, тем лучше. Она была одета?

— Да.

— А где одежда?

— В Богдановске сушится. — Войцеховский долго разминал тугую сигарету. — У Кубраковой на руке оказались часы «Сейко». Механические, водонепроницаемые. Я вскрыл их, ни миллиграмма влаги. Они показывали время 10.32.

— А может, 22.32, — усомнился Щерба. — Тогда это разница в двенадцать часов, существенная разница. Для нас, разумеется.

— На циферблате в календаре-окошечке указано: 17-е, четверг. Это день, когда они остановились, — сказал Войцеховский, — потому что запас хода у них сутки плюс-минус пятнадцать минут. Я знаю эту модель. Можно считать, что в среду до 10.32 утра или, если по-вашему, в среду до 22.32 вечера Кубракова была еще жива. Необходимо искать того, кто видел ее в последний раз. Тогда и будем знать: 10.32 или 22.32.

— Сколько могут стоять такие часы? — спросил вдруг Щерба.

— Минимум две тысячи, — ответил Скорик.

— Если она сама бросилась в воду или попала туда случайно, тогда понятно, почему часы остались на руке... — Щерба умолк. Скорик и Войцеховский поняли ход его мысли, она возникла у них еще в Богдановске при осмотре трупа. — А если она оказалась в воде не случайно...

— Тогда это убийство не с целью грабежа, — закончил Скорик.

— Если вообще убийство, — буркнул Щерба. — Что собираетесь делать, Виктор Борисович?

— Завтра с утра отправлюсь туда.

— Вы тоже поедете, Адам Генрихович?

— Видимо, придется, — подумав, ответил тот.

— Кто из угрозыска там работает? — поинтересовался Щерба.

— Местные, — сказал Скорик.

— А из областного УВД?

— Кажется, выехал Проценко.

— Ладно, я пошел. — Войцеховский загасил сигарету, повернулся к Скорику: — Вечером созвонимся. Если ехать, то пораньше.

— Чем вы недовольны, Михаил Михайлович? — спросил Скорик, когда Войцеховский вышел.

— Виктор Борисович, это дело мы, видимо, заберем себе. И разматывать его придется вам. Конечно, все, что нужно,

Войцеховский сделает. Но, сделав свое, остальное оставит вам. Так что, пожалуйста, влезайте поглубже, загребайте пошире. И не упускайте времени.

— Я так и собираюсь.

— Вернетесь — подумаем, с чего начать...

Придя домой, Скорик первым делом влез под душ, побрился, высушил волосы феном, тщательно расчесал и уложил их. Надев тяжелый полосатый махровый халат, сварил кофе и пил, закусывая печеньем. Затем позвонил Войцеховскому в прокуратуру:

— Адам? Чем занят?

— Смотрю порнуху по служебному видуку, — ответил Войцеховский.

— Нет, серьезно.

— Жду, пока проявят пленки и отпечатают снимки.

— Те, что мы нащелкали вчера? Кубраковой?

— Да.

— А потом что собираешься делать?

— Ко мне должен зайти человек из НТО. Взрыв на нефтебазе помнишь? Ну вот. Возникли кое-какие разногласия...

— Слушай, я подумал, чего терять время? Давай поедем в Богдановск сейчас.

— Чего это тебя так забрало? Аллергия после разговора со Щербой? — засмеялся Войцеховский.

— Можно подумать, тебя это не касается!

— Меня многое касается. Три нераскрытых убийства, изнасилование, два каких-то странных пожара, и оба с трупами. Это только за минувший месяц... сейчас начало второго. Выехать сможем не раньше половины третьего. Зачем на ночь глядя ехать?

— Почему на ночь? Приедем — еще часа четыре прихватим. Переночуем в гостинице, утром раненько встанем. Есть резон?

— Ладно, приходи к половине третьего...

9

Скорик сидел в кабинете местного следователя и ждал заместителя технолога завода.

— Ну что же он так долго?

— Сейчас еще раз позвоню. — Следователь взял за трубку.

В этот момент раскрылась дверь.

— Извините, товарищи, еле вырвался. — Невысокий, плотный, с круглым щекастым лицом человек вытер лоб сложенным вчетверо платком, шумно выдвинул стул и, наконец, уселся. Следователь представил ему Скорика:

— Это товарищ Скорик из областной прокуратуры. К вам несколько вопросов.

— Да я мало что знаю, — начал было технолог, но Скорик перебил его.

— Как вы считаете, Кубракова приезжала в Богдановск именно к вам, на завод?

— К нам, конечно, к нам!

— А почему вы так уверены?

— У нас с нею, как говорится, давняя и постоянная любовь. Мы выполняем ее заказы. Правда, характер у нее... неуживчивый. Каждая встреча обязательно со скандалом. И в нынешний раз тоже.

— В связи с чем? — спросил Скорик.

— Мы ей уплотнители делали. Нестандартные. Не понравились, вроде жесткие получились, не эластичные.

— Накануне, в понедельник, Кубракова лично вам звонила?

— Нет, директору. А потом уж, когда прибыла, мы и занимались делом.

— Сколько же вы с нею общались?

— Во вторник после обеда, так, часов с двух до четырех.

— А на следующий день, в среду?

— Нет. Во вторник мы с нею все решили.

— Значит, вы считаете, что утонувшая женщина — Кубракова?

— Что значит «считаю»? — Он развел руками, как бы опешив от нелепости вопроса. — Я достаточно хорошо ее знал! Да и кофта на ней визаная та же, что и во вторник была!

Хозяин кабинета деликатно молчал, он уже догадывался, что дело у него заберут в область, и в душе был рад этому...

Войцеховский ждал: приближалось время встречи с директором завода Омеляном, а Скорика все не было. К Омеляну они должны были идти вдвоем. Подождав еще минут пятнадцать и мысленно ругнув Скорика, Войцеховский вышел из гостиницы.

Возле черной «Волги», стоявшей у райотдела милиции, прощались двое: заместитель начальника управления угрозыска области подполковник Проценко и начальник отделения Богдановского угрозыска майор Мотрич. Проценко взялся было за ручку дверцы, но, заметив Войцеховского, остановился.

— Уезжаешь? — подошел Войцеховский.

— Надо. В три часа коллегия. Начальство вызвало.

— Есть что-нибудь новое?

— Пока ничего, — ответил Мотрич. — Работаем.

— Пытаемся установить тех, кто часто бывает на реке — владельцев лодок, заядлых купальщиков, рыбаков, торговцев раками на рынке... ну, кто там еще?.. — сказал Проценко таким тоном, будто сам только этим и занят.

— Одежда Кубраковой высохла? — поинтересовался Войцеховский.

— Да. Упаковали в бумажный мешок, — ответил Мотрич.

— Пусть положат в мою машину. Труп надо бы отправить в морг областной больницы. Там уж родственники заберут. Транспорт найдете?

— Постараюсь, — ответил Мотрич. — А вы сейчас куда?

— На завод к Омеляну.

— Садись, Адам Генрихович, подвезу, мне по дороге, — предложил Проценко...

Секретарша Омеляна внесла на подносе чайник с кипятком,

банку растворимого кофе, сахар, небольшие чашечки и сушки на тарелке.

— Я отниму у вас немного времени, Лев Иванович. — Войцеховский зачерпнул ложечку кофе. — Вы хорошо знали Кубракову?

— Институт — наш постоянный заказчик. Польза копеечная, не те объемы. Так, походя, кое-что делаем для них, как говорится, по старой дружбе. А с Кубраковой общаемся лет десять.

— Когда Кубракова приехала к вам?

— Во вторник, пятнадцатого.

— Неожиданно?

— Нет, почему же? Накануне позвонила, договорились, попросила заказать на сутки гостиницу.

— В котором часу во вторник она появилась у вас?

— В начале десятого утра. Просидели почти до двенадцати. В перерыве я видел ее в заводской столовой. После двух ею занимался заместитель главного технолога. А потом она до конца дня просидела у наших химиков в лаборатории.

— А на следующий день?

— Мы договорились встретиться в 8 утра. До 8.30 решили все вопросы, и она ушла. Через час я уехал в райисполком. Переезд был закрыт, и перед шлагбаумом с обеих сторон было полно машин. Во встречном потоке я увидел Кубракову. Еще подумал: «Ну, слава Богу, отбыла» — и глянул на часы — было 10.15.

— Вы не помните, какая машина?

— Красные «Жигули».

— А модель или номер?

— Где там! После стояния у шлагбаума все засигналили, заспешили. Не до того было.

— Она сидела рядом с водителем?

— Нет, на заднем сиденье.

— Водителя не запомнили?

— Видел, что мужик. Единственное, что отпечаталось в памяти, каскетка — белая с зелеными клиньями и светозащитным пластиковым козырьком. Он ее почти на глаза надвинул.

— И больше вы Кубракову не видели?

— Нет.

— Ну что ж. — Войцеховский поднялся, бросил взгляд за окно. Вдалеке виднелось шоссе, сталью блестел на солнце асфальт, беззвучно неслись машины. «По этой дороге в то утро она уехала из Богдановска, а домой не прибыла. С кем же она была и куда ехала?» — подумал он...

— Ты где пропадал? Чего это я вместо тебя должен заниматься допросами? — с напускным недовольством спросил Войцеховский.

— Ну не на танцах же, — отгрызнулся Скорик.

— Куда обедать пойдем?

— Какая разница? Тут, наверное, всюду отрава.

— Скажи, какой гурман! Идем в Дом быта, там есть ресторан.

...Они ели, обмениваясь последними новостями.

— В общем почти все сходится, — подытожил Скорик. — Не-

плохо. А вот красные «Жигули», на которых Кубракова отбыла, это уже новость. Приятная или нет — вопрос. С кем же она уехала, на чьей машине?

— Ты хочешь, чтоб я тебе сообщил номер, серию, модель, фамилию, имя, отчество владельца и с кем он спит? — хмыкнул Войцеховский.

— А что, если он спит с нею? — неожиданно сказал Скорик.

— Я с ним в долгу не иду... Характер у нее, видно... Удовольствие сомнительное.

— От таких стараются побыстрее избавиться.

— У тебя что, есть опыт? — Вальяжно откинувшись, Войцеховский с наслаждением пил пиво и курил. — Кубраковой под пятьдесят.

— Ну и что?

— Краткая связь с молодым любовником, которого она стала тяготить необузданной страстью. И он решил от нее избавиться... Сюжет для романа-адайлтера. Но и в нашей с тобой жизни встречается... Думать надо. Искать машину и владельца... Что собираешься делать?

— Допросить администрацию гостиницы. А ты?

— Посплю часок. Есть еще, оказывается, «верхний» мост, он намного выше места, где нашли труп. Вот и съезжу к нему. — Войцеховский позвал взглядом официантку.

— Сбросили с моста в реку или сиганула туда? — спросил Скорик.

— Всяко бывает, сам знаешь... Мне б что-нибудь вместо поплавок. Разве что эту бутылку от пива...

Скорик сидел в каморке-кабинете директорши гостиницы за ее столом, сама же хозяйка и женщина, дежурившая в тот злополучный день, разместились на стульях.

— Товарищ Омелян заказал ей номер на сутки, — отвечая на вопрос Скорика, произнесла директорша.

— В котором часу она приехала? — спросил он у дежурной.

— Я как раз смену принимала. В половине девятого. Слышу, остановилась под окном машина, потом эта дама вошла.

— А какая машина?

— Я в них не понимаю. Видела, что красная, да и занята я была, смену принимала.

— Она одна вошла или кто-то сопровождал?

— Одна. Я поселила ее в одинарный номер. Минут через десять она ушла, а вернулась вечером.

— Какие у нее с собой были вещи?

— Небольшая хозяйственная сумка, черная.

— Может быть, кто-нибудь звонил, заходил сюда, спрашивал ее?

— Звонить-то, может, и звонили в номер. Этого не знаю. А спрашивать — нет, никто не спрашивал.

— В котором часу гражданка Кубракова покинула гостиницу на следующий день?

— В семь утра. Рассчиталась и ушла с той же сумкой.

— Вы не видели, красная машина ждала ее?

— Нет, никто не ждал. Окно дежурки выходит на улицу, всех видно. Одна она ушла, а в сквере напротив еще газетку в киоске покупала... Вот беда-то какая, — вздохнула дежурная. — Семья, наверное, есть, муж, дети.

— Может быть, может быть, — механически ответил Скорик.

10

Дверь с цифрой «21» в отличие от других на этом этаже запиралась изнутри на электрический замок, открывался он так же изнутри нажатием кнопки. Вход посторонним был запрещен — за дверью располагался кабинет криминалистики: три комнаты с письменными столами, со специальной аппаратурой, стенды с фотографиями с мест происшествий, с предметами, бывшими некогда вещественными доказательствами, фотолаборатория и небольшой кинозал.

Очистив стол от бумаг, Войцеховский позвонил Щербе:

— Михаил Михайлович, Скорик у вас?.. Тогда заходите, я освободился.

Кабинеты их находились на одном этаже. Позвонив, Скорик и Щерба вошли. Щерба сразу же уселся на мягкую длинную скамеечку у стены, Скорик — напротив сидевшего за столом Войцеховского.

— Н-и-да, — произнес Щерба. — Пока вы оба отсутствовали, я встретился с директором НИИ Яловским. С Кубраковой работает очень давно, чуть ли не с момента создания института. Талантлива, одержима в работе, подчиненных держит на коротком поводке, деспотична, ни с кем из сотрудников дружеских отношений не поддерживает, но и не дразнит по пустякам; требовательность ее не носит характера бабской придури; прагматична, не терпит прожектерства, словоблудия, резка, случается, срывается на грубость, может унижить, но, как ей кажется, только ради пользы дела. Любимчиков не имеет, все для нее вроде равны, однако с одним человеком перманентно конфликтует. Фамилия его Назаркевич, Сергей Матвеевич. Кубракова терпит его, потому что способный химик. Молод, кандидат наук, болезненно самолюбив, считает, что она ему завидует, а посему давит, не дает реализоваться. Яловский полагает, что это не совсем так. Просто Кубракова мыслит масштабней. Сейчас была увлечена каким-то проектом совместно с немцами... По словам Яловского, Кубракову в Богдановск на своей машине отвозил Назаркевич. У него красные «Жигули». С чего бы совместная поездка при взаимной антипатии? Ну, а с чем вы прибыли?

Начал Скорик. Подробно пересказал все, что выудил в Богдановске, и добавил:

— Дежурная по гостинице заметила, что Кубракова выходила из машины красного цвета.

— В красных «Жигулях» Кубракову у шлагбаума видел директор завода Омелян, — добавил Войцеховский. — Для нас он пока единственный, кто видел ее последним. Теперь давайте считать: в 10.15 Омелян заметил ее на переезде, на выезде из Богдановска. Это было в среду. Куда она после этого отъехала?

У шлагбаума машин скопилось много. Когда он поднимается, они ползут медленно, максимум 40 км в час. Значит, красные «Жигули» с Кубраковой могли удалиться на 15—16 километров. Единственный съезд с шоссе к берегу на 15-м километре. На правом берегу, — уточнил Войцеховский. — На 19-м километре вверх по реке есть еще один автодорожный мост. Движение машин там двустороннее и такое плотное, что остановить «Жигули», выйти и столкнуть Кубракову с моста незаметно или дать ей возможность незаметно сигануть в реку практически невозможно. Даже если предположить невероятное, что ее столкнули, она бы выплыла, расстояние между берегами там метров пятьдесят.

— Если умела плавать, — вставил Щерба. — Вещи какие-нибудь у Кубраковой были?

— Небольшая хозяйственная сумка. С нею Кубракова ушла из гостиницы.

— Сумка могла утонуть вместе с хозяйкой, или ее унесло течением... Знать бы, что в ней было... Похороны завтра в три. — Щерба пошел к дверям...

Кабинет был на двоих. Стол у окна занимал Скорик. За вторым — ближе к двери — сидел его коллега, старший следователь.

— Мне никто не звонил? — входя, спросил Скорик.

— Из областного УВД Агрба.

— Давно?

— Как только ты вышел.

Скорик снял трубку, завертел диск.

— Майор Агрба слушает! — отозвался гортанный голос.

— Привет, Джума. Это Скорик. Звонил?

— Проценко приказал, чтоб я с тобой связался по делу в Богдановске.

— Что это он так зашустрил? Подключает лучших сыскарей!

— Ладно тебе! Ему до пенсии осталось два года, папаху хочет.

Что там стряслось, кто утонул?

— Подъезжай, познакомлю с делом.

— Сейчас не могу. К четырем годится?

— Давай. — Скорик опустил трубку.

11

В приемную непрерывно входили и звонили. Света торопливо отвечала на звонки, быстро разговаривала с входившими и тут же исчезавшими сотрудниками.

«Венки заказывать поедет Трошкин».

«А оркестр?»

«Уже договорились».

«Я продиктую, Света, вы мой почерк не разберете. Делайте две закладки».

«Диктуйте».

«Коллектив научно-исследовательского и экспериментально-производственного института металловедения с глубоким при-

скорбием извещает о трагической смерти заместителя директора по научной части, заведующей лабораторией, доктора химических наук Кубраковой Елены Павловны и выражает соболезнование родным и близким покойной...»

«Я слушаю вас, Альберт Андреевич... Нет, уже договорились».

«Лагойда выбил на каком-то автопредприятии три автобуса».

«Кто поедет за портретом домой к Елене Павловне?»

«Пошлите Танечку. И увеличить надо будет».

«Это сделаем у нас в фотолаборатории».

«Света, нужно отпечатать доверенность для бухгалтерии. Деньги для оркестра и кладбищенских рвачей».

«Света, а нарукавные повязки для почетного караула?»

«Лагойда куда-то поехал доставать...»

Скорик сидел в углу у окна, терпеливо вникая в предшхоронную суету. «Вы не вовремя, — сказала ему Света, когда он назвался. — Подождите, если хотите, или уж через день-два после похорон». Но он решил ждать; сейчас все было «горячим»: слова, эмоции. Он молча наблюдал, и никто на него не обращал внимания.

После полудня, когда все разбрелись, разъехались кто куда, Света подняла глаза на Скорика:

— У вас это так срочно?

— Срочно.

— Что вас интересует?

— Во-первых, я хотел повидать товарища Назаркевича.

— Его нет, он в пятницу лег в больницу, сильно разбил колено.

— Где же он так?

— Точно не знаю, вроде на машине... Позвоните его жене. — Она продиктовала номер телефона.

— С момента отъезда Кубраковой в ее кабинет кто-нибудь входил?

— Нет. Ключ у меня, и я его никому не давала.

— Хорошо. Светлана Васильевна, постарайтесь вспомнить, кто накануне отъезда и в дни отсутствия Кубраковой настойчиво интересовался ею.

— Звонков у нас всегда много. Да и заходит немало людей. Одних она вызывала, другие сами. Обычное дело. И когда в Германии была, ее спрашивали, и когда в Богдановск уехала.

— Кто именно?

— Дайте подумать... Звонили с нефтеперерабатывающего завода, с кафедры органической химии университета, с кафедры фармакологии мединститута, из библиотеки Академии наук, с завода пластмасс... А заходили в основном свои. Трошкин заходил...

— Это кто?

— Кадровик наш, отставной полковник.

— Так.

— Начальник снабжения Усманов. Лагойда — у него все энергетическое хозяйство института. Бобошко — инженер группы оформления техдокументации. Назаркевич, младший научный сотрудник, он и звонил, и заходил. С ним-то она и уехала

в Богдановск... Ну кто же еще? Вечтомова из сектора оперативного анализа и планирования... Дважды Дзюбан из патентного отдела.

— А что говорит Назаркевич по поводу случившегося?

— Я его не видела, звонила перед тем, как он лег в больницу. Отвез, говорит, в тот же вечер вернулся и больше ничего не знает.

— Они сильно враждовали?

— С чего вы взяли? — насторожилась Света. — Случались стычки по работе. — Она уловила ход мыслей Скорика, но и он разгадал ее осторожность.

— Бойтесь навредить кому-нибудь из них? Я ведь человек сторонний, Светлана Васильевна. Ни с Кубраковой, ни с Назаркевичем никогда не встречался. Мое дело, простите за банальность, найти истину... Ну что, пройдем в кабинет Кубраковой?

— Обыск?

— Нет, пока просто погляжу.

Из ящичка под пишущей машинкой она достала связку ключей и отперла дверь. Скорик окинул взглядом кабинет. Ничего необычного: стол, телефон, два кресла по бокам и несколько стульев вдоль стены. На один из них уселась Света, и Скорик пытался понять: то ли это растерянность, то ли откровенный намек, что она должна присутствовать, пока в кабинете посторонний. Но его устраивало именно второе. Склонившись над столом, он начал бегло перебирать папки, бумаги, справочники, методические разработки, уверенный, что никакого предсмертного письма, которое обычно оставляют самоубийцы, не найдет. Все документы были сугубо служебного свойства. В отдельной папке с надписью от руки «По зарубежным связям» лежали копии переписки с инофирмами, попалась визитная карточка — «Тадеуш Бронич. Технический директор автосервисной фирмы «Будем знакомы». Республика Польша».

— С размахом у вас поставлено, — повернулся он к Свете, вертя меж пальцев твердую глянцевую визитную карточку. — Такие вещицы по обыкновению вручают лично, а не по почте, верно?

— Это поляк, фирмач, приходил к Елене Павловне перед ее отъездом в Германию. Она его, правда, не приняла, отправила к заму по общим вопросам.

— А куда ведет эта дверь? — Скорик указал на штору.

— В лабораторию. Елене Павловне так было удобней, прямо из кабинета.

— А остальные сотрудники как проходят в лабораторию?

— Есть еще вход со двора.

— Понятно... — Он посмотрел на часы: пятнадцать тридцать, через полчаса встреча с Агрбой. — Значит, из лаборатории сюда может любой войти?

— Нет, вот маленькая щеколда, видите? Когда Елена Павловна выходит из кабинета, она всегда запирает щеколду.

Он подошел, проверил. Задвижка была вогнана в паз до упора.

— Светлана Васильевна, не исключено, что мне еще придется

побывать здесь. Поэтому кабинет я опечатаю. Ключик у вас заберу. Мы это оформим, как положено.

Ничего не ответив, она пожала плечами, мол, ваше право...

Он посмотрел на список лиц, названный Светланой, и понял, что сегодня повидать их уже не успеет. Разве что завтра с утра, до похорон. Тоже не очень удачно, но что поделать...

Скорик опоздал минут на десять. Майор Агрба ждал его на скамье в коридоре. Как всегда, он был в штатском. Скорик никогда не видел его в форме, даже не мог представить себе, как она на нем выглядит — Агрба был толстоватый коротышка с сильными плечами, вечно подтягивавший брюки, сползавшие под наметившийся живот. И сейчас поверх желтой сорочки без галстука на нем в обтяжку сидела затасканная курточка; серые брюки пузырились на коленях, давно просили щетки и крема растоптанные широкой ступней коричневые туфли. Его можно было принять за человека любой профессии: слесарь из жэка, шофер, рубщик мяса, мастер из телеателье, продавец овощей или фруктов на рынке...

— Здравствуй, Джума. Извини, что опоздал. Заходи. — Отперев дверь, Скорик пропустил Агрбу. — Садись. Ну, как живешь?

— Как кукурузные зерна в ступе, а пестик в руках у хозяина. На коллегии генерал огласил цифры: на одного опера в среднем приходится семьдесят семь нераскрытых, а у одного следователя — до восьмидесяти дел в производстве.

— У нас не намного веселей... Дома как? Прибавления семейства не ожидаешь?

— Дома нормально. Ожидаю. — Агрба весело сощурился.

— Сколько же у тебя? Трое?

— Да. Ждем с Надькой четвертого.

— На, читай. — Скорик достал из сейфа папку с делом.

Агрба внимательно читал и что-то выписывал себе в блокнот.

— Понятно. Правда, не очень. Приехала с Назаркевичем. С кем уехала, куда? С Назаркевичем ты встречался?

— Он в больнице, ногу разбил, вроде в аварию попал.

— А где уверенность, что он вернулся в тот же день?

— Это со слов секретарши, вернее, с его слов.

— А может, он переночевал у кого-нибудь в Богдановске.

Исключаешь?

— Нет. Вот это и проверь. Надо бы и на машину его взглянуть. Тамошние сыскари — ребята хорошие, но тебя я люблю больше.

— Это я уже понял. Сам-то чем займешься?

— С институтскими людьми надо встретиться.

— А что Войцеховский говорит?

— Пока лишь то, что есть в деле... Но, Джума...

— Ты знаешь, я не резинщик. Только позвони Проценко, чтоб он мне больше ничего не подвешивал. Он ведь как? Получит от руководства разгон, сразу меня достает... Давай адрес Назаркевича...

Дом, в котором жил Назаркевич — облупленная пятиэтаж-

ка,— стоял в глубине двора. Детские качели, загородка для мусорных баков. За домом полуобвалившийся забор, за ним — пустырь. Впритык к забору — два металлических гаража. Между ними машина, накрытая брезентом. Оглядевшись, Агрба быстро приподнял брезент, посмотрел на номер. Машина Назаркевича. В ГАИ Агрба загодя узнал цвет, номер и модель «жигуленка», принадлежавшего Назаркевичу. Джума вошел в подъезд, поднялся и позвонил в дверь. Никто не отозвался. Он стоял долго, несколько раз нажимая кнопку. Безрезультатно. Потом позвонил в дверь рядом. Вышел мужчина в майке и полосатых пижамных брюках:

- Вам кого?
- Я к Сергею Матвеевичу. Никто не открывает.
- Их дома нет. Наталья Даниловна в больницу к нему поехала.
- А что с ним?
- Колено сильно зашиб, в аварию попал. А вы кто будете?
- Знакомый... Он в какой больнице? Не знаете?
- Чего ж не знаю, я сам отвозил его на своей машине. В 4-й городской, в травматологии...

Джума шел по больничному коридору в сопровождении врача-ординатора, накинув на плечи халат.

— Здесь,— сказал врач, останавливаясь у двери в палату.— Он в левом углу у окна. Я вам не нужен?

— Нет...

В палате было шесть коек, на каждой лежал больной, у одних руки и торс в гипсе, в каких-то металлических конструкциях, у других — ноги подвешены в блоках. Агрба подошел к постели Назаркевича. Сестр было некуда — два стула на всю палату, оба заняты банками, книгами, тарелками, крышками.

— Здравствуйте, Сергей Матвеевич,— склонившись, тихо сказал Джума.— Я из ГАИ. Вы уж извините, что наведалься, я ненадолго.

- Что за срочность? — хмуро спросил Назаркевич.
- Есть пара вопросов... Во вторник, пятнадцатого, вы попали в аварию. Так?
- Не во вторник, а в среду.
- Но в Богдановск-то вы ездили во вторник?
- В тот же день и вернулся. А в среду утром опять поехал. Тогда и произошло.
- Вы один ездили?
- Во вторник — с начальницей, в среду — один.
- Она вернулась с вами во вторник?
- Нет. Осталась в Богдановске.
- А в среду?
- Я не доехал до Богдановска. А в чем, собственно, дело? — начал раздражаться Назаркевич.

В это время открылась дверь, в палату вошли два врача, а с ними стайка студентов. Джума понял, что дальнейшее пребывание бессмысленно.

— Выздоровливайте, Сергей Матвеевич.

— Постараюсь.— Назаркевич повернул голову к стене. Спускаясь по ступенькам и идя к трамвайной остановке, Джума пытался разгадать вопрос Назаркевича «А в чем, собственно, дело?». Темнит или ничего не знает?..

Войдя в кабинет Яловского, Скорик кратко объяснил цель своего прихода и увидел, как недовольно скривилось лицо директора.

— Извините, не смогу сейчас,— сказал Яловский.— У меня дела... Да еще похороны сегодня.

— Знаю,— сухо ват ответил Скорик.— Но я ведь не посудачить пришел.

— Может, начнете с кого-нибудь другого, а через день-два я к вашим услугам.

— Пусть так.

— Располагайтесь в моем кабинете... Ольга Викторовна,— повернулся он к секретарше.— Товарищ из прокуратуры... Помогите ему, он устроится в моем кабинете.— Попрошавшись, Яловский торопливо вышел.

По просьбе Скорика секретарша приглашала тех, кого он называл. К двум часам он закончил, в институтском буфете выпил стакан кофейного цвета бурды, съел два пирожка с повидлом и вышел на улицу. Стоя на противоположной стороне, смотрел, как ближе к трем часам стали выходить сотрудники, они группировались кучками, курили, беседовали. Потом вынесли венки, люди стали рассаживаться по автобусам. В толпе Скорик выделил женщину в черном, седые волосы выбились из-под тонкой траурной косынки, белое лицо, покрасневшие отрешенные глаза. Ее вел под руку невысокий худощавый майор. Скорик понял: мать и брат Кубраковой.

— Извините, пожалуйста.— Скорик шагнул к майору.— Моя фамилия Скорик, я из прокуратуры, следователь. Понимаю, что сейчас вам не до меня. Я веду это дело...

Майор долгим взглядом обмерил лицо Скорика, затем спросил:

— Что требуется?

— Побывать у вас, поговорить с вашей мамой.

— Не сегодня же!

— Разумеется. Но тянуть тоже нельзя... Для пользы дела,— добавил Скорик.

— Приходите завтра. Я уговорю маму.— И не прощаясь отошел.

Вернувшись в прокуратуру, Скорик устало сел за стол.

— Ну, как у тебя движется? — спросил коллега.

— Вяло.— Он достал из кейса бумаги — результат своих разговоров с сотрудниками института.

Улов был почти нулевым. Трошкин — начальник отдела кадров. Не человек — амеба. Усманов — снабженец. Бобошко — инженер из группы оформления документации — оказался женщиной, к тому же предпенсионного возраста. Дзюбан — сотруд-

ник патентного отдела — мужчина лет сорока, на протезе, ногу потерял в детстве в железнодорожной катастрофе. Вечтомова — инженер сектора оперативного анализа и планирования — молодая, тщедушная, в очках с толстенькими линзами, за пределом трех метров, пожалуй, ничего не видит. Никто из них в «герои» не годился. Лишь двое заинтересовали Скорика — Назаркевич и электрик Лагойда. Но Назаркевич в больнице, с ним должен встретиться Агрба. Что же до Лагойды...

Скорик перечитал запись своего разговора с ним:

«Когда вы в последний раз видели Кубракову?»

«За день до ее отъезда».

«В связи с чем вы заходили к ней?»

«В лаборатории на компрессоре полетел трансформатор. Я нашел в одном месте. Надо было сообщить ей, потому что за него заломили большие деньги».

«Кто-нибудь присутствовал при вашем разговоре?»

«Сотрудник лаборатории Назаркевич».

«О чем они говорили?»

«О поездке в Богдановск».

«Потом, кажется, в четверг, вы справлялись у секретарши, не вернулась ли Кубракова?»

«Да. Надо было решать с трансформатором, владельцы торопили. Теперь на такие вещи спрос большой».

«Кубракова разрешила Назаркевичу поездку в Богдановск?»

«Разрешила. Ей тоже нужно было туда, и он согласился взять ее».

«Что значит «согласился»? Может, предложил, она все же его начальница?»

«У них отношения не очень...»

«В каком смысле?»

«Ну если уж точно, как кошка с собакой».

«Откуда вы знаете о характере их отношений?»

«Об этом весь институт знает».

«На какой же почве они враждуют?»

«Она вроде зажимает его».

«На чем они поехали?»

«На его машине».

«Какая у него машина?»

«Тройка»

«А цвет?»

«Красная...»

Вот и все. Видел ее за день до отъезда. Интересовался у секретарши, не вернулась ли еще. Ну и что?..

Он сидел, уставившись в бумаги, пытаясь за ответами увидеть иной смысл или какие-нибудь противоречия. Но ничего не получалось. В списке невычеркнутым оставался Назаркевич. Скорик позвонил Агрбе. Однако телефон молчал. Видимо, Агрба еще не вернулся...

бывший сокурсник по юрфаку, разрешил мне взять из архива дело Кубраковой. Правда, не домой. Выписками из него я занимаюсь в полуподвальной комнате, где лежат кипы чистых бланков, пачки новеньких папок, коробки с копировальной бумагой, катушки с лентой для пишущих машинок и прочая канцелярская дребедень. Здесь тихо, никто не мешает, не задает вопросов, не заглядывает через плечо. Плохо только, что курить приходится выходить на улицу...

Итак, вернемся в тот июнь. Однажды вечером раздался междугородный телефонный звонок. Неля, моя суетливая, настырная троюродная сестрица из Харькова, сразу пошла в атаку:

— Ты меня хорошо слышишь?

— Слышу, слышу.

— Как живешь? У тебя все в порядке?

— В порядке, — ответил я, понимая, что это было пустое предисловие.

— Что у вас там произошло? Что случилось с Кубраковой?

— С какой Кубраковой?

— Ну завлаб в НИИ металловедения! Я приезжала к вам на ее симпозиум... До нас дошли слухи, что она погибла. Это правда?

— Не знаю никакой Кубраковой, — раздраженно ответил я. — А в чем, собственно, дело? Это твоя подруга?

— Нет, но я не люблю слухов, а хочу знать все точно. У тебя есть связи в прокуратуре. Выясни! — командовала она. — Это, во-первых. Во-вторых, я оставила ей свою статью. Она обещала прочитать и сделать пометки. Мне важно получить ее ради этих пометок. Очень прошу, займись этим немедленно!

— Ты понимаешь, о чем просишь?! — вскипел я. — Даже если по случаю гибели твоей Кубраковой возбуждено дело, меня к нему никто и близко не допустит. И никого об этом просить не стану!

— Но ты же известный адвокат! — давила Неля. — В конце концов у тебя есть какие-нибудь родственные чувства, элементарные обязательства перед близкими?

— Есть, есть, — успокоил я ее, хотя она прекрасно знала, что мы друг к другу никаких особых родственных привязанностей не испытывали. — Единственное, что могу, — это попытаться что-нибудь узнать о твоей статье, — сказал я, понимая, что она не отвяжется.

— Обещаешь?

— Обещаю попытаться. Никаких гарантий.

— И если можно — подробности о гибели Кубраковой, — уже льстиво попросила она.

— Я тебе уже все сказал! До свидания, — опустил я трубку.

Дней через десять я был в областном суде по каким-то своим делам. Закончив их и вспомнив просьбу Нели о статье, решил заглянуть к Щербе — авось что-нибудь выясню, хотя уверенности не было почти никакой.

Я постучал в его дверь и, не дожидаясь ответа, вошел. Напротив Щербы сидели Скорик и прокурор-криминалист Войцеховский. Они о чем-то спорили.

— Садись, Артем Григорьевич, я скоро освобожусь, — кивнул мне Щерба.

Чтоб не создавать неловкость своим присутствием, я достал из кейса свежий номер «Аргументов и фактов» и, хотя не прислушивался к их разговору, все же кое-какие детали уловил. Говорил Войцеховский:

— ...Я был на кафедре патологической анатомии и судебной медицины. Эти светила категорически утверждают, что установить его наличие в крови и тканях невозможно. У нас, во всяком случае. Может, в Москве и есть какой-нибудь мудрый гематологический институт, но попробуй туда доберись, да и там, как говорят наши патологоанатомы, вряд ли определят. Это во-первых, во-вторых, мое предложение всего лишь плод умопостроений, нет у нас никаких реальных оснований считать его надежным. Так что эксгумация бессмысленна, — завершая какой-то предыдущий разговор, произнес Войцеховский.

— Я еще раз перечитал допрос Язовского, — сказал Щерба. — Все скользко, вроде что-то и пощупать можно, а прикоснешься — утекает меж пальцев...

Потом что-то сказал Скорик, а Щерба спросил:

— Когда он выписывается из больницы?..

В это время зазвонил телефон, Щерба снял трубку, и я понял, что он увяз в долгом разговоре. Поскольку никакой срочности у меня не было, дальнейшее сидение в этом кабинете становилось малоприятным. Поднявшись, я помахал ему рукой, а он, прижав трубку щекой к плечу, сделал жест, мол, извини, задержали...

Много позже обрывки услышанного в тот день всплывут из запасников памяти, и я найду им место в своем повествовании...

14

Начальник угрозыска Богдановска Мотрич ждал Агрбу у себя. Они были хорошо знакомы.

— Садись, Джума, — предложил Мотрич.

— Как жизнь, Ярослав? — отряхнув брюки, уселся Агрба. — Анекдоты новые есть?

— Какие тут анекдоты?! — махнул рукой Мотрич. — Вся наша жизнь — анекдот.

— Если нет анекдотов, давай тогда про нашу с тобой жизнь.

— Были на мосту. Там ничего. Пошли по тому участку, который высчитал Войцеховский. И вот. — Мотрич достал из ящика письменного стола очки — такой красивой оправы Агрба никогда не видел, а уж он повидал этого добра! — В траве, на берегу, недалеко от обрыва, — уточнил Мотрич.

Агрба приблизил очки к глазам, взял газету, лежавшую на столе. Буквы выросли в несколько раз.

— Сильные стекла... Импортная, — сказал он, разглядывая оправу. — Итальянская. — Провел пальцем по рельефной надписи на дужке. — У нас такая на руках под тысячу тянет. Но и за «бугром» они дорогие, до 150 зелененьких... Отметили, где нашли?

- Да.
- Что еще?
- Больше ничего. Ищем свидетелей, но все не то.
- Давай съездим туда, где очки лежали...

Агрба, Мотрич, лейтенант-следователь райотдела и сержант-шофер тряслись на милицейском «уазике»; машина, видно, давно отслужила свое, в ней все тархтело, что-то рывкало в коробке скоростей. Агрба помнил слова Войцеховского: «Между 15-м и 17-м километрами». На пятнадцатом они и свернули к береговому обрыву. У верхней его точки остановились, вылезли, и Агрба сразу увидел перевернутое вверх дном старое ржавое ведро.

— Под ним, — сказал Мотрич, поднимая ведро. — Вот тут они лежали.

Агрба прикинул: от места, где нашли очки, до края утеса метра три. Мысленно очертив небольшую площадку, в центре которой оказалось ведро, Джума стал вышагивать туда-сюда, то и дело приседая и глядя поверх травы в сторону дороги.

— Ярослав! — вдруг позвал он Мотрича. — Смотри! Видишь?

— Да, — низко наклонил голову Мотрич.

— Это когда машина шла сюда. Тут остановилась, а здесь водитель сильно газанул, разворачиваясь, трава сорвана до песка, и сразу новая колея, но трава легла в обратную сторону, к дороге. Надо измерить ширину колеи, — попросил Агрба лейтенанта.

Они провозились около часа — склонившись, шевеля кустики, заглядывая под каждый. Мотрич несколько раз распрямлялся, потирая поясницу. Но больше ничего не нашли.

Когда ехали обратно, Мотрич, кивнув на знак «Правый поворот запрещен», сказал:

— Место это тихое, во-первых, знак, во-вторых, неудобно спускаться к реке, больно круто, местные купальщики сюда не ездят. Иногородние, случается, шашлыки здесь жарят.

— От шашлычной компании никаких следов: ни углей, ни консервных банок, ни бутылок, ни крышечек от бутылок.

— Все вокруг чисто, непривычно даже. Вроде нога человека и не ступала, — вмешался лейтенант.

— Как видишь, ступала, — возразил Мотрич. — Правда, осторожно.

— Не так уж осторожно, дорогой: очки, автомобильные колеса.

— Поедем обедать? — спросил Мотрич, глянув на часы.

— Я готов, — согласился Агрба, догадываясь, что кормить его будут вкусно...

15

В тот же четверг, когда Агрба укатил в Богдановск, Скорик, созвонившись, отправился в институт к Яловскому.

Едва он уселся в предложенное кресло, Яловский предупредил секретаршу:

— Меня ни с кем не соединяйте и никого не пускайте... Слушаю вас, — повернулся он к Скорику. — Что вас еще интересует? Тут уже был один ваш коллега... не помню фамилии.

— Щерба... Из разговоров у меня сложилось впечатление, что Кубракова была очень неуживчивым человеком. Знаете, из тех, кто создает себе врагов, — без предисловия начал Скорик.

— Не совсем так... Я повторю вам то, что сказал товарищу Щербе: Елена Павловна — превосходный специалист, хороший организатор. Да, она жестка, иногда жестока, язвительна. На этой почве возникают трения, случается, с ба-а-льшой искрой. — Он говорил о Кубраковой, как о живой, словно она сидела где-то рядом, в соседнем кабинете.

— Из-за этого она и с Назаркевичем враждовала?

— За два часа можно модернизировать деревянную тачку. Кубракова предпочитала модернизировать скоростной автомобиль, хотя на это нужен месяц. А Назаркевич примется доводить до ума тачку, потому что она нужна немедленно. Вот вам разница между ними. Он, безусловно, хороший, способный специалист, фонтанирует идеями. Но в основном для тачки. Тщеславен, гипертрофированно самолюбив, полагает, что она не дает ему хода, затирает, завидует. Неприязнь перешла почти во вражду.

— Почему же она не рассталась с ним?

— Видимо, дорожила как специалистом. От нас и так люди уходят в кооперативы. Платим мало. Ушли технолог Вячин, компрессорщик Матляк, сейчас по договору нанялись куда-то руководитель нашего энергетического хозяйства Лагойда и тот же Назаркевич.

— А куда?

— В какой-то кооператив, не знаю названия... Вот так и живем. Затеяли интересное дело с немцами и — на тебе...

— Что за дело?

Яловский стал рассказывать о поездке в Германию. А Скорик, слушая вполуха, думал: «Неужто между Кубраковой и Назаркевичем произошло нечто такое, что?..» Наконец, спрятав бумаги в кейс, он произнес:

— Мне придется сделать обыск в кабинете Кубраковой.

— Это уже ваши хлопоты, — ответил Яловский...

В приемной Кубраковой никого, кроме секретарши, не было. Она стояла у шкафа, вытаскивала папки, сортировала их и расставляла вновь в известном ей порядке. Скорик поздоровался:

— Светлана Васильевна, я буду делать обыск в кабинете Кубраковой, нужны понятые. Двое. Скажем, вы, и пригласите еще кого-нибудь.

— Кого именно?

— Не имеет значения... Впрочем, можно товарища Лагойду.

— Хорошо, я позвоню ему...

Осторожно приоткрыв дверь, в приемную робко вошел молодой мужчина и, стоя на пороге, тихо спросил:

— Разрешите?

— Входите, Анатолий Филиппович.

— Я принес ключи Елены Павловны.

— Спасибо, Анатолий Филиппович.

Уходя, мужчина поймал на себе взгляд Скорика, и тот заметил, как едва сдвинулись к переносью его брови. Что-то странное

было в этом человеке, сухощавом, жилистом, несмотря на возраст, стройном, какая-то пружинистая сила ощущалась в нем. А странным, как понял Скорик, было лицо: совершенно лысый череп, непривычного цвета загар — не сезонный, что ли, а вроде постоянный, заполнивший каждую складочку, каждую морщинку, а главное — зубы, ровные, белые, один в один. Скорику показалось, что он где-то видел похожее лицо, а может, именно этого человека. И, когда тот, вежливо попрощавшись, вышел, Скорик вспомнил: в кабинете у старшего помощника прокурора области года три-четыре назад. Скорик зашел тогда по какому-то вопросу и осторожно разглядывал странное лицо визитера.

Когда посетитель ушел, Скорик поинтересовался:

— Кто это?

— В сорок пятом, после войны, посадили за сотрудничество с немцами в Богдановске. А дело-то, похоже, дохлое. Буду сочинять представление в суд. Комиссия по реабилитации рассмотрела...

— Светлана Васильевна, что за ключи вам принесли? — спросил Скорик. — Сколько их вообще от приемной и кабинета?

— Три пары. Эти — запасные, хранятся у вахтера. Одна пара у меня. И еще одни постоянно у Елены Павловны. Лично.

— А кто этот человек?

— Анатолий Филиппович? Наш ночной вахтер.

— Как его фамилия?

— Сердюк...

В приемную вбежал запыхавшийся Лагойда — коренастый, плотный, светлые волосы над высоким лбом с глубокими залысынами.

— Заходите, Юрий Игнатьевич, — поднялся Скорик. — Я буду делать обыск в кабинете Кубраковой. А вы и Светлана Васильевна — в качестве понятых. Не возражаете?

— Чего ж тут возражать, как говорят, понятой — не нанятой, — слегка улыбнулся Лагойда, не заметив, как неодобрительно нахмурилась Света...

Скорик тщательно перебирал и просматривал каждую страничку — и те, что лежали просто на столе, и те, что в целлофановых папочках, выдвигал ящики, рылся в них. Лагойда и Света сидели рядышком, о чем-то тихо переговариваясь. Ничего не найдя, Скорик прошелся по кабинету, обозревая его, вернулся к столу и принялся листать перекидной календарь, начав с февраля. Все странички были исписаны памятками, зачеркнутыми быстрым росчерком шариковой ручки. Прочитывая их, Скорик удивлялся разнообразию всего, чем занималась и во что вникала Кубракова, но для него все это было чужим и неинтересным. И только в одном месте — на листочке за 12 мая — незачеркнутой осталась запись: «Вячину». Если рядом с другими записями имелись слова-комментарии «позвонить», «выяснить», «договориться», «встретиться», то в этом случае значилась только фамилия. Вырвав листок, Скорик положил его в карман...

Исполнив все формальности, Скорик вышел из кабинета, в сущности, с пустыми руками. Опечатавать его больше не было смысла. Отпуская Лагойду, он спросил:

— Юрий Игнатьевич, где вас найти, если понадобится?

— Этажом выше, комната 27.

— Светлана Васильевна, вы Вячина знали?

— Конечно, он у нас много лет проработал технологом.

— А где он сейчас?

— В кооперативе «Астра».

— Какие у него были отношения с Кубраковой?

— Нормальные.

— Он появлялся у вас после ухода в кооператив?

— Очень редко.

— Вообще в институте или именно у Кубраковой? Когда последний раз они виделись?

— За день до ее отъезда в Германию. Он буквально поймал Елену Павловну на улице возле института, мы уже шли домой. Хотел о чем-то поговорить, но она очень спешила. Второй раз пришел, когда она была в Германии, справлялся, не вернулась ли.

— Не была ли связана Кубракова с Вячиным какими-нибудь институтскими делами? — Он достал из кармана листок календаря. — Видите — «Вячину». Это ее рукой написано?

— Ее. По-моему, Елена Павловна никаких дел с кооперативом Вячина не имела. Хотя утверждать не берусь.

— Вы не знаете, в каких кооперативах Лагойда и Назаркевич?

— Кажется, вместе с Вячиным.

— Спасибо, Светлана Васильевна. — Поднявшись, Скорик направился к двери.

Поднявшись этажом выше, он прошел по длинному коридору, отыскивая комнату № 27. Постучавшись, вошел. Небольшой кабинетик, скорее каморка с одним окном, стол, два стула и дешевый фанерный шкаф с выбитым стеклом, заполненный какими-то бумагами, папками. За окном — хозяйственный двор института.

Лагойда предложил сесть.

— Юрий Игнатьевич, вы с Назаркевичем работаете в одном кооперативе?

— Да.

— У Вячина?

— Да.

— Что производит «Астра»? — Скорик^у показалось, что Лагойда удивился, когда он произнес название кооператива.

— Много хороших вещей.

— Вы давно знакомы друг с другом?

— Давненько.

— Друзья?

— Как сказать... Вроде приятели.

— Вы не знаете, когда Назаркевич вернулся из Богдановска: в тот же день или на следующий? — спросил Скорик.

— Вот этого не знаю.

— У Вячина в кооперативе есть телефон?

— Телефон-то есть, только самого Вячина нет. В командировке.

- Где?
- В Польше.
- Давно уехал? Надолго?
- Уехал... — Лагойда задумался. — По-моему, в прошлый четверг. Завтра-послезавтра должен вернуться.
- Как думаете, Юрий Игнатьевич, кто может занять место Кубраковой?
- Это уж не моя забота! Не вникаю.
- Я в том смысле, что кто-нибудь делая такую мечту?
- Мое дело — энергетическое хозяйство, а в сферы Кубраковой носа не совал. Я провожу вас.
- Спасибо, не надо. Я найду дорогу...

Около пяти вечера Скорик позвонил на квартиру Кубраковым. Трубку поднял брат:

— Можете приехать. Я подготовил маму. Только постарайтесь без особого усердия. Сами понимаете ее состояние, — не стесняясь, предупредил он.

— Постараюсь. Я ведь к вам не в гости с балалайкой собираюсь.

— Понятно, понятно. Приезжайте...

Скорик увидел то, что и ожидал увидеть в этом доме, построенном в начале века: большие комнаты, потолки почти четыре метра, в углах изразцовые печи с подведенным газом, высокие окна с овальными фрамугами.

Кубраков усадил его на стул.

— Посидите, я позову маму.

— Одну минутку, Александр Павлович, — остановил его Скорик. — Я не собираюсь делать обыск, просто хочу посмотреть комнату Елены Павловны, письменный стол и задать несколько вопросов вашей маме. Не исключаю, что мне придется еще раз навеститься в комнату Елены Павловны для более тщательного осмотра. Я предварительно позвоню.

— Нас здесь не будет. Я забираю маму к себе в Сокирцы, пусть поживет у меня какое-то время. Я вам дам ключи от квартиры.

— Доверяете? — улыбнулся Скорик, стараясь расположить хозяина к непринужденному разговору.

— У нас воровать нечего.

— А если мне надо будет что-нибудь изъять? Без вас и понятих не смогу.

— Позвоните мне в Сокирцы заранее, я приеду.

— Александр Павлович, ваша сестра умела плавать?

— Очень хорошо. Она ведь родилась на Волге, в Саратове...

— Как зовут вашу маму?

— Ольга Степановна.

Седая, с бледным осунувшимся лицом, в длинном байковом халате, она показалась Скорику сейчас много выше, нежели тогда, на кладбище. Села напротив, положив белые старческие руки на стол, сцепив пальцы, но дрожь в них унять не могла.

— Ольга Степановна, простите мое вторжение, но что поде-

дать — такая служба, — начал Скорик. — Мне нужно задать вам несколько вопросов.

Она согласно кивнула.

— Ольга Степановна, не жаловалась ли вам Елена Павловна в последнее время, что кто-то ей угрожает или преследует?

— Нет. Она была добрым, отзывчивым человеком.

— Не была ли угнетена чем-нибудь?

— Нет. Наоборот. Из Германии Леночка вернулась веселая, возбужденная... Вы считаете, что ее убили?

— Ничего определенного пока сказать не могу. Но постараемся докопаться до истины. Ольга Степановна, а у вас лично нет подозрений в отношении кого-либо?

Она долго молчала, потом произнесла:

— Мне всегда был неприятен Назаркевич, хотя я никогда его не видела. Но Леночка говорила, что все неудачники — неврастеники. Она считала его неудачником и полагала, что когда-нибудь он сорвется.

— Что она имела в виду?

— Не знаю.

— В Богдановск Елену Павловну отвозил Назаркевич. Вернувшись, он не звонил вам?

— Нет. Он вообще сюда никогда не звонил.

— Я могу осмотреть комнату Елены Павловны?

— Идемте, — встал молчавший во время разговора Кубраков. — Ты иди к себе, мама, ложись...

Комната Кубраковой скорее напоминала коридор — длинная, с одним окном. Изразцовая печь. В углах потолков залегли пыльные тени. На темном скрипучем паркете лежал затертый, грязно-зеленоватого цвета ковер. Тахта, простой платяной шкаф, стул у письменного стола, на стене потускневшее зеркало. Впечатление такое, что это — случайное жильё, что большую часть времени обитатель проводит вне его стен.

Присутствие Кубракова сковывало. И все же Скорик довольно скрупулезно перебрал бумаги на столе. Но и здесь, как и в кабинете Кубраковой в институте, ничего личного. Хотелось порыться в ящиках письменного стола, но Скорик решил сделать это в спокойной обстановке, когда Кубраков с матерью уедут в Сокирцы. Перекидной календарь он все же решил полистать. Нашел только одну интересную для себя запись: на страничке за 20 мая было написано рукой Кубраковой «Вячину». «Календарь надо будет потом изъять официально», — подумал Скорик и сказал:

— У меня все, Александр Павлович.

Кубраков проводил его до двери, вручил ключи...

Верно говорят: одной рукой узел не развяжешь, поэтому на следующий день в кабинете криминалистики у Войцеховского они собрались вчетвером: Войцеховский, Агрба, Скорик и Щерба. До этого Скорик успел побывать у Кубраковых, застал их уже садившимися в машину. Он показал им очки, привезенные

Джумой. Мать и брат опознали их: Елена Павловна привезла их из Италии, заплатила большие деньги. На вопрос Скорика, какое зрение было у Елены Павловны, мать сказала, что дочь очками пользовалась только при чтении и во время работы, обычно же очков не носила, левое стекло + 4,5, правое + 5. На обратном пути Скорик заехал в «Медтехнику». Там проверили и подтвердили: левое стекло + 4,5, правое + 5. И еще восхитились оправой, такой никогда не видели, суперновая, на руках потянет тысячу рублей, заверили, что в систему «Медтехники» такой товар не поступал...

— В нашем городе только Кубракова ездила в Италию, — иронично заметил Щерба.

— Но стекла-то — ее! + 4,5 левое и + 5 правое!

— Хотите, я найду вам сколько угодно людей с подобным зрением? — не унимался Щерба.

— Ну нельзя же так, Михаил Михайлович! Если будем все время ставить себе такие препоны, никогда не выберемся на дорогу! — раздражался Скорик.

— Ладно, допустим, что очки на том месте потеряла Кубракова. Странная она женщина: поехала в Богдановск, а оттуда пешком перла к обрыву 15 километров, чтобы почитать книгу, газету или еще что-нибудь. Достала очки, почитала, очки выбросила и ушла? Глупость! Ну а если по логике? Там, у обрыва, ей срочно потребовалось что-то прочесть. Согласитесь, что такие очки без футляра не носят. Значит, она достала из сумки футляр, вынула очки, футляр положила в сумку, прочитала что-то и тут почему-то выронила очки. А футляр исчез вместе с сумкой. Что в ней было еще, мы не знаем. Но это непохоже на ограбление: часы «Сейко» с нее не сняли. И так, ей пришлось что-то срочно прочесть. Если бы это было у нее с собой, она могла прочитать и раньше — в Богдановске, в машине, по дороге к обрыву, а не ждала бы, пока окажется именно там.

— А может быть, ей в том месте как раз и дали это чтиво, — сказал Агрба.

— К этому я и веду, — подтвердил Щерба.

— Она не пришла туда пешком, ее привезли. — Агрба посмотрел на Войцеховского.

— Замеры колен, которые ты сделал, укладываются только в одно — это «Жигули», — сказал Войцеховский.

— Поехали, Виктор Борисович, — обратился Щерба к Скорика.

— Кубракова была хорошей пловчихой, так что, если б она упала в реку или ее столкнули... — начал Скорик.

— Понятно, — оборвал Щерба. — Ее столкнули, когда она была в бессознательном состоянии? Но ведь следов насилия, предшествовавших этому, нет. Что скажете?

— Никаких бумажек, писем, записок, что говорило бы о самоубийстве, я не нашел. Она была одержима работой. Особенно последнее время, после возвращения из Германии. Какой-то контракт с немцами, — продолжал Скорик. — Чего вдруг самоубийство? Человек прагматичный, с очень устойчивой психикой... Кстати, возник новый персонаж.

— Кто такой? — спросил Щерба.

Скорик рассказал о надписях на листках календарей.

— Да, — вспомнил он, — знаете, кто работает ночным вахтером в институте? Человек, который в 1945-м был осужден за пособничество немцам в Богдановске.

— Самые осведомленные люди — не мы и не милиция, — хмыкнул Щерба, — а швейцары ресторанов, отелей, ночные сторожа, дворники... С этим Вячиным тоже надо бы знакомство завести.

— Он сейчас в Польше, — ответил Скорик.

— Когда-нибудь вернется... Сегодня пятница, — напомнил Щерба. — Пятый день, как мы получили труп Кубраковой. Ее уже похоронили, а вы все никак не можете встретиться с Назаркевичем, Виктор Борисович. А ведь он ее отвозил в Богдановск! И в друзьях ее, как вы уже знаете, не состоял. О чем они говорили по дороге? Может, помирились, а может, разругались вдрызг.

— Он в больнице, — напомнил Агрба.

— Ну и что? Ушиб колено! Не без сознания же он! — Это адресовалось Скорикю.

— Там невозможно толком поговорить: палата на шесть человек. Через два-три дня он станет ходячим, тогда это будет проще.

— Ладно, вы тут колдуйте... — Щерба направился к двери.

Вернувшись к себе, Щерба медленно опустился в кресло, бросив тяжелые руки на стол поверх бумаг, затем, что-то вспомнив, потянулся к телефону, набрал номер:

117

— Юрконсультация? Пожалуйста, Устименко.

Щерба ждал, слышал, как кто-то звал: «Артем Григорьевич, вас к телефону...»

— Артем, здравствуй. Это Щерба.

— Здравствуй, Миня. Я тебя слушаю.

— Неудобно получилось: ты заходил зачем-то, ждал, да так и ушел. Извини, замордовала работа. Ты что-то хотел?

— Ерунда, Миня, не горит. Там у вас кто-то ведет дело Кубраковой из какого-то НИИ...

— А что у тебя за интерес?

— Пустяковый. У меня в Харькове родственница, она отправляла в НИИ Кубраковой свой доклад или реферат. Теперь ей хочется заполучить его обратно, поскольку, возможно, на нем есть пометки Кубраковой. Вот и все, если, конечно, этот доклад не фигурирует в деле.

— Смотри, до Харькова докатилось... Сейчас ничего не могу тебе обещать. Когда прояснится, дам знать, — неопределенно ответил Щерба.

В начале десятого утра в субботу за Джумой заехал на «Волге» приятель с подругой. Загрузив багажник сумками с едой, бутылками, кастрюлей с замаринованной бараниной, засунув туда же

ящик с буковым углем и шампура, Джума с женой и всем выводком отправился на два дня в закрытую зону отдыха штаба военного округа — на Липницкие пруды, где комендантом был прапорщик, дружок Джумы.

Машины попутных на шоссе было много: часть людей, как и Джума, ехала отдыхать в леса, а другие — их сразу можно было узнать по пестрой географии автомобильных номеров, тюкам на крышах, прицепах — спешили к польской границе. Категорию этих туристов Джума знал: некоторые из них потом пспадут в сводки ОБХСС, как и те, кто по левой полосе тащился навстречу, из Польши.

— Во зараза,— злился Джума,— теперь до кольца будем плестись.

На кольце свернули налево, на просеку, и остановились у шлагбаума. Джума показал охраннику пропуск, и они въехали на территорию Липницких прудов.

— В тот же домик, Надька? — весело подтолкнул Джума жену.

— Тебе бы только туда,— притворно рассердилась она.

— Привет, милиционер,— подошел прапорщик, когда они разгружали багажник.

— Привет, дорогой! — обнял его Джума.— Карп будет?

— А пашлык?!

— А как же!

— Тогда и карпа найдем.— Речь шла о копченом карпе, который мастерски солил и коптил для начальства прапорщик.— Располагайтесь, еще увидимся...

Дежурный врач, выслушав Скорика, сказал:

— Он уже почти в порядке. Думаю, через два-три дня лангетку снимут.

— А что у него с коленом?

— Гемартроз. Кровоизлияние в сустав... В ординаторской неудобно, люди заходят. У меня есть ключ от учебной комнаты. Кафедральных сегодня не будет.— Он повел Скорика по коридору и отпер дверь с табличкой «Учебная комната № 3». Здесь было два стола, несколько стульев, на стенах развешаны плакаты-пособия.

Назаркевич вошел без стука. На нем был синий спортивный костюм, правая штанина задрана, на ноге — фиксирующая лангетка.

— Вы, что ли, ко мне? — без всякого интереса осведомился Назаркевич.— По какому случаю?

— Я из прокуратуры, Сергей Матвеевич.

— Чем могу быть полезен?

— Я по поводу Елены Павловны Кубраковой.— Скорик достал из кейса бланк протокола допроса и еще какие-то бумаги, поверх положил очки Кубраковой. Назаркевич равнодушно скользнул по ним взглядом.— Вы знаете, что с нею произошло?

— Знаю, но без подробностей.

— Откуда?

— Сказала жена, а ей кто-то позвонил из института.

- Сергей Матвеевич, Кубракову вы отвозили в Богдановск?
- Я.
- Когда?
- Во вторник, пятнадцатого.
- По ее просьбе?
- Я ехал по своим делам. А она, так сказать, с оказией.
- А по каким делам, если не секрет?
- На мехстеклозавод. Заказать специальные реторты.
- Заказали?
- Нет. Нужный мне мастер был в отгуле. — Назаркевич отвечал легко, как бы забавляясь. Худое, нервное, подвижное лицо его успокоилось, словно этот разговор стал для него развлечением.
- Каким образом вы узнали, что он в отгуле?
- У начальника смены... Что еще вас интересует? До какого конца желаете добраться? — В его глазах вспыхнуло озлобление, лицо стало каким-то асимметричным.
- Когда вы вернулись из Богдановска?
- В тот же день, поздно вечером.
- И больше не ездили туда?
- Пытался на следующий день. Я уже говорил об этом вашему милиционеру... На пятидесятом километре попал в аварию.
- Каким образом?
- Навстречу шел «Москвич», я тормознул, но влетел в лужицу масла. Меня развернуло в сторону «Москвича». Чтоб избежать лобового столкновения, я вывернул резко вправо и полетел за столбики в кювет. «Москвич» я все же зацепил: помял ему левое крыло и разбил фару. Себе искалечил радиатор и колено. Достаточно этих деталей?
- Вызывали ГАИ?
- Нет. Разошлись полюбовно. Я ему — шестьсот рублей, он меня отбуксировал домой. У меня тосол вытек.
- Кубракова знала, что вы должны на следующий день опять поехать в Богдановск?
- Нет.
- А с кем она собиралась возвращаться из Богдановска?
- Понятия не имею.
- Но, если бы вы доехали туда благополучно, забрали бы ее?
- Возможно.
- Номер «Москвича» не помните?
- Не до этого было.
- Какого он цвета?
- Светло-салатовый, старый, четыреста восьмой.
- Кто его владелец?
- Майор. Агеев Витольд Ильич.
- А где служит?
- Вы еще спросите, какая у него жена: блондинка или брюнетка.
- Кстати, какого цвета ваша машина?
- Красная. «Жигули» — тройка.
- Сергей Матвеевич, какие у вас были отношения с Кубраковой?

— Плохие.

— Не скажете почему?

— Не сложились. Мы разные люди.

— А подробней можно?

— Долго рассказывать. Как-нибудь в другой раз, если понадобится. У вас, наверное, и кроме меня есть кого допрашивать... Давайте я подпишу, что там нужно. Я устал. Тут не прокуратура, больница... До свидания. — Он встал и, опираясь на палку, захромал к двери.

— Одну минутку, — остановил его Скорик.

— Ну что еще?

— Эти очки вам не знакомы?

— Похожие я видел у Кубраковой... А может, еще где-нибудь. — Назаркевич усмехнулся и вышел.

18

Кончалось воскресенье. Дымчатые сумерки обволакивали лес, но, когда выехали на шоссе, оказалось, что еще совсем светло. Разомлевшие от двух дней лесного воздуха, солнца, купания в прудах, дети сонно жались на сиденье, Джуму тоже вгоняло в дремоту — никаких мыслей, лишь благодное ощущение здоровья, силы и сытости. У выезда на главную магистраль пришлось постоять, прежде чем удалось вклиниться в плотный поток машин — одни, как и Джума Агрба, возвращались после отдыха домой, другие, с нашими и польскими номерами, тащились от границы.

И не знал Джума, что в этой пестрой ленте автомобилей, на четыре машины впереди, возвращаясь из Польши, катил на своем «жигуле» Николай Вячин...

Вячин возвращался из Польши злой и уставший. Поездка вышла пустой, бессмысленной и накладной, ибо, как принято, ехал туда не с пустыми руками, «влетел» с подарками для будущих возможных партнеров: пол-ящика коньяка, несколько банок икры, две микроволновые печи и кое-что помельче. Все это надо было протащить через таможеню. Удалось. Но лучше бы изъяди — сейчас бы ему вернули. Партнеры по переговорам оказались шантрапой, делового в них было только то, что непрерывно поили его настоящим кофе, курили «Кент» и «Данхил» да хорошо разбирались в курсах разной валюты. Но как только разговор заходил об общих интересах, начинали вешать лапшу на уши, выдвигая наглые условия, которые в итоге для него выпали бы в осадок «деревянными» рублями, а для них в свободной конвертируемой.

Когда Вячин пересек границу и влился в медленный поток машин, раздражение от неудачной поездки постепенно утихло. Домой он добрался около часу ночи.

— Пойдешь машину отгонять в гараж? — спросила жена.

— Неохота, устал. Поставлю противоугонное...

— Тебе сегодня звонил Лагойда. Просил, как только вернешься, связаться с ним.

Сонных детей Джума внес в дом на руках. По окнам скользнул ответ фар разворачивавшейся «Волги»: уезжали приятели. Жена укладывала детей, а Джума с наслаждением пил ледяную минеральную воду, в холодильнике всегда имелся запас. Сами улеглись уже в половине второго. Жена уснула мгновенно, а он долго вертелся. Помаявшись, встал и босиком зашлепал на кухню, достал еще бутылку воды — жажда все еще сушила — и пил уже медленно, подперев спиной стену и думая о завтрашнем дне. Затем надел спортивный костюм, кеды, взял маленькую сумочку, сунул в нее удостоверение, набор ключей, фонарик и вышел на улицу.

Шел он к дому Назаркевича минут сорок. За всю дорогу встретил только двоих прохожих. Прежде чем войти во двор, поглядел на дом. Свет не горел даже на лестничных площадках, двор был пуст, но Джума прислушался, еще раз осмотрелся — какая-нибудь парочка могла обниматься где-нибудь в укромном углу. Но — нет, все тихо.

Он поднял край брезента, покрывавшего машину Назаркевича, достал было связку автомобильных ключей, но, проверив ручку правой передней дверцы, обнаружил, что она не заперта. Осторожно влез в машину, изловчился, высунув руку, потянул брезент, и тот под собственной тяжестью сполз вниз, накрыв машину. В кромешной тьме Джума включил фонарик, осмотрелся. Автомобиль, видно, эксплуатировали вовсю: чехлы на сиденьях грязные, напольные коврики в пыли, на педалях комочки старой засохшей глины. На спидометре девяносто семь тысяч. В «бардачке» оказался нехитрый набор: фигурная отвертка, рулончик изоляционной ленты, два пакетика автошампуня, в футляре — манометр, в самом низу — три странички машинописного текста, всунутые в целлофановую папочку. Посветив, Джума пробежал по диагонали. Это была какая-то докладная на имя Кубраковой, подписанная Назаркевичем. Положив все на место, Агрба стал обшаривать глубокие карманы чехлов на спинках передних сидений. В одном оказался атлас дорог, в другом круглый, большого диаметра колпачок с резьбой внутри. Белый, пластмассовый, с фирменной надписью «Метак». Понюхав колпачок и не ощутив никакого запаха, Джума опустил его на место.

Больше здесь делать было нечего. Осматривать всю машину снаружи надо будет днем с понятиями, официально, под видом сотрудника ГАИ...

Он с трудом выбрался из машины, осмотрелся и тихо вышел со двора. Домой добрался лишь в пятом часу утра...

На техосмотр Вячину нужно было еще в мае, да все никак не мог выбраться. Потому с утра, перед тем как идти к себе в кооператив, отправился в сберкассу оплатить налоговую мощность и за техосмотр. Перед выходом из дому созвонился с Лагойдой и условился встретиться у сберкассы.

Очередь была большая, на добрый час. Лагойда подъехал

минут через пятнадцать, они быстро обменялись новостями.

— Как же ее угораздило утонуть? — спросил Вячин.

— Кто знает? Следствие идет. Меня уже допрашивали.

— А ты-то при чем?

— У прокуратуры свой протокол, — скаламбурил Лагойда.

— Где похоронили?

— На Центральном.

— Какие еще новости?

— Сережка Назаркевич в больнице. Попал в аварию.

— Сильно побился?

— Колено зашиб. Через пару дней выписывается. А машину изуродовал по нынешним ценам тысячи на три: радиатор, крыло, бампер, фару вдребезги. Наталья рассказала.

— Он же гонит как сумасшедший. Джигит! — Вячин оглянулся, посмотрел, как движется очередь. — Смотри, видишь пожилого мужика у самой двери, с коричневым кейсом?

— Ну, вижу.

— Знаешь, кто это? Слышал дело о рэкетирах? Потрошили кооперативы «У самовара», «Эlegant», «Детский сапожок». По делу проходил младший брат Володи Гайворонского.

— Директора завода рембыттехники?

— Да. Я ходил с Володей на суд. Интересно было. Так вот этот с кейсом — адвокат Устименко. Володе его порекомендовали. Силен! Такую речь произнес — плакать хотелось. И знаешь, дали по минимуму.

— Свири крапиву с сахаром — тоже сладко будет... Ладно, хрен с ним, с этим адвокатом, мне пора. — Лагойда глянул на часы.

— Когда появишься?

— После четырех.

— Давай, надо кое-что обсудить. Есть проблемы...

Жена Назаркевича была предупреждена Агрбой, приехал он около десяти. Она ждала его у машины: что поделать, ГАИ есть ГАИ. В понятия взяли соседей Назаркевичей — шофера такси и молодую женщину, покачивавшую в коляске ребенка.

— Что же это ваш муж попал в аварию и уехал с места происшествия? — начал Агрба.

— Потому что ничего страшного не произошло. Пострадали только мы. Человеку, которому он повредил машину, уплатили. С его стороны никаких претензий, — спокойно объясняла Назаркевич. — Он что, обратился к вам с жалобой?

Агрба сделал вид, что не расслышал; обойдя машину со всех сторон, остановился у передка.

— Ох-ха! — помотал головой таксист, стоя рядом с Агрбой. — Надо же так! Это уже не отрихтуешь. Крыло менять придется. Да и радиатор...

Под радиатором стояла лужица — остатки вытекшего тосола.

— Когда это произошло? — спросил Агрба.

— В среду, шестнадцатого, — ответила Назаркевич.

— А когда ваш муж вернулся из Богдановска?

— Во вторник вечером.

— Он выпить любит?

— В рот не берет, — заметил таксист.

Попросив у хозяйки ключи, Агрба сделал вид, что отпирает дверцу, хотя уже знал, что она не заперта. Он собирался изъять целлофановую папку с машинописными страницами. Насчет колпачка, лежавшего в кармане чехла, были сомнения: «От зубной пасты или крема для бритья»... Агрба влез в машину. Порывшись для виду в «бардачке», вытащил папку, осмотрел коврик под ногами, затем оглянулся на заднее сиденье. И увидел в самом углу не замеченную ночью каскетку — белую с зелеными клиньями и светозащитным козырьком. Вспомнились слова из показаний директора завода Омеляна о водителе машины, в которой сидела Кубракова: «... каскетка на нем, белая с зелеными клиньями и светозащитным пластиковым козырьком»... Агрба потянулся к каскетке. Потом еще раз осмотрел салон, скользнул взглядом по карманам чехлов на передних сиденьях, и все же полез за колпачком...

— Это шапочка вашего мужа? — выбравшись из машины, спросил он.

— Да.

— Я изымаю папку с бумагами, вот эту штучку, — показал он на колпачок, — и шапочку. Возражений не имеете?

— Не имею, — как-то обреченно ответила Назаркевич.

— Агрба позвонил мне в восемь утра, сказал, что ночью обыскивал машину Назаркевича, — рассказывал Скорик в кабинете Щербы.

— Чего он, сукин сын, полез?! А если бы его накрыли там? Скандал! — вскипел Щерба. — Унес что-нибудь?

— Нет.

— Слава Богу, хоть на это ума хватило!

— Может, и уносить нечего было, — перебил Войцеховский.

— Он сейчас там, договорился с женой Назаркевича, чтоб официально осмотреть машину.

Они сидели у Щербы уже час. Слов у каждого было много, а фактов с гулькин нос, и слова эти, просеиваясь, утекали, как сквозь решето, а на поверхности оставались какие-то косвенные мелочи, которые не давали возможности выстроить две-три версии, чтоб, отработав каждую, выйти на что-то путное...

— Что вас смущает в допросе Назаркевича, Виктор Борисович? — спросил Щерба.

— Слишком правдиво излагает, будто нарочно подставляется: мол, вот вам правда, а вы попробуйте, истолкуйте ее против меня — ни фиги не выйдет.

— А вы что хотели? Чтоб он вам с ходу начал гнать липу? Когда он выписывается?

Отворилась дверь, и вошел Агрба:

— Здравствуйте.

— Здравия желаем, товарищ майор, — усмехнулся Щерба. — Ты и ночью в форме был, когда шмонал машину Назаркевича?

— Никак нет, Михаил Михайлович, — заулыбался Агрба.

— Смотри, Джума, когда-нибудь влетишь.

— Ну что, Джума? — спросил Скорик.

— Вот. — Агрба выложил свою добычу: каскетку, бумаги в целлофановой папке. — И это захватил, какой-то «Метак». — положил он колпачок. Войцеховский тут же потянулся к нему. — Машина разбита: левое крыло, фара и радиатор. Весь тосол вытек. Вот протокол допроса жены. Соседи не знают, когда Назаркевич вернулся: во вторник вечером или в среду после полудня.

— Каскеточка знакомая: такую Омелян видел на водителе, везшем Кубракову, — заметил Скорик.

— Это маспошив, Виктор Борисович, не увлекайтесь, — напомнил Щерба.

— Он от импортного туба, — произнес Войцеховский, вертя в пальцах колпачок. — Ни кремы наши, ни зубные пасты такую широкую горловину не имеют. У нас другой стандарт. А тут диаметр почти три сантиметра. И надпись не «Метак», как прочитал по-русски Джума, а по-латыни — «Метакс». Надо бы товароведов опросить на базах: облуправления торговли, потребкооперации, военторга, проимпортторга. В общем, там, где получают косметику и парфюмерию.

— А может, колпачок от какого-нибудь лекарства? Бывают баллончики-ингаляторы для астматиков, бывают и кортикостероидные аэрозоли. Моя мать пользовалась, когда у нее была аллергическая сыпь и ничего уже не помогало, никакие таблетки.

— Виктор Борисович, труп Кубраковой дактилоскопировали? — вдруг спросил Щерба.

— Да. В Богдановске. А почему вы спросили?

— Адам Генрихович, — Щерба протянул Войцеховскому папку с бумагами Назаркевича, — не смогли бы глянуть, чьи здесь пальчики? Кроме, разумеется, Назаркевича и Джумы.

— Моих не будет, я брал аккуратно, — засмеялся Агрба.

Войцеховский смотрел на Щербу, пытаясь уловить его неожиданный поворот мысли.

— Очки Кубраковой! — сообразил Скорик.

— Вот-вот, — задергал головой Щерба. — Мы ведь какую конструкцию соорудили? Некто привез Кубракову к обрыву, дал ей что-то прочитать, она достала очки. Успела прочитать или нет — не знаем. Но очки выронила и оказалась в воде. Если допустить, что это был Назаркевич, то он мог ей дать именно это чтиво, — указал он на папку, — которое, уезжая с того места, сунул в «бардачок». Бумага сама по себе чисто деловая, но... Хотелось бы знать, держала ее в руках Кубракова или нет.

— А зачем ему было обычную деловую бумагу подсовывать ей именно на обрыве? Ведь никакой срочности в ее содержании нет, — удивился Скорик.

— Вы что, Виктор Борисович, мстите мне за мои подробные вопросы? Тут вы правы: а ведь действительно — зачем? И еще, — Щерба поверх очков посмотрел на каждого из троих. — С чего бы их вдруг потянуло на этот обрыв? Ведь возвращались по трассе домой. Странное обоюдное желание. Это вопросец вам, Виктор Борисович, в отместку: вы ведь уже в глубине души накручиваете все вокруг Назаркевича.

- Ничего я не накручиваю, — насупившись, ответил Скорик.
- Хорошо. Подождем, что скажет Адам Генрихович.
- Посмотрим. — Войцеховский, все время вертевший в пальцах колпачок с гофрированной поверхностью, сунул его в карман, взял папочку Назаркевича и вышел.
- Вслед за ним последовали Скорик и Агрба.
- Значит, я поехал по базам, — обратился к Скорику Агрба. — Только заскочу домой переодеться.
- Наведайся и в аптекоуправление. К вечеру созвонимся.

20

Скорик сидел у себя в кабинете, раздумчиво щелкал зажигалкой, которую забыл у него на столе Войцеховский, и читал бумагу, оставленную коллегой.

«Тебе звонили, просили связаться. Некто Кубраков».

Скорик потянулся к телефону. Трубку сняли сразу.

— Александр Павлович? Это следователь Скорик. Здравствуйте.

— Я приехал на день. Что слышно? — спросил Кубраков.

— Делаем все, что необходимо.

— Долго.

— Такая работа.

— Если я вам нужен, приходите. Потому и звонил.

Скорик хотел поблагодарить, отказаться — были более срочные дела, — но подумал: «А почему бы нет? Хорошая оказия. Еще раз посмотреть ее кабинет, стол в спокойной обстановке».

— Когда вам удобно? — спросил он.

— В шестнадцать часов.

— Годится.

— Жду...

Во дворе у входа в дом стоял «уазик» с военными номерами, рядом с гражданским водителем сидел солдат. «Наверное, машина Кубракова», — решил Скорик и вошел в подъезд.

Кубраков открыл сразу, повел в большую комнату.

— Садитесь. Пива хотите?

— Можно.

— Я приехал взять кое-какие мамины вещи, — объяснил Кубраков. — Как идут дела?

— Продвигаются. Это же не маникюр делать, Александр Павлович.

— Все понятно. Сестра моя была не сахар, но справедлива. Крутая, одним словом. Она и Яловского пыталась стреножить. Дело свое любила. За что же ее, и кто?

— Если б мы поняли за что, легче было бы ответить «кто». И наоборот... А у вас нет никаких предположений?

— Я уже ломал голову и маму выспрашивал. Но ничего не придумали.

— Если не возражаете, я хотел бы еще раз осмотреть комнату Елены Павловны.

— Смотрите. А я пока мамины вещи соберу...

Ничего не изменилось в комнате с тех пор, как Скорик побывал здесь впервые. Он скрупулезно пересмотрел все папки и бумаги на письменном столе. Еще раз перелистал календарь, где обнаружил запись: «Вячину». Ничто не мешало ему сейчас рыться в ящиках и тумбах. Затем распахнул платяной шкаф, долго смотрел на платья, кофточки, блузки, порывшись в карманах плаща и пальто. С левой стороны шкафа на полках лежало дамское и постельное белье. Дотошно перебрал его и в стопке простыней, под самой нижней, обнаружил фотографию: любительский снимок размером с конверт, молодой мужчина в очках. На обороте надпись: «Ты напрасно это сделала. Я любил тебя. Олег». Скорик положил снимок в карман, закрыл шкаф, огляделся: тот же истертый ковер на полу, зеркало на стене, тахта, тумбочка. И тут на тумбочке увидел автоответчик. «Неужели я тогда не заметил его?» — удивился он. Аппарат был пустой. Скорик выдвинул ящичек тумбочки. Там среди тюбиков крема, губной помады, бижутерии, шпилек и капроновых бигуди лежали две кассеты. Он вставил одну, нажал пуск, долго ждал, прогнал пленку до конца, но она была либо чистой, либо все записи стерли. Со второй кассетой повторилось то же самое, и только в самом конце пошли записи, их было три, с небольшим интервалом:

«Меня нет дома. Говорите». «Елена Павловна, это Ставицкий с авиаремонтного. Я смогу, как обещал, дать вам немного бериллиевой бронзы. Надеюсь, и вы поможете мне. Жду вашего звонка».

126 «Меня нет дома. Говорите». «Елена Павловна, это Назаркевич. Я пытался попасть к вам перед вашим отъездом в Германию. Но вы не пожелали меня принять. Теперь я не жалею. На автоответчик мне легче: вы не перебиваете меня, а я не вижу вашего презрительного взгляда. Я отвергаю ваши обвинения, связанные с химзаводом и поликаувилем. Напрасно вы не захотели меня выслушать. Когда-нибудь вы еще об этом пожалеете».

«Меня нет дома. Говорите». «Елена Павловна, это Яловский. Куда вы запропалились? Уже половина первого ночи. Я дважды звонил вам. Когда бы вы ни пришли, позвоните».

Скорик стоял, оценивая услышанное. Аппарат работал, кассета вертелась вхолостую. Потом раздался щелчок — кончилась пленка, «ответчик» автоматически выключился. Прошло какое-то время, прежде чем Скорик стал перематывать пленку, отыскивая место, где начинал звучать голос Назаркевича. Прослушав внимательно его монолог еще раз и как бы примерив его к своим размышлениям, Скорик выключил аппарат и прошел в столовую.

— Александр Павлович! — позвал он.

— Иду! — откликнулся Кубраков. — Ну, что там?

— Александр Павлович, кто это? — Скорик вынул из кармана фотографию.

— Где вы ее нашли? — удивился Кубраков. — Это Олег, первый муж сестры. — Он всмотрелся в снимок. — Здесь он еще молодой. Фотографии, наверное, лет десять.

— С ним можно повидаться?

— С ним? — как-то задумчиво спросил Кубраков. — Н-е-е-т, — покачал он головой.

— Он в другом городе?

— Чертовщина какая-то. Олег утонул шесть лет назад, купался в Иссык-Куле. Понимаете — у-то-нул... как Лена. — Он уставился в глаза Скорик, словно ожидая какого-то объяснения.

— Мистика, — наконец произнес Скорик.

— Вам еще долго... тут? Мне пора ехать.

— Я нашел автоответчик. В прошлый раз его здесь не было.

— На время похорон и поминок мама убрала его в тумбочку.

— Он мне понадобится на какое-то время. И еще календарь со стола Елены Павловны.

— Берите.

— Нужны понятия.

— Мой шофер и солдат годятся?

— Вполне...

Из квартиры они вышли вместе.

— Куда вас подбросить? — спросил Кубраков.

— Если можно, в НИИ, — вдруг решил Скорик.

— К Яловскому едете?

— Да...

— Чем еще могу быть полезен? — Яловский снял очки и пригладил ладонями волосы на висках.

— Да как вам сказать. Может, зря беспокою. В нашем деле бывает. Такая работа.

— Хоть и овейна тайнами, а романтики нет? — иронично спросил Яловский.

— Вы посиневший труп Кубраковой видели? — грубовато произнес Скорик. — Ладно. Не буду отнимать у вас время разговорами о том, где романтика, а где, так сказать, проза жизни. Накануне вашего с Кубраковой отъезда в Германию вы звонили ей ночью. Елены Павловны не оказалось дома.

— Она уходила в институт, — удивившись его осведомленности, ответил Яловский.

— Не знаете, в связи с чем?

— Она сказала, что необходимо было.

— Кто мог ее видеть?

— Около часу ночи? Никто, кроме вахтера.

— И что, любой сотрудник может ночью войти в здание?

— Нет, у нас это жестко регламентировано. Кроме меня, Елены Павловны и моего зама по общим вопросам, вахтер никому не откроет.

— Вахтер постоянный, вернее один и тот же?

— Да. Ночной. Каждый день с шести вечера до половины девятого утра. Взять еще одного, чтоб они чередовались, нет денег.

— Альберт Андреевич, а конфликтные вопросы между Кубраковой и Назаркевичем решала только она?

— Наоборот. С какого-то времени она передавала все мне, как третьей стороне. Просила Назаркевича все излагать письмен-

но и решать сама не хотела, чтобы не давать ему повода обвинять ее в предвзятости.

— Вас это устраивало?

— А что поделаться? Не давать же их отношениям разгораться до пожара.

— Чем Кубракова была занята последнее время?

— Она закончила очень интересную работу над поликауви-
лем.

— Что это такое, если не секрет?

— Универсальный лак. Аналогов в мире не имеет.

— Поездка в Германию была связана с этим?

— Да. Немцы проявили большой интерес.

— Хотели купить лицензию?

— Да. Но Елена Павловна воспротивилась. Она не любит торговать идеями. Предпочитает реализовывать их здесь.

— А вы?

— Я смотрю на это несколько иначе: надо считаться с нашими технологическими возможностями. Я ведь мыслю как реалист-администратор. Одно дело — изготовить ведро какого-то продукта экспериментально, в условиях лаборатории, другое — наладить его промышленное производство.

— Разве Кубракова этого не понимала?

— Понимать-то понимала. — Яловский задумчиво посмотрел в окно.

— Что ж, Альберт Андреевич, у меня все. Пока все, — добавил Скорик.

— Желаю успеха. — Яловский не прореагировал на слово «пока».

Не обменявшись рукопожатиями, они попрощались...

В вестибюле за стеклянной перегородкой сидел вахтер. Это был тот самый пожилой человек со странным загаром, которого Скорик видел мельком дважды: в кабинете помпрокурора и в приемной Кубраковой. «Сердюк Анатолий Филиппович», — вспомнил Скорик.

— Здравствуйте, Анатолий Филиппович, — поздоровался он.

Вахтер поднял голову, кивнул. В руках он держал маленькую отвертку. На столе перед ним лежали детали то ли небольшого трансформатора, то ли реле — сердечник, обмотка, конденсаторы разных номиналов.

— Моя фамилия Скорик, я из прокуратуры... Трудитесь, смотрите. Вы электротехник?

— И электротехник, и шофер, и слесарь, и плотник, и лесоруб... А это, — он указал на стол, — вроде бы хобби. Делать-то нечего по ночам, вот и копаюсь.

— А кто вы по образованию?

— Учитель. — В глазах вахтера промелькнула насмешка.

— Анатолий Филиппович, недели три назад перед отъездом в Германию Елена Павловна ночью приходила в институт. Входную дверь ей открывали вы?

— Нет, она открыла своими ключами, — сказал вахтер, скользая глазами по лицу Скорика.

— Она долго была в лаборатории?

— Не знаю. Елена Павловна пришла, когда я был наверху, делал обход. А увидел ее, когда она уже уходила.

— Вас не удивило ее ночное появление?

— Она хозяйка, чего ж мне удивляться.

— Разговаривали с нею о чем-нибудь?

— О чем нам говорить? Пожелала спокойной ночи и ушла.

— А вы не заметили ничего необычного в ту ночь?

Ответил вахтер не сразу, наконец, подумав немного, произнес:

— Все было, как обычно.

— Она ничего не уносила с собой?

— Не заметил.

— Что ж, спасибо, Анатолий Филиппович. До свидания.

21

Щербы не было — ушел к председателю областного суда по какому-то делу. В четверть десятого утра сидели в кабинете криминалистики у Войцеховского вдвоем. Дважды прокрутили кассету автоответчика с гневным монологом Назаркевича, заканчивавшимся чуть ли не угрозой: «...вы еще об этом пожалее-те». Затем Скорик пересказал свой разговор с Яловским и вахтером.

— Придраться не к чему, зацепиться не за что. Ни у Яловско-го, ни у вахтера. Вата. Ночной визит Кубраковой в институт можно объяснить чем угодно. Все, что они говорили, может быть стопроцентной правдой, но в такой же степени и ложью, весь вопрос — зачем? Но ответить мы не в состоянии...

Скорик говорил, а Войцеховский, откинувшись в кресле, слу-шал.

— На бумагах Назаркевича, которые Джума нашел в «бар-дачке» машины, есть пальцы Кубраковой, — вдруг сказал Войце-ховский.

— Она могла читать эту докладную и три, и четыре недели назад, когда угодно.

— Нет. Бумага датирована 13 июня. Это воскресенье. А во вторник рано утром Назаркевич уже вез Кубракову в Богдановск. И зачем деловую бумагу держать в «бардачке»?

— Ну что, витязи? — В кабинет вошел Агрба и плюхнулся в кресло.

— Осторожней, Джума, кресло казенное, рассчитано на более деликатную задницу, — подмигнул Войцеховский. — Что ска-жешь?

— Ни аптеки, ни парфюмеры тубов с названием «Метак» никогда не получали и не слышали о таких.

— Правильно, Джума. Но твоя информация и запоздавшая, и бесполезная. — Войцеховский открыл ящик письменного стола, извлек толстый альбом, в котором были наклеены вырезки из разных зарубежных проспектов и журнальчиков — рекламные картинки баллончиков специфического назначения. — В этом кустарном каталоге баллончиков со слезоточивым, нервно-пара-литическим и иными газами обнаружился и наш — «Метак». Полюбуйтесь.

Аккуратно вырезанный из какого-то рекламного издания, сфотографированный почти в натуральную величину, прекрасно исполненный полиграфически, красным глянцем сиял баллончик с белым колпачком. Крупными буквами его опоясывала надпись «Метах». Под снимком на немецком, английском и французском языках были напечатаны пояснение и инструкция, как пользоваться этим газом в целях защиты, учитывая его нервно-паралитическое свойство.

— Поляки привозят,— сказал Джума.— Да и наши тоже. Скорик молчал.

— Что мы имели в нашей авоське в самом начале? — спросил Войцеховский. — Столкнули в реку сильную, здоровую женщину, к тому же хорошо плавающую. И она утонула. Вываливается все это из авоськи, слишком большие в ней дырки для такого сюжета. Ты, Витя, мудро заметил, что для этого ее сперва должны были оглушить. Но никаких следов нет. Асфиксия налицо. Но опять же никаких следов. Если помнишь, я тогда подумал: а если не механическое удушение, то что же? Острый токсикоз? Потеря сознания? Не укладывается, слишком коротечно. И почему тот, кто был рядом с нею, не бросился спасать и не сообщил о происшедшем несчастном случае? К этому альбому привел меня твой колпачок, Джума. И твои слова, Витя, о лекарственных баллончиках-аэрозолях. Теперь получается складно: струя газа в лицо, мгновенный спазм дыхательных путей с потерей сознания, ее сталкивают, а вода довершает дело...

Загудел зуммер телефона. Войцеховский снял трубку:

— Я, Галя... Слушаю... Когда? Так... Так... Больше никаких подробностей?.. Спасибо. — Он опустил трубку.— Это Галя, из приемной. Звонил из Богдановска майор Мотрич. Он разыскивал Джуму и тебя, Витя. Они нашли какого-то свидетеля. Поедешь?

— Дашь машину?

— С условием, что тут же отправишь ее обратно.

— Хорошо... Я, правда, вызвал на десять утра Вячина... Черт с ним, потом извинюсь...

Дежурный швейцар всегда пускал их в Дом офицеров, где в полуподвальном помещении находилась бильярдная, а у маркера можно было с переплатой купить пиво. Два-три раза в месяц Лагойда и Вячин ходили сюда погонять шары в «американку»...

— На что играем? — спросил Лагойда, снимая деревянный треугольник с пирамиды шаров.

— На пиво с креветками,— ответил Вячин, натирая мелом кий.

— Лукич,— обратился Лагойда к маркеру,— какое сегодня пиво?

— «Московское».

— А к нему что есть?

— Соленые палочки и баночка креветок...

Сыграв две партии, решили сделать перерыв. Устроились

в углу у окна за столиком маркера. Пиво было теплым, но все равно пили с удовольствием. Потягивая из стакана, Лагойда все время что-то говорил, Вячин же молча подносил стакан ко рту и делал большие глотки. Неожиданно он обратился к Лагойде:

— Меня завтра в прокуратуру вызывают. Повестка пришла.

— Ну и что? Я ж тебе говорил: следствие идет. Меня уже допрашивали,— махнул рукой Лагойда.

— А я тут при чем?

— А я при чем?

— Ты все-таки работаешь в институте, а я давно ушел.

— Серегу Назаркевича тоже допрашивали. Следователь даже в больницу к нему ездил. Слушай, как ты думаешь, кто это с Кубраковой?.. А Серега Назаркевич не мог? Он же немного пизонутый.

— Между нами говоря, такая мыслишка у меня мелькнула. Отношения у них были как у кошки с собакой. Но чтобы Серега... такое.— Вячин с сомнением пожал плечами.

— Ну что, стоняем еще?

— Идем.

Они вернулись к бильярдному столу...

— Это наша местная продукция, потребкооперация делает. Пользуется большим спросом.— Майор Мотрич открыл бутылки с надписью на этикетке «Летний квас».— Газированный. Может, чего покрепче хотите? — предложил он Скорик и Джуме.

— Нет,— отказался Скорик, наливая в стакан янтарную жидкость.

— Как вы на него вышли, на этого рыбака? — спросил Джума.

— Искали, опрашивали. Через участковых. Они своих зайдлых рыболовов знают.

— А кто он такой? — поинтересовался Скорик.

— Местный. Коренной. До ухода на пенсию работал мастером в пекарне.

— Разрешите, товарищ майор? — В кабинет вошел сержант.

— Привез? — спросил его Мотрич.

— Привез, товарищ майор.

— Давай.

Сержант вышел и через минуту вернулся с пожилым человеком невысокого роста.

— Садитесь, Кузьма Петрович,— пригласил Мотрич.— Вот товарищи из области хотят с вами поговорить. Специально приехали. Кваску налить?

— Можно... А чего говорить? Я уже рассказывал. Нового не придумаю.

— И все-таки, Кузьма Петрович,— попросил Скорик.

— Зять ко мне должен был приехать из Андижана, внука привезти. Решил угостить их рыбой. Место это под обрывом мое, давнее. Там щука с плотвой в жмурки играют. Пошел, значит, я по росе, сел. Через часок клев начался. Я там загодя прикормку для мелюзги даю, чтоб щуку привадить. Где-то после десяти услышал звук мотора, машина, значит, шла. Удивился, сюда не ездят

почти. Потом мотор заглох, хлопнули дверцы. Ну, думаю, все, кончилась моя рыбалка. Сейчас пойдут тосты, песни. А рыба тишину любит. Сижу у самой воды, под обрывчиком, метрах в двадцати. Меня сверху не видать, а я все вижу. Гляжу: мужик и баба. Он капот поднял, возится в моторе, а она подошла к берегу, камешки стала кидать. Я разозлился — в садке килограмма три рыбы уже было, — собрал свое хозяйство и берегом ушел.

— Кузьма Петрович, а лиц вы не запомнили?

— С моего расстояния не разглядеть. Да и что разглядывать? На кой они мне сдались?

— А машину не запомнили? Марку, цвет?

— Красная, похоже, «Жигули».

— Как они были одеты?

— Баба вроде в желтоватой кофте вязаной, а на мужике костюм светлый, серый. Шапочка с большим козырьком, кажется, белая с зеленым.

— Какого числа это было?

— А шестнадцатого, в среду. Зять-то приезжал в четверг, потому и помню.

— Вы могли бы показать это место? — спросил Агрба.

— Которое? Где рыбачил?

— И где рыбачили, и где машина стояла.

— А как же!

— Съездим? — Джума посмотрел на Мотрича.

— Надо бы...

— Сегодня не могу, — посмотрев на часы, сказал рыбак, — мне внука из садика забирать нужно. Больше некому. Вдовый я. Дочь и зять в Андижане живут, офицер он. Знойно там нынче, так что внук у меня до сентября. Вот завтра с утра можно...

Такой поворот не очень устраивал Скорика, он рассчитывал, что домой, хоть и поздно, вернется сегодня. Но, видимо, придется заночевать в Богдановске.

Утром поехали к реке. Рыбак указал место, где видел красную машину и мужчину с женщиной. Наверху остался Мотрич, остальные спустились вниз к кустам, где в то утро сидел рыбак с удочками. Мотрич сверху их не видел, а они, задрав голову, разглядывали сквозь ветви кустов его торчащую на обрыве фигуру...

Вернувшись в райотдел, Мотрич занялся поисками попутного транспорта, чтобы отправить Скорика и Джуму. Через час гаишник поймал у шлагбаума «рафик» местной «скорой помощи». «Рафик» был старый, но Джуму это совершенно не занимало; его везли, и слава Богу...

«Вячина надо допросить, Вячина, — думал Скорик, хватаясь за какую-то скобу, когда машина влетела в рытвину. — И круто братья за Назаркевича...»

22

— Разрешите?

— Входите.

— Моя фамилия Вячин. Приглашали? — Он протянул Скорика повестку.

— Садитесь, Николай Николаевич. Я должен был срочно уехать, так что извините. У вас, наверное, тоже бывают срочные командировки? — улыбнулся Скорик:

— Случается.

— Вы недавно, кажется, в Польшу ездили?

— Ездил.

— Какого числа уехали?

— Семнадцатого, в четверг.

«Кубракова убита в среду», — вспомнил Скорик.

— Николай Николаевич, я веду дело по поводу гибели Елены Павловны Кубраковой. Нас интересуют свидетельские показания. Ваши в том числе.

— Естественно. Но я свидетель относительный, давно не связан с институтом.

— Когда вы узнали о гибели Кубраковой?

— Едва вернулся.

— От кого?

— У меня в кооперативе работает сотрудник НИИ Лагойда.

— Почему вы ушли из НИИ?

— На этот вопрос, простите, отвечу вопросом: почему из НИИ и проектных институтов инженеры бегут в кооперативы? У меня и Назаркевич работает. На договоре, как и Лагойда.

— Вы хорошо знаете Назаркевича?

— Достаточно.

— Что вы можете сказать о нем?

— Очень способный химик.

— А как о человеке?

— Вспыльчив, несдержан, чрезмерно самолюбив.

— Николай Николаевич, какие у вас были отношения с Кубраковой?

— Обыкновенные. В сущности, никаких. Когда я там работал, мы находились, во-первых, на разных уровнях: она замдиректора, я руководитель группы технологов, во-вторых, мы профессионально не пересекались. А после моего ухода вообще никаких контактов.

— Как бы вы могли объяснить, что на ее календарях — в служебном кабинете и дома — написана ваша фамилия?

— Даже так?! — Он удивленно вскинул брови. — Право, затрудняюсь ответить, зачем я ей понадобился. Но она мне не звонила.

— Когда вы виделись в последний раз?

— Накануне ее отъезда в Германию.

— Где?

— Мы встретились на улице, у входа в институт. Она спешила, поговорить не удалось.

— А о чем вы собирались говорить, если не секрет?

— Хотел попросить у нее немного поликаувулия.

— Зачем он вам?

— В нашем производстве он нашел бы применение.

— Откуда вы узнали о нем?

- От Назаркевича и Лагойды.
- Кто присутствовал при вашей встрече с Кубраковой?
- Ее секретарша, Света.
- Больше вы не пытались повидать Кубракову?
- Пытался. Приходил еще раз в институт. Но она укатила в Богдановск.
- Когда это было?
- Семнадцатого, в четверг. А после полудня я уехал в Польшу...

Заканчивая допрос, Скорик ощутил, что весь разговор выглядит размазанной на сковороде яичницей, которую, как ни старайся, снова превратить в яйца невозможно.

Поблагодарив, он отпустил Вячина...

Обыск у Назаркевича оказался пустой тратой времени. Скорик ничего интересного не нашел. Возвращаясь в прокуратуру, чувствовал непреодолимое желание поскорее вымыть руки. Он вообще был брезглив. В ресторане, прежде чем взять вилку или налить в фужер воды, тщательно осматривал их и протирал салфеткой. Его всегда угнетала необходимость рыться в чужих вещах, прикасаться к чужим предметам обихода. Это была даже не физическая брезгливость. Он вспомнил испуганные глаза жены Назаркевича, молча простоявшей у окна, и презрительную ухмылку, искажавшую бледное, нервное лицо Назаркевича, накануне выписавшегося из больницы. Скорик изъясил серый фланелевый костюм, в котором, по словам Назаркевича, тот ездил в Богдановск, и вручил повестку явиться завтра к одиннадцати в прокуратуру...

Он ждал его, готовясь к допросу, перелистывая дело.

В без четверти десять в дверь постучали, и вошла секретарша Кубраковой.

Скорик удивленно поднял брови.

— Что-нибудь случилось, Светлана Васильевна?.. Садитесь.

Она опустила на краешек стула.

— У меня испортилась машинка, сломался зубец перевода каретки, — начала она. — Вторая машинка всегда стоит в кабинете Елены Павловны, она иногда ею пользовалась. Я пошла за ней, сняла крышку и увидела в каретке вот этот листок. — Света протянула Скорика страничку. — Может быть, вас заинтересует...

Цифра «2» в верхнем углу говорила, что существует и первая страница. Текста было всего несколько строк: «...так не могу и Вам не советую. Все это кончится и для нас с Вами плохо. Подобных бумаг я Вам никогда не писала, не мой жанр. Однако время не терпит. Теперь о главном, о чем я молчала, пока сама не убедилась воочию. Подозрения мои оправдались. Наза-» На этом строка обрывалась.

«Куда могла подеваться первая страница письма? — подумал Скорик. — Кабинет я обыскал тщательно, обшарил письменный стол, корзина для мусора под ним была пуста. Дома у Кубраковых тоже ничего».

— Светлана Васильевна, как вы думаете, где может быть начало этого послания?

— Ума не приложу.

— А кому оно могло быть адресовано?

— Не представляю себе.

— Вы уверены, что печатала его именно Кубракова?

— Абсолютно! Кроме нее, этой машинкой никто не пользовался.

— Почему вы решили принести его мне, что вас насторожило?

— Мне показалось странной фраза: «Все это кончится плохо и для нас с Вами». Что это может означать?

— Действительно, что это может означать? Во всяком случае, спасибо вам...

Когда Светлана ушла, Скорик еще раз перечитал неоконченное письмо, почти уверился, что оно делового свойства, возможно, докладная или заявление. Он обратил внимание на то, что ускользнуло от Светы: в конце строки слово «Наза-» обрывалось знаком переноса. Поразмыслив, Скорик снял с полки словарь, полистал, нашел: «назавтра», «назад», «назализация» и производные от него слова, обозначавшие все, что связано с получением носового звука, «назариться» (от слова «зариться»). К тексту Кубраковой подходило только «завтра», даже «назад» не годилось: в строке вполне умещалась одна буква — «д», в переносе не было нужды. Но имелся и еще один вариант — «Назаркевич», фамилия укладывалась в текст без особых усилий.

Значит, либо «назавтра», либо «Назаркевич»? Но почему Кубракова не закончила письмо? Передумала или что-то помешало? Не исключено, что случилось нечто неординарное, о чем она наконец решила поведать некоему адресату. Что же Назаркевич натворил?..

Вошел Войцеховский.

— Был? — спросил он.

— Нет, жду, — ответил Скорик.

— Могу тебя обрадовать: на костюме Назаркевича следы наложения одежды Кубраковой. Можешь подшить к делу. — Войцеховский протянул ему лист бумаги. — Да, учти его характер: вспыльчивый, неуравновешенный. Он будет выдираться из твоей версии, как мышь из-под веника.

— Ну, это далеко не веник. — Скорик хлопнул рукой по папке следственного дела. — Есть логика улик, а Назаркевич не дурак, чтобы не оценить их.

— Миня не упирается?

— Ты ж его манеру знаешь.

— У него своя формула: если у двоих мнение во всем совпадает, значит, один лишний... Чем занят Агрба?

— Ищет владельца машины, с которым столкнулся Назаркевич. И параллельно проясняет кое-что с Вячиным, ночным вахтером и Яловским.

— Ну, Бог в помощь. — Войцеховский вышел...

Когда вошел Назаркевич и уселся на предложенный стул, Скорик произнес:

— Сергей Матвеевич, мне нужно допросить вас по делу об убийстве Кубраковой.

— В качестве кого?

— Пока в качестве свидетеля.

— Что значит «пока»? У вас есть основание перевести меня в иное качество — подозреваемого или обвиняемого?

— Приступим?

— Приступайте.

— Пятнадцатого июня во вторник вместе с Кубраковой на своей машине вы поехали в Богдановск. Так?

— Да.

— Как объяснить, что при ваших взаимоотношениях вы согласились взять ее с собой?

— Когда я сообщил, что собираюсь в Богдановск, она сказала, что и ей туда нужно. Не мог же я заявить: «А я вас не возьму». Выглядело бы как мелкая месть.

— А разве было за что мстить?

— Хватало. Она мне много крови попортила.

— Какую же форму мести вы считали приемлемой?

— Адекватную ее отношению ко мне. Вы-то что имеете в виду? — Назаркевич чиркнул злым взглядом по лицу Скорика.

В это время позвонил Агрба:

— Ты один?

— Нет.

— Допрашиваешь?

— Да.

— Как идет?

— Пока никак.

— Начальник смены с мехстеклозавода в Богдановске подтверждает, что во вторник около одиннадцати утра Назаркевич появлялся у него, спрашивал об отсутствующем мастере. На нем был светлый костюм, похожий на тот, который ты изъял.

— Хорошо. Спасибо...

— Что было на вас в тот день, кроме костюма, Сергей Матвеевич?

— Обувь, естественно, — съязвил Назаркевич.

— А на голове?

— Каскетка, которую вы забрали.

— Когда вы разбили свою машину и встречный «Москвич»?

— Я уже говорил вам, на следующий день, в среду утром, едва выехал в Богдановск.

— А почему ГАИ не вызвали?

— И об этом я уже говорил! — Назаркевич начал раздражаться. — Обошлось без ГАИ. Договорились.

— Значит, полюбовно?

— Полюбовно. Мне эта любовь обошлась довольно дорого.

— Может, даже обменялись телефонами?

— У него дома нет телефона. Только служебный. Но звонить туда сложно. Так он сказал. Поэтому взял мой.

— Зачем?

— Пообещал декодер к телевизору. Мы потом с ним разговорились, когда приехали ко мне.

— Как его фамилия?

— Агеев. Майор Агеев. Витольд Ильич.

Скорик почувствовал, что, хотя ответы Назаркевича оставались столь же исчерпывающими, словно приготовленные загодя, постепенно между фразами стали появляться короткие паузы.

— Сергей Матвеевич, Кубракова сидела рядом с вами в машине?

— Нет, на заднем сиденье.

— Тогда попробуйте объяснить: каким образом микроволокна с ее кофты оказались в вашем костюме? Вот заключение криминалиста. — Скорик протянул ему лист бумаги.

Прочитав, Назаркевич словно впервые осознал, где он и чего от него добиваются. Он произнес:

— На этот вопрос у меня нет ответа.

— Тогда, может быть, объясните, что это такое? — Скорик достал из ящика письменного стола белый колпачок.

— Не знаю.

— Это колпачок от газового баллончика «Метак». Газ нервно-паралитический. Кубракова получила порцию этого газа, а затем была сброшена в реку. Колпачок найден в вашей машине, в кармане чехла. При изъятии присутствовали ваша жена и понятые.

— Ничего не пойму! Какой-то бред! — выкрикнул Назаркевич. — Как он туда попал?

— Действительно, как? В «бардачке» вашей машины обнаружена докладная на имя Кубраковой. И на ней отпечатки ее пальцев.

— Она читала докладную накануне поездки в Богдановск.

— Обычно бумаги остаются у тех, кому адресованы. Почему же она оказалась у вас?

— Кубракова велела отдать секретарше зарегистрировать. Но я передумал, надо было дополнить докладную кое-какими соображениями. Выйдя из института, я сунул докладную в «бардачок», так и ездил с нею.

— А вы не перепутали даты? Может быть, Кубракова ознакомилась с этой бумагой в Богдановске?

— Вам такой вариант удобней? Он укладывается в какие-то ваши фантазии?! — вскипел Назаркевич.

Скорик открыл сейф, взял автоответчик Кубраковой.

— Послушайте одну запись, Сергей Матвеевич. — Он включил автоответчик со слов «Елена Павловна, это Назаркевич...».

— Чем вы ей угрожали? — спросил Скорик, когда запись окончилась.

Помотав головой, Назаркевич как-то сник. На все последующие вопросы Скорика он отвечал вяло, глядя на бумаги на столе...

В конце первой декады июля Щерба ушел в отпуск: подвернулась путевка в Кисловодск, местком часть ее стоимости оплатил. С отъездом Щербы Скорик как бы ощутил некий допинговый толчок. «Ничего, дед Миня, — мысленно обратился Скорик

к Щербе, — будешь доволен, если к твоему возвращению я фугану дело Назаркевича в суд».

Поиски майора Агеева, владельца «Москвича», с которым Назаркевич якобы столкнулся в среду 16 июня, оказались безрезультатными. Коллеги из военной прокуратуры, куда обратился Скорик, запросили управление кадрами округа, оттуда через две недели пришел ответ, что среди офицерского корпуса майор Агеев Витольд Ильич не значится; не нашел его Скорик ни в КГБ, ни в МВД, ни в пожарной охране...

Еще дважды Скорик вызывал на допросы Назаркевича, но дальше того, что имелось в деле, не продвинулся. На последнем допросе Назаркевич вел себя агрессивно и истерично. Боясь, как бы он не начал мешать следствию, Скорик отважился на мысль, что косвенных улик достаточно для предъявления обвинения и взятия под стражу Назаркевича. Скорик отправился к прокурору области за санкцией, перед этим предупредив Назаркевича: «Я буду предъявлять вам обвинение. Ищите адвоката».

Полистав дело, покачав головой и выслушав доводы Скорика, прокурор санкцию дал, правда, не без колебания.

— Не рано ли?

23

Где-то за стеной, во флигеле, переоборудованном в цех, грохотала штамповочная установка. Поэтому разговаривать приходилось громко. Кабинет Вячина вмещал стол, два стула и небольшой шкаф.

— Что случилось? — спросил Вячин у вошедшего Лагойды.

— Звонила жена Сереги Назаркевича. Его арестовали. Ушел на допрос в прокуратуру и не вернулся. Просила помочь.

— А что мы можем сделать?

— Я ей так и сказал.

— Правильно. От наших телодвижений никакого толку не будет, а можем лишь напортить. Следовательно хоть и молодой, но дотошный.

— Он в институте широко загребает. Сейчас там какой-то в штатском вертится, маленький, на кавказца похож. К директору дважды наведывался, нашего старика вахтера тормозил.

— Им за это деньги платят... Как думаешь, неужели это... Серега Назаркевич? — осторожно спросил Вячин.

— Ты у меня уже спрашивал. Конечно, не хочется верить. Но всякое бывает, тем более если учесть их отношения. — Лагойда посмотрел на Вячина. — А ты-то что думаешь?

— Черт его знает. В жизни бывают такие выкрутасы!.. Жена Сереги нашла адвоката?

— Не знаю.

— Нас с тобой опять начнут таскать, как свидетелей.

— Свидетелей чего?

— Ну, мы вроде приятели, вместе работали, да и сейчас, в кооперативе... Обычно интересуются кругом знакомых обвиняемого и потерпевшего.

— В этом деле от нас с тобой толку мало, — заключил Лагойда.

— Не скажи, мы же с тобой не знаем, какие Серега дает показания... Кого Яловский назначил вместо Кубраковой?

— Пока, до конкурса, исполняет обязанности Коган. Он удобный для Яловского, покладистый.

— А для нас с тобой?

— В каком смысле?

— В смысле поликаувиля.

— Поживем — увидим...

Был конец рабочего дня, когда Джума Агрба шел по коридору института, завершив непродолжительный разговор с ночным вахтером Сердюком. Никого, кроме Кубраковой, в ту ночь вахтер не видел, ни с кем, по его словам, она тогда не встречалась, никто ее не ждал, все двери открывала своими ключами, запасные висели на гвоздике на общей доске, ничего подозрительного вахтер не заметил, ничего в ту ночь в институте не пропало, во всяком случае, жалоб не было.

«Все говорят правду, ни у кого никаких противоречий; если бы не произошло убийство, то и в голову не пришло бы усомниться. Но кто-то же врет! — философски рассуждал Агрба. — Кто-то. Все врать не могут. Должна быть скрытая правда, надо от чего-то оттолкнуться и шагнуть дальше...»

— Директор у себя? — спросил Джума у секретарши. — Доложите: майор Агрба.

Яловский сидел, подперев лицо кулаками, и выжидательно смотрел на Джуму. И в этом ожидании Агрба уловил какое-то сочувствие, мол, жаль мне тебя, майор, твои визиты сюда бесполезны...

— Что на этот раз? — спросил Яловский.

— Альберт Андреевич, имелось ли в лаборатории что-нибудь, что представляло интерес? — спросил Агрба, усевшись.

— Разве что бутылка с хорошим спиртом. И еще опытная лабораторная установка, гнавшая поликаувиля. Об этом я, по моему, вам уже рассказывал.

— Назаркевич знал о его достоинствах?

— Безусловно. Он участвовал в разработках.

— А какова ваша степень участия в них?

— Относительная, скажем так: обеспечивал. — Яловский усмехнулся.

— Альберт Андреевич, простите за такой бестактный вопрос: в институте бытует мнение, что Кубракова в каком-то смысле вас подавляла. Осложняло ли это ваши отношения? Говорят, новый завлаб Коган покладистей.

— Вопрос действительно не из тактичных, — нахмурился Яловский. — Поэтому я вам отвечу без подробностей: да, Исаак Израилевич Коган покладистей.

— А что из себя представляет ночной вахтер Сердюк?

— У вас и у вашего коллеги из прокуратуры странная манера: этот вопрос ставится уже в третий раз. У вас что, такая метода? Ловить на противоречиях? Повторяю в третий раз: сюда на работу пригласил и устроил его я, претензий к нему никаких не имею. Что касается его знакомств и связей не служебного свойства, выясняйте сами.

— Вы не получали в последнее время от Кубраковой каких-нибудь докладных или заявлений?

— Нет. Она вообще не любила эпистолярный жанр. Все предпочитала решать устно.— Яловский посмотрел на часы.— Если у вас есть еще вопросы, нам придется перенести их на следующий раз, если нет, то... У меня через десять минут внеплановая оперативка.

«Раздражен, даже клыки точил,— думал Агрба, выходя из института.— Но с Кубраковой, похоже, у них не все было безоблачно». В сущности, Джума сегодня выполнял не столько оперативную работу, сколько следовательскую. Поэтому, полагал он, если чего и упустил, не взыщите, Виктор Борисович Скорик, сами меня туда погнажи...

24

Я ничего так не боюсь, как разговора, который начинается с вопроса «Как жизнь?» либо с комплимента, потому что после долгого вступления идет главное — просьба «выручить». В известной степени к людям подобного типа относилась и моя троюродная сестрица Неля. Поэтому ее редкие звонки из Харькова всегда приводили меня в состояние напряженности и повышенной готовности. Так было и в этот раз. Звонок раздался в начале двенадцатого ночи. Я в это время заканчивал делать выдержки из прошлогодних комплектов «Знамени» и «Нового мира», поскольку хранить журналы было негде.

— Здравствуй,— сказала Неля.— Как жизнь?

— Прекрасно! — ответил я.

— Прочитала твою статью в еженедельнике «Жизнь и право». Очень толково. Важно, что без всякой юридической казуистики, доступно и понятно любому обывателю... Молодец...

— Ты что-то хотела?

— Да. У меня к тебе просьба. Помнишь, в последний мой приезд к вам я останавливалась у своей приятельницы Ангелины Назаркевич. У нее неприятности, вернее у ее сына. Им нужен хороший адвокат, и я порекомендовала тебя. Так что не удивляйся, если к тебе обратятся от моего имени. И сделай, пожалуйста, все возможное.

— Тебе бы следовало сперва поговорить со мной, заручиться моим согласием, а уж потом посылать людей. А если я занят другим делом? Ты об этом подумала?

— Но не могла же я отказать!

— Что там у этих Назаркевичей произошло?

— То ли его арестовали, то ли собираются, точно не знаю. Это связано с Кубраковой. Они тебе объяснят.

— Надеюсь.

— Ты что-нибудь выяснил относительно моей статьи?

— Пока ничего конкретного. Надо ждать завершения следствия...

— Ну, хорошо. Будь здоров.— На этом ее интерес ко мне иссяк.

На следующий день ко мне в консультацию явилась жена

Назаркевича. С ее слов я уяснил, что муж ее, кандидат химических наук, работал в лаборатории Кубраковой, что сейчас по договору нанялся в какой-то кооператив, что его подозревают в убийстве Кубраковой, а ведет дело следователь Скорик. «Это неправда, муж ни в чем не виноват», — в заключение сказала она, утирая слезы.

Я объяснил ей права ее мужа в период предварительного следствия, а также, каким образом оформить законность моего участия в деле.

Скорик был вежлив, официален. Никакого недовольства не выказал, но я был опытней и за отдельными словами и фразами недовольство это все же уловил, отнеся его к обычным взаимоотношениям между следователем и адвокатом. Он внешне спокойно воспринял мое желание ознакомиться с материалами следствия. Впечатление от них сложилось двойственное: вроде и достаточно всего, чтоб предъявить Назаркевичу обвинение, а все же чего-то не хватало. Будучи на месте Скорика, я бы не спешил с такой мерой пресечения — содержание Назаркевича под стражей, ибо обвинение построено в основном на косвенных доказательствах. Но, поразмыслив, я все же решил не начинать с конфликта, полагая, что позже, вникнув поглубже в каждый эпизод и обнаружив какие-нибудь проколы в них, напишу ходатайство. В крайнем же случае, если Скорик будет упорствовать, настаивая на своем толковании этих эпизодов, постараюсь на распорядительном заседании суда сделать все, чтоб дело завернули на доследование. В избранной мною тактике имелся, правда, один существенный изъян: все это время Назаркевич должен будет пребывать в СИЗО*.

Сам Назаркевич вел себя у Скорика по-дурацки. Ознакомившись с обвинением, он посмотрел на меня так, словно я со Скориком в каком-то сговоре. Его осунувшееся лицо, пылающий взгляд, исполненный презрения, производили неприятное впечатление. На вопрос Скорика, признает ли он себя виновным, Назаркевич брякнул:

— Признаю! И только для того, чтобы в суде отказаться от своих слов и доказать всем, что вы не профессионал, а дилетант!

Когда были закончены все формальности и Назаркевич прямо из кабинета Скорика отправился в СИЗО, я снова сел читать дело, занося нужные выписки из него в свой пухлый кондуит...

25

Майору польской полиции Чеславу Ендрыху очень не хотелось в эту командировку, хотя ехать-то всего ничего: до границы два часа машиной. Еще пять лет назад такая поездка была бы приятной прогулкой, а сейчас вез он в пустой машине невидимо-го пассажира: чувство неловкости и утраты...

— Сколько же мы не виделись? — спросил Проценко, разглядывая Ендрыха.

* СИЗО — следственный изолятор.

— Наверное, лет пять... Летит жизнь.
— Знать бы куда, — вздохнул Проценко, обходя свой письменный стол.

— Тоже верно. Я через два года — уже на пенсию. Если раньше не выгонят. — Ендрых щелкнул зажигалкой.

— За что тебя выгонять? Ты профессионал. Надолго к нам?

— Завтра уеду.

— Где остановился?

— Заказан номер в «Интуристе».

— Понятно, — усмехнулся Проценко.

— Как Джума? Еще работает у тебя?

— А куда он денется! Сейчас позову, если он на месте.

Джума оказался на месте и через десять минут был уже в кабинете Проценко.

— Вот это гость! — воскликнул Агрба, обнимаясь с Ендрыхом, и тут же через его плечо уловил предупреждающе-неодобрительное шевеление бровей Проценко.

— Какими судьбами? — отстраняясь, спросил он.

— Судьба у нас с тобой одна, Джума. — Ендрых уселся и опять закурил. — Ловить.

— Кого на этот раз, Чеслав?

— Сейчас расскажу. Одна бабка из Братковичей купила на вокзале в Жешуве с рук у какого-то парня золотое колечко с бриллианчиком. Подарок для своей внучки. Потом некая дама из Миельца, гостившая в Жешуве у сестры, тоже отоварила таким колечком на Жешувском вокзале у частного таксиста. А некий пан из Свидника, будучи в командировке в Перемышле, обзавелся подобным подарком для своей благоверной. И опять на вокзале у частного таксиста, машина с жешувскими номерами. Затем география меняется, остается только место покупок: вокзалы, привокзальные площади — и такси с жешувскими номерами — Пабианицы под Лодзь, Сьерпц, Квадзин, это поближе к Мальборку, к Балтийскому побережью, наконец, Собещев под Гданьском и Сопот. Как всякий нормальный обыватель, каждый из этих покупателей в разное время обратился к ювелирам, чтобы узнать, удачна ли покупка. Во всех случаях оказалось, что в золотые кольца вставлены не бриллианты, а феоныты, искусственные камешки. И посыпались заявления в полицию. Продолжалось все это полтора года, количество жалоб обрело некий качественный признак, и мы поняли, что тут не случайность, а система: места, где продавались кольца, одни и те же — вокзалы и привокзальные площади, и почти в каждом случае продавец — водитель такси с жешувскими номерами.

— Ты приехал, чтоб нам рассказать об этом? — засмеялся Проценко.

— Мы выстроили график по датам покупок. Сперва Перемышль, потом Жешув, дальше Лодзь, Мальборк и вверх, к Балтике.

— Ну и что? — спросил Проценко.

— Кольца идут от вас: на каждом фирменная бирка с пломбочкой, а на бирке указаны не только название изделия, вес,

проба, но и место, где оно изготовлено. Бакинская фабрика ювелирных изделий. А с Азербайджаном, как тебе известно, мы не граничим. Значит, партии товара либо доставляются из Баку, скапливаются где-то, а потом перебрасываются к нам, либо изготавливаются непосредственно у вас. Чтобы ты, Вадим, не мучился сомнениями, обрадую: мы, хотя и не сразу, нашли эту жешувскую машину и ее водителя. Знал он немного, «разгонял» кольца по стране и убеждал нас, что это добро поступает отсюда, от вас. Оказалось, что сбывал он не только эти кольца, но и обручальные золотые. При обыске у него нашли целую связку на проволочке, тридцать четыре штуки. Остаток. Тоже с бакинскими бирками. 583-я проба. Наш эксперт проверял и ляписом, и какими-то кислотами. Подтвердил — золото.

— С феоцитовыми колечками все ясно: плуты зарабатывали на разнице в стоимости искусственного бриллианта и настоящего, — сказал Проценко. — А какой навар они могли иметь на обручалках? Конечно, у нас они подешевле, чем у вас. Просто спекуляция? Перепродажа? Массовая скупка? Сомнительно.

— А если хищение с фабрики? — спросил Ендрых. — Или левые?

— В таких масштабах?! Отвергаю! — Проценко решительно махнул рукой.

— Тогда что же?

— А черт его знает! Думать надо. — Проценко посмотрел на Агрбу. — Что скажешь, Джума?

— Можно БХСС подключить, — коротко ответил Агрба.

— Ладно, Чеслав, возьмем на заметку, — сказал Проценко. — С таможеней тоже свяжемся. А этот ваш таксист-реализатор не сказал, от кого получал товар?

— От одного и того же человека. Ни фамилии, ни имени, ни адреса его не знает. Тот приносил раз в месяц кольца, забирал выручку, отваливал какую-то сумму за работу и исчезал.

— А кто привлек таксиста к этому делу? С чего-то же началось!

— Этот самый неизвестный, что приносил кольца, и привлек. Однажды пришел, сказал: «Мне тебя порекомендовали. Будешь иметь хороший процент. Не хочешь — найдем другого. Твое дело — сбывать и не задавать вопросов. Мы люди без имен, фамилий и адресов».

— Солидная фирма. — Проценко потер ладонью подбородок. — Ты куда сейчас?

— Где-нибудь пообедаю, а потом визит вежливости в наше консульское Агентство.

Проценко и Джума незаметно переглянулись.

— Сходи-ка сначала к ним, а потом вместе пообедаем. К трем подъезжай.

Когда Ендрых вышел, Проценко спросил Агрбу:

— Что думаешь?

— Правильно сделали, что пригласили. Все-таки столько лет работали вместе, ели, пили и у нас, и у них, а теперь что ж, плевать друг другу в чай?

— Я не об этом. Я о кольцах.

— Тут размах чувствуется. Боюсь, что и мы влипаем. Не хотел говорить при Чеславе: помните дело азербайджанцев с рынка, которых потрошили рэкетеры? У одного при обыске нашли чемоданчик. Он прихватил его в гостинице, в номере этих азербайджанцев, думал, там деньги. А оказалось, какие-то шмотки и коробка от конфет, набитая чистыми бирками бакинской ювелирной фабрики. Владельцем чемоданчика был, как показали пострадавшие, их земляк, бакинец. Познакомились с ним якобы в ресторане, пригласили к себе в номер. А когда к ним заявили наши рэкетеры и пошла драка, хозяин бирок сбежал без чемоданчика. Разыскать его не удалось. Не привез же он сюда эти бирки, чтоб торговать ими на рынке?

— А где чемоданчик?

— Как вещественное доказательство он нигде не фигурировал.

— Разыщи.

— Если его не выбросили.

— И принеси лично мне. А пока помалкивай. Нам инициативу проявлять ни к чему. Понял?

— Еще бы!..

26

Дело я знал уже почти наизусть. Во мне сидел зуд бывшего следователя, и кое-что я бы, конечно, решал не так, как Скорик. Но я давно не следователь, а адвокат. Посему подправлять Скорика собственными следственными действиями права не имею, моего права хватает лишь на независимую экспертизу. Как следователь, я мог бы посочувствовать Скорика: слишком много косвенных улик, а это всегда опасно для того, кто строит на них версию. Да и ответы Назаркевича на вопросы Скорика были гладкими, без сучка и задоринки, и не давали возможности Скорика уличить Назаркевича в чем-нибудь противоречивом.

Так я размышлял, сидя в маленькой комнате СИЗО, где стол и стулья привинчены к полу, а свет из единственного окна перечеркнут решеткой. Лязгнули дверные запоры, ввели Назаркевича. К моему удивлению, лицо его на сей раз было совершенно спокойным. Когда он сел напротив меня, я сказал:

— Сергей Матвеевич, сразу хочу определить наши взаимоотношения. Я работой обеспечен сверх меры, ваша мать и жена упростили меня быть вашим адвокатом. Мои условия: от вас требуется полная искренность, правдивость, не занимать по отношению ко мне никаких поз и без совета со мной не делать никаких скоропалительных и изящных заявлений вроде того, что вы уже сделали, признав себя виновным. Надеюсь, вам все ясно?

— Ясно, — коротко бросил он.

— Вы убили Кубракову?

Ответил он не сразу.

— Нет. Но тот, кто это сделал, наверное, имел основание, она умела вызывать к себе чувство ненависти...

Дальше говорили о характере их взаимоотношений. Его рас-

сказ ничем не отличался от того, что было зафиксировано Скориком в протоколах допросов, разве что я добыл несколько новых деталей.

— Каким образом колпачок от баллончика с газом попал к вам в машину?

— Для меня это и есть главный вопрос. Загадка.

— Машина запирается?

— Кроме одной дверцы, правой передней, там замок испорчен.

— На вашей докладной отпечатки пальцев Кубраковой. Когда вы давали читать ей докладную и где, в чьем присутствии?

— За день до поездки в Богдановск. В кабинете был еще Лагода. Но докладную я дал ей возле двери приемной, так что он навряд ли что-либо видел или слышал. Может, секретарша Кубраковой...

— Что же вы не обратили внимание следователя на это?

— Бесполезно, он был уже заиклен на других обстоятельствах.

— Докладная адресована Кубраковой. Почему же она оказалась у вас, в «бардачке» машины?

— В последний момент мне пришла в голову мысль кое-что изменить в ней, добавить. В тот день я сунул ее в «бардачок», а потом уехал в Богдановск. На следующий день разбил машину, повредил колено, затем попал в больницу. Не до бумажки было. Даже забыл о ней. — Он посмотрел на меня, прищурившись, мол, верю или нет.

146 Затем мы прошлись с ним по другим эпизодам, я выуживал мелочи, за которые мог бы зацепиться, чтобы пробить щель в доказательствах Скорика, протиснуться в нее, а затем уже рыть глубже...

— У вас есть какие-нибудь просьбы, пожелания, Сергей Матвеевич? — спросил я в заключение.

— Единственное: с любым результатом, но побыстрее.

— Не надо так мрачно, Сергей Матвеевич.

Мы попрощались, и его увели...

27

Скорик лежал на тахте, слегка подремывая. Из этой сладостной безмятежности его вырвал телефонный звонок. Беря трубку, машинально посмотрел на часы: четверть десятого.

— Слушаю. — Скорик прокашлялся.

— Виктор Борисович? Это я, Агрба. Отдыхаешь?

— Дремал.

— Сейчас я тебя взбодрю.

— Ты откуда звонишь?

— Из управления. Собираюсь домой. Могу заскочить по дороге, есть что рассказать.

— Заезжай. — Скорик понял, что зря в такую пору Джума звонить не стал бы. Что-то его распирало, коль уж напросился в гости.

Джума приехал через сорок минут.

— Ну, что случилось? — обратился к нему Скорик.

— Сперва Проценко велел помалкивать, — начал Джума. — Но сегодня повернулось так, что от тебя скрывать нельзя. — И он рассказал о приезде майора полиции Чеслава Ендрыха, о кольцах с феонитом вместо бриллиантов, о чемоданчике с конфетной коробкой бирок, привезенных из Баку. Чемоданчик этот Джуме удалось найти.

— Бирки привезены сюда, чтоб нацепить на кольца, которые где-то у нас, — перебил его Скорик. — Но в нашем городе нет ювелирной фабрики, красть кольца и феоныты неоткуда.

— Ерунда. Феоныты поставляют на рынок наши туристы из Индии или из Турции, черт его знает. Важно другое: сегодня позвонил Чеслав Ендрых. Таксист, сбывавший кольца, держит машину в гараже частной автомастерской некоего Тадеуша Бронича. Плут, делец, вертится в преступном мире, хотя нигде не замарался, но на учете в полиции давно. Занимается коммерцией, скорее контрабандой. Как показал таксист при очередном допросе, сейчас этот Бронич укатил в Турцию. Понятно, через нашу территорию. Теперь слушай главное: полиция устроила великий шмон в гараже Бронича — три бокса под одной крышей. Повод придумали, угнано несколько машин, не раскурочены ли они на запчасти и не попали ли в этом виде в мастерскую Бронича. При обыске среди разных бутылок на стеллажах нашли нашу поллитровку от «Столичной» с какой-то прозрачной жидкостью. На поллитровке довольно свежая белая наклейка поверх этикетки, и на ней по-русски написано «Поликаувиль». — Агрба умолк и взглянул на Скорика, ожидая реакции.

— Лак, который создала Кубракова? — ошеломленно спросил Скорик.

— Он самый. Ты угадал, — усмехнулся Джума. — Но и это еще не все. Когда приезжал, сказал, что их ювелиры подтвердили: кольца из золота, выбита 583-я проба. Но позавчера повторили анализ. Нашелся один ушлый ювелир. Он предложил, если полиции не жалко, распилить одно кольцо поперек. Получив «добро», распилил, накапал на торец яписом, еще чем-то, и оказалось, что это такое же золото, как я — грузинская царица Тамар. Ювелир ахал: кольца сделаны мастером экстра-класса. А сделаны из бериллиевой бронзы, покрыты каким-то бесцветным неизвестным лаком, очень прочным, стойким. С таким, сказал ювелир, столкнулся впервые, ничто это покрытие не берет. На вопрос Чеслава, что это за жидкость в бутылке, таксист ответил: «Не знаю. Это Тадек привез и все похвалялся, что она дороже золота».

— Но как к ним в руки мог попасть лак?! — воскликнул Скорик.

— Это нам с тобой расчухивать. — Джума затолкнул в карман пачку сигарет и зажигалку...

Скорик понял, что дело Назаркевича набирает новый удельный вес, смещается в иную плотную среду, в которой можно крепко увязнуть. Таковы были первые его ощущения после сообщения Агрбы. Но, поразмыслив, увидел в этом и некий

добрый знак: Назаркевич связан с поликаувилем напрямую, хотя бы только по месту действия — лаборатория, где работал и где поликаувиль создан. Это в связи с кольцами ставило версию на две крепкие ноги...

«Ладно, сейчас увидим», — подумал он, входя в здание СИЗО.

Назаркевич похудел, был небрит, спокоен, и только в глазах его Скорик уловил злобный огонек.

— Сергей Матвеевич, хочу поговорить с вами о поликаувиле, — начал Скорик.

— Темы разговора — ваша прерогатива. — Назаркевич напругся.

— Обозначьте коротко характеристики поликаувиля.

— Бесцветен, термостоек, сверхпрочен, индифферентен к любой среде, к любым кислотам, сверхизолятор.

— Где возможно его применение?

— Он универсален. Может служить основой для многих соединений. Аналога в мире пока не существует. — Назаркевич отвечал коротко, по-деловому, словно его не занимала причина, по которой следователь вдруг проявил интерес к лаку.

— Вы имели отношение к его созданию?

— Самое прямое.

— Уточните, пожалуйста.

— Кубракова — теоретическое, я — экспериментально-прикладное. Скажем так, чтоб вам хоть что-то понять. — Кривая улыбка потянула его губы.

— Кто еще?

— Лаборантка Юзич. Недавно закончила химфак. Какая-то дальняя родственница директора института Яловского. В химии полный и безнадежный ноль.

— Она могла проявить интерес к поликаувилю?

— Ее интерес — в джинсах, в основном мужских, снаружи и внутри.

— Кто еще?

— Бутрин. Инженер вакуумной установки. Ветеран войны, бывший авиаинженер. Восемнадцать лет работает с Кубраковой. Еще Заперковная. Младший научный сотрудник. Правая рука Кубраковой. Химик от Бога. Начинала во время войны на каком-то оборонном заводе. В апреле этого года умерла от инсульта.

— Бутрин и девица-лаборантка знали о достоинствах поликаувиля, технологию его производства?

— Абсолютно исключено.

— А вы?

— Знал, но не все. Кубракова умела блюсти свои интересы.

— В чем хранится лак? Опишите подробно.

— В герметической емкости типа небольшой цистерны. В ней три застекленных окошка: датчики давления, температуры и количества.

— Сергей Матвеевич, когда вы последний раз видели Тадеуша Бронича? И где?

— Это кто? Я такого не знаю, — помедлив, ответил Назаркевич.

- Проникнуть в эту емкость можно?
- Очень трудно. Только через отстойник. Да и то с помощью крепких рук, умеющих работать отверткой и разводным ключом.
- Вы когда-нибудь пытались?
- Зачем? — Назаркевич испытующе посмотрел на Скорика.
- Этот вопрос и меня занимает.
- Тогда запишите в протокол: нет, не пытался.
- «Но тебе это было доступно, и слишком хорошо ты знал цену поликаувиле», — подумал Скорик.

«Кто же снабдил поляка Тадеуша Бронича поликаувилем? — гадал Скорик по дороге на работу. — Тадеуш Бронич...» И тут фамилия как бы вспомнилась заново: то ли слышал ее прежде, то ли читал где-то. Мучаясь, он вертел в голове имя и фамилию, пока из памяти вдруг не вынырнуло: «Господи! Да на визитной карточке в кабинете Кубраковой, когда осматривал его в первый раз. В папке «По зарубежным связям»!.. Конечно!.. Какой-то фирмач! Хорош фирмач!.. Что же он там делал? Чего поперся прямо к Кубраковой?»

Войдя в кабинет, он тут же позвонил в приемную института: — Светлана Васильевна? Здравствуйте. Это Скорик из прокуратуры. Помните? Вот и славно. С вами хочет повидаться адвокат Назаркевича. В пятницу к десяти... Вам прислать повестку или моего звонка достаточно? Хорошо. Повестку я вам напишу. Кабинет номер восемнадцать. Да, у меня к вам просьба: в папке Кубраковой «По зарубежным связям» лежала визитная карточка некоего Тадеуша Бронича. Где эта папка? Очень хорошо! Пожалуйста, найдите в ней визитку и захватите в пятницу с собой, она мне нужна. До свидания. — Он опустил трубку.

«Что теперь? — Он мельком посмотрел на записи в календаре. — Устименко! Возникшая польская линия привязывала Назаркевича к смерти Кубраковой: через поликаувиль от Кубраковой она шла к Назаркевичу, от него — к Тадеушу Броничу. Скрывать от Устименко бессмысленно и не удастся, наоборот, надо сообщить: для меня это еще один крепкий эпизод в деле, для Устименко, пожалуй, если и не удар, то сумятица, безусловно».

Он лежал, заложив руки за голову и прикрыв глаза. Первые недели после случившегося этот страх бодрствовал вместе с ним, засыпал с ним и утром пробуждал, не подпуская к порогу души и сознания ни сочувствия к жертве, ни раскаяния, — уж так устроен страх. Ужас, холодивший мозг, нашептывал: «И так будет всю жизнь, потому что ничего уже изменить нельзя, время ничего не возвращает, смерть — тем более...» Но постепенно растерянность уступала место осторожности, жажде уцелеть, не попасться. Вспоминая то утро на обрыве под Богдановском, он убеждал себя, что не собирался убивать Кубракову. В ту среду помчался в Богдановск, гонимый лишь паникой, желанием все исправить, уладить, — упросить, наврать, наобещать, умолять,

угрожать, но выпутаться во что бы то ни стало! Всю дорогу, пока гнал машину, прикрыв глаза от солнца светозащитным козырьком каскетки, еще ясно не представлял себе, как все сложится, где разыщет Кубракову, не был уверен, что она вообще станет с ним разговаривать, и все пересчитывал флажки, которыми она загнала его в ту ночь в институте, когда выходил из лаборатории. Кубракова видела его с Тадеком Броничем в «вольво», да еще этот идиот поперся к ней, наверное, любезничал со Светкой, а Кубраковой, конечно, ручку целовал и выклянчивал поликаувиль. Страшно стало, когда она в ту ночь у дверей лаборатории спросила: «Не вы ли от моего имени просили бериллий на авиаремонтном заводе?» Откуда узнала, кто нашептал? Ее удивило: бериллий ни ей, ни кому-либо в институте не нужен, а тут — тайно, от ее имени! Она, разумеется, и об этом сообщит, начнут копать — узнают!.. Если поинтересуются, почему в ту ночь не сработала сигнализация, тут у Кубраковой козырь: отключить, не снимая с охраны, мог только ты, наверное, единственный в институте, поскольку уже делал это, и Светка подтвердит: сама звала тебя по просьбе Кубраковой, когда они забыли или потеряли ключи от ящичка. Все плохо, куда ни кинь — западня!.. Но, видит Бог, убивать не намеревался!.. Чего же помчался в Богдановск? Запаниковал!.. И баллончик-то с газом прихватил с собой!.. С трудом разыскал ее, сделал вид, что встретил случайно, она хотела пройти мимо, но остановил с жалкой улыбкой: «Елена Павловна, все-таки хочу еще раз объяснить...» — «Убирайтесь вон, вас выслушают те, кому положено. Меня тоже». — «Елена Павловна, умоляю, прошу вас...» — «Что вы здесь делаете?» — «Привез дядьку-ветерана в здешний профилакторий. Сейчас уезжаю. Если вы домой — садитесь». Поколебавшись, молча села на заднее сиденье. Ехали тоже молча. А в голове крутились кольца!.. Кольца! Что, если Броника однажды прихватят на таможне с ними?! Пойдет раскрут!.. Наконец, собравшись с мыслями, решил начать разговор, но хотел стоять перед нею, видеть ее лицо, услышать, что скажет в ответ. У развилки, где знак «правый поворот запрещен», остановился, сильно утопил педаль, незаметно выключив зажигание, несколько раз нажал на газ в расчете забрызгать свечи, снова включил зажигание; стартер выл, а двигатель не заводился. «В чем дело?» — «Что-то с мотором, надо посмотреть». Подождя, пока стечет бензин, завел машину, съехал к обрыву и, подняв капот, делал вид, что копается в двигателе. Она стояла у самого края обрыва, смотрела на реку. Открыл «бардачок» и увидел... баллончик с газом, прикрытый страничками, которые она позавчера велела сочинить. И вспыхнуло: «Нас никто не видел...» Подойдя, протянул странички: «Вот, посмотрите сперва это...» Не отозвавшись, взяла, достала очки и, когда начала читать... Баллончик в правой руке... Длилось это секунды, со скоростью возникшей мысли, вроде спасавшей все... Минут десять, не больше, смотрел на то место в реке, куда она упала. Подхватив ее сумку, бросился к машине... В лесопосадке, закапывая сумку, все не мог вспомнить: были ли очки у нее на лице, когда падала, или уронила у обрыва. Но это уже казалось пустяком — не

возвращаться же обратно... Следовательно молодой, но, похоже, дошлый, однако вряд ли ему придет в голову ехать к неизвестному обрыву, шарить в траве... С чего бы?... Сейчас главное не наделать глупостей, не сказать чего-нибудь лишнего, если опять вызовет на допрос...

Она вошла, когда Скорик, стоя у окна, запивал водой таблетку байеровского аспирина — спасительного, как он уверовал, средства от головной боли, усталости, простуды и прочих дискомфортных состояний.

— Здравствуйте, Светлана Васильевна. Садитесь.

— Вот. — Она вытащила из сумочки визитку.

«Гадеуш Бронич. Технический директор автосервисной фирмы «Будем знакомы», — прочитал Скорик.

— Светлана Васильевна, вы не запомнили, как он выглядит?

— Внешность или одежду?

— И то, и другое.

— Да вроде запомнила... Высокий, довольно интересный блондин, лет тридцать пять — тридцать семь, лицо продолговатое, на подбородке ямочка, любезный такой, все время улыбался, польскую шоколадку-батончик преподнес. А одет... Хороший джинсовый костюм... кажется, кроссовки... Больше ничего не помню. — Она виновато пожала плечами.

— Светлана Васильевна, кабинет и лаборатория Кубраковой берутся на ночь под охрану?

— Обязательно.

— Сдаете на городской пульт?

— Нет, у нас автономная. В коридоре, напротив входа в приемную, есть маленькая ниша с запирающейся дверцей. Типа сейфика. Там прибор. Когда уходим, включаем тумблер. А сама сигнализация — лампочка и звонок — в дежурке у ночного вахтера.

— Сколько ключей от дверцы в нише?

— Два. Один у меня, другой у Елены Павловны. На сигнализацию берутся обе двери — в приемную и общая, для сотрудников лаборатории, что со двора.

— Значит, или Кубракова, или вы должны всегда приходить на пять — десять минут раньше, чтобы сотрудники могли попасть в лабораторию?

— Практически я.

— Следовательно, если сигнализация нарушена, то вахтер первый узнает об этом?

— Да.

— Ну хорошо. — Он посмотрел на нее. — Сейчас придет адвокат Назаркевича...

Когда я пришел, секретарша Кубраковой была уже в кабинете Скорика. Молодая рыжеволосая женщина с приятным, но неброским лицом. Скорик представил нас друг другу. Как и положено, вопросы свои я задавал ей через Скорика, через него

получал и ответы. Уточнив кое-какие мелочи, я спросил: — Светлана Васильевна, в день, предшествовавший отъезду в Богдановск Кубраковой и Назаркевича, он был в ее кабинете? Так?

— Да. Он и Лагойда.

— Назаркевич был вызван Кубраковой или пришел сам?

— Сам.

— В связи с чем?

— Не знаю.

— Он долго пробыл?

— Нет.

— Припомните, пожалуйста, как все происходило дальше.

— Время было перед обедом. Елена Павловна никогда не ходила на обед ни домой, ни в столовую. Обычно я бегаю в буфет и приношу ей какие-нибудь бутерброды. Так и в этот раз: купила плавленный сырок и два бутерброда с колбасой, заварила чай. Она еще посетовала, что колбаса очень жирная. Но другой не было. Потом она вышла в приемную вместе с Назаркевичем, отдала мне пустые тарелки, а он протянул ей какие-то бумаги. Она, не читая, перелистала и велела мне зарегистрировать их и вложить в папку, с которой ходит к директору, тут же ушла к себе и захлопнула дверь. Однако Назаркевич почему-то забрал, почти выхватил у меня эти бумаги и, что-то пробурчав, вышел. Вот и все.

— Содержания этих страничек вы не знаете?

— Нет..

152 — Виктор Борисович, — обратился я к Скорика, когда она ушла, — как я понимаю, ваша версия выглядит так: Назаркевич эти бумаги дал Кубраковой на обрыве под Богдановском, там она и оставила свои «пальцы». Вы, конечно, обратили внимание, что «пальцы» на страничках четкие, как будто подушечки пальцев Кубракова специально намазала жиром.

— Я понял вас, — перебил он меня. — Вы хотите сказать, что она оставила «пальцы» у себя в кабинете? Колбаса на бутербродах была жирная, не вытерев как следует руки, Кубракова взяла бумаги. Но это всего лишь ваша гипотеза, и она несколько не сильнее моей: разве не могла Кубракова есть подобный бутерброд, сидя в машине Назаркевича по дороге из Богдановска к обрыву? Пусть не бутерброд! Но мало ли от чего у человека могли быть жирные пальцы. Вы не хуже меня знаете, как мало нужно влаги, чтобы оставить «пальцы» на белом листе бумаги. Над обрывом, когда она брала протянутые ей странички, у нее могли быть просто потные руки.

— Согласен. Мы имеем два варианта. И это существенно для Назаркевича: мы обязаны в этом случае истолкование вести в пользу обвиняемого, поскольку обе гипотезы исключают друг друга.

— Что ж, — дернул головой Скорик, — допустим. Тогда я должен кое-что вам сообщить, что, возможно, поколеблет вашу позицию. Оперативным путем удалось установить...

И тут он рассказал мне о приезде польского майора, о некоем Тадеуше Брониче, о жешувском таксисте, о фальшивых кольцах

из бериллиевой бронзы, покрытых поликаувилем, о бутылке этого лака в гараже Бронича, о чемоданчике с бирками, похищенном рэкетиrom...

— Ну, а ближе всех к поликаувилю находились только двое: Кубракова и Назаркевич...

Да, сюрприз оказался для меня невеселый...

В субботу из отпуска вернулся Михаил Михайлович Щерба. В понедельник он вышел на работу; как всегда после отпуска, до обеда болтался по кабинетам — посидел у шефа, у его замов, шел обычный треп, узнавание новостей, обмен анекдотами.

За месяц отпуска выключившись из всего, Щерба слушал Скорика отстраненно, как говорят, «на свежее ухо», и потому в какой-то момент вдруг обеспокоенно подумал: «Не слишком ли гладко: колпачок от газового баллончика — в машине Назаркевича; каскетка там же; бумаги с «пальцами» Кубраковой — в «бардачке» той же машины... Не поторопился ли Скорик, засунув Назаркевича в СИЗО? Можно было обойтись без такой меры. Странно, что шеф дал санкцию... Как это Скорика удалось его уломать?..»

Но когда Скорик рассказал о вновь открывшихся обстоятельствах — о поляке Тадеуше Брониче, о кольцах и поликаувиле, которым их обрабатывали, — все это несколько сняло сомнения Щербы; он уловил ход рассуждений Скорика, в них была логика, потому что проглянула причинная связь: Назаркевич — поликаувиль, а поликаувиль — это поляк и кольца, хотя жешувский таксист, сбывавший их, и не знал, возможно, что Бронич, похоже, и есть главный поставщик этого «золота», ведь не случайно бутылка с лаком найдена у него в гараже. А это не просто лак, а поликаувиль: секрет, дефицит, открытие, событие, трагедия. И хозяйка его — Кубракова, а ее вторая, но единственная рука, правая там или левая — не важно, — Назаркевич! Щерба решил не высказывать своих первоначальных сомнений и не пенять Скорика, что тот поспешил отправить Назаркевича в СИЗО. «Может, он и прав. Не стоит выбивать его из колеи», — подумал Щерба, хотя забыть о том, что защитник Назаркевича Устименко, не мог: слишком хорошо и давно знал Артема Устименко как криминалиста, следователя и адвоката...

Тадеуш Бронич, возвращавшийся из Турции, благополучно пересек южную границу. Но пока он благодушествуя ехал из Баку, к Проценко пришли две телефонограммы примерно одного содержания: «Приехал, встречайте»...

В Баку он пробыл неделю, отдохнул, встретился с приятелями — деловыми людьми, покайфовал. Настроение было хорошим, поездка удалась: выгодно сбыл кольца в Болгарии и Турции. Правда, несколько огорчился, узнав от бакинских друзей, что их курьер, возивший «Пробе» фабричные бирки к кольцам, съездил неудачно — рэкетеры хапанули чемоданчик, пришлось уносить ноги. Но это не страшно, главное, что ушел, а новый пакетик с бирками он, Тадеуш, захватит с собой. В Турции он плотно загрузился шмотками. Сбросит их оптом своим людям на

Украине. Оттуда заберет кадмиево-никелевые листы, каждый тут стоит 4—5 бутылок водки, а в Польше — 700—800 долларов. Вез он из поездки и приличную сумму «зеленых», вписал их в декларацию, так что осложнений на западной границе не должно быть. Правда, немножко «зеленых» и «деревянных», когда сдаст шмотки, придется отвалить парням за прежнюю партию колец. Но вот брать ли у «Пробы» новую? Может, потерпеть, отложить до следующего раза, чтобы не перенасыщать польский рынок и не привлекать внимания, хотя здорово выручает этот поликаувиль?!

Накануне я созвонился со Скориком. На мою просьбу встретиться он и в этот раз дал любезное согласие, хотя я понимал, чего оно ему стоило. Не успел я усесться перед ним, как вошел Михаил Щерба.

— О! Артем! Привет,— заулыбался он, протягивая мне руку.— Ты, говорят, у нас теперь частый гость.

— Что поделал, Миня. Как отдохнул?

— Уже начинаю забывать. С вами не соскучишься. Я не помешаю, если посижу? — сощурил Миня свои добрые хитрые глазки.

— Мне нет,— ответил я.

— Мне тем более,— вставил Скорик.

154 Тогда приступим,— повернулся я к Скорику.— Виктор Борисович, директор Богдановского завода резиновых изделий Омелян показал, что в среду около десяти утра у шлагбаума во встречной машине он увидел Кубракову.

— Совершенно верно.

— И что на водителе была знакомая нам каскетка, надвинутая на лоб. На вопрос криминалиста Войцеховского: «Солнце было в глаза?» — Омелян ответил: «Нет, в эту пору оно еще на востоке, значит, в глаза мне, а встречным в затылок». Назаркевич не отрицает, что был в каскетке, поскольку мешало солнце. Но оно могло мешать ему лишь во второй половине дня, где-то часов в 17—18.

— Омелян видел Кубракову и водителя у шлагбаума в среду, а Назаркевич утверждает, что в Богдановске он был во вторник.

— Какая разница? Сейчас нам важны не день, а время дня.

— А если Назаркевич врет, что солнце было в глаза, врет, чтобы сместить время, внушить нам, что это был, мол, час заката, а Кубракову видели утром?

— Позвольте, но откуда ему известно, что ее видели утром? Он же не знаком с показаниями Омеляна.

— Ну хорошо,— вроде согласился Скорик.— Пусть будет по-вашему: каскетку он надвинул на глаза во время заката, когда действительно возвращался из Богдановска, отмахав к этой поре процентов восемьдесят, а может, и все девяносто дороги. Но! Происходило это не во вторник, как он утверждает, а в среду.

Боковым зрением я увидел, как довольно ухмыльнулся Миня.

— Ладно, сражайтесь, я пошел, своих дел полно.— По-приятельски попрощавшись со мной, он удалился.

— Допустим, Назаркевич все это рассчитал. Но зачем ему такие сложности городить? Ведь он мог просто заявить: «Каскетку, которую нашли у меня в машине, я не надевал уже месяц. Валяется на всякий случай». Согласитесь, таких каскеток, наверное, тысячи.

— Вы хотите сказать, что Омелян видел не Назаркевича, а другого человека? — Скорик выпрямился.

— Не утверждаю, но допускаю,— кивнул я. Скорик, как мне показалось, был раздражен. Не дожидаясь его ответа, я продолжал: — Виктор Борисович, с вашего разрешения, я хотел бы задать несколько вопросов тому, кто осматривал одежду Кубраковой и Назаркевича.

— Это делал Войцеховский.

— Если можно, пригласите его.

Он снял трубку, позвонил:

— Адам Генрихович? Может, зайдешь? Тут Артем Григорьевич Устименко хочет тебя видеть... Хорошо, ждем.

Вскоре Войцеховский пришел, мы поздоровались. Вопросы, как и положено, я задавал ему через Скорика:

— Адам Генрихович, экспертизу одежды Кубраковой и Назаркевича, как зафиксировано в деле, проводили у вас?

— Да.

— На пиджаке и брюках Назаркевича обнаружены микрочастицы кофты Кубраковой, в которой она была в день убийства. Из показаний Омеляна нам известно, что Кубракова сидела сзади водителя. Адам Генрихович, у вас есть автомобиль?

— Есть.

— Как часто вы оказываетесь на заднем сиденье?

— Практически никогда. В этом нет нужды.— Он, видимо, понял, куда я клоню.— Но мы же не можем исключить, что по какой-то неизвестной нам причине Назаркевич остановил машину и пересел к Кубраковой. Может быть, ради какого-то разговора.

— Разумеется. Адам Генрихович, вы лично делали экспертизу на наложение микрочастиц?

— Нет, мой помощник, стажер. Я в этот день уезжал — изнашивание в Клинцах.

— Вы не могли бы пригласить его сюда?

— Конечно, можно.— Войцеховский позвонил: — Роман, оставь все и зайди к Скорика.

Романом оказался молодой человек лет двадцати шести, он смущенно стоял у двери.

— Садись,— сказал ему Войцеховский.— Артем Григорьевич Устименко, адвокат Назаркевича. У него к тебе есть вопросы.

— Роман, ваше отчество? — спросил я.

— Степанович.

— Роман Степанович, вы готовили к экспертизе одежду Назаркевича и Кубраковой на наложение микроволокон?

— Да.

— Как? Опишите, пожалуйста.

Он посмотрел недоуменно на Войцеховского, затем на Скорику, записывающего мои вопросы и его ответы.

— Сперва выложил на стол мужской костюм из мешка № 1, потом упаковал его обратно и достал женскую кофту из мешка № 2.

— И куда выложили?

— Ну, на стол, он покрыт оргстеклом.

— Значит, содержимое обоих мешков вы осматривали на одном и том же столе? — уточнил я.

— Да.

— Я же просил тебя делать это на разных столах! — Багровея, Войцеховский уперся взглядом в лицо стажера — понял, что произошло.

— Второй стол был занят, Адам Генрихович, — поникнув, тихо произнес стажер. — Там были разложены пять экземпляров какой-то рукописи, вы не велели их трогать. А стекло я маленько протер. — Голос его совсем осел от волнения.

Войцеховский досадливо махнул рукой.

— У меня больше вопросов нет, — сказал я.

— И ко мне? — спросил Войцеховский.

— И к вам тоже, Адам Генрихович.

Резко поднявшись, Войцеховский вышел, за ним понуро последовал стажер.

— Какова цена этой экспертизы для суда? — обратился я к Скорику.

— Грош! — Он раздраженно бросил на стол ручку. — Даже если перенос волокон с кофты Кубраковой на пиджак Назаркевича произошел не на столе, как хотелось бы вам, а именно в машине или над обрывом, как полагаю я... Какие у вас еще ко мне просьбы или ходатайства? — откровенно недружелюбно спросил Скорик.

— Я хотел бы еще раз прослушать пленку на автоответчике, если вы не возражаете.

Ничего не ответив, Скорик вытащил из сейфа автоответчик Кубраковой.

— Можете устроиться в соседнем кабинете, там никого нет. — Он отодвинул маленький столик с графином и открыл дверь в смежную комнату...

Я запустил кассету. Запись пошла с монолога-угрозы Назаркевича, поскольку, видимо, Скорик был сосредоточен именно на этой улике. Мне тоже хотелось вновь услышать и слова Назаркевича, и их интонацию. Когда голос его умолк, после краткой паузы заговорил Яловский: «...куда это вы запропалились? Уже половина первого ночи...» Затем несколько секунд пленка до самого конца была «немой», никакой записи. Щелчок — и аппарат автоматически выключился. Посидев какое-то время в раздумьях, снова оценивая грозные слова Назаркевича, финальную фразу «Вы еще об этом пожалеете», я стал «перегонять» пленку к началу, к тому месту, с которого начал слушать, но, похоже, не рассчитал, отмотал слишком много и, когда нажал клавишу пуска, ничего не услышал, пленка была чистая, без записи, а потом возник голос Кубраковой: «Меня нет дома. Говорите», —

а за ним — мужской голос: «Елена Павловна, это Ставицкий с авиамоторного. Я смогу, как и обещал, дать вам немного бериллиевой бронзы. Надеюсь, и вы мне поможете. Жду вашего звонка». Стоп! Бериллиевая бронза! Кольца... из бериллиевой бронзы!.. Покрыты каким-то сверхпрочным лаком... Так сообщил офицер польской полиции... Бутылка с поликаувилем в гараже этого... как его... Бронича... Бериллиевая бронза... Зачем она Кубраковой?.. Но ведь обращалась же она к какому-то Ставицкому на авиаремонтный за бронзой!.. Бериллиевой... Ни я, ни Скорик при первом прослушивании кассеты, естественно, не обратили на это внимания, ибо история с кольцами всплыла через два с лишним месяца...

Вернув запись к звонку Ставицкого, я выключил прибор и вошел к Скорику, читавшему какие-то бумаги.

— Закончили? — отвлекшись, равнодушно спросил он.

— Виктор Борисович, хочу ознакомить вас с одним сюжетом. — Я опустил на стол перед ним автоответчик.

— Что еще? — сдерживая недовольство, спросил он.

— Послушайте вот это. — Стоя перед ним, я включил прибор.

— Любопытно, — слабо улыбнулся Скорик. — Как вам пришло в голову? Надо будет попросить Агрбу... заняться.

Мы так оживленно и согласно обсуждали мое открытие, что со стороны казалось, будто беседуют единомышленники. В действительности же каждый из нас преследовал свою цель: Скорик надеялся усилить свою обвинительную позицию, я же рассчитывал на противное, правда, интуитивно побаивался, что Скорик имеет предпочтение, но пренебречь открывшимся обстоятельством я не мог. Несколько смущало меня то, что каким-то образом тут замешана Кубракова: Ставицкий с авиаремонтного обещал бериллий именно ей!..

31

Телефонограмма пришла утром: Тадеуш Бронич на машине «вольво» с польскими номерами миновал Ростов-на-Дону и движется в сторону Украины.

Для Агрбы оставалось неясным, где Бронич решит пересекать границу: у нас или махнет на Брест, в Белоруссию. Проанализировав всю ситуацию, Проценко и Агрба пришли к выводу, что логичнее его ждать тут — польская граница и таможня рядом, отсюда до дома Броничу рукой подать. Такого же мнения придерживался и майор Чеслав Ендрых. Потому все было сориентировано на этот вариант...

Выйдя от Проценко, Джума поехал на авиаремонтный завод к Ставицкому. Замдиректора по режиму Ставицкий уже ждал его.

— Садитесь, товарищ Агрба. Слушаю вас.

— Георгий Семенович, вы Елену Павловну Кубракову знали?

— Да. Иногда она к нам обращалась.

— А вы знаете, что она погибла?

— Я был на похоронах.

— На кассете ее автоответчика есть запись вашего телефонного звонка по поводу бериллиевой бронзы.

— Я звонил ей, сообщил, что она может получить, я ей обещал.

— Как часто она обращалась к вам за бериллием?

— Это впервые. А что вас смущает?

— Институт, и в частности лаборатория Кубраковой, им никогда не пользовался. А что вы рассчитывали получить взамен?

— Они испытывали новое антикоррозийное покрытие. Я тогда купил «Жигули»-пятерку и предложил ее в качестве подопытного кролика. И им хорошо, и мне полезно. Елена Павловна обещала.

— И попросила бериллий?

— Нет. А вот недели через три от ее имени позвонил человек и попросил с килограмм бериллиевой бронзы.

— Он назвался?

— Просто сказал, что от Елены Павловны. Мне этого было достаточно.

— Георгий Семенович, расскажите-ка все поподробнее, — попросил Агрба.

— Значит, обратился он от ее имени. У меня как раз в наличии не было бронзы. Порекомендовал связаться со мной через две недели. Но металл поступил раньше. Вечером я позвонил Елене Павловне домой, попал на автоответчик и передал все, что нужно. Дня через три этот человек позвонил, я велел ему приехать на следующий день, заказал пропуск.

— На чью фамилию?

— Вот этого не помню. Фамилия, как говорится, рядовая, незапоминающаяся, да и минуло уже больше двух месяцев, где тут удержать в голове, за это время такое количество людей перебывало, всех не упомнишь! У нас у бюро пропусков очереди случаются, к нам едут из разных регионов, мы на округ единственные. В тот раз, наверное, так и было: пока он достоялся, пока выписывали пропуск, пока шел ко мне через всю территорию, как и вы, — мы-то видите, аж где находимся, — меня срочно вызвало начальство: в одном цеху ЧП случилось, взорвался баллон с кислородом. Рабочему кисть оторвало. Я бегал туда. Пробыл там часа полтора, а может, и два. Этот, от Кубраковой, видимо, не дождался. Через день-два я позвонил ей на работу, сказали: уехала в Германию. А потом вот — погибла. За бронзой больше никто не пришел...

— На каких предприятиях она еще может использоваться?

— В радиоэлектронике, в точной механике.

— А поступает откуда?

— С металлобазы.

— Сколько бронзы просил человек от Кубраковой?

— С килограмм.

— Так мало?! Жаль, что вы не запомнили его фамилию...

Георгий Семенович, а корешки пропусков у вас сохраняются? Может, по ним сможем установить фамилию посетителя?

— Сможем. Порыться только надо. Месяц и день определим, ведь он приходил, когда у нас ЧП случилось с баллоном, день памятный.

— Как быстро вы сможете это сделать?

- К концу недели. Как вас найти?
— Запишите мои телефоны, служебный и домашний, а еще следователя прокуратуры товарища Скорика...

32

— Ну что? — спросил меня Назаркевич, когда мы в очередной раз встретились в СИЗО.

— По-моему, все идет нормально. — И я пересказал ему, что уже мною сделано.

— Ну-ну. — Он ухмыльнулся.

— Сейчас меня занимают две вещи: каким образом колпачок от газового баллончика очутился в кармане чехла вашей машины, и — самое главное — майор Агеев, которому вы разбили «Москвич» в ту злополучную среду.

— На первый вопрос есть самый банальный ответ: колпачок подбросили. Неужели вы сами не могли прийти к этой элементарной мысли? Я говорил вам, что правая передняя дверца не запирается, замок испорчен.

— Где это могли сделать?

— Да где угодно! Во дворе моего дома, на стоянке возле института.

— Если во дворе, то только человек, который знает ваш адрес. Если на стоянке, значит, тот, кто осведомлен о месте вашей работы, номере машины и, возможно, о том, что в нее можно беспрепятственно проникнуть. В обоих случаях — человек, знающий вас неплохо.

— Забавно. — Он с интересом посмотрел на меня.

— Теперь майор Агеев. Постарайтесь, Сергей Матвеевич, вспомнить абсолютно все, о чем вы тогда с ним говорили.

— Я уже рассказывал об этом и следователю, и вам! К чему повторы! Я не страдаю амнезией! — резко сказал Назаркевич.

— Случается, что человеческая память отторгает какие-то мелочи. Они несущественны для обычной ситуации, — сдержался я. — Наша же с вами ситуация, по понятным причинам, необычна.

— Ничего, кроме того, что я уже говорил, не было. Я его стукнул, он меня обматерил, я уплатил деньги, он отбуксировал меня домой.

— Но у вас же был еще разговор с ним об этом... как его... декодере.

— Какой там разговор! Просто он сказал, что сможет достать его, вот и все. Может, он служит в радиотехнических войсках. Мало ли сейчас в армии радиоэлектроники! Если вам так нужен этот Агеев, почему не поищите его через ГАИ?

— Сергей Матвеевич, я не имею права искать, это прерогатива следствия. Но, насколько мне известно, они искали и через ГАИ. Обнаружили нескольких Агеевых, но, увы, во-первых, все они гражданские, а во-вторых, ездят не на «Москвичах»: двое на «Жигулях», один на «Ниве», двое на «Волгах», еще один на иномарке, и еще двое на «Вольнянке».

— Получается, что нужный вам Агеев ездит на незарегистрированной машине? Чужь какая-то!

— Сергей Матвеевич, Агеев нужен не столько мне, сколько нам обоим, а ежели уж совсем точно, прежде всего вам. Далее: машина может быть его жены, брата, свата, а ездит он по доверенности.

— А почему они не ищут его через адресное бюро? У нас же и мышь без прописки нигде проживать не может.

— Искали. Нет такого. Вернее, Агеевы есть, но не те, кто нам нужен... Я виделся с вашей женой. Она просила передать, чтобы вы не волновались, у нее все в порядке. Ее брат договорился с какими-то хорошими мастерами насчет ремонта машины. Что ей передать?

— Придумайте сами. Что я могу отсюда передать?..

Глянув на часы, я понял, что в прокуратуру уже не успеваю. Было около четырех, а в пять обещал прийти мастер из телеателье, которого я ждал всю минувшую неделю...

Наскоро пообедав, я уселся за письменный стол и раскрыл блокнот с записями по делу Назаркевича. Хотелось подвести предварительный итог и подумать, как быть дальше. Ничего не переоценивая, я все же пришел к убеждению, что пробил в доказательствах Скорика ощутимые дыры: эпизод с каскеткой, в которой водителя «Жигулей» видел в Богдановске Омелян, обрел уже два толкования, как и отпечатки пальцев на докладной Назаркевича, изъятой из «бардачка» его машины; что же касается результатов криминалистической экспертизы одежды Назаркевича и Кубраковой, то теперь и эта улика выпадала. Скорик не посмеет отправлять дело в суд с такими прорехами. Я догадывался, что всю надежду он отныне возлагал на выплывшего поляка Тадеуша Бронича и на Ставицкого с авиаремонтного. Поликауиль и Назаркевича Скорик встроил в центр этой связки...

От размышлений меня оторвал звонок в дверь. Явился мастер из телеателье.

— Что у вас? — спросил он, поставив свой чемоданчик.

— Это уж вы определите — что.

— Идемте посмотрим...

Смотрел он недолго, вертел какие-то ручки, потом изрек:

— Строчник полетел, надо менять.

— Меняйте.

— У меня с собой нет. Завтра принесу, а этот сниму, раз уж я тут. — Он стал что-то откручивать, выплаивать.

— Скажите, — обратился я, — где можно купить декодер?

— В магазинах их не продают. Зачем он вам?

— Хочу видеоманитофон приобрести.

— Есть один адрес: наш радиотехнический имени Щорса. Там два цеха на оборонку ишачат, декодеры и кое-что еще для каких-то систем. Если найдете блат, будете с декодером, правда, с некондиционным. Их военка отбраковывает и на ширпотреб гонит. А если хотите кондиционный, ищите дырку к оборонщикам.

— А кроме радиотехнического, где еще? — спросил я.
— Больше нигде. — Он закончил работу, сложил инструменты. — Значит, завтра ждите меня около четырех...

Какое-то время после его ухода я стоял в оцепенении: внезапно возникшая мысль продиралась к своему логическому исходу. Наконец, додумав все до конца, я взял телефонный справочник, нашел нужный телефон и позвонил.

— НПО имени Щорса. — Приемная. — ответил женский голос.

— Будьте добры, как связаться с вашим военпредом? — деловым тоном спросил я.

— Вам кто из них нужен?

— Агеев Витольд Ильич. — Я чувствовал, как от волнения напряглась рука, сжимавшая телефонную трубку.

— А кто его спрашивает?

— С кафедры автоматики политехнического института, — произнес я первую подвернувшуюся ложь.

— Позвоните по коммутатору и попросите добавочный 5-73...

Вот вы где, майор Агеев — самый нужный мне сейчас человек, пообещавший на пустынном шоссе Назаркевичу декодер!.. И тут же словно кто-то одернул меня: «А если он скажет, что ничего подобного не было и никакого Назаркевича он не знает?..»

33

От Ставицкого Агрба уже знал: ЧП — взрыв баллона с кислородом — произошло 30 июня около одиннадцати утра; значит, человек, интересовавшийся бериллиевой бронзой, появился у бюро пропусков между десятью и одиннадцатью. Корешки пропусков за этот день лежали перед Джумой, сидевшим в кабинете Ставицкого. Завод принадлежал военному округу, порядок с пропусками был идеальный: фамилия, имя, отчество, серия и номер паспорта или офицерского удостоверения личности, место работы (для гражданских) и номера частей для военнослужащих. До двенадцати часов было выписано пятнадцать пропусков: 6 — офицерам из воинских частей, 2 — мужчинам из «Укртрансгентства», 2 — мужчинам из «Аэрофлота», 1 — работнику горисполкома, 1 — сотруднику института, 1 — женщине из Красного Креста, 2 — тоже женщинам, сотрудницам КРУ. Агрба составил список и протянул его Ставицкому.

— Давайте. — Ставицкий надел очки. — Офицеры, — он посмотрел номера воинских частей, — из гарнизонов в Бутятичах и в Глухове. Из аэрофлотских один замначальника отряда, я его знаю. Второй, видимо, с ним. Мужика из горисполкома тоже знаю. Он иногда к нам заглядывает. В тот раз, кажется, просил уголки алюминиевые для какого-то стенда. Дальше. Сотрудник института. С этим подождем. Три женщины. Их можно вывести за скобки вообще. Что у нас еще? Двое из «Укртрансгентства». Надо проверить. — Он снял трубку, куда-то позвонил: — Левушка, посмотри, пожалуйста, мы в июне имели какие-нибудь дела

с «Укртрансгентством»?.. Жду... Так... Так... Понятно. — Ставицкий опустил трубку и обратился к Агрба: — У них два трейлера «мерседес», мы им меняли поршневую группу и растачивали цилиндры, в городе больше никто не брался... Теперь смотрите: в корешках указано, кто заказывал пропуска. Я заказывал два. Вот первый: «Лемешко Василий Васильевич, горисполком. Заводоуправление, Ставицкий». Лемешко был у меня. Минут за пятнадцать до ЧП. А вот второй: «Усов Владимир Александрович, институт. Заводоуправление, Ставицкий». Этот Усов из института ко мне уже не попал, я убежал в цех. Он-то, выходит, и приходил от Кубраковой за бериллием. — Ставицкий умолк, ожидая, что скажет Агрба.

— Спасибо, — произнес Джума, — все оказалось проще, чем я думал. — Он взял список, сунул в карман и, шумно отодвинув стул, поднялся.

К концу дня через свою справочную Джума, имея серию и номер паспорта Усова Владимира Александровича, уже знал, что Усову сорок два года, живет в доме двенадцать, в четвертой квартире по улице Нечуя-Левицкого. Созвонившись с участковым, Агрба получил краткую информацию об Усове: алкаш, работает на заготовительной базе «Фруктоцторга» возле локомотивного депо, разнорабочий; незлобивый, одинокий, живет в однокомнатной квартире, жена с ребенком ушла...

Было около девяти утра, когда Джума вышел из трамвая на конечной остановке. Минут сорок он отыскивал нужную овощную базу. В одном из огромных сырых помещений с устоявшейся гнилостной вонью Агрба нашел Усова. Тот с несколькими рабочими грузил в машину ящики с помидорами.

— Владимир Александрович, я к вам, — сказал Джума.

Усов вытер грязные ладони о брезентовый передник и спросил удивленно:

— По каким таким делам?

— Давайте отойдем в сторонку, — предложил Агрба. Его одолевало недоумение: грузчик, грязный, небритый алкаш, от которого за пять метров дуло перегаром, от имени Кубраковой, как сотрудник института, приходил к Ставицкому за бериллием?! Какая-то нелепость! — Владимир Александрович, я из ОБХСС. Мы сейчас проверяем некоторые заводы, расход у них металла.

— А я-то при чем? Вот интересно! — Усов достал из мятой пачки сигарету без фильтра, закурил. Несмотря на серое, испитое лицо с провалами худобы на щеках, улыбка его оказалась доброй, по-доброму смотрели и карие воспаленные глаза. — С металлом дела не имею. Помидоры, баклажаны, капуста, слива, яблоко — это пожалуйста.

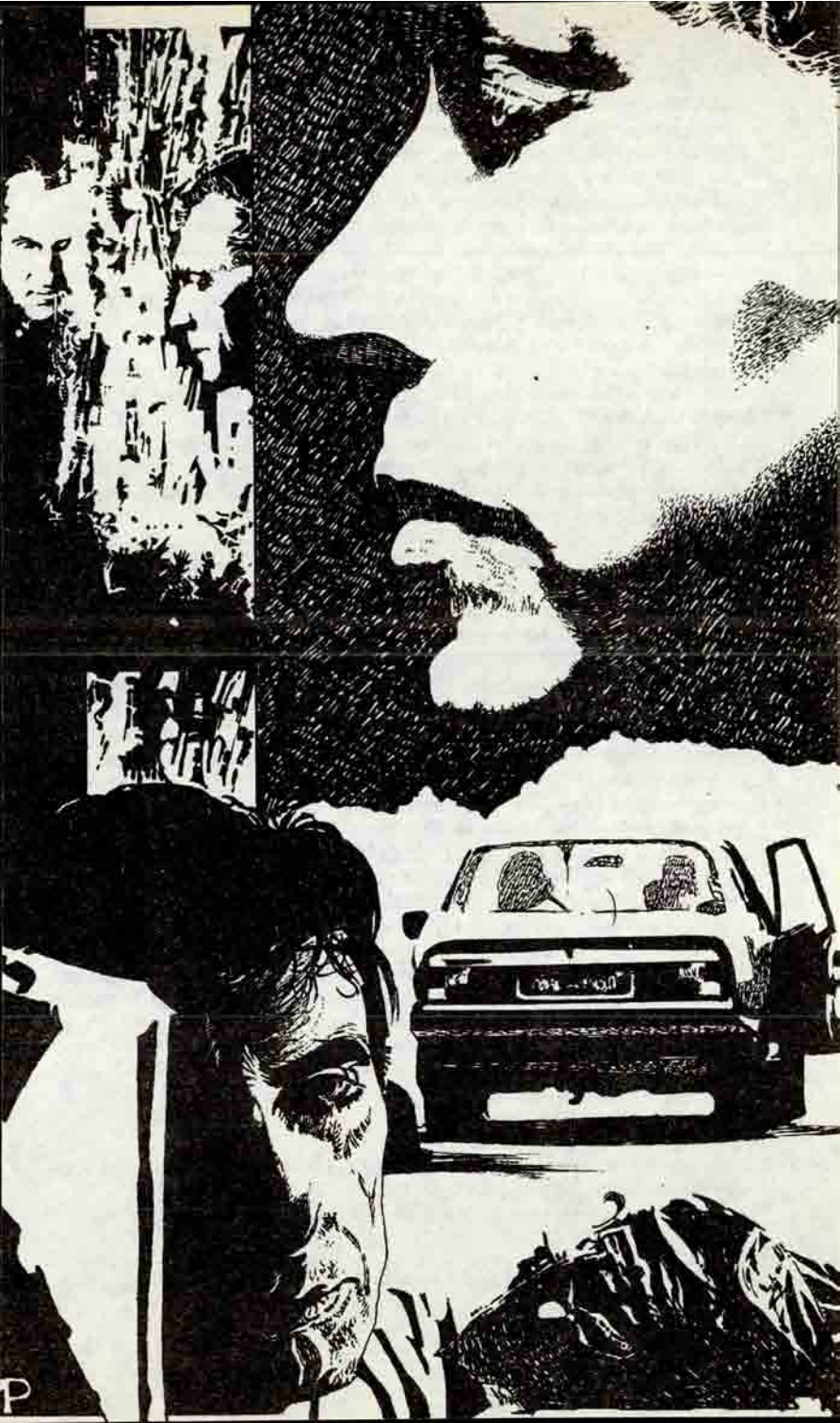
— А по нашим данным, вы были на авиаремонтном заводе, приходили за бериллиевой бронзой.

— За чем? За чем? За какой бронзой? Это когда же?

Агрба назвал месяц, день и час.

— Это кто-то подшутил над вами. Меня в ту пору в городе не было. В Закарпатье мы ездили за черешней. Да у хлопцев спросите! Эй, Степан, иди-ка сюда, тут смехота!

— А вы Кубракову Елену Павловну знаете? — спросил Агрба.

— Это кто же? Не, не слыхал. Что за дамочка?

Агрба уже понял, что Усов никогда не звонил Ставицкому и не был на авиаремонтном. Тут, возможно, другое. И он спросил:

— Владимир Александрович, а где ваш паспорт?

— Черт его знает. Дома где-то валяется. Я про него не вспоминаю, на кой он мне ляд, кому предъявлять? Головам капусты?

— А у вас его никто не брал?

— Брал? — Вспоминаая, он смешно наморщил нос. — Кто-то брал, сдается... Кажется, сосед мой, «Проба», Женья Королец. Это кличка у него такая. Для чего брал — не помню, давненько было.

Агрба понял, что развивать глубже тему паспорта не надо, и сказал:

— Недоразумение, значит, кто-то напутал про бронзу и про вас, извините. — И улыбнувшись во весь рот, Агрба удалился. — Поехали в управление, — сказал он водителю милицейского «уазика». Джума намеревался провести несложную операцию — поподробнее выяснить, кто такой Королец. Фамилия и имя известны, адрес тоже...

34

Взмокший от беготни по городу, Агрба, не дожидаясь лифта, поднялся к себе, вытащил из тумбочки бутылку минеральной воды и, откупорив об угол подоконника, прикрытого шторой, выпил почти всю из горла. Затем закурил и взял листок бумаги, лежавший на столе. Спасибо ребятам из ОБХСС, приготовили краткую информацию о соседе грузчика Усова — Корольце.

Итак, Королец Евгений Дмитриевич, 38 лет, ювелир высокого класса, работает в мастерской на улице Сербской. Основная клиентура — обеспеченные дамы, попасть к нему можно только по чьей-нибудь рекомендации. Не судим, ни по каким делам, связанным с валютой и драгметаллами, не проходил. По указанному адресу проживает вместе с женой и матерью-пенсионеркой. Среди коллег имеет прозвище «Проба»...

«Значит, ты не рвач, «Проба», — усмехнулся про себя Джума. — Но рвал по-крупному в другом месте, где драгметаллами и не пахло. Молодец... Однако сторел на простой бериллиевой бронзе. И ходил за нею по чужому паспорту... от имени Кубраковой... Кто же тебя послал туда?»

Размышления Агрбы прервал звонок:

— Джума. — В трубке звучал голос Скорика. — Занят?

— Как обычно... Что у тебя?

— Да есть кое-какие новости.

— Что-то ты не веселый.

— Не от чего веселиться... Зайти сможешь? Хоть на полчаса. Чего-нибудь откопал?

— Откопал, откопал... Ладно, увидимся — расскажу.

— Привет, сосед!

— Здравствуй, «Проба».

— Ладно тебе, ты что, имя мое забыл?

- Извини, Женя.
- С работы?
- Откуда же еще...
- Что так поздно?
- Пришли две машины с баклажанами под самый конец дня.

Вода еще есть?

- Есть.
- Помыться хочу, весь провонялся.
- Да, — засмеялся Королец, — по твоим запахам можно узнать, какие овощи поступили в город.
- Жень, паспорт мой у тебя или вернул? — спросил Усов.
- Давно вернул. Чего это ты вдруг вспомнил?
- Комедия сегодня была.
- Какая? — насторожился Королец. — Пивка хочешь?
- И сто грамм дашь?
- Да. Зайдем ко мне?
- Зайдем. А Зина твоя не выгонит?
- Она в командировке...

Устроились на кухне. Королец вытащил из холодильника две бутылки пива и поллитровку «Столичной», поставил огурцы, помидоры, открыл банку сайры, нарезал хлеб.

— Закусон годится? — спросил он, наливая Усову водку в высокий фужер.

- Годится. А себе?
- Нельзя. Я в гараж пойду за машиной. Ты пей, — нетерпеливо сказал Королец. — Так что за комедия у тебя была?
- Жень, ты паспорт-то у меня зачем брал? — спросил Усов, откусив огурец.

— Надо было одно дело проверить, а мне под своей фамилией нельзя. Я ведь с золотом работаю. На нас как смотрят? Раз с золотом, значит, жулик. Ты пей, не стесняйся. — Он снова налил Усову по самый венчик. — Возьми пивка, холодненькое, в самый раз после трудового дня.

Одним движением кинув водку в горло, Усов принялся рассказывать Королецу о визите Агрбы.

— Да, неприятно, — стараясь выглядеть спокойным, произнес Королец, быстро высчитав, что мент, приходивший к Усову на базу, не из ОБХСС, а из уголовки. — Ладно, пустяки. Обойдется. Я завтра в отпуск рву. — Он встал, вытащил из шкафа четыре бутылки водки — по две в каждой руке — поставил на стол. — Это тебе, Володя. Меня-то месяц не будет. Где достанешь? Возьми, а то засохнешь, пока вернусь.

— Да ты что, благодетель?! — хмельно засмеялся Усов, налил в стакан пива и жадно припал, дергая небритым кадыком. — Вот это подарок!.. Отслужу, Женя!..

— Ты только вот что, Володя: если этот мент опять объявится, начнет вопросами щекотать, скажи, что в прошлый раз ты перепутал, паспорт, мол, дома, давал его не мне, а кому — не помнишь, был выпивши. Усек? Мне нельзя рекламу портить. Человек я в городе известный. Усек?

- Еще бы... Можно водочки?
- Конечно, ты же гость! — Королец наполнил фужер.

— А ты, небось, в Сочи с Зиной?

— Нет, один. Зину начальство не отпускает. Поэтому махну не в Сочи, а в Калмыкию, там у меня дружок в глубинке, вместе когда-то срочную служили. Он в совхозе зоотехником, с барашками возится. Шашлычку поем, на охоту в степь съездим разик-другой. Ты никогда в Калмыкии не был? Люблю степи! Ну что, пошли? Я спешу...

Проводив Усова до его двери, Королец быстро вернулся и бросился к телефону, но нужный абонент не отвечал. Никто не отозвался и по другому номеру. Затем спустился в подвал, где у него была маленькая мастерская, вытер влажной тряпкой оргстекло, покрывавшее стол-верстак, щечки тисков — ручных и стационарных, осмотрел внимательно все ящички, коробочки, инструмент. Закончив уборку, присел покурить. «Всем буду гнать одну липу, даже матери и Зине: улетаю в Калмыкию к другу, в отпуск. Почему так срочно? Зина поймет, а мать вообще не выкает. Хорошо, что еще неделю назад договорился с завмастерской об отпуске, — размышлял Королец. — Сейчас — в кассу за билетом. И не самолетом, а поездом. Надежней. Чем дольше в дороге, тем лучше. Хорошо бы билет на утренний... Дам кассирше сотню сверху. И не СВ, а простым, купейным до Москвы, а из Москвы — плацкартным до Иркутска. Оттуда еще двое-трое суток до пристани, а там — на катерок или на баржу со щепенкой, потом узкоколейкой и, наконец, пехом в тайгу, где Костя с артелью... Надо рюкзак натолкать консервами, гречкой, макаронами, перловкой. Котелок не забыть бы. Дело к осени, скоро дожди, дороги развезет. А там, глядишь, снежком сперва посыплет, заметет, а позже и завалит. Пусть ищут, пусть попробуют туда дотопать. В займке перезимую. К весне видно будет. Главное сейчас — затеряться. Пусть в Калмыкии ищут. При нынешнем бардаке сто лет не найдут. В старателях с Костей повкальваю на их речках, понюхаю, как пахнет золотишко в натуре»...

Едва Джума вошел к Скорику и уселся напротив, тот сразу протянул ему лист бумаги — ходатайство адвоката:

— На, прочитай, порадуйся.

— Смотри, как вычислил! — Прочитав, Агрба вернул бумагу.

— Вычислил! — воскликнул Скорик. — Просто искал, как хороший опер. И нашел. Но доказать незаконность действий Устименко мы не можем. Он не пальцем деланный, знал, на что шел! Видал, как он изложил на бумаге, попробуй придиришься, откажи... Разваливает мне дело!

— Не паникуй. Еще не известно, существует ли этот Агеев в природе, работает ли на радиотехническом имени Щорса, есть ли там вообще военпред, да еще Агеев? Может, и есть, но не Агеев, тут все по воде вилами писано.

— Что ты меня успокаиваешь?! Я и без тебя посчитал... А ты чем порадуешь?

— Был я на авиаремонтном у Ставицкого, на овощной базе... — И Джума рассказал об алкаше Усове, о его соседке-ювелире «Пробе», который, чтоб не засветиться, воспользовался

паспортом Усова. — Хорошая кликуха — «Проба»! А?! Кольца из бериллия — дело его «золотых рук», тут все в масть. И лакировала для «верняка» поликаувилем. А вот кто и как его брал из лаборатории Кубраковой — вопросец...

Скорик опустил голову, сжал ладонями виски: какой-то камнепад — Усов, ювелир Королец, военпред.

— Накопали вы с Устименко, — горько усмехнулся Скорик. — Ты что, сговорился с ним?

— А ты разве не знал? Ну хватит! Давайте решать, чем займемся.

— Я поеду в НПО имени Щорса. Ты займись ювелиром. Учти, завтра суббота...

У двери Агрба оглянулся. Скорик понуро складывал какие-то бумажки в открытый кейс. «Если он найдет Агеева и тот подтвердит показания Назаркевича, дело пойдет на следствие. Все сначала».

Успокоительные слова Джумы на Скорика не подействовали, настроения не улучшили, нутром чуял: Устименко, старая зараза, отыскал майора Агеева и, когда явился с ходатайством, уже знал, что тот — военпред на НПО имени Щорса. Сидя в кабинете начальника отдела кадров НПО, Скорик спокойно выслушал:

— Майор Агеев Витольд Ильич? Да, у нас, он военпред.

— Мне нужно с ним срочно повидаться.

— Он вообще-то не нашего подчинения, но попробую...

И пока кадровик куда-то названивал по внутренней связи, разыскивая Агеева, Скорик думал: «Прав был Щерба, когда сказал: «Пробойн Устименко наделал нам много. Удивляюсь, что до сих пор не принес ходатайство об изменении меры пресечения»... Назаркевича, наверное, придется выпустить, взять подписку о невыезде. И все равно с ним не совсем ясно: поликаувилем, кольца, поляк... А убийство Кубраковой? Все сначала?..»

— Агеев ждет вас в комнате директора клуба. Там пусто сейчас, никто не будет мешать. — Кадровик прервал размышления Скорика. — Идемте провожу вас...

В клубе действительно было пусто и тихо. Скорик и Агеев сели друг против друга за квадратный столик, на котором стояли шахматные часы.

— Витольд Ильич, — начал Скорик, — мне нужно допросить вас как свидетеля.

— Это по какому же вопросу? — удивился майор.

— У вас были какие-нибудь неприятности с машиной?

— Ого! Вспомнили! Это же когда было!

— Когда?

— Еще в середине июня, шестнадцатого.

— Почему вы так точно помните дату?

— Автомобилисты такие даты запоминают, — засмеялся Агеев. — Не только дни, но и часы.

— В котором же часу это произошло? И где?

— В девять утра. На шоссе. Я подъезжал к городу, был уже возле железнодорожного виадука. Знаете, где это? Ну вот, оттуда навстречу и вылетел красный «жигуленок».

- Вы откуда ехали?
- Из Кубовичей. Был на РЛС по делам службы.
- Значит, «жигуленок»...

— Какой-то подлец разлил масло, «жигуленок», в лужицу влетел, его дернуло, водитель по тормозам, ну его и понесло на меня. Хорошо, что я сбросил газ. Да и он тоже успел. Но все же «поцеловались». Мне он побил левое крыло и подфарник, себе разбил крыло, фару и радиатор, тосол сразу потек.

— И что вы сказали ему?

— Что говорят мужики в таких случаях? Обматерил. Он сперва молчал, потом спросил, сколько хочу на ремонт. Я прикинул: в шесть сотен уложусь. На этом сошлись. Деньги у него с собой были. Он ехал в Богдановск в командировку и там собирался купить резину, кто-то пообещал.

— После этого вы уехали, а он остался?

— Нет, жаль мне его стало. Он же на приколе. Я его отбуксировал домой.

— Фамилию свою он не назвал?

— Назвал. Сейчас гляну.— Агеев полез в карман, достал мятый блокнот, полистал.— Назаркевич Сергей Матвеевич. Даже телефон я записал.

— Зачем?

— На всякий случай. Пообещал ему достать декодер и позвонить. Да вот все никак... Даже неудобно, мужик он вроде ничего. Или опять кого шибанул?

— Нет. Витольд Ильич, а вы смогли бы указать место, где произошло столкновение?

— А как же! Перед виадуком на обочине справа щит здоровенный и надпись «Вступайте в доноры!». Чья-то дурацкая затея.

— А мы не смогли бы с вами смотаться туда?

— Сейчас?

— Желательно.

— Что ж, коли надо...

«Москвич» Агеева стоял среди сотен других машин на заводской стоянке. Левое крыло его было покрыто коричневой грунтовкой. Подфарник, правда, был уже целый. Присев перед ним на корточки, Скорик увидел, что стекло его поновей, нежели на правом.

— Почему вы не покрасите крыло? — спросил Скорик.

— Краску не могу достать. В одном месте предлагали, так запросили столько, что я возопреп. Я подфарник вон две недели назад только поставил, на барахолке купил...

35

Утром за мной заехали жена Назаркевича и ее брат. Мы отправились к тюрьме. Но только вывернули из-за угла, как издали я увидел Назаркевича и Скорика и сказал водителю:

— Остановите, пожалуйста, здесь, не надо близко подъезжать, подождем.

Скорик что-то говорил Назаркевичу, разводил руками. Назар-

кевич молчал. Потом Скорик ушел, и мы подъехали. Назаркевич был молчалив, неулыбчив, словно вышел не из тюрьмы, а из ателье, где ему неудачно сшили костюм. Когда уселись в машину, он оглянулся на трехэтажный серо-зеленого цвета дом и спросил:

— Кого теперь они загонят сюда вместо меня?

— Это их дело, — коротко ответил я.

Когда подъехали к дому и вышли, прощаясь, я сказал Назаркевичу:

— Сергей Матвеевич, жду вас в понедельник в юрисконсультации. Лучше во второй половине дня.

— Зачем?

— Закончим все формальности.

Он пожал плечами.

— Сергей Матвеевич, — решил я, — вы не могли бы все-таки вспомнить, кто из ваших знакомых знал, что одна дверца машины у вас не запирается?

— Это еще зачем? — поморщился он. — Знало два-три человека.

— А кто именно?

— Не помню.

— А если очень понадобится, вы сможете вспомнить?

— Ни к чему это уже! — Он нетерпеливо оглянулся на жену и шурина, ждавших на крыльце. — Извините, я устал. Спасибо вам. До свидания...

В четверть десятого утра Джума Агрба позвонил в ювелирную мастерскую, попросил позвать к телефону Корольца, но завмастерской сказал, что Королец на работу не вышел. Обеспокоившись, Джума поехал к нему домой. Дверь открыла старая женщина, как выяснилось, мать «Пробы».

— Мне Евгения Дмитриевича, — сказал Агрба.

— А его нет, уехал. Да вы проходите.

— Когда? Куда?

— Сегодня, у него самолет ранишний. А вы откуда?

— Из милиции. Кое-что выяснить хотел. Что же он так срочно?

— В отпуск, он еще неделю назад говорил, что хочет в отпуск. Улетел в Калмыкию к приятелю.

— Далековато... С женой?

— Нет, один. Зина в командировке, ее начальство не отпустило. А так они всегда вместе в Сочах отдыхают. В этот раз не получилось.

— В котором часу его самолет? Может, номер рейса знаете?

— Номеров не знаю, не говорил он. Ушел рано, половина восьмого была.

— Скажите, а дома он какие-нибудь работы делал?

— А как же! У него и мастерская маленькая при дому.

— Мне необходимо ее осмотреть.

— А что случилось-то? Женя мой непьющий, спокойный, — заволновалась старуха.

— Ничего особенного не случилось, небольшая проверка, а то,

что он непьющий, это хорошо. Вы вашего участкового знаете?

— Несколько раз видала, когда он соседа, Володьку Усова, урезонивал за водку.

— Вот и я пришел с вашим участковым. Он во дворе ждет. Так как нам пройти в мастерскую?

Она нашла ключи и повела Агрбу в полуподвал. Джума успел по дороге сказать участковому, чтобы тот обеспечил понятых.

Мастерская была крохотная, метра два на два, небольшая кафельная печь, стол, покрытый оргстеклом, над ним лампа от кульмана, идеальный порядок, все убрано, в ящиках стола инструменты в коробках — пинцеты, молоточки, надфили, паяльник, спиртовка, матрицы, разные приспособления. Нигде никакой металлической пыли. Джума понял, что хозяин очень постарался во время уборки. Щетки ручных и стационарных тисочков, наковаленки тщательно протерты. Но Агрба знал, что эксперты, исследуя рубчатые щетки тисков, найдут микрочастицы металла в какой-нибудь выемке. Если, конечно, он там есть...

Делать тут было больше нечего. Изъяв в присутствии понятых тиски и опечатав мастерскую, Джума поехал в управление...

Почти сорок минут он названивал по разным телефонам в аэропорт. Выяснил: прямого рейса на Элисту нет. Туда можно добраться из Москвы. Но два самолета на Москву уже улетели: один в четыре пятьдесят утра, второй в восемь тридцать. Сейчас одиннадцать сорок. Если «Проба» вылетел вторым, то он уже во Внукове...

Джума достал пачку сигарет из кармана, но закурить не успел — зазвонил телефон.

— Слушаю, майор Агрба.

Откуда-то издали, сквозь потрескивание и шуршание, донесся голос:

— Товарищ майор, «вольво» на подходе.

— Вы где? Откуда звоните?

— С заправочной на Богучаровском шоссе.

— А он?

— Тут же. Стал в очередь. Куда-то из будки звонил.

— Очередь большая?

— Минут сорок простоит.

— Ждите и следуйте за ним. Я перехвачу вас у въезда на Гоголевскую, у памятника танкистам.

— Все ясно.

— Смотрите не упустите...

Джума прикинул: «От заправки до танка-памятника девять километров; пока поляк заправится и доедет, успею».

Он быстро вышел из кабинета.

Для этого дела Проценко расщедрился, дал свою служебную «Волгу», и Джума, сидя рядом с водителем, приклеился взглядом к серой «вольво», шедшей через три машины впереди. На заднем сиденье за спиной Джумы вольготно устроился коллега-оперативник.

В старой части города поляк свернул на улицу Спартака, она была тупиковой, и Джума понял, что «вольво» сейчас будет парковаться.

— Не обгоняй, притормози, — велел он водителю.

Поляк остановился у дома номер двенадцать, вышел, запер дверцу и направился к подворотне. Это было старое трехэтажное здание, с трудом втиснувшееся меж двумя домами, полуцилиндры застекленных эркеров, как пузыри, выступали на тех местах фасада, где внутри дома находились лестничные площадки, на каждую выходило по две двери — слева и по центру.

Джума не спеша шел за поляком, слышал его шаги в глубокой сводчатой подворотне, затем хлопнула дверь подъезда. Бронич поднимался по крутым скрипучим деревянным ступеням, достиг третьего этажа.

Агрба остановился на первом, отошел в глубину эркера, чтобы видеть хотя бы ноги Бронича и понять, у какой двери он остановился. Поляк остановился у центральной. Стоял долго, видимо, не открывали, наконец, его впустили. Джума сбежал вниз, сел в машину.

— Поехали? — спросил сзади оперативник.

— Нет, будем ждать.

— Тогда перекурим.

— Давай.

Ожидание длилось минут двадцать. Наконец Бронич появился из подворотни, огляделся по сторонам и направился к «вольво».

— Поедешь за ним. Только осторожненько, — сказал Джума. — Я останусь здесь, надо выяснить, у кого он гостил. — Агрба вылез из машины и, когда оба автомобиля скрылись за углом, вошел в дом...

На утренний поезд Королец билет не достал, но все же приехал на вокзал пораньше в надежде сесть на проходящий международный. И вдруг вокзальное радио прогавкало что-то неразборчивое, из всего Королец только и уловил, что нужный ему поезд опаздывает на два часа. Раздосадованный, он затащил рюкзак и оба чемодана в зал ожидания и притих там, наблюдая за копошением людей. Через какое-то время он стал следить, когда освободится одна из трех кабин телефона-автомата. Наконец, из крайней вышла девушка. Надев рюкзак и подхватив чемоданы, Королец поспешил к кабине, втиснулся, бросил монетку и набрал номер. После гудка и щелчка раздался знакомый голос:

— Слушаю.

— Привет. Что делаешь?

— Только что принял душ.

— Это хорошо. Чистое бельешко натянул? Приготовь еще одну смену.

Скрипнула дверь кабины, Королец испуганно оглянулся, но сообразил, что толкнул ее рюкзаком, висевшим за спиной.

— В чем дело, «Проба»? Что ты мелешь? Откуда звонишь?

— Из аэропорта. Народу тьма. Одни прилетают, другие улетаю. Я вот тоже улетаю. В отпуск. Понял?

— Не очень. В Сочи, что ли?

— В Калмыкию. Поглубже. Срочно. Понял?

— Начинаю. Ты подробнее.

— Все приборя, подмети. Соседа моего Володьку Усова по-

мнишь? Пьянь. У него мент был. Интересовался бериллием, Кубраковой, мною. Понял? Тадек не появлялся? Слышь, ты что, оглох? Алло! Тадек не появлялся?

— Только что ушел.— Голос говорившего вдруг осип.

— Ты ему сказал, что товар в «ямке» в Дольницком лесу?.. Чего молчишь? Алло? Ладно, будь! Кажется, объявили посадку.— Он бросил трубку на рычаг, распахнул дверь плечом, вмял себя в толпу, спешившую к выходам на перроны...

Джума поднялся на третий этаж, подошел к двери, из которой десять минут назад вышел Тадеуш Бронич. На косяке торчал звонок, рядом табличка, указывающая, кому из соседей сколько раз звонить: «Ишанкулиева — 1, Веретенникова — 2, Супрун — 3». Ни одна из этих фамилий не была Агрбе знакома. Поразмыслив, он подошел к двери слева: кнопка звонка, и никаких фамилий. Джума нажал. Открыла женщина лет шестидесяти в переднике поверх халата:

— Вам кого?

— Я из пожарной инспекции,— сказал Джума.— Извините за беспокойство. С полчаса назад сюда,— он указал на соседнюю дверь,— должен был войти трубочист из жэка. Он мне срочно нужен. Вы не знаете, к кому он пошел?

— Кто-то звонил в квартиру Супрунов. К ним три звонка.

— Вы уверены?

— Господи, у нас тут стены, как из фанеры, слышать не только звонки, а в какой комнате сколько раз чихнули.

— Значит, к Супрунам?

— Супруны давно померли, дочка тут их жила, Наташа.

За спиной женщины из глубины коридора послышался плач ребенка.

— Извините, спешу, внучка кричит,— заторопилась женщина.— Наташа уже здесь не живет, разошлась с мужем, он оставил ей свою квартиру,— быстро заговорила женщина,— а сам перебрался сюда.— Ваш трубочист, наверное, к нему...

— К кому?

— К Лагойде! К Юрию Игнатьевичу! — Она торопливо хлопнула дверь.

Джума на секунду прикрыл глаза и, резко повернувшись, заспешил по ступеням вниз...

— Что скажете? — Джума, закончив рассказ, посмотрел на Проценко.

— Лагойда! Кульбиты!..— Он покачал головой.— Ты никуда не отлучайся. Бронич выехал на Грудковское шоссе, значит, жмет к границе. Я звонил Чеславу, пусть встречает своего земляка на той стороне, а мы с тобой проводим его до самого КПП. Ты Скоряку сообщил о Лагойде?

— Нет еще. Сейчас свяжусь с ним.— Джума встал.

— Давай по-быстрому к себе и бегом вниз, я буду в машине...

Вечером мне позвонил Миня Щерба:

— Я нашел статью твоей сестры из Харькова. Можешь зайти и забрать.

— Спасибо. В понедельник зайду...

Получилось, правда, не в понедельник, а во вторник.

— Привет, Артем. Садись.— Он откинулся грузным телом на спинку кресла.— Ну что, победитель, торжествуешь, пьешь по этому поводу коньячок?

— Ладно тебе, Миня,— озлился я.

— Шучу, шучу... Возвращайся в прокуратуру, а я вместо тебя,— засмеялся он.

— Поздновато...

— Тоже верно... Ничего, Скорик у этого синяка на пользу пойдет. Тут и я немного виноват, правда, я был в отпуске.

— Ты передай ему: будь я на его месте, все делал бы почти так, как и он. Ну, может, чуть помягче, не столь ретиво. В остальном у нас просто были разные роли. Ты понял?

— Это я давно понял.

— Что с делом? — спросил я.

— Лагойда на первом же допросе был душка. Без особого усердия со стороны Скорика торопились все признать, выложить свои грехи: как доставал бериллий, кто и где делал фальшивые кольца, сколько получал за услуги от поляка Бронича... Но о поликаувиле, сукин сын, умолчал. А в конце даже улыбнулся: мол, облегчил я душу, гражданин следовательно, и готов нести наказание. Правда, осторожно поинтересовался, какой срок ему грозит. Что скажешь? — хитровато сощурился Миня.

— Не люблю торопливых признаний.

— Я тоже. На последующих допросах Скорик ни разу не касался гибели Кубраковой. Так, полудопросы, полубеседы, уточнения каких-то деталей, мелочей, общие слова. Скорик расслаблял его, как бы успокаивал, иногда вставлял нужный вопросик. Как-то вдруг спросил: «Юрий Игнатьевич, а где вы были и что делали двадцатого августа? Скажем, в десять утра?» — и дату и месяц Скорик взял с потолка. Сейчас поймешь, почему. Лагойда сперва опешил, а потом у него искренне вырвалось: «Не помню! Это же было месяц назад! Где тут в нашей суете упомянуть. Разрешите спросить: почему вас интересует именно этот день и час?» — «Наши польские коллеги проверяют показания Тадеуша Бронича», — придумал Скорик. Дальше опять пошел малозначительный треп. А на последнем допросе, позавчера, продолжая ту же трепотню, Скорик затеял разговор о гибели Кубраковой, показал очки Кубраковой и между делом сообщил: «Она ведь была сперва оглушена газом из баллончика «Метак». В общем, приводил Лагойду в состоянии боевой готовности. Когда он почувствовал, что Лагойда уже в нужной кондиции, то неожиданно спросил: «Юрий Игнатьевич, а утром 16-го июня где вы были, что делали?» Назвал ему число, день и время убийства. На что расчет? Если наши предположения верны, то Лагойда должен был все время ожидать этот вопрос и, естественно, иметь заготовленный ответ. И он его с ходу вывалил: «Сидел дома, зуб у меня разболелся, я даже на работу не пошел». — «Вы уверены, что это было именно в этот день?» — «Абсолютно». — «Однако странная у вас память. То, что произошло месяц назад, двадцатого августа, вы запомнили, а вот в какой день недели

и какого числа у вас заболел зуб три месяца назад, вы помните. С чего бы это?» — Закурив, Щерба заходил по кабинету. — Во время обыска у Лагойды среди всяких бумажек нашли страховой полис. Этот негодяй страховал свою машину. Взглянув на дату, словно укусу глотнули: 16-е июня, т. е. среда, день убийства Кубраковой! Значит, алиби?! И все же Скорик допросил страхового агента, такая бабуля-пенсионерка, подрабатывает. Она страшует его «Жигули» уже семь лет. В тот день, как и договори-лась с Лагойдой, пришла к нему в четверть десятого утра. Звонит, звонит в дверь — никто не отзывается. Тут из другой квартиры на лестничной площадке выходит соседка, спрашивает: «Вы к кому?» — «К Юрию Игнатьевичу Лагойде, он ждет меня». — «Не ждет он, рано утром уехал». Бабуля из госстраха в тот же день позвонила Лагойде около пяти вечера, он был дома, она и пошла к нему, оформила полис. Все это Скорик выложил Лагойде и тут же закончил допрос; пусть понервничает, пусть погадает: а что мы еще знаем? Лагойда на вопрос Скорика среагировал заготовленной ложью. Люблю, когда ловятся на лжи в самом начале! Возможно, конечно, утренний поспешный отъезд Лагойды к нам не имеет отношения... Черт его знает! Хоть бы Агрба привез из Богдановска что-нибудь. Уже неделю сидит там, роет. Не может быть, чтоб кто-нибудь еще, кроме Омеляна, не видел красные «Жигули», женщину и водителя в каскетке. Но на этот раз не Назаркевича.

— Достаточно водителя в каскетке и красных «Жигулей», даже без женщины, — сказал я.

— Тоже правильно, — согласился Щерба. — Если, конечно, в то утро он был там.

— Ты подсказки Скорика, мне неудобно: я почти убежден, что колпачок от газового баллончика Назаркевичу подкинул кто-то свой, знавший, что правая передняя дверца не запирается, замок сломался дней за десять до поездки Назаркевича в Богдановск. Человек, подбросивший колпачок, должен был также знать, где обычно Назаркевич держит машину. Таких мест два: у дома и на стоянке возле института. Поговорите с Назаркевичем, выясните круг лиц, знавших о поломке замка. Их не может быть много, ну три-четыре человека.

— Захочет ли он разговаривать со Скориком?

— Ну, может, ты... «Пробу» нашли?

— Нет, в бегах он, где-то «партизанит». Дали во всесоюзный розыск... Артем, — хитро сощурился Миня, — скажи честно, как ты нашел этого Агеева?

— Да не искал я его! — соврал я и понял, что Миня не поверил.

— Ну Бог с тобой...

— То, что Лагойда и «Проба» хорошо знакомы, нам уже ясно. Могли они встречаться в доме у «Пробы»? Вполне. Бутылочка, рюмочка, разговоры всякие под стопку. А разве разок-другой туда не мог заскочить Усов? У него на дармовую выпивку нюх, как у всех алкашей. Что-то он, наверное, мог и услышать. — Джума вопросительно посмотрел на Скорика.

— Что ж, надо попробовать, — сказал Скорик, выслушав Агрбу.

— Фотографии Лагойды, которые изъяли у него при обыске, у тебя?

— Конечно. В деле.

— Надо только подумать, кому заняться: тебе или мне. Он, конечно, наступал «Пробе» о моем визите на базу. Тот не дурак, вычислил, что я не из БХСС. Пожалуй, лучше тебе, Витя. Ты ему сперва запусти что-нибудь насчет хищений. Они ведь воруют на базах — кто больше, кто меньше. Глядишь, затоскует. И остальное, что нужно нам, покажется ему, как вздох облегчения.

— Пожалуй. Я ему сейчас выпишу повестку.

Повестку Усов получил не в воскресенье, а в понедельник утром: идя на работу, увидел какое-то письмо сквозь дырочки в почтовом ящике, удивился, поскольку ни с кем ни в какой переписке не состоял.

— Да вы садитесь, Владимир Александрович. — Скорик в упор разглядывал Усова. — Мы проверяли ваш торг, сигналы поступили. — Скорик бил по невидимой цели. — Вы из каких районов возите овощи?

Усов почувствовал, как в животе что-то холодно шевельнулось, а шея горячо взмокла. «Все, где-то мы погорели! — тоскливо подумал он. — Но где?» — И перечислил районы области, из которых возили овощи...

Еще минут пятнадцать Скорик потрошил его расспросами о луке и помидорах, огурцах и капусте, выяснял, какие магазин обслуживает база. Усов вздыхал, утирал пот, ему казалось, что в пересохшем рту язык разбух и мешает говорить.

— Хорошо, Владимир Александрович, мы к этому еще вернемся, а сейчас взгляните-ка сюда. — Скорик снял газету, покрывавшую стол. Под ней оказалось штук десять фотографий: те, что принес Агрба, и одна — приложенная Скориком, где был изображен Лагойда. — Владимир Александрович, тут есть кто-нибудь, кого вы знаете? Посмотрите внимательно.

Усов склонился над снимками, суетливо забегал глазами по лицам.

— Вот этого знаю, — ткнул он пальцем в фотографию Лагойды.

— Кто он?

— Фамилию и имя не знаю.

— Где вы с ним встречались?

— Раза два-три видел его.

— У кого?

— У Жени Корольца. — Усов отвечал быстро. Новая тема принесла облегчение, следовательно вроде позабыл об овощах.

— При каких обстоятельствах вы видели этого человека? — продолжал Скорик.

— Заходил к соседу, один раз, кажется, за солью, а еще раз — взять в долг червонец. Он как раз сидел у него.

— О чем они говорили?

- Может, и говорили, не знаю. Я быстро ушел.
- Вы сказали, что видели его два-три раза. Пока получилось два, а где третий? Тоже у Корольца?
- Нет.
- А где?
- На шоссе.
- Где, где? — изумился Скорик. Он ожидал всего, только не этого.
- На шоссе.
- Ну-ка, Владимир Александрович, подробней. — Скорик невольно закусил губу.

Без особого труда Усов вспомнил жаркое июньское утро, шоссе за Богдановском, машину, на которой они везли ящики с огурцами, красный «жигуленок», пытавшийся обогнать их и свернувший потом на грунтовку, шедшую к берегу на пятнадцатом километре, где висел знак «Правый поворот запрещен», вспомнил водителя, двухцветную каскетку с большим козырьком и женщину, сидевшую в салоне...

- Вы смогли бы ее узнать? — спросил Скорик. — Женщину эту.
- Нет, лица не разглядел, она сидела в глубине.
- Когда это было?
- В июне, кажется, в середине.
- Число не помните?
- Нет.

«Если это были они, Кубракова и Лагойда, то только в среду, 16-го июня, — подумал Скорик. — В какие числа база получала огурцы в Богдановске, установим по накладным... Это не проблема... Есть еще грузчик — напарник Усова, и шофер, у него путевой лист... Да и работники, отпускаящие в Богдановске огурцы...»

— Хорошо, Владимир Александрович, на сегодня хватит. Можете идти, — сказал Скорик.

Когда Усов ушел, Скорик сгреб фотографии со стола, взял снимок Лагойды и, глядя на него, весело произнес:

— Вот так, милочка! Нельзя ездить под запретный знак!

Зазвонил телефон. Скорик взял трубку.

— Ты что, Витя, забыл? — раздался голос Войцеховского. — Мы уже сорок минут ждем.

Только сейчас Скорик вспомнил, что у Войцеховского сегодня день рождения. Обычно для нескольких коллег Войцеховский устраивал днем выпивку у себя в кабинете криминалистики.

— Иду, Адам! У меня и подарок для тебя обнаружился! Ох, какой подарок!..

Вдруг погасили свет.
Хочешь — зажмурь глаза,
хочешь — открой глаза,
разницы, в общем, нет.

Это в глазах темно,
но золотое дно
лирики — о, луна! —
смотрит в квадрат окна.

Двигаясь наугад,
я разгляжу во мгле
старый буфет. В нем — ряд
рюмочек на стекле.

Черный осадок мглы
скроет, смягчит углы,
словно в прозрачном сне
черный пушистый снег.

Я разгляжу потом
каждый предмет вокруг,
словно забылся сном
и пробудился вдруг.

И подойду к окну,
чиркну о коробок
спичкой. Оплавит тьму
маленький язычок.

Жалость на миг пронзит...
А глубина окна
парусом отразит
мне язычок огня.

Пламя пока не жжет.
двигается рука,
кажется: там плывет
кто-то издалека...

Но загорится свет!
Блеском зальет паркет.
Парус покроет мгла
глянцевой синевой
и холодком стекла.

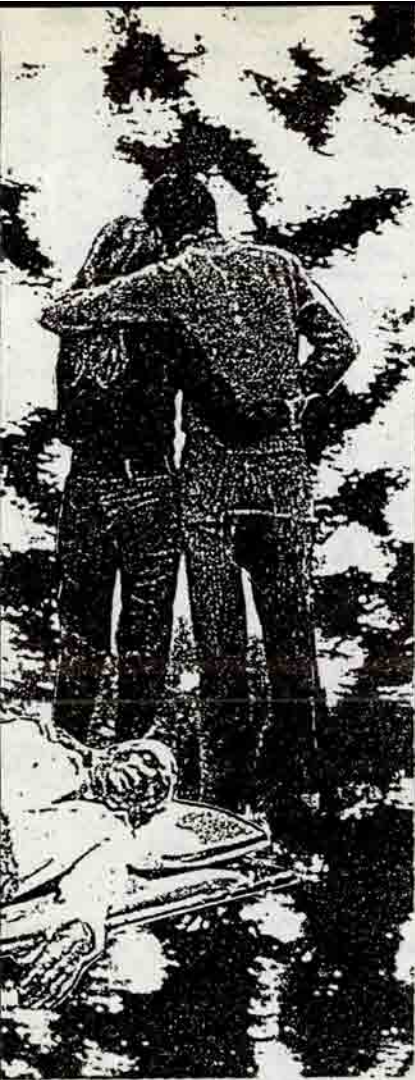
ПИСЬМО

Я смял письмо с такою злостью,
что хрустнули слова, как кости,
и горстью битого стекла
бумага резала и жгла,
и кровь меж пальцев проступила!
Я ненавидел.
Ты любила...

ЛЮБОВЬ

«Я убил свою жену» —
такое могут
сказать
тысячи людей
на планете...

Первым в России
феномен
супружеских убийств
стал изучать
доктор
юридических наук,
профессор
Санкт-Петербургского
государственного
университета
**ДМИТРИЙ
ШЕСТАКОВ.**

С ним беседует
корреспондент «Смены»
**СЕРГЕЙ
ЛИТВИНОВ.**

ДО ГРОБА

В угаре

— Дмитрий Анатольевич, если позволите, начнем со статистики. Сколько людей в нашей стране лишают жизни своих благоверных?

— К сожалению, с точки зрения виктимологии (науки о жертве и ее влиянии на совершенные преступления) учет в России поставлен плохо. Могу основываться только на собственных выборочных исследованиях. В России в прошлом году совершено около 25 тысяч убийств, из них примерно 40 процентов приходится на преступления внутри семьи, а большая часть последних обращена против супруга. Стало быть, 5—6 тысяч ежегодно...

— Значит, сегодня, в прекрасный, солнечный день, примерно 20 человек на просторах России убили или убьют свою «половину»...

— Сегодня — больше. Мы с вами беседуем в воскресенье, а статистика показывает, что семейные конфликты усугубляются на второй день праздника.

— Кто страдает чаще, жены или мужья?

— На одно убийство мужа приходится в среднем девять женоубийств.

— Сколько смертей в «семейных разборках» вам довелось изучить?

— Я провел сплошное социологическое исследование подобных случаев в тогдашнем Ленинграде, а также интервьюировал преступников в местах лишения свободы. В общей сложности — примерно 300 случаев... «Интересных», да простят мне этот эпитет, не очень много — все залито пьяным угаром, когда человек и сам не может толком объяснить, что произошло. 72 процента убийц и 51 процент их жертв в момент преступления

были пьяны. Часто муж и жена пили вместе. Алкоголизация 41 процента обследованных супругов усилилась после женитьбы. И ни разу в семьях, где было совершено преступление, не наблюдалось обратного: чтобы семейные отношения уменьшили потребление горячительного...

— В своей монографии «Супружеское убийство как общественная проблема» вы утверждаете, что для подобных преступников характерны низкий интеллект, неквалифицированный труд, плохие жилищные условия... Однако там же вы пишете, что в такой в общем-то благополучной стране, как Америка, насилие применяется более чем в половине семей... Убивают самых близких и в культурной Швейцарии...

— Маргинальные слои — неустроенные, имеющие материальные трудности, не обладающие специальностью, алкоголики — есть во всем мире. И все насильственные преступления чаще совершают они... Но если предположить совершенно нереальную картину, что все устроены и культурны, то проблема супружеского убийства останется. Во всех странах есть стойкий процент «интеллигентных» преступлений — в кругах, где такого разрешения конфликта не следовало бы ожидать. Почему? Движущей силой убийств являются сильные эмоции, которые не зависят от устроенности и образования. «На дне», конечно, легче срываются, там меньше тормозящих факторов, но от переклеста эмоций не гарантированы люди любых слоев.

«Американская трагедия».
Русский вариант

— Могли бы вы привести пример типично российского убийства?

— Их невозможно свести к одному. Есть несколько разновидностей. В России довольно мало корыстных семейных преступлений, по моим данным, не больше пяти процентов от общего числа. Убивают беременных — чтобы избавиться от алиментов...

— *«Американская трагедия»?*

— Причем она описана у Драйзера как типичное преступление — я сталкивался с подобным делом и обнаружил много похожего... У милиционера, человека, эмоционально и душевно не развитого, была сожительница. Забеременела. Нормального жилья не было, он не хотел ребенка, не хотел с ней оставаться. И ... убил. Попытался обставить происшествие как несчастный случай... Когда его разоблачили, раскаивался, плакал... Был случай, когда студентка вступила в брак с пожилым профессором, имея виды на его квартиру и обстановку, и задушила мужа подушкой... В газетах писали об отставном полковнике советских ВВС, заложившем бомбу замедленного действия в багаж жены, которую проводил на самолет. До этого он застраховал ее жизнь на немалую сумму. А классическим примером корыстной мотивации супружеского убийства до сих пор считается дело казненного в 1915 году в Лондоне Джорджа Смита. Он был брачным аферистом, но с той особенностью, что обычно такие преступники завладевают имуществом жены и исчезают, а Смит последовательно вступил в брак с шестью (!) женами и каждую утопил в ванной. Разумеется, предварительно он убеждал «половину» оформить на его имя завещание...

Однако, повторю, корысть движет лишь одним супругом-убийцей из двадцати.

— *Что же еще?*

— Другой мотив — стремление избавиться от обременительных забот. Супруг болеет, просто так от него не отделаться... А у преступника отсутствуют элементарные человеческие чувства — долга, сострадания... После того, как К. заболел диабетом, его отношения с женой З. обострились. Он пил, не хотел отдавать всю зарплату супруге. То, что за мужем нужен уход, раздражало З. Ей было уютно дома только когда муж лежал в больнице. Однажды К. выписался из клиники, домой вернулся пьяным. Начался скандал, драка. З. повалила благоверного на пол и задушила... Стремление избавиться от забот — преимущественно женский мотив. Им руководствовались 32 процента мужеубийц (и только одна пятая женоубийц)... И это, как вы видите, не самый распространенный мотив.

«Молилась ли ты на ночь?..»

— Чаще всего супружеское убийство связано с двумя моментами: стремлением к самоутверждению или неверности партнера. И первый, и второй мотив присутствует более чем в половине изученных преступлений. Эти два массива как бы перекрестываются между собой... Убийства, движимые любовью... Человек любит! И если бы не было чувства, эмоционального заряда, нарушающего равновесие, не случилось бы и убийства. Начинается внутреннее раздвоение: невозможно смириться с изменой и невозможно расстаться. Человек готов и с собой покончить, и близкого своего убить. И убивает... Если подобное случается в интеллигентной семье, то это как роман в чистом виде, бери и пиши... Вот молодая пара. Сидели за одной партой. Были женаты десять лет. Рос ре-

бенок. Он моряк заграничавания, она медсестра. Так случилось, что я слышал о них до того, как разыгралась трагедия.— любящая, преуспевающая пара... И вот он узнает, что она неверна... Как показывает статистика, мужчина болезненней реагирует на супружескую измену, чем женщина. Он сколько угодно готов согласиться, что да, сексуальная революция, все вокруг изменяют, но, считает он, моя жена — особенная... И так, моряк убедился, что ему «настаивают рога». Испытал сильнейший стресс. Некоторое время они не встречались... И он попал в состояние, которое я называю «синдромом Хозе»: и не смириться, и не расстаться. И решил: покончить с нею и с собой. (Здесь есть элемент типичности: определенный процент супружеских убийств сопровождается попыткой самоубийства.) Обставил все красиво: пригласил ее к себе домой (у него была комната в коммуналке), купил коньяк и шампанское, приготовил петли. Выпили. Он стал говорить о своей любви, о годах, когда они были так счастливы... Предложил вместе уйти из жизни... Но нет, она не хотела! Он настаивал. Она вскочила, пошла к двери. Он догнал, развернул и убил тремя ударами ножа в грудь... Просидел над ней, как Хозе, несколько часов, потом вызвал милицию. С собой не покончил: по его словам, после убийства все в нем перевернулось... Получил десять лет.

— Как будущие убийцы обычно узнают о неверности? Следят? Им «открывают глаза» доброхоты-соседи?

— Как правило, срабатывает тот же механизм, что и в следственной работе: в определенной ситуации преступник склонен признаваться. Надо только задеть

нужную струну, и партнер начинает рассказывать все подробности. Вот вроде бы банальная ситуация: муж уехал в отпуск, а молодая жена писала дипломный проект и сошлась с научным руководителем. Для нее это было непросто, она тяжело переживала измену... И однажды сама навела мужа на разговор, а тот проявил определенные следовательские способности и заставил ее признаться. Она описала на бумаге то, что с ней происходило. Письмо сохранилось, но было видно, что хотя она рассказывает о том, что случилось с ней, но под его диктовку, его словами: «И доцент лег на меня своим толстым противным животом...» И вот ситуация, которая ведет в никуда. Она спрашивает: «Ты можешь меня простить?» Он: «Наверное, нет». И утром она попрощалась со своим маленьким сыном и бросилась под электричку... Сильные эмоции порождают неадекватную реакцию... Лучше от происшедшего никому, конечно, не стало...

— Бывают ли преступления, когда муж, что называется, вернулся из командировки?

— Не много, но такие дела попадают... Однажды начальник отдела в проектном институте, человек весьма положительный, неожиданно вернулся и застал супругу в постели с любовником. Он выкинул обоих в окно с шестого этажа... Убито два человека, прокурор требовал исключительной меры наказания... Убийца получил десять лет, хотя, я считаю, это неправильно. Надо было рассматривать случившееся как преступление в состоянии сильного душевного волнения... Практика идет по такому пути: если человек просто знает о супружеской неверности, то этого недостаточно, чтобы применить «льготную» статью.

А если он сталкивается с изменой непосредственно, в «лоб», то такая ситуация рассматривается как порождающая сильное душевное волнение. Имеет значение время, прошедшее с того момента, как стало известно о неверности, до совершения преступления. Если оно случилось через день-два, когда убийца мог все осмыслить, то в судебной практике о душевном волнении речи нет.

Психологически это не совсем верно, потому что состояние, когда снижен контроль над собой, может продолжаться и неделю, и две...

«А скалочки не хочешь?»

— Убийство из ревности я еще понимаю... Но вот из-за того, «кто в доме хозяин»? Не укладывается в голове...

— Однако самоутверждение — самый распространенный мотив убийств. Из-за этого лишают жизни каждую третью жертву... Борьба за власть является пружиной многих убийств, но до этого еще надо докапываться... По материалам уголовного дела это выглядит так: пили, ругались, подрались, потом один другого убил. Но в завуалированном виде сшибка происходит из-за борьбы за лидерство. Если мужчина болезненно воспринимает роль своей партнерши, ожидая от женщины, что она будет традиционно мягка, уступчива, подчинена, но неходит подобно у домашнего очага, то это его раздражает, недовольство накапливается и прорывается по любому поводу. Воспитание детей, рождение ребенка — все становится полем битвы. А чаще всего скандалят из-за денег. Женщины авторитарного плана всегда стремятся контролировать семейный бюджет. В нашей «совковой» действительности это выглядит так:

муж отдает супруге всю зарплату, а она выдает ему «по рублю» ежедневно на дорогу и обед. Если человек психологически готов к подобному положению, то это сходит с рук, а если нет — является импульсом к преступлению... Конкретный случай. Жили на Петроградской стороне муж с женою. Она — лидер. Работала в столовой. Он — на пенсии. И это характерно: не встречается женщин слабых ни среди жертв такого преступления, ни среди убийц. Добрых женщин не убивают. И мягкие — не убивают. (Это касается убийств на почве самоутверждения.) Женская власть в семье проявляется в том, что супруга либо больше зарабатывает, либо имеет доступ к даровым продуктам... И мужчина чувствует себя ущемленным, он выведен из себя, потому что у него есть потребность быть «добытчиком». И она — тем более женщина властного плана — не удовлетворена тем, что супруг «не добытчик»; у слабого пола существует инстинкт подчинения... И вот она (я о случае на Петроградской) каждый день возвращалась с работы с авоськами наворованных продуктов, а он — пенсионер и не мог найти себе применения... И она цеплялась к нему, начинала делать выговоры... Поколачивала супруга. Даже рефрен в их жизни появился: со словами «А скалочки не хочешь?» жена устраивала ему экзекуцию. И однажды, 8 ноября, с этим присловьем забила мужа до смерти.

— Читая вашу, Дмитрий Анатольевич, книгу о супружеских убийствах, я ощутил, может быть, между строк, некоторое сочувствие не к жертвам, а к мужчинам-убийцам... В частности, вы утверждаете, что в семьях, где пострадала женщина, она была лидером в 41 случае из ста, в то время как

В нормотипических (обыкновенных) парах этот показатель составляет два — четыре процента...

— Я не хотел бы подыгрывать мужчинам, но когда писалась эта книга, в нашей литературе, социологии и публицистике, посвященной взаимоотношениям полов, преобладала тенденция женской наступательности. На примере крайности (убийства) видно, что у нас враждуют не только классы или социальные слои, но и две большие группы — мужчины и женщины. Сейчас, когда политическая обстановка обострилась, это не так заметно, а во времена застоя было видно очень ярко... Моя книга — ответ на «женскую агрессию». Нет, я не считаю, что надо во всем оправдывать мужчин. Но сейчас для нашей страны прежде всего важно преодолеть чрезмерную наступательность женщин. Немножко укоротить их. Тогда все встанет на свои места.

— Из вашей книги я почерпнул и такую многозначительную цифру: в момент преступления любовь или ненависть к жертве испытывали больше половины женоубийц. А среди тех, кто расправился со своими мужьями, ни одна любви к супругу не чувствовала...

— Женщина — более рациональная, более практичная «половина». Она вырывает человека из сердца с корнем и почти хладнокровно идет на его уничтожение... Мне доводилось беседовать с одной такой сразу после убийства мужа. Когда-то у них были теплые чувства, но он сильно пил, приходил в скотском виде, валился на постель бесчувственной колодой... Она — женщина авторитарного плана, работала начальником цеха. Убила расчетливо: ударила тяжелым предметом по голове,

пыталась выдать, что он сам упал и ударился...

— Бог ты мой, ведь можно же было уйти, развестись...

— У человека всегда есть законопослушная альтернатива: договорись, смирись, разведись... Наконец, покончи с собой.... Но все люди устроены по-разному... Иногда причина преступления бывает совершенно объективная, характерная для нашей страны: надо разъехаться, но нет возможности. Вот и в последнем случае супруги жили в двухкомнатной малогабаритке, разменять которую они могли только на две комнаты в коммуналках. Кстати, ситуация затянувшегося квартирного обмена обыкновенна для преступлений, которые совершает один бывший супруг по отношению к другому: развелись, жить вместе невозможно, одна из сторон занимается обменом, другая все время срывает его, и каждый день приводит к большому психологическому напряжению.

— Какой процент супружеских убийств раскрывается?

— Среди них «потаенных», видимо, меньше, чем среди других преступлений. Определенно сказать трудно: нераскрытое и есть нераскрытое, мы так и не знаем, кто убийца...

— Однако в своей книге вы утверждаете, что больше нераскрытых убийств совершают все-таки женщины...

— Я так предполагаю. Не мною выдуманно, что женщина, физические возможности которой довольно ограничены, если уж решилась на преступление, то тщательнее его продумывает. А раз так, выше вероятность, что оно останется тайной... Типичное женское преступление — отравление, и такие дела сложно раскрываются... Женщины, доведенные до от-

чаяния, бывают весьма коварны. Мужчинам следует этого не забывать.

Формула любви

— В вашей монографии я наткнулся на любопытную статистику: убийца, как правило, превосходит свою жертву и по внешним данным, и по образованию, и по интеллекту, и по положению, и по зарплате... Итак, он лучше во всех отношениях — зачем, казалось бы, убивать?! Бросай ее, найди другую...

— Дело в том, что упомянутые характеристики объективны. А самим убийцей все воспринимается совершенно иначе. В конце прошлого века была издана книга графа Орлова — пересказ тогдашних французских исследований по интересующей меня теме. Он писал: «В любви мы видим какие-то непостижимые обманы чувств, чудовищные ошибки суждения. Влюбленный наделяет свой предмет всеми прелестями, видит в нем сочетание всех совершенств, но видит он один на всем свете, потому что всякий другой из вежливости только плечами поводит, слушая его восторженные превозношения. *Непредвзятого же наблюдателя прямо-таки поражает невзрачность героинь уголовных романов*». Суть в субъективном, очень искаженном восприятии. Я веду спецкурс семейной криминологии в университете и порой даю студентам формулу любви, которой можно объяснить многое, в том числе и супружеские преступления...

— Формула любви? Неужто возможно? Алгеброй поверить чувства?

— Тем не менее: если исследователь думает о самом распространенном из убийств на планете, он

обязан размышлять и о том, что представляет собой любовь, которая этим преступлением движет... Я понимаю это чувство как биосоциальный механизм, который обеспечивает продолжение человеческого рода. Это чувство, не смотря на пропасть, разделяющую существ разного пола, заставляет их какое-то время тянуться друг к другу. Суть этого механизма — страдание. Если один из партнеров станет уходить, то другой будет мучиться, что не обладает им... Любовь — нечто вроде песочных часов. Ее (любви) дается на двоих определенное количество. И природе все равно, кто любит сильнее. Можно поставить часы вертикально. Чувство будет сосредоточено в одном человеке. Можно — горизонтально. Любви будет поровну... А вот и формула, которой описывается чувство:

$$L_1 = \frac{S_2}{S_1 \times W_2}$$

От чего зависит любовь (L) одного человека по отношению к другому? В числителе (S_2) — его представление о социально-половом статусе партнера. В знаменателе (S_1) — то, каким он видит собственный социально-половой статус. А W_2 — это (к сожалению, наукообразно говорю) уровень центростремительной инициативы партнера.

Социально-половой статус — то, что, собственно, представляет собой этот человек. Имеют значение его интеллект, красота, сила, заработок, место в обществе, остроумие, сексапильность и прочая, прочая... Но в формулу любви — обратите внимание! — входит не сам статус человека, а то, каким он представляется партнеру (S_2). Вы можете на него влиять. «Вкрутить» близкому человеку преувеличенное представ-

ление о себе. Еще, обратите внимание, ваша любовь обратно пропорциональна вашему представлению о себе (S_1). Если партнер значительно красивее или больше преуспевает, чем вы, то сила вашей любви выше. А W_2 — то, о чем у Пушкина сказано: «Чем меньше женщину мы любим, тем легче нравимся мы ей». Если один из партнеров начинает уходить, то «песочные часы» наклоняются, и любовь перемещается ко второму...

А вот и практическое значение формулы: можно умерить собственную страсть, когда она слишком мучит, или же усилить любовь партнера. Последним искусством идеально владел герой Лермонтова Григорий Александрович Печорин, который доводил до безумия княжну Мэри или Бэлу, сам оставаясь холодным. Он очень удачно взвинчивал их представления о собственном социально-половом статусе, при этом умело демонстрировал свое безразличие. Любовь тем сильнее, чем активнее партнер от вас уходит. Он прекрасен и убегает — чувство ее растет... А если мы хотим свою любовь «уменьшить», то надо внушать себе, что ваш статус повыше, а ее — пониже... В личной жизни формула каждому может пригодиться не только в ситуации, ведущей к супружескому убийству... Человек должен понимать, что сильное увлечение, страсть — источник повышенной опасности. Соблазнительно промчаться на стремительном автомобиле, но надо выбирать такую скорость, чтобы, ударив по тормозам, не опрокинуться...

— «Учитесь властвовать собой»?..

— «Сиби имперари максимум империи эст»: власть над собой — наивысшая власть.

«Ночной профилакторий» для ревнивца

— Вы упомянули, что на второй день праздников семейные конфликты обостряются, а в своей монографии пишете, что супружескому убийству часто предшествовала встреча семьи с друзьями или родственниками. Почему такое происходит?

— Борьба между мужчиной и женщиной опирается на то, что психологи называют половой солидарностью (или половым патриотизмом).

У женщин, как замечено теми же психологами, этот патриотизм более развит. Когда люди живут вместе, всегда накапливаются претензии жены к мужу, и наоборот. Они здорово возрастают, когда их «прокручивают» среди близких. Например, женщине начинает подыгрывать подруга: да он такой-сякой, а ты еще молодая, красивая, зачем он тебе нужен... А иногда собираются, допустим, две пары, и жены начинают, «выставляясь» друг перед другом, подтрунивать над мужьями, навязывая им роли «подкаблучников»...

А когда гости уходят, обстановка накалена, супруги начинают ссориться, и конфликт порой перерастает в преступление...

— Как свидетельствует собранная вами, Дмитрий Анатольевич, статистика, 37 процентов семей, где впоследствии было совершено убийство, уже заявляли в милицию о ссорах и драках... Но стражи порядка предпочитают суверенность «домов-крепостей» не нарушать...

— Так во всем мире. Американские полицейские тоже не любят приезжать на «семейные разборки»: сегодня супруги жалуются, завтра забирают заявление обрат-

но... И, по данным ФБР, чаще всего посягают на «копов», как раз когда они посещают скандалящие семьи... Но реагировать на жалобы надо. Иногда лучше сегодня дать срок за хулиганство, чем хоронить через год одного из супругов. А то и обоих... Вот профилактики у нас практически нет. Применительно к семейным драмам надо идти путем, апробированным в Японии, Германии, Штатах... У нас людям, если они поссорятся, просто некуда убежать друг от друга. Необходимо, чтобы были пункты — стационары экстренной психологической помощи — на Санкт-Петербург, может быть, несколько: чтобы человек мог прийти туда и поделиться — не могу ее (его) переносить, еще немного — зарежу. И его встретил бы квалифицированный психолог, спокойно поговорил, угостил чаем, помог снять стресс. Пару ночей несчастный бы там провел и сумел бы найти законопослушный выход из сложившейся ситуации...

— Боюсь, что с нашим подходом к делу эти «профилактории» превратятся во что-то вроде пунктов личной профилактики при вендиспансерах, где сутки напролет спит-отдыхает скучающий фельдшер...

— А как еще бороться с семейными преступлениями? Супружеское убийство не повторяется. Надо сделать все возможное, чтобы избавить людей от двойной трагедии: одного от ножа, а другого от кошмара стать убийцей...

— И последний, Дмитрий Анатольевич, вопрос. Извините, что некорректный. Вы давно женаты, у вас две дочери. Возникало ли у вас когда-нибудь искушение поступить, как один из героев вашего исследования?

— Я не чувствую в вопросе некорректности, напротив, привык

к шуткам, что Шестаков, как Синяя Борода, на собственном опыте собрал материал для книги... В какой-то мере знания, полученные научным путем, я использовал в жизни — с точки зрения контроля за накалом эмоций. Как всякий, владеющий «формулой любви», я мог подогреть к себе чувство, когда хотелось, чтобы тебя любили особенно сильно. И я гарантирован, что со мной не произойдет такого выброса эмоций, который может привести к драме.

— Счастья вам и вашей супруге...

ТИМУР

В воскресенье 8 ноября 1992 года телезрители первого канала «Останкино» увидели новую передачу, в которой отсутствовали и кровавые сюжеты, и политические дискуссии, и обнаженные тела. Смотреть программу было интересно и весело не только детям, но и их родителям, бабушкам и дедушкам.

— Передача «Пока все дома» с самого начала была задумана как телевизионное семейное зрелище, — говорит один из создателей, ведущий программы Тимур Кизяков. — Мы решили, что передача должна быть «своя» для максимального числа телезрителей. То есть человек, смотрящий «Пока все дома», должен знать, что его не обманывают, над ним не издеваются. Целиком передача нравиться не может, но в ней должна быть рубрика, которая заставляла бы того или иного телезрителя включить телевизор в воскресное утро.

— Тимур, это лично ваша авторская программа или в ней есть кто-то «главнее»?

— У нас коллективное творчество. Так как ее делают люди разных возрастов и вкусов и каждый пытается отстоять интересы своей части телезрителей, передача получается такая разнообразная. В ней рубрики: «Очумелые ручки», «Зверье мое», «С миру по нотке»,

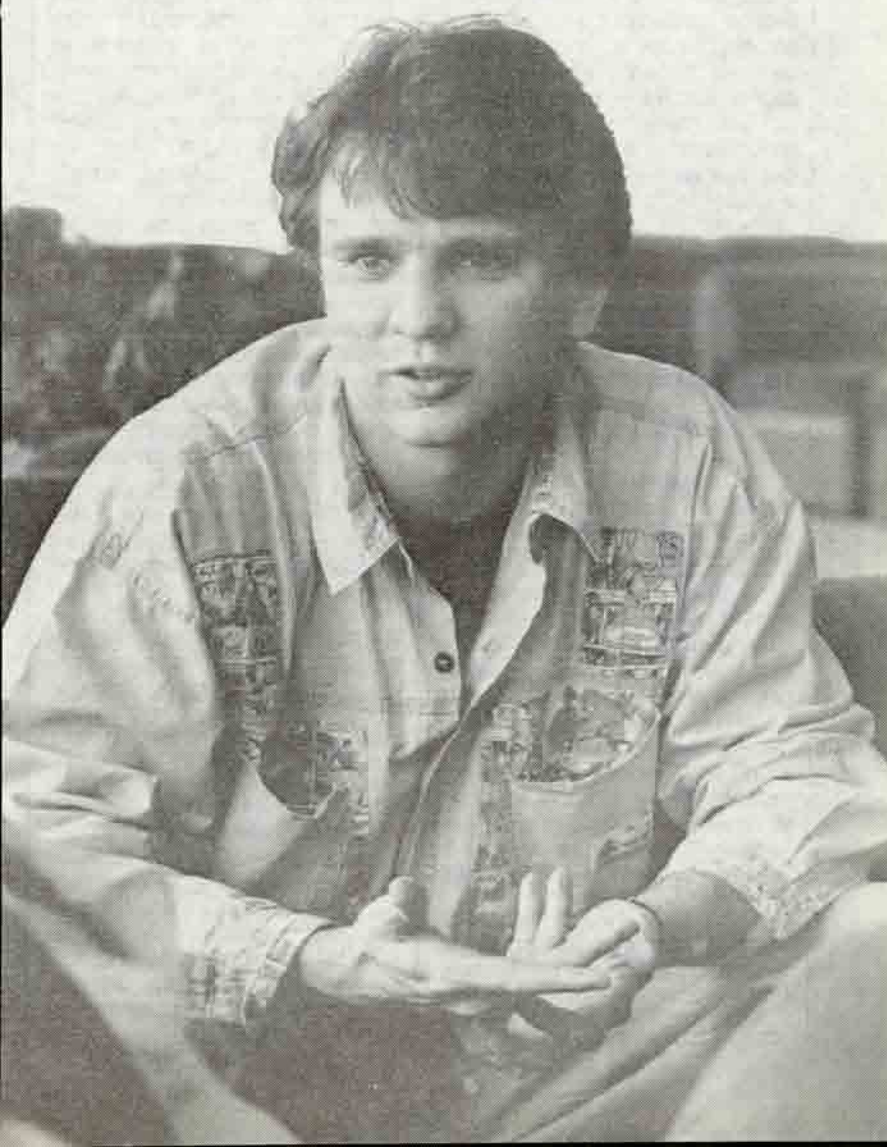
«Ответ с приветом» и каждый раз меняющая название, но самая главная рубрика — посвященная семье.

— Вы могли бы определить имидж ведущих каждой рубрики?

— Андрей Бахметьев работает преподавателем в МЭИ, а у нас ведет «Очумелые ручки». Он рассудительный и практичный человек, объясняющий предмет с методичностью преподавателя. Андрей Пряжников (профессиональный музыкант и ведущий «С миру по нотке») — врожденный интеллигент. Вращаясь в среде поп-музыкантов, где «крутизна» определяется наличием дорогой одежды, Андрей тоже старается одеться «покруче». Но его доброта, воспитанность и интеллигентность «лезут» изо всех щелей кожаной куртки. Ведущая рубрики «Зверье мое» Оля Матлахова животных любит больше, чем людей. Она хозяину собаки или кошки уделяет в передаче меньше внимания, чем его животине. И, наконец, я — этаким хамелеон, вползающий в гости к какому-нибудь знаменитому человеку. Меняю цвет в зависимости от настроения собеседника. Часто называю себя «депутатом от телезрителей». Ведь сам вышел из этой среды. Из моих родственников никто никогда на телевидении не работал.

U ERU KOMANĀGA

— Как же вы попали в «Останкино»?

— Будучи студентом МЭИ, часто выезжал на летние каникулы в студенческий лагерь под Алуштой. Там познакомился со многими творческими людьми. После одной из таких поездок в моей квартире раздался телефонный звонок. Тогда еще студент режиссерского факультета ГИТИСа Слава Бубнов предложил мне: «Старик, посотрудничаем с Детской редакцией на Шаболовке?» Нам дали первое задание — написать сценарий программы «С утра пораньше». Сценарий отнял у нас много сил и времени, мы сочиняли его месяца три, а переделывали раз двадцать. Но со временем как-то прижились. Последовала цепь маленьких везений. Потом с Шаболовки переехали в «Останкино», сделали еще пару передач «С утра пораньше». И неожиданно начальство предложило нам заполнить эфирное «окно» в воскресные дни. Так родилась передача «Пока все дома».

— Телецентр «Останкино» — маленькое государство в государстве со своими законами и традициями. Как вас приняли здесь?

— Моя ситуация похожа на мультфильм «Маугли». «Лягушонок» выполз откуда-то на свет, и его никто не слопал, а, наоборот, все проявили отцовскую заботу. Меня сразу взяли в «стаю», причем не просто взяли, а опекали до тех пор, пока я не встал прочно на ноги. Как и везде, здесь есть коварные «шерханы», подхалимы-«шакалы», но есть добрые «питоны» и мудрые «багиры». Мне в этом плане повезло.

— Не случалось серьезных конфликтов с администрацией или с коллегами?

— Нет, конфликты возникают, если проявляется непорядоч-

ность. В творчестве столкновений не избежать, но они временные — тогда, когда мы делаем передачу, а как только она готова, у нас по-прежнему все хорошо.

— Изменилось что-то в вашей жизни с приходом на телевидение?

— Конечно, и многое. Материально стал более независим. Родители мной гордятся, ведь в школе я был «творческим троечником» (это когда учишься на «тройки» не потому, что лень, а просто не хватает терпения). Для друзей я стал предметом долгих разговоров, и эффект того, что я «зазнался», сработал моментально. Хотя понимаю, что они говорят так не со зла, но все равно устал объяснять, что у меня совсем нет свободного времени. Даже если и выбираюсь на какую-нибудь дружескую вечеринку, стараюсь забиться в угол и помалкивать. Но это почти не удается, так как невольно меня заставляют входить в роль ведущего.

— Поклонницы не одолевают?

— Я не герой-любовник. У меня совсем другая роль. Моя задача — показать телезрителям те стороны знаменитостей, которые им неизвестны.

— Тимур, вам всего 25 лет, и вы уже достигли определенного успеха. Конечно, впереди еще много нереализованного. Помимо творческих планов, есть у вас заветная мечта?

— На первом плане — работа. Постоянно испытываю страх всех творческих людей: перестать создавать что-то новое. Деньги, квартира, машина — мнимые блага. Смазливая внешность тоже ненужный инструмент... А вот что касается «голубой мечты», то всегда хотел завести собаку. Но, увы, не могу себе этого позволить, так как почти не бываю дома, а де-

лать из своего питомца заложника не хочу. Правда, у меня есть дома попугай и чиж, с ними я как-то справляюсь.

— *А в свободное время «выгуливаете» своих птичек?*

— Как ни банально, но свободного времени почти нет. А если и выпадает «пауза», то мечусь по квартире, как тигр, и думаю о предстоящих съемках. Иногда, правда, смотрю видеофильмы. Не люблю боевики, от которых возникает ощущение безысходности. С удовольствием смотрю комедии и наши старые фильмы, где людей волнует не политика, а обычные житейские проблемы. Еще смотрю телевизионные передачи — сравниваю работы коллег со своими. Когда впервые увидел «Бомонд», подумал: «Вот пример того, как надо обижать людей!» И сказал себе, что не должен быть похожим на этого «хама». Но теперь смотрю на Матвея Ганнопольского совсем по-другому и даже стал завидовать ему.

— *Что вы больше всего цените в людях и что отталкивает в них?*

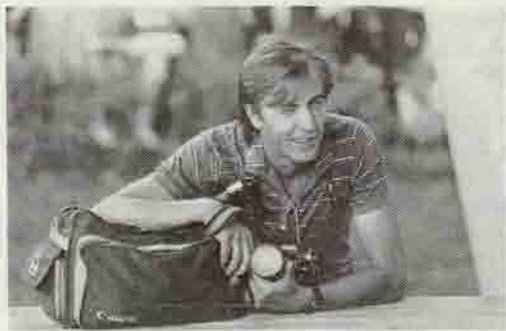
— По-моему, самый страшный людской порок — навязчивость. Она влечет за собой все остальные недостатки. Если человек чем-то неприятен, но не навязывает себя никому, его плохие черты не так заметны. Нравятся же в людях доброжелательность, умение не причинять никому вреда умышленно...

— *Тимур, откуда такое странное сочетание вашего имени и фамилии?*

— Это фантазия моего папы. Но я привык к своему имени, и оно мне даже нравится. Еще со школьной скамьи по этому поводу было отпущено немало шуток. Одна из которых: «Тимур, где твоя

команда?» Но если раньше этот вопрос ставил меня в тупик, то теперь я знаю на него ответ.

**Беседу вел
ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ.**

СЕМЕЙНОЕ ДЕЛО

192

Субъективный объектив

Нынешний год для него, можно сказать, юбилейный — двадцать лет со дня первой публикации. Фото в «Пионерке» стало началом творческой биографии Сергея Киврина. И вот два десятка лет спустя, когда в рабочем багаже тысячи снимков, престижные международные премии конкурсов во Франции, Японии, Швейцарии, Бельгии, золотая медаль «Уорлдпресс-фото», — персональная выставка в Москве...

— Сергей, а как все начиналось? Хотя понимаю, сын Владислава Киврина никем и не мог стать, кроме как фотографом...

(Тут для читателей, далеких от фотожурналистики, оговорюсь: старший Киврин — Владислав Донатович — один из известнейших фотокорреспондентов страны.)

— Авторитет отца давил на

меня. Я из-под этого «пресса» выбрался, ох, как непросто...

Он серьезно играл в волейбол. Вообще парень был спортивный. И, может, поэтому объектив с ходу направил на спортплощадку. И еще: спорт — это эмоции, напряжение, человеческий всплеск. Тут столько моментов!

— Я фоторепортер. Не студийный художник, не портретист. Для меня важна сама атмосфера действия. Я как бы заряжаюсь ею, аккумулирую ее энергию...

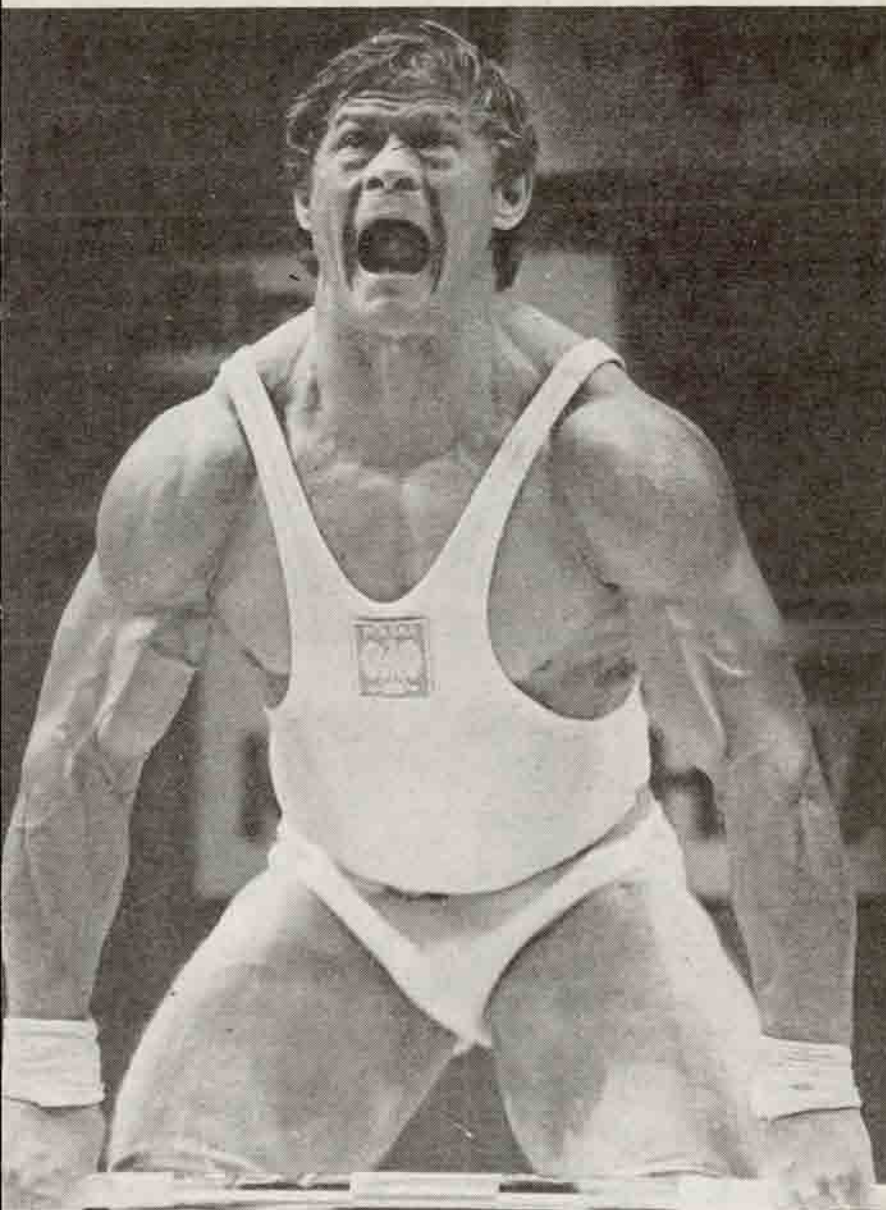
Но, по-моему, достаточно слов. Посмотрим работы Киврина. Они скажут гораздо больше.

Добавлю лишь одно: у Сергея подрастает сын Денис. Ему сейчас 12 лет. Свой первый снимок он опубликовал в журнале «Спорт в СССР». Тогда ему было восемь...

Я за такую семейственность!

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

Рывок!

На грани возможного...

Нислашли, Господи.

Кому розы, кому слезы.

Рок-концерт в Лужниках.

Шахматная разборка (Тигран Петросян и Борис Спасский).

Чемпион мира
по боксу
Исраэл Амолскин.

Цейтнот при минус сорока.
(На станции СП-26.)

Защитим!

Дорогие читатели!

В январе 1994 года исполнится ровно 70 лет со дня выхода в свет первого номера журнала «Смена».

День рождения, к тому же такую солидную дату, принято отмечать вместе с близкими людьми и друзьями.

Мы тоже не хотим нарушать эту традицию и надемся — если, естественно, нам не помешают какие-нибудь исторические катаклизмы — скромно, но с достоинством отметить свой юбилей. Семьдесят лет для журнала — конечно, не старость. Это прежде всего традиции, это верность определенным идеалам, это огромный творческий и интеллектуальный багаж, это новые люди, новые герои и старые, верные друзья — читатели. И потому мы не хотим отмечать юбилей в одиночку. Приглашаем на наш праздник всех, кто давно любит и читает «Смену», кто верит ей и остается с ней во все времена.

Но мы хотим, чтобы и вы, наши дорогие читатели, внесли свой вклад в общий праздник. Каким образом? Очень просто. Пусть каждый, кто давно связан с журналом, пришлет нам свое «слово» о «Смене», своеобразный тост в честь «Смены», в котором будут и личные воспоминания, и какие-то факты причастности «Смены» к вашей жизни и судьбе. Все это будет, естественно, опубликовано в юбилейном январском номере журнала.

А самых наших старых, давних подписчиков, которые пришлют убедительное доказательство своей любви к «Смене», мы пригласим на наши торжества.

Ждем, дорогие друзья, ваших писем и сообщений до 1 декабря — это крайний срок, когда юбилейный номер сдается в печать.

Итак, до встречи на нашем юбилее!

Мария-Фелисия Малибран.

ЛЕВ КАНЕВСКИЙ

ГАРСИА

*Хроника
певческой
семьи*

24 марта 1808 года над Парижем гремела гроза, страшная, неистовая. Казалось, что кто-то громадной кувалдой раскалывал купол небесного свода и через образовавшиеся трещины на город устремлялись ливневые потоки. В одном из малоприметных домов на улице графа Де Конде молодая испанка, разметавшись на тощем матрасе, мучилась в преддровых схватках. Она слышала раскаты грома, видела через щелочки персидских окон всполохи ярких молний, и к ее физической боли присоединилась боль душевная: рожать в грозу — дурной признак. Постанывая, она опасливо поглядывала на своего мужа Мануэля, стоявшего возле кровати, цеплялась за его руку, словно пытаясь обрести опору. Через несколько минут наступил самый ответственный момент, и акушерка велела будущему отцу выйти из спальни роженицы.

Стоя в коридоре, Мануэль чутко прислушивался к тому, что происходит за стеной. Стоны жены, успокаивающие пришептывания повитухи, — и вдруг пронзительный, чистый, звонкий голосок младенца. У Мануэля родилась дочь. Ее назвали Мария-Фелисия — «счастливая Мария». Еще никто в доме, ни за его пределами не знал, что через каких-то два десятилетия это крохотное, визгливое создание приведет в восхищение весь мир блистательным несравненным талантом. В доме супругов Гарсия увидела свет знаменитая в будущем певица Мария Малибран...

207

События

Испанцы в Париже

Семья Гарсиа обосновалась в Париже три месяца назад. Ее глава — Мануэль, певец и композитор, известный в Испании преподаватель вокала. Его супруга Хоакима — актриса. Они, как и многие испанцы, соблазненные щедрыми посулами наполеоновского императорского двора, стремившегося пустить пыль в глаза всей Европе, приехали в Париж, чтобы искать славы и денег. Мануэлю недавно исполнилось тридцать три года. Своего отца он не знал. Одни говорили, что тот был испанский еврей, другие утверждали, что он из цыган.

В пятилетнем возрасте Мануэль пел в детской хоровой капелле. Капельмейстер Антонио Рипа, который учился великому искусству вокала у неаполитанских мастеров, передал своему ученику основные принципы пения. За двенадцать лет занятий с маэстро Мануэль получил солидное музыкальное образование, которое вобрало в себя и теорию звука, тайны гармонии, все головоломные ухищрения контрапункта, изящную стройность музыкальной композиции. Ему приходилось много работать, почти на износ, его безжалостно муштровали, словно имперского гвардейца. Жестокая вокальная муштра принесла свои плоды. Уже в семнадцать лет скупой на хорошие оценки Рипа считает Мануэля лучшим певцом Испании, а такой комплимент из его уст что-нибудь да значит! Отныне уже никто не сомневался: перед юным певцом открывалась фантастическая музыкальная карьера. В Испании меломаны заговорили и о его композиторском даровании. Написанные им танцевальные мелодии принимают даже королевский двор, а в церквах, где исполнялись его религиозные сочинения, всегда полно народу.

Проведя несколько лет в Мадриде, он возвращается в Севилью и привозит с собой блестяще отделанную большую мессу, которая была торжественно исполнена в местном соборе. В этом городе он впервые начал выступать в музыкальном театре и, к своему великому удивлению, обнаружил, что у его партнеров по сцене почти полностью отсутствует вокально-техническая подготовка. Вызвало шок то, что они «ломают какую-то комедию и только произносят слова на музыку», а публика просто сходит с ума от такого «искусства»! Мануэль понимает, что нужно как можно скорее изжить этот музыкальный позор, и уверенно берется за коренную перестройку. Он поклялся научить певцов настоящему пению — недаром же он славен лучшим тенором Испании! Мадрид, Барселона, Малага, Кадис — откуда только не шлют ему приглашений для выступлений!

Он уезжает на юг. Целый год работает капельмейстером в Кадисе, но ни на минуту не забывает о музыкальном театре. Актеры постоянно обращаются к нему за помощью, советами. Мнение Мануэля в вопросах вокала неоспоримо и свято. Они восхищены его превосходным голосом, им очень нравится его огненная, темпераментная игра на сцене, которая заставляет публику вскакивать с мест, реветь от восторга. Он поет во многих спектаклях, но одновременно продолжает заниматься теорией музыки, чтобы она достигла высот совершенства. Ради

этого Мануэль организует подготовительные курсы, которые посещают молодые люди из высшего света. Вскоре на этой основе была создана консерватория, а Королевское правительство выделило ей социальную дотацию. Редкий в те времена случай.

Снедаемый амбициями, целиком, без пощады к себе, отдаваясь работе, постоянно совершенствуя и повсюду культивируя искусство вокала, Мануэль немало времени уделяет и композиции. В Мадриде была поставлена его опера «Расчетливый поэт». Она пользовалась особой популярностью у слушателей. Его знаменитую арию «Я только лишь контрабандист» распевала вся Испания. По свидетельству современников, спектакли с участием Мануэля Гарсиа в мадридском театре «Дос Канос дель Пераль» по своему успеху могли сравниться только с представлениями в знаменитом «Ла Скала»...

Любовь настигла его там, в Кадисе. Среди его многочисленных поклонников и поклонниц была одна музыкантша, обворожительная девушка Хоакина Ситчес. Она посещала организованный при театре кружок музыкально-драматического искусства, в котором пел Гарсиа, и частенько украдкой наслаждалась его замечательным голосом. Можно сказать, что «заочно» они были знакомы давно, так как прелестная Хоакина обучалась игре на органе у брата того самого Альмарки, который когда-то обучал этому искусству Мануэля в Севилье. Мануэлю сразу приглянулась красивая, скромная и застенчивая девушка (намеревалась уйти в монастырь и даже стала там послушницей), и он вызвался давать ей уроки вокала, комического искусства и сценического танца. Совместные упорные занятия, как это часто бывает, вскоре привели двух служителей музыкального искусства к обручению. В 1805 году у молодой четы рождается сын. Его в честь отца нарекают Мануэлем. Театр, музыка, очаровательная любящая жена, милый наследник. Сполна, казалось, было дано Всевышним одаренному Мануэлю-старшему, но, как и всякая творческая личность, не мог этим удовлетвориться, постоянно чувствовал, что ему чего-то не хватает. Ему требовалось нечто большее, грандиозное, неистовое внутреннее горение заставляло его метаться, мощные подспудные силы неумолимо влекли его в неизведанное. Все чаще, все заманчивее звучало у него на устах волнующее, хватающее за сердце слово — Париж!

Да, там, в Париже, манили его воображение великолепие и блеск нового королевского двора Наполеона, который затмил все прочие дворы созереннов Европы, превратив их в мрачные задворки своей могущественной империи. До него доходят настоячивые слухи, что и сам Наполеон — весьма достойный меломан, обожает музыкантов, спектакли, артистов!

И Мануэль с семьей отправляется в обетованную для всех музыкантов землю — Париж и принимается за постановку испанской пьесы, делая таким образом первый шаг на пути к достижению заветной цели. Приступает к репетиции своей оперы «Расчетливый поэт», которая одержала такой триумф в Мадриде, и специально по такому случаю разучивает несколько особенно сложных, характерных для Испании, музыкальных арий —

«полос». Его личный расчет музыканта оказался верным. Приглашения от императора не пришлось долго ждать. Вместе с другими испанскими музыкантами Мануэль принимает участие в концерте в Сен-Клу. Увы, последовало горькое разочарование! Он не учел, что «великому» Наполеону, корсиканцу по рождению, скорее близка музыка его родины Италии, особенно Чимароза, Паезиелло, Цингарелли, а также и реакцию двора, неизменно разделявшего все симпатии и антипатии самодержца. Дворцовые вельможи остались холодными к «грубой» испанской музыке. Где же они, эти жаркие аплодисменты темпераментной мадридской публики? Здесь его встречает тишина. Французы проявляют полное безразличие к его высокому искусству. Мануэль Гарсиа настолько разочарован, что его душевные страдания не может утешить и солидный гонорар за выступление — 1000 франков. Что деньги по сравнению с обломками всех радужных надежд?

Мануэль, конечно, с горя ошибался, когда стриг под одну гребенку своих равнодушных слушателей. Среди них нашелся по крайней мере один, который сразу же по достоинству сумел оценить как голос, так и артистическое дарование молодого испанского тенора. Этим слушателем оказался Фердинанд Поэр, итальянский плодовитый, но довольно бесцветный композитор, который, однако, очень нравился императору. Его вызвали из Дрездена и сделали придворным композитором. Само собой разумеется, Поэр с благословения своего могущественного протеже сразу становится законодателем всех музыкальных мод и вкусов в Париже.

Буквально на следующий день после концерта Поэр вызвал к себе Мануэля и предложил ему главную роль в своей опере «Гризельда». Заручившись от него согласием, представил Мануэля директору Итальянского театра Пикару. Итак, итальянский театр, «опера-буфф» вместо страстно желаемой Парижской оперы! Но даже в этом предначертании судьбы Мануэль сумел различить для себя некоторые преимущества. В этом театре играла превосходная труппа, имевшая такой бешеный успех, который и не снился чопорной «академии» музыки *Opéra de Paris*, — здесь, в этом театре, утрата солистом хотя бы одной ноты считалась «страшной катастрофой», сравнимой лишь с извержением Везувия, ведь итальянцы понимают толк в бельканто.

11 февраля 1808 года Мануэль Гарсиа дебютировал в Париже в опере «Гризельда». Успех был полный. «Это — несравненный лирический артист нашего времени!» — таково было единодушное мнение прессы.

В Париже постепенно он становится душой Итальянского театра. И вот Мануэлю Гарсиа, который с трудом изъясняется на французском, поручена постановка двух пьес Моцарта — «Женитьбы Фигаро» и «Так поступают все женщины». Замечательным голосом, глубокими знаниями возможностей вокала, андалузским темпераментом Мануэль буквально всех будоражит, создает невероятное оживление на сцене. Он умеет «разогреть» труппу, заставить ее сделать все возможное и даже невоз-

можное. Все артисты вокруг него оживились, подтянулись, словно глотнули свежего воздуха.

Но он начинает понимать, насколько велико отличие певцов с вокальной школой Рима или Флоренции от замечательной, виртуозной школы Неаполя. Все чаще ему приходит идея отправиться туда, в эту «Мекку вокала», в несравненный Неаполь, где, казалось, сам воздух, тугой и свежий, выплетал из голосовых связок какие-то немислимые фиоритурные узоры. Все чаще он вспоминал о последнем письме своего учителя, которое тот прислал ему перед своей смертью: «Мне кажется, что теперь ты готов к обучению великим мэтром, о котором мне рассказывали после твоего посещения Савильи. Речь идет об одном из последних учеников Неаполитанской школы. Его имя — Анцини. Запомни его.

Именно он сумеет открыть тебе вечные истины, к порогу которых я тебя подвел. Они уже незримо господствуют как в твоих музыкальных познаниях, так и в твоём вокальном искусстве...»

Итак, его имя Анцини. Как только сложатся более благоприятные обстоятельства, дорога приведет Мануэля в Неаполь.

В вокальной Мекке Италии

Благоприятные обстоятельства сложились лишь через три года, когда одна из его бывших учениц, соотечественница Изабель Кольбран, стала примадонной в двух знаменитых оперных театрах Неаполя — «Сан Карло» и «Фондо». Но Гарсиа повезло значительно больше, чем он поначалу предполагал. Эта здравомыслящая испанка (ее отточенный Гарсиа голос буквально завораживал пылких неаполитанских знатоков музыки) ухитрилась стать директрисой этих двух театров, так как их владелец, некто Доменико Барбава не столько смыслил в домах музыкальных, сколько в игорных. Она уже пригласила к себе в театр молодого, девятнадцатилетнего композитора Россини, операм которого «Счастлирое заблуждение» и «Танкред» аплодировала вся Италия. Изабель сумела добиться для своего любимого учителя ангажемента первого тенора в обоих театрах. Вместе с семьей он переехал в Неаполь в ноябре 1811 года. Изабель не скрывала своего восторга. Она уже предвкушала тот блеск, который придадут ее театрам два знаменитых имени — Россини и Мануэля Гарсиа!

Мануэль привез свою двухактную оперу «Багдадский калиф». Но главной целью его поездки была не постановка оперы, не его дальнейшая карьера певца, не стремление покорить вокальным искусством взыскательную местную публику, нет. Он по-прежнему делал заветную мечту. Всем сердцем жаждал встречи со знаменитым Анцини, этим «реликтом» действительно великолепных итальянских певческих школ прошлого. Во что бы то ни стало хотел добиться главного — познать тайны неведомого ему неаполитанского вокала. На остальное он не обращал никакого внимания. Его даже не огорчил провал своей оперы. Но зато

Мануэль одержал другой триумф — в Неаполе, в театре «Сан Карло», спев в «Женитьбе Фигаро». Россини, никогда прежде не слышавший этого испанского певца, был настолько поражен его мастерским исполнением заглавной партии, что после спектакля заявил во всеуслышание: отныне он намерен работать только с ним, с Гарсиа. С этого дня композитор зарезервировал для него главную роль в своей будущей опере в римском театре «Аржентина».

212 Столь высокая честь, оказанная ему прославленным Россини, не отвлекла Мануэля от заветной цели. За пять лет работы в Италии его так и не выпустила из своей цепкой хватки «одна, но пламенная страсть», — отличавшаяся мощным внутренним накалом, невиданным вдохновением и энтузиазмом тяжелая работа со знаменитым Анцини, который «позволял ему проникнуть в тайны тех великих принципов, которые были сформулированы старинными мэтрами вокала». До этого дня, учась у Рипы, он сумел познать лишь механизм такого метода. Теперь раскрылся сам его дух. Нужно всеми силами добиваться истинного «бельканто» и навсегда покончить с расхожей на него карикатурой. Но и внутри самого Мануэля начинается ломка: он приходит к жесткому, обидному для себя выводу: его истинное призвание — не теноровый певец и не композитор, каких бы успехов он ни добился на этой стезе. Его призвание, его желанная слава там, где у него нет и не может быть соперника, — обучение вокальному мастерству. Эту мысль со своим «гениальным» учеником разделял сам Анцини, об этом они часто толковали, оставаясь наедине после утомительных уроков.

Мануэль на собственном опыте познал, что такое «жесткая» школа пения, он изучил ее у настоящего тирана от музыки — Рипы. Теперь он сам, добровольно, принял к исполнению еще более жесткие, более саднящие глотку методы, о которых до этого не имел представления ни один певец-профессионал. Что же, к настоящему пению, тем более в исполнении человека, несомненно, одаренного, даже гениального, предъявляются и другие требования без припуска. Однажды Россини из-за любопытства забрел на урок, который маэстро давал своему талантливому ученику.

Прослушав в исполнении Мануэля знаменитые вокальные «экзерсисы» высшей сложности Анцини, великий композитор заявил, что только «теперь он понял, что на самом деле можно выжать из человеческого голоса»...

Будни Неаполя

Анцини часто устраивал у себя не совсем обычные музыкальные «вечера». Главным требованием ко всем их участникам было умение «читать с листа». На этих музыкальных состязаниях неизменно присутствовали супруги Гарсиа с сыном Мануэлем и трехлетней дочуркой Марией. Наведывалась и пышнотелая хозяйка двух театров Изабель Кольбран вместе со стеснительным юношей Россини, которого она вскоре сделала своим супру-

гом. Здесь в основном исполняли инструментальную музыку, особенно часто звучали Бах или Моцарт. Гарсиа обычно садился за орган, который только недавно был установлен в доме его учителя. Что бы ни сказал отец, что бы ни сыграл, — маленькая Мария, словно по неслышному приказу, вся обращалась в слух, внимала ему торжественно, с каким-то трогательным детским умилением. В такие минуты казалось, какое-то дивное озарение разливалось по ее очаровательному личику. Она не отрываясь следила за ловкими бегающими по клавишам пальцами отца, извлекавшими из таинственного инструмента мощные аккорды божественного Баха. Все это не ускользало от внимания Россини, пораженного почти боттичеллиевской, «сверхъестественной красотой» маленькой «феи». Хозяин дома давно осознавал, что маленькая Мария удивительно щедро одарена музыкальным талантом. Ничего удивительного в этом не было, ведь Мария, или, как ее называли, Мариэтта, родилась и жила в доме, который, казалось, был насквозь пропитан музыкой. Она выучила ноты раньше, чем буквы. Специально для нее отец разработал «детские вокальные упражнения», которые и легли в основу музыкального образования будущей певицы. Особый упор отец-учитель делал не на лирические партии театрального репертуара, а старался привлечь внимание дочери к глубинным музыкальным сочинениям Баха и Генделя.

Очень скоро маленькая Мария стала известной «личностью» в Италии. О ней заговорили как о «чудо-ребенке» не только в кругу артистов и музыкантов. Вместе с родителями она неизменно присутствует на всех репетициях в театре «Аргентина» и не спускает глаз со своего «приятеля» — дирижера оркестра Россини, который любит незаметно для оркестрантов улучшить мгновение и подмигнуть своей юной поклоннице, смиренно сидящей в глубине зала. За право развивать ее музыкальные способности спорили многие видные специалисты. Наконец эти лавры достались двум молодым музыкантам, завоевавшим в Риме специальную премию за музыкальное мастерство. Один обучал ее игре на фортепиано, второй — преподавал курс сольфеджио. Гарсиа дал свое согласие при одном условии: все ноты, все тексты при обучении будут разработаны им самим и одобрены мэтром Анцини. «Я намерен дать ей такое музыкальное воспитание, которое имело особую ценность в старых консерваториях, где блистали своим педагогическим талантом великие итальянские мастера прошлого столетия. Меня не устраивает тот уровень, который сегодня считается вполне достаточным для оперных певцов», — твердо заявил он. Выработав с помощью Анцини собственные принципы развития вокала, он всерьез приступает к совершенствованию необычайно тонкого голосового механизма, которым природа одарила его дочь. Хоакиме, жене и неизменному своему аккомпаниатору на уроках у Анцини, он приказывает сменить «работу», и теперь она становится постоянным репетитором у Марии. Вся программа обучения дочери уже тщательно разработана. Только вот для ее осуществления у него пока не хватает времени...

Между тем все сильнее крепнет дружба Мануэля с молодым,

популярным на всем Итальянском полуострове маэстро Россини. С первого взгляда они точно оценили достоинства друг друга, и Россини, по собственному его признанию, не раз подхватывал музыкальные идеи, подсказанные старшим другом. Однажды, как всегда пребывая в стесненных денежных обстоятельствах и полагаясь на присущую ему легкость при сочинении прекрасной музыки, Россини 26 декабря 1825 года заключил контракт с театром «Аржентина», по которому обязался к 20 января следующего, 1816 года, написать новую оперу. Но тут же осознал, насколько безрассудно поступил в запальчивости, — еще бы, неслыханное дело, — написать оперу за двадцать четыре дня, включая и новогодние праздники! Испытывая сомнение, он по секрету рассказал об этой печальной истории Мануэлю. Не поможет ли он ему в написании этой треклятой оперы? В таком случае будущая главная партия по праву будет его, Гарсии. Россини, которому нельзя было отказать в отваге, граничащей с авантюризмом, решил взять в качестве главной темы будущей оперы тему «Севильского цирюльника», правда, уже до него разработанную ректором Неаполитанской консерватории Паезиелло.

«Дело рискованное», — предупредил пылкого коллегу Гарсия, но тот ничего и слышать не хотел. Он, конечно, все переделает, перекроит сюжет, придаст опере локальный испанский колорит, что, по его искреннему убеждению, «эта посредственность Паезиелло никогда сделать не сможет», и вот тут-то в ее испанской трактовке он, Россини, целиком полагается на музыкальный вкус и помощь Гарсии — музыканта и композитора. Нет, он ни за что не пойдет на попятную, он должен доказать всем этим выскочкам, всем своим коварным соперникам с их гадкой кабалой в театрах, на что он, Россини, способен...

Гарсия набросал несколько музыкальных эскизов, которые Россини затем включил в свою оперу. Он работал днем и ночью, словно охваченный кратковременным безумием. Из-под его юрких пальцев на нотные линейки ложились причудливым узором чарующие звуки.

Гарсия все время был рядом с другом. Но при всех их стараниях новая опера все равно к сроку не поспевала. Когда 18 января они в одном экипаже вместе отправились в Рим, в опере зияли внушительные дыры: не были еще написаны каватина Альмавивы и финальное трио. «Все это неважно, — твердил Россини, — все исполним точно в срок!»

Недостающий музыкальный материал был написан в течение последних двух дней. В указанный час донельзя довольный Россини положил «свеженькую» партитуру на стол дирекции театра. Все были поражены. Восторженные отзывы из Рима цепочкой передавались по стране. Все удивлялись, изумлялись, не верили феномену: такую замечательную оперу мог написать только истинный гений, да и то с Божьей помощью. Гением Россини, бесспорно, обладал, да и земной помощник у него был на славу...

«Правда ли, что Россини смог написать «Севильского цирюльника» за тринадцать дней?» — спросили однажды Доницетти.

И тот совершенно серьезно ответил: «Он мог бы это сделать и раньше, но ведь он невыносимый ленивец!»

На первом представлении оперы сторонники Паезиелло устроили в зале чудовищную вакханалию. Казалось, что все «свистуны» Италии собрались ради такого случая вместе и жаждали крови, то есть провала. В адском шуме с трудом слышался со сцены голос Гарсиа. Ну и что же? Подстроенный провал? Или успех? В тот вечер об этом трудно было судить: в зале торжествовала вражда, а не музыка. Когда страсти немного улеглись, когда иссяк весь запас зависти для очернения «божественного творения», на третьем спектакле к опере пришел заслуженный успех, далекие отзвуки которого мы, кажется, слышим и сегодня.

«Россинисты» одержали заслуженную победу. Вся пресса тогда только и говорила о шедевре, имя Россини было у всех на устах. В Риме, Турине, Неаполе, повсюду до небес возносился новый «Севильский цирюльник», который явно затмевал своего предшественника, принадлежавшего руке Паезиелло.

Маленькая Мария Гарсиа постоянно присутствовала на всех репетициях «Севильского цирюльника» в римском театре «Аргентина». Этот «завсегдатай» кулис, страстная юная почитательница таланта своего друга Россини, носилась по всему театру, заглядывала в ложи, распевала наизусть заученные во время репетиций группы арии, обезьяничала, передразнивала певцов и актеров. Всем нравилась одаренная, живая и непосредственная девочка, которой только что исполнилось восемь лет. Никому, вероятно, и в голову не приходило, что всего через несколько лет беззаботная девочка выйдет на сцену, но уже как зрелая певица Малибран и с исключительным благородством исполнит партию Розины, которая станет своеобразной проверкой мастерства уровня мирового класса для всех знаменитых певиц в будущем. Впрочем, она уже раз вышла на сцену...

В опере Поэра «Агнеса» рядом с отцом она исполняла безголовую роль ребенка, которого похищают у матери. Партию матери исполняла известная певица — сопрано Мэнвиль-Фодор. Но вот, к несчастью, примадонна закашлялась и удалилась за кулисы. Гарсиа тем временем уже завершал свою арию и с ужасом взирал на зияющую пустоту кулисы. Певица не появлялась. Что делать? Оркестранты начали замедлять темп, замешательство возрастало. Вдруг изумленные зрители замечают, как эта маленькая девочка, стоявшая возле отца, делает несколько шагов вперед, занимает место певицы рядом с ним и детским, но уверенным голосом начинает петь нужную арию!

Публика разразилась бурными аплодисментами. Когда, наконец, придя в себя и откашлявшись, на сцену выплыла Мэнвиль-Фодор, в зале раздались крики: «Нет, нет, ее не надо, пусть поет малышка!» Публика ревела от восторга. Абсолютно спокойная и невозмутимая Мария, не обращая внимания на шум, продолжала петь арию и довела ее до конца. Полный триумф! Более того, теперь на всех представлениях «Агнесы», когда действие подходило к этому дуэту, публика бесцеремонно вмешивалась и требовала выпустить на сцену малышку. Приходилось уступать вкусам заказчика, с которым, как известно, не поспоришь.

Но однажды Мария, видно, осознав, что она еще не готова для такого пения, прямо на сцене огорченно воскликнула: «Я не пела, а выла, как собака, больше так петь не желаю!» — и убежала за кулисы, сопровождаемая взрывами смеха и улюлюканьем публики...

Все меломаны в Риме говорили о юном «чуде». «После Моцарта, — отмечали критики, — мы не видели столь очевидного музыкального призвания». Но Гарсиа недоволен ранними успехами дочери и столь рано пришедшим к ней признанием. Все это может вскружить ей голову и испортить карьеру. Он понимает, что ей еще нужно много работать над голосом, и запрещает Марии посещать театр. И отныне он, окончательно откладывая все свои дела, намерен заняться ее вокальной подготовкой.

Гарсиа «ставит» голос Марии

Но этим Гарсиа, к сожалению, займется позже, в Париже, куда вскоре переберется вся его семья. Неожиданно он получает постоянное место ведущего тенора в Итальянской опере. Для юной Марии наступает «мрачная» пора. О ней отец не забывает и сам составляет программу ее общего и музыкального образования: четыре иностранных языка, кроме родного испанского, — французский, итальянский, английский и немецкий, — рисование, вышивание, шитье; она, по его мнению, сама должна себе шить платья и даже театральные костюмы. Кроме того, должна выполнять все работы по хозяйству, включая самые «непрестижные», такие, как натирание воском полов, мойка посуды. И еще — физические упражнения, гимнастика, фехтование, катанье на коньках, — все это, по мнению строгого домашнего учителя, способствует выработке правильной позы, элегантных жестов, умению правильно «держаться на сцене».

Но главное внимание, конечно же, уделяется музыке, вокалу. Он сам преподает ей гармонию, чтение нот с листа, занимается постановкой ее голоса. Больше у нее никогда не будет другого учителя, а он сможет со временем по праву гордиться своим чадом и своей ученицей. Правда, учитель бывал и «строгонек», а иногда даже терроризировал девушку, не стесняясь вбивать вокальную науку с помощью оплеух и побоев.

«Один только рассерженный взгляд отца, брошенный на меня, так действовал, что я готова была тут же прыгнуть с крыши и не разбиться!» — признавался в слезах несчастный ребенок.

Услышав крики, несущиеся из дома Гарсиа, соседи объясняли непосвященным: «Ничего, это Гарсиа бьет свою дочь, чтобы она лучше отбивала трель!»

Позднее дело даже дошло до того, что Мария потом называла «игрой в Отелло». Мария-Дездемона, увидев на репетиции, что ее отец-Отелло в бешенстве устремляется к ней с настоящим кинжалом в руках, истощно завопила: «Палочка, папочка, ради Бога, не убивай меня!» Не следует, однако, забывать, что Мария тоже была испанка, в ее жилах текла жаркая андалузская кровь.

Однажды, услышав фальшивую ноту, Гарсиа заорал на нее: «Негодница! Ничего, ничего путного из тебя, как видно, не получится. Так и останешься навеки хористкой!»

Неожиданно робкая ученица взбрыкнула:

— Ну и пусть хористкой, все равно у меня больше таланта, чем у тебя!

Потрясенный дерзким ответом, знаменитый на всю Европу тенор онемел. Получить такой удар по самолюбию, и от кого! От родной дочери! Он молча вышел из комнаты и прекратил с «юным дарованием» все занятия. Обида глубоко запала ему в душу.

Мария пыталась было найти учителей «на стороне», в парижских музыкальных кругах. Но стоило ее прослушать, как все «мастера» отвечали отказом. У нее была совершенно иная, незнакомая им школа вокала. Ведь голос Марии — это дитя, выпестованное руками самого выдающегося учителя пения, пусть неуравновешенного и буруемого испанскими страстями. Ничего не попишешь, пришлось строптивнице идти на поклон к «грозному» родителю.

Пытки возобновились. Часами отец заставлял ее повторять одни и те же написанные им музыкальные пассажи. Они могли вывести из терпения и ангела. Но учитель и этим не был удовлетворен. На улице Либия он снял заброшенный громадный подвал, напоминающий чем-то зрительный зал. И вот Мария, стоя одна посередине этой отдающей пустотой катакомбы сцены, должна была брать различные ноты. Сидевший рядом отец тут же исправлял ее звуки. Он их все время варьировал, добиваясь тончайшего оттенка, нужной окраски и интенсивности голоса.

Во время урока крышка фортепиано перед Хоакимой, матерью Марии, оставалась закрытой: она сидела молча, вслушиваясь в рулады, бессознательно погружаясь в какую-то неясную, таинственную игру, вокальное колдовство, демонстрируемое этим нервным шаманом. Иногда, замечая в сердитых глазах мужа вспышку удовлетворения, она исподтишка посылала слабую, одобряющую улыбку страдающей от тиранства отца дочери. Но такое случалось нечасто.

От самого Мануэля похвалы, естественно, трудно было дожидаться. А уж что касается комплиментов, то с полной уверенностью можно сказать: никогда ни один не выпархивал из этого плотно закрытого тонкими губами рта. И это хорошо известно не только его дочери, но и всем исполнителям Итальянской оперы. Но все они знают: ни одному из других учителей никогда не удастся добиться от них того, чего умел добиваться он, Гарсиа. Именно такими методами он «выковал» знаменитые голоса Римбо, Мерик-Лабан, Фавелли, Адольфа Нурри, де Жерарди...

После своего бенефиса в «Отелло» Мануэль Гарсиа решает вместе с семьей отправиться на поиски счастья в Лондон. В начале января 1824 года Мануэль с женой и двумя дочерьми — Марией и Мишелью (будущей знаменитостью Полиной Виардо) — перебрались через бурный Ла-Манш и отважно направились навстречу таинственным перипетиям будущей своей судь-

бы. Марии исполнилось пятнадцать лет. Впереди ее ожидал дебют в первом профессиональном театре...

Мария Гарсиа выходит на сцену

На одном музыкальном концерте в Лондоне его организаторы столкнулись с неразрешимой задачей. Все «дивы», словно сговорившись, наотрез отказались петь дуэт из оперы Верди «Ромео и Джульетта» со знаменитым тенором Веллутти, который, по их убийственной характеристике, был просто невыносим. Ради справедливости следует признать, что такие нелестные отзывы о певце были справедливы. Выведенная из себя мадам Паста при всех назвала его «дикарем», а примадонна Ронци де Беннис — «кошмарным дьяволом». Тогда дирекция, воспользовавшись неискушенностью молодой Гарсии, предложила ей выступить в концерте в дуэте с этим «чудовищем». «Гроза примадонн» Веллутти ничего не имел против «сопливой девчонки», — кто же мог осмелиться и посостязаться с ним и с его замечательными «fioritura», которые он, как обычно, для обеспечения полного успеха себе откладывал на конец выступления. Но у него от удивления глаза на лоб полезли, когда, не веря своим ушам, услышал, как эта озорная девчонка в конце дуэта искусно сымитировала все его фиоритуры, да еще и прибавила свои, позабористее! «Бешеный» тенор в ужасе взирал на то, как у него прямо на глазах размывается, испаряется, исчезает его вожденный успех. В негодовании он хватается молодую партнершу за руку и больно ногтями вонзается в ладонь: «Негодзяка!» — злобно шипит он. Мария чуть не закричала от невыносимой боли, но физические страдания заглушает радость неожиданного успеха, еще бы, молодая неизвестная певица покорила публику.

Дирекция Королевского театра предложила ей ангажемент до конца сезона на все ведущие арии вместо прибывшей на короткое время дивной Пасты.

Так за один вечер Мария была причислена избалованной знаменитостями лондонской публикой к лику выдающихся оперных «див».

Но Судьба уже приступила к осуществлению своей хитроумной интриги. Марии предстояло выступить в театральном дебюте в партии Розины, партии, которая была ей знакома с детства. 7 июня 1825 года раздвинулся занавес Королевского театра, и на сцену, на которой угадывались древние постройки Севильи, выпорхнула в одеждах Розины настоящая испанка, молодая, трепетная и красивая, с божественным голосом. Все в зале внимало ей, боясь перевести дыхание. Такого им еще не приходилось слышать.

На следующий день в авторитетном журнале «Атенеи» известный критик Черли писал: «С момента ее появления на сцене всем стало очевидно, что у всех на глазах родилась новая, оригинальная и несравненная артистка...»

Перед Марией открывалась головокружительная карьера.

Новые планы папаши Гарсиа

Но прозорливого папащу Гарсиа не смогли сбить с толку шумные рукоплескания англичан. Ему-то отлично было известно, что великие репутации певцов не рождаются здесь, в туманном и чопорном Альбионе. Нужны новые идеи, новые, захватывающие перспективы. Все чаще взоры его обращались за океан, где кипела, играла новая жизнь энергичных и предприимчивых новопришельцев. А тут еще какой-то торговец вином из Нью-Йорка Доминик Линч заявил тщеславному Мануэлю, что там, в Нью-Йорке, «такой великий артист, как он, тут же заполучит златые горы». «В Нью-Йорке нет Итальянской оперы», — пытался здраво размышлять почувствовавший в себе биение авантюрной жилки папаша Гарсиа, и его «новинка» непременно должна пробудить интерес у тех новоявленных американцев, которые пока не торопятся порывать со своей старой европейской культурой. Вскоре он вступил в переговоры с американским «Парк театр», и договор не заставил себя долго ждать.

Владельцы театра принимали на себя обязательство предоставлять за определенную сумму свою сцену дважды в неделю «труппе маэстро Гарсиа», которая состояла из отца, матери, сына Мануэля, семнадцатилетней Марии, четырехлетней Полины... и еще нанятых специально для такого турне трех артистов.

Да Понте представляет г-на Малиброна

В середине ноября 1825 года по улицам Нью-Йорка, поднимая страшный шум, прогромыхало несколько колымаг с громадными рекламными цитами, сообщавшими о прибытии в Америку «знаменитой во всем мире труппы семьи Гарсиа».

С возков поменьше разбрасывали афишки и листовки, в которых расхваливались на все лады достоинства «уникальной» Итальянской оперы Гарсиа, самой знаменитой оперы подобного рода в Европе. Любопытство публики росло прямо на глазах, все стремились заручиться входными билетами в театр «Парк» заблаговременно. 29 ноября небольшой театр на Бродвее был забит до отказа. Все хотели поглазеть на «необыкновенное чудо» — семнадцатилетнюю певицу, которую сравнивали с самой Пастой.

Публика не ошиблась в расчетах. Мария превосходила всех партнеров на сцене, включая и родного папочку, который тем не менее блеснул в роли графа Альмавивы. Ее триумф способствовало все — и молодость, и живость, физическая красота, умение держаться на сцене и, конечно, ее голос, неподражаемый голос, который еще не приходилось слышать не избалованным серьезной музыкой нью-йоркцам. Молодая «дива» из Европы запросто справилась почти со всем репертуаром Россини — «Семирамида», «Танкред», «Отелло», «Ромео и Джульетта», «Золушка»; — кого бы не потрясла широта спектра ее голосовых данных!

Однажды на спектакль забрел Лоренцо да Понте. Уроженец

Венеции, друг Моцарта и знаменитый либреттист трех его лучших опер — «Дон Жуана», «Женитьбы Фигаро» и «Так поступают все женщины». Слава его давно закатилась, и в поисках счастья несколько лет назад он прибыл в Новый Свет. Да Понте не скрывал своего разочарования, обнаружив, что в знаменитой итальянской труппе Гарсиа в репертуаре отсутствуют сочинения его незабвенного друга Моцарта! Но он, к счастью, не знал Мануэля Гарсиа, не ведал, что в области оперного искусства для него никаких трудностей не существует. Под его руководством труппа в трехдневный срок разучила «Дон Жуана», и Мария с присущей ей легкостью исполнила впервые в своей жизни партию Церлины.

Популярность Марии росла, росли и кассовые сборы Итальянской оперы. Но даже фантастический успех дочери в Америке не заставил Мануэля изменить к ней своего отношения. Он все еще не считает ее серьезной певицей, славу считает незаслуженной, позволяет себе бросать в присутствии Марии колкие, нестерпимые для молодой солистки реплики, не унимает своей злобной ворчливости. Тем, кто упрекал его в излишней жестокости по отношению к дочери, он говорил: «Да, я прекрасно знаю, что люди осуждают меня. Но это просто необходимо. Мария может стать великой артисткой только такой ценой. Ее неуправляемый характер требует твердой руки».

Вполне понятно, что при таких обстоятельствах единственным страстным желанием Марии было как можно скорее избавиться от надоедливой, подчас просто оскорбительной опеки отца. Она мечтает о человеке, который смог бы понять ее, помочь освободиться от тяжелого отцовского ярма. И на сей раз судьбе было угодно смилостивиться над несчастной девушкой. Такой человек нашелся. Вернее, его нашел неувядаемый да Понте, известный волокита, балагур и «дон-жуан». Он лично «доставил» его в ложу к Марии в «Парк театр».

«Спаситель» предстал в облике французского банкира, натурализованного американца в возрасте сорока четырех лет. Его звали Эжен Малибран, и он безо всяких усилий со своей стороны вошел в историю, дав свое имя прекрасной юной супруге.

Благодаря рекомендациям да Понте, Малибран вскоре становится своим человеком в доме Гарсиа, часто встречается с Марией, любит поболтать по-испански с недоверчиво относящимся к «навязчивому гостю» отцом.

Как часто бывает в жизни, птичка, слишком прирученная к клетке, выпархивает навстречу первому, кто, пусть и по ошибке, отворит золоченую дверцу. Мария всыхивает, как подожженный сноп, от первого же нахлынувшего на нее неизданного прежде чувства. Она по уши влюбилась в человека, которого папаша Гарсиа лишь с большим трудом выносил в роли «семейного» дыхателя. По собственному признанию, она в то время буквально задыхалась от страсти, «бредила ею» и писала ему:

«Душенька, котенок, любовь моя, ты ангелочек, я люблю тебя. Ответь мне, котенок, разве ты не любишь меня? Конечно, любишь, я это прекрасно вижу. Как бы мне хотелось иметь

небольшую слезицу для твоих жарких слов; я бы их выпивала большими глотками, а потом наслаждалась бы запахом твоего дыхания. Прощай... це... це... лую — вот тебе три поцелуя, которые я посылаю тебе, и половинку белого листа бумаги, чтобы ты нацарапал мне все, что пожелаешь...»

Она, казалось, была без ума от привязанности к этому человеку, который вдруг, по ее словам, проявил интерес «к бедной девчонке без достойного образования, без большого ума, не особо привлекательной. В ней ничего особенного не было, может, кроме вполне посредственного голоса».

Гарсиа-старший все медлил с ответом на предложение о браке, сделанное его дочери. Еще бы, у него «уводили» из труппы самую большую драгоценность, извлекали из блестящего «венца» его доморощенной оперной труппы самый дорогой бриллиант. Да и настолько ли богат этот новоявленный банкир, ведущий свои дела на далекой Кубе? К тому же он в два раза ее старше!

Но обстановка в семье накалялась. Учащались взаимные стычки, скандалы, мучительные споры возникали по любому поводу. Нужно было найти какой-то приемлемый выход, и наконец Мануэль решился. Он в конце концов согласился на брак дочери, но потребовал от будущего зятя сто тысяч франков в качестве компенсации за «главную звезду» театра. В свою очередь, муж твердо потребовал от своей юной супруги навсегда расстаться с театром. 23 мая 1826 года во французском консульстве в Нью-Йорке состоялось их торжественное бракосочетание.

Началась тихая, спокойная, уединенная семейная жизнь в большом одноэтажном доме в пригороде Нью-Йорка, куда уже не долетали звуки с оперной сцены. Молодая супруга безоговорочно подчинилась воле мужа, перестала принимать у себя меломанов и даже петь. Крышка фортепиано почти никогда не поднималась. Музыки больше не было, была лишь любовь и... долги.

Неожиданно банкирские дела Эжена Малибрана пошли кривь и вкось, неоплаченные счета росли как снежный ком. И Мария-Фелисия, чтобы раздобыть деньги и уплатить долги мужа, вынуждена вновь вернуться на сцену. Она щедра и полностью уверена в том, что сможет заработать приличную сумму пением и вызволить из беды несчастного Эжена. Вначале она едет на гастроли в Филадельфию, затем возвращается в «Парк театр», дает сольные концерты. Все деньги за выступления отдает мужу, желая во что бы то ни стало спасти его от неминуемого позорного разорения.

Но долги Эжена — пропасть, которую нельзя заполнить сборами от концертов. Ей стало ясно, что Америка не судит никакого светлого будущего. Ее место там, в Европе. Разве она не заменила, причем вполне успешно, мадам Пасту? Теперь ей по плечу тягаться с самыми лучшими певцами в мире. Лишь в Европе живут истинные знатоки и почитатели дивного искусства пения, воспитанные на столетних традициях истинного «бельканто». Только там она сколотит состояние, только там вместе с большими деньгами придут успокоение, свобода, благодать. Нужно ехать во Францию, Малибран ее не удерживает. Во-первых, он

уверен в ее любви, а во-вторых, ему слишком хорошо известна открытая, щедрая душа Марии. Он наперед знает, что она поможет подняться и он вновь окажется на плаву... Во втором он не ошибался, но в первом... Мужскому сердцу никогда до конца не разгадать сердца женщины, даже если оно перед ним распахнуто настезь.

В октябре 1827 года Мария Малибран уезжает из Америки. Больше она туда никогда не вернется.

Снова Париж

В Париже молодая певица прежде всего позаботилась о безупречности своей репутации и для пресечения столь привычных для жизни хорошенькой артистки сплетен и пересудов поселилась в доме незамужней сестры Эжена Малибрана Джени на улице Нев-Сент-Эвташ, 23.

Она отлично понимала, что в Париже должна родиться новая певица, не та, что два года подряд блистала в далекой Америке. У новой певицы должно быть и новое имя, и она решает взять фамилию своего мужа. Между прочим, так поступали в те времена большинство певиц. Однако она непременно хотела сохранить приверженность к своей знаменитой в музыкальном мире семье, и вот на первой сотне напечатанных по ее заказу афиш появляется новое имя: «Мария Малибран, урожденная Гарсиа».

222 Парижская опера удостаивает ее чести первого ангажемента в столице. Там правит бал ее дружок Россини, и такое решение дирекции вполне объяснимо. 14 января 1828 года состоялся ее дебют. Но первый же сольный концерт принес горькое разочарование. В театре, по ее мнению, собрались одни профаны, мало разбирающиеся в истинном вокальном искусстве. Они скорее способны по достоинству оценить физические прелести певицы, которые далеко не часто совпадают с прелестью голоса. На предложение директора немедленно подписать контракт на любых финансовых условиях она отвечает твердым отказом. Упрямая испанка остается неумолимой, не помогают уговоры ни Россини, ни Ларошфуко. Она так и не изменила своего решения. Вскоре Мария подписала контракт с Итальянским театром, который обязывался платить ей 75 тысяч франков за сезон с правом на один бенефис и четырехмесячный отпуск (6500 нынешних франков). (Тогда, как видим, на хорошие голоса не скупилась!)

8 апреля 1828 года, выступая в «Семирамиде», певица покорила весь Париж. «Нигде не умеют так аплодировать, как здесь, в Париже!» — восторженно комментирует она оказанную ей встречу. Триумф следует за триумфом. Один спектакль сменяет другой, а у зрителей складывается такое впечатление, что они все время видят другую, незнакомую им певицу. Таких метаморфоз можно было добиться лишь высоким искусством. Жан-Жак Дюретон писал: «Когда она поет, играет, то возникает какая-то магия и чарует буквально всех. В рядах романтически настроен-

ной публики, где мы встречаем молодых Гюго и Ламартина, вспыхивает невиданный восторг, энтузиазм к этому по-своему божественному ребенку, который может быть и сопрано, и контральто, петь и играть в «Дон Жуане» Моцарта то донью Анну, то Церлину, проходить через великие трансформации с утра до вечера, предстая то величавой Семирамидой, то грандиозной Дездемоной...»

Некоторых критиков отпугивала такая щедрая легкость, такой переизбыток вложенной в пение души, что далеко выходило за рамки общепринятого, знакомого, привычного. Даже такой тонкий знаток музыки, как Стендаль, завсегдатай Итальянской оперы, не мог не выразить по этому поводу своего предостережения: «Она станет первой певицей мира, если только не будет злоупотреблять верхним регистром, который она просто обожает. Ее сила — в нижнем...»

Другие знатоки вокала, напротив, упрекали ее в холодносозерцательном подходе к своим партиям. Но это была одна из сценических уловок, которую она однажды, без особых обиняков, откровенно объяснила следующим образом:

«Вы ничего не понимаете. Торчащие в партере головы мне кажутся множеством незажженных свечей в корзине; если поднести к ним сразу много огня, то они просто расплавятся. Если, напротив, начать зажигать их медленно, одну за другой, то можно добиться замечательной иллюминации. Я поджигаю свою публику исподволь, шаг за шагом...»

Успех не приходил просто так, по повелению свыше. Эту заповедь отца она запомнила, когда еще была ребенком. Каждый день она посвящала много времени исполнению своих верхних нот по методу Мануэля Гарсии, долгие часы импровизировала летучие мелодичные гаммы.

Известный музыкальный критик Легуве, страстный поклонник таланта Марии, вспоминал: «Она обладала меццо-сопрано, но оно у нее отличалось невероятной, поразительной широтой, и она умела пользоваться этим настолько искусно, что создавала впечатление о наличии у нее целых трех диапазонов. Однажды, услышав, как она взяла верхнюю трель, самую высокую в регистре сопрано, я был крайне поражен.

— Проклятая нота! — в сердцах воскликнула Мария. — Сколько же мук она мне доставляла! Уже целый месяц я пытаюсь отыскать ее, взять, спеть. Я занимаюсь этим, когда одеваюсь, причесываюсь, иду по улице, еду в седле, и вот, можете себе представить, сегодня утром я ее наконец нашла, когда надевала туфли.

— Где вы ее отыскиали?

— Вот здесь, — ответила Мария, ткнув себя пальцем в лоб».

По завершении первого сезона в Париже Мария записала: «Я одержала полный триумф!» И это была чистая правда. Добилась она этого не навязчивой пропагандой своего имени, не распределением бесплатных билетов, не оплаченной заранее клакой, — нет, она увлекла публику громадным, данным ей от природы усердием и трудолюбием, замечательным талантом. Самый большой успех сопутствовал ей в «Отелло» Верди. Критик Тер-

нер писал: «Кажется мне, больше никогда не придется испытать того, что я испытал, когда Малибран в третьем акте «Отелло» пела — «Se i padre m'ebbandonia...». Все, что может испытать из-за горьких раскаяний человеческое сердце, все, что может вобрать в себя душа, горечь, страх, ужас, — все, что так потрясает, так доминирует в этом великом шекспировском плаче, — все было мастерски исполнено передо мной в тот вечер, и я плакал...

Чем же можно было объяснить ту невероятную власть, которой обладала эта хрупкая на вид женщина, которая потрясала слушателей? Может, это колоссальная по размерам клавиатура трех октав, в которой присутствуют и контральто, и сопрано? Нет, это что-то другое, непередаваемое и невыразимое, что-то бесконечное, какие-то таинственные флюиды, которые кружат голову и в восхищении уносят вдаль ваш рассудок на несколько часов за пределы этого мира...»

Ее зовут в Неаполь, в Вену, Парму, Милан. Холодный и чопорный Петербург присылает фантастическое предложение — сто тысяч франков в год! Она отвечает отказом и принимает ангажемент на шесть месяцев в Лондоне и три в Париже. Но это все в будущем. А пока ей хочется немного отдохнуть.

Любовь блекнет, разделенная океаном

Шумный успех, постоянные выступления, аплодисменты, утомительное внимание многочисленных поклонников и поклонниц — обычная вихревая жизнь оперной «звезды» — гасила ее первую заокеанскую любовь, которую она прежде так лелеяла.

Она стала старше, многое поняла, лучше узнала окружающий мир. Все реже она вспоминает об Эжене Малибране. Зато он частыми письмами постоянно напоминает ей о себе, об их супружеской верности. Эти слезливые заверения ей быстро надоели, и она приняла решение откровенно рассказать обо всем и посвятить его в свои ближайшие планы:

«Театральная карьера требует покоя, и жизнь девственницы вполне меня устраивает. Я счастлива тем положением, в котором я в данный момент пребываю». Но чтобы подчеркнуть свою полную независимость, она нарочито съезжает с прежней квартиры, где роль постоянного соглядатая ревностно исполняла его сестра, и снимает роскошные апартаменты на улице Артуа, 10. Но Малибран, почувствовав неладное, прямо-таки засыпает ее пламенными любовными посланиями, сообщает о своем намерении в ближайшее время приехать во Францию. Она не желает видеть его в Париже.

«Насколько мне известно, у тебя все в порядке, ты постоянно богатеешь, — пишет она ему. — Я тоже спокойно зарабатываю деньги, и мне кажется, что нам лучше увидеться тогда, когда я сколочу себе состояние. Дай мне возможность честно следовать избранной карьере...»

Конечно же, Малибран знает, догадывается, что за ней отчаянно ухаживают, что повсюду ее сопровождает шлейф поклонни-

ков. Но она даже и не предполагает, какую дерзкую, порой откровенно нахальную форму принимает такое идолопоклонство...

Однажды после спектакля чей-то нарочный потребовал пропустить его в ложу к Малибран, чтобы передать ей что-то «весьма важное». «Ваша мать, — сообщил он, — при смерти». Вне себя от горя, Мария устремилась за незнакомцем, села в карету, и лошади бросились с места в карьер. Вдруг она заметила, что ее везут в совершенно другой квартал.

Она начала стучать, кричать, требовать, чтобы остановили карету, но дверца предусмотрительно была заперта снаружи, а кучер не обращал внимания на вопли несчастной женщины.

Экипаж остановился возле богатого на вид дома, куда, несмотря на протесты, насильно препроводили Малибран, предоставив в ее распоряжение роскошный салон, освещенный высокими канделябрами. В апартаментах — ни души, на столе — записка: «Мадам, виновник вашего похищения просит его простить. Он совершил это гадкое преступление только ради того, чтобы услышать ваше пение вдали от мира, от шума толпы, от всех людей. Спойте «романс Саулы», и вас незамедлительно освободят. Это — ваш выкуп».

Обезумев от гнева, она окинула взглядом комнату. В углу стояла арфа. Оказавшись в безвыходной ситуации, Малибран сдалась. Она запела. Когда закончила, чей-то голос мягко сказал: «Спасибо». Тут же вошел слуга и отвез ее домой. На своем трельяже в ларце для драгоценностей она обнаружила две бриллиантовые подвески с запиской, содержавшей лишь одно слово: «Merci».

Но некоторые поклонники не довольствовались пассивной ролью таинственных и щедрых почитателей ее таланта. С ними Мария была строга и как-то прямо заявила супругу: «По мне все мужчины, которые увиваются за мной, лишь грубые статуи и колоды. От них нет никакого толка. Я никогда не испытываю особой потребности, и когда ты заводишь разговор о том, что тебе, судя по всему, очень нравится, у меня лишь возникает к тебе неприязнь... Я сопротивляюсь всем соблазнам, как святой Антоний».

Но умудренного опытом Малибрана трудно провести. Он знает, что если женщина заговорила о «сопротивлении», то это верный признак: рано или поздно крепость должна пасть. Тем более если у бруствера сияют прекрасные и печальные глаза Шарля де Берио, — добавим мы от себя.

Великая страсть

Одно из самых поразительных объяснений в любви произошло в августе 1829 года в замке Шимей неподалеку от Брюсселя, принадлежавшем принцессе Терезии Кабаррус (по мужу Караман). В тот вечер она принимала у себя свою испанскую соотечественницу, прекрасную Малибран. Начался музыкальный вечер.

Жен Малибран

Первой выступала знаменитая певица, и гости долго и восторженно ей аплодировали. Затем она уступила место бельгийскому скрипачу Шарлю Берио, красивому молодому человеку, виртуозу, пользовавшемуся европейской известностью, который исполнил концерт собственного сочинения. Мария уже как-то мельком видела его в Париже. У него прекрасные черные печальные глаза, черная, ниспадающая на плечи шевелюра, четко очерченные бескровные губы. Он, как и Мария, был «чудо-ребенок» в семье, и в девять лет ему рукоплескали многие столицы Европы. Природа по-царски наградила его талантами: музыкант, писатель, скульптор, художник, резчик по дереву. Он сам делал для себя скрипки. Шарль был всегда печальный, почти никогда не улыбался, а его бледное лицо избороздили глубокие морщины. Причиной скрытых терзаний была знаменитая немецкая певица Генриетта Зонтаг, легкомысленно отвергнувшая его пылкую любовь.

Во время концерта Малибран все время поглядывала на скрипача, не скрывая от гостей настойчивого к нему интереса. Когда тот закончил играть, она придвинулась поближе к Шарлю и сказала:

— Я счастлива, что вы пользуетесь таким заслуженным успехом...

— Благодарю, я очень польщен вашим отзывом и поддержкой, — машинально ответил скрипач.

— Нет, нет, я совсем не о том. Разве вы не видите, что я вас люблю?

Мария Малибран

Мануэль Гарсиа

Своим неожиданным признанием Мария Малибран лишь исполнила то, что когда-то обещала графине Мерлен: «Если я люблю мужчину, то просто подойду к нему и скажу ему об этом!»

Очарование Зонтаг, словно кандалы с ног, вмиг слетело с молодого человека. Он вдруг понял, что истинная любовь явилась ему здесь, в замке Шимей. И его волшебной феей стала Малибран. Ну у кого бы достало сил поступить иначе перед столь обезоруживающим признанием в любви? Влюбленные с первого взгляда, однако, в спешке изъясления своих бурных чувств позабыли об одном «небольшом», но реальном препятствии. Знаменитая оперная дива была замужней женщиной, а господин Малибран не испытывал ни малейшего желания уйти в тень, расстаться с тем «золотым дном», которое он обрел в лице своей дражайшей супруги, своей «примадонны», сборы от выступлений на сцене которой теперь достигли астрономических сумм. Марии предстояла нелегкая борьба за право любить того, кто, по ее глубокому убеждению, был послан ей самим Богом.

Но, как известно, беды не обрушиваются на человека поодиночке...

Сражение за любовь

Влюбленный Берю не в силах забыть очаровательную испанскую певицу. Весной 1830 года он приезжает в Париж. Мария, которая теперь пользуется относительной свободой, принимает его у себя. Но все же пытается скрыть эту связь, так как опасается ядовитого парижского «общественного мнения».

Берю едет на гастроли в Россию, зовет с собой Малибран, спорит, убеждает ее в том, что никакие светские приличия не стоят того невиданного успеха, который ожидает ее в Санкт-Петербурге. Но горячие слова возлюбленного ее не убеждают. Она не вправе столь безоглядно компрометировать свое имя. Берю, у которого вырвалось от отчаяния несколько обидных для Марии слов, уезжает в одиночестве. Малибран, скрепя сердце, отказывается от предложения посетить Россию. Санкт-Петербург так никогда и не услышит старшую певицу из семейства Гарсиа. Правда, он услышит младшую, еще более гениальную, но это произойдет не скоро...

Первая любовная ссора обычно легко забывается. Возвратившись из России, Шарль привез в подарок Марии арфу — чудный дар! Она всегда хотела научиться играть на этом прекрасном инструменте, чтобы аккомпанировать при исполнении своего коронного номера — «романса Саулы».

Малибран ведет напряженную артистическую жизнь. Гастроли, гастроли... Париж, Лондон, Брюссель. Выступления в театре, в аристократических салонах, в провинции. Сольных концертов становится все больше, она все чаще вынуждена покидать любимого скрипача.

Пишет ему из Лондона: «Ваш образ меня преследует повсюду. Вам я обязана тем небольшим счастьем, которым я наслаждаюсь в Париже... Мне кажется, я встречу вас и после смерти и буду также любить. Как прекрасна вечность в таком случае!»

Узнав о намерении Шарля приехать в Лондон, чтобы встретиться с ней, она нежно пишет ему: «Сообщите мне задолго до

того дня, когда я наконец вас увижу, чтобы я могла заранее большими глотками начать пить из этого кубка великого счастья...»

Вдвоем они возвращаются в Париж. Теперь уже не таятся, не скрываются от неблагоприятных взглядов. Страсть торжествует над условностями света. Оставаясь подолгу наедине, она поет, поет только для него одного, а он играет только для нее свои последние сочинения. Все чаще их видят вдвоем в театре. Однажды в ложе, на виду у всех, Берно губами касается ее прекрасных нежных плеч, обрамленных широкой черной лентой с белыми розами, и многих шокирует такое «неслыханно дерзкое» поведение влюбленных. Парижу становится все известно. И не только ему.

Пикантная весть молнией пересекает океан. В одно прекрасное утро Эжен Малибран приезжает в Париж и как ни в чем не бывало сообщает своей встревоженной и отнюдь не осчастливленной его неожиданным визитом супруге, что отныне намерен жить с ней вместе. Мария наотрез отказывается, готова дать ему денег, но сердце ему уже, увы, не принадлежит. Она больше никогда не будет его женой. Понимая, что закон на его стороне, обращается к нему с жаркой мольбой, пытаясь заставить этого «делового» человека осознать всю глубину пролегшей между ними пропасти. «Если вы хотите составить мне счастье, — пишет она ему в конце 1830 года, — то немедленно уезжайте, а если вы намерены остаться, то только для того, чтобы получить развод, понимаете? Это — единственный способ доказать мне на деле то, о чем вы мне постоянно твердите в своих письмах...»

Добровольно пойти на разрыв? По собственному желанию согласиться на разлуку? Потерять, наконец, кучу денег, которые сами плывут ему в руки? Нет, он даже думать об этом не хочет. Какому безумцу может прийти в голову идея по своей воле отказаться от «золотого тельца»?

Мария тем не менее настроена решительно и готова бороться до конца за свою свободу, за свое счастье. Она хочет выйти замуж за Шарля Берно. Но для этого прежде нужно добиться расторжения брака — дело по тем временам непростое, связанное с сотней непреодолимых формальностей. Тогда Мария обращается за помощью к влиятельным друзьям. Среди них — генерал Лафайет, герой войны за американскую независимость, бывший главнокомандующий Национальной гвардии Франции. У него наверняка еще сохранились влиятельные связи за океаном. Но даже он не смог многого добиться. Правда, удалось уговорить американских официальных лиц оформить «разрыв супружеских отношений». Это давало Малибран относительную свободу поведения, но в прежних оковах брака, не больше. Эжен решил не сдаваться и идти до победного конца. Но его воле Малибран противопоставила свое испанское упрямство, свое горячее желание все преодолеть, смести все воздвигнутые на ее пути препятствия.

Недаром однажды она бросила: «Если я встречу настоящую любовь, то это — на всю жизнь!»

Прощай, Париж!

В сезон 1830—1831 годов критики единодушно отметили растущее вокальное мастерство Малибран. Голос ее приобрел особую силу, стал более густым, интенсивным в нижнем регистре,

а в верхнем все ноты безропотно подчинялись ей, что давало возможность демонстрировать высочайшее вокальное мастерство. Стиль ее исполнения стал более «чистым», изысканно-строгим, а актерское дарование вызрело, достигло далеких высот. В Итальянскую оперу она внесла особую страстность, всепоглощенность музыкой и драматической ролью, необычайную глубину экспрессии — качества, которые столь редко демонстрировались до нее на этой сцене. Ни одна певица не удостаивалась такого приема, никогда еще ничье исполнение не вызывало у слушателей такого шумного энтузиазма.

В ноябре 1831 года ее «вводят» в постановку «Сороки-воровки», где она сумела успешно заменить сошедшую со сцены легендарную мадам Пасту. Однако зрители начинают все чаще замечать следы усталости на ее лице, которые проглядывают сквозь грим, какую-то отрешенность, маловыразительность в игре, словно на сцене буйствует не Малибран, а с трудом передвигается какая-то сомнамбула. Маститый критик Фетис публикует серию «прохладных» статей. Что же происходит со знаменитой певицей? Известный шутник и скабрезник Проспер Мериме выдвигает предположение, что Мария «высасывает» своего Берио до предела, чтобы убедить себя в его неизменной верности, на что уходит немало сил.

Но все это — лишь досужие домыслы. Мария, конечно, больна. Однажды вечером, когда она пела Ардасу из «Семирамиды», вдруг после окончания первого действия убежала к себе в уборную, заперлась на ключ и строго распорядилась никого к себе не пускать.

«Пусть либо вернут деньги зрителям, либо найдут мне замену!» — в отчаянье кричала она. Администрация поразилась, не зная, что предпринять. К счастью, маркизу Мармье удалось как-то проникнуть в уборную к артистке. Певица лежала полураздетая ничком на диване. Она была бледна как смерть. Мария призналась ему, что беременна. С большим трудом ей все же удалось довести спектакль до конца. Но после того как опустился занавес, она на глазах у всех артистов упала в обморок.

23 января 1832 года после концерта у барона Соломона Ротшильда в присутствии Председателя государственного совета Франции и парижской знати она бесследно исчезает из музыкального мира. Слухи о ее беременности поползли по столице.

Возмущенный легкомысленным поведением дочери, которая ухитрилась занять чужого ребенка при законном супруге, Мануэль Гарсиа — в который раз! — отказывает дочери от дома. Больше он ее действительно не увидит, так как всего через полгода его настигает смерть...

Мария уединилась на Монмартре, в снятой по этому случаю небольшой уютной квартирке, где жила вместе с Шарлем в полном заточении более двух месяцев. Здесь у нее родился ребенок, которому, увы, не было суждено выжить...

Весной 1832 года после долгого отсутствия Малибран вновь принимает участие в концерте, в котором играет и Берио. Она исполняет каватину из «Отелло», вариации из «Золушки», различные арии и мелодии. Все вновь поражены красотой и величи-

ем «воскрешей» Малибран, называя ее «чудом века». Мария наслаждается свободой. У нее нет никаких светских обязательств, она не ведет утомительных переговоров с директорами театров, не портит нервы перепиской с Эженом. Ей кажется, что она по-настоящему счастлива. Но это, увы, только кажется...

Однажды в мае певец Лабланш, один из немногих ее близких друзей, которым разрешалось нарушать счастливое уединение на Монмартре, объявил им о своем отъезде в Рим. Эта новость, словно током, поразила Марию. Как же так, ее лучший партнер по сцене, с которым она спела столько оперных партий, вдруг отправляется на гастроли в Италию? Без нее! Она схватила его за рукав и начала трясти как безумная.

— Нет, ты так не уедешь! Ты возьмешь нас с собой!

— Но я уезжаю завтра в шесть утра!

— Нас это вполне устраивает! — парировала Мария.

Лабланш, конечно, не поверил и отмахнулся от ее мгновенного каприза, как от неловкой шутки. Каково же было его удивление, когда на рассвете его разбудил голос. «Лабланш! Лабланш!» — доносилось с улицы. Выглянув в окно, он увидел запряженную парой лошадей берлину, а в ней — радостно возбужденных Марию и Шарля. Ничего не поделаешь! Пришлось смириться с непрошенными попутчиками. В спешке они, конечно, забыли выправить себе паспорта, и на границе их остановили австрийские власти. Дальше поехал один Лабланш, а они были вынуждены проторчать в высоких Альпах бесцельно несколько дней, куда Лабланш не выслал им пропуска из Милана.

Слух о неожиданном приезде знаменитой Малибран быстро распространился по всей Италии. Повсюду, где бы ни появлялась оперная «дива», ее шумно встречали итальянцы, большие любители и знатоки классической музыки.

Директора театров наперебой предлагали ей ангажементы и невысказанные по тем временам гонорары: четыре тысячи франков за вечер.

2 июля она приехала в Рим, где начала выступления в театре «Валье». Здесь было предусмотрено целых двенадцать спектаклей за месяц. Но вот в разгар гастролей она получает печальную весть. Французское посольство сообщает о кончине ее отца, Мануэля Гарсиа. Все парижские газеты сообщили о смерти знаменитого тенора, композитора и несравненного мастера вокала. Марию охватила глубокая скорбь. Ее отец, ее единственный учитель пения! Как страшна эта смерть! Она еще не знает о том, что перед кончиной Полина положила у изголовья его смертного ложа альбом с газетными вырезками и статьями критиков о выступлениях старшей сестры. Когда его утром нашли мертвым, в руках он цепко держал альбом. Вероятно, по страницам славы его дочери Малибран скользнул его предсмертный взгляд и, кто знает, может, доставил ему последнюю радость...

После Рима — Неаполь, где восторженные неаполитанцы устроили певице грандиозный, невиданный прием. По требованию публики ей предоставили громадный семейрусный зал знаменитого театра «Сан Карло». В одно мгновение она стала идолом молодых неаполитанцев из высшего света...

13 октября дебютирует в Милане, сначала в «Танкреде», «Отелло», а потом в «Сороке-воровке». Впервые здесь Малибран выступила в роли Ромео в опере Беллини «Монтекки и Капулетти», в которой создала незабываемый образ влюбленного и пылкого венецианского юноши. Эта роль притягивала ее к себе как магнит. Ей она нравилась больше роли Дездемоны, и в ней она добилась невиданного успеха. Когда выходила на сцену, то все ее тело вибрировало юной страстью, вся она, казалось, была олицетворением юношеской любви, горячей и чистой, которая горела в ее душе к молодому Шарлю Беро. Иногда, когда опускался занавес, она в изнеможении опускалась прямо на пол, совершенно лишившись сил, — обычных выходов на поклон в таких случаях не было, несмотря на грозовой шквал аплодисментов.

Она явно нуждалась в отдыхе, и ей даже пришлось отказаться от ангажемента в миланском «Ла Скала». Она отправилась на виллу Тамфини, неподалеку от Рима, где довольно весело проводила время в компании близких друзей, среди которых был музыкальный критик Легуве. В своих воспоминаниях он рассказал об одном случае, который произошел во время прогулки по парку. Увидав красивый фонтан, Мария медленно подошла к нему, погрузила голову в воду, растрепала волосы и, поднявшись на площадку, возвышавшуюся над каскадом зеленых ухоженных кустов, воздела руки к небу и начала петь гимн Диане из «Нормы» Беллини — «Каста дива». Вот как описывает впечатление того дня Легуве: «Эти звуки, устремившиеся к зеленому своду высоких деревьев, не теряли своей волшебной силы, они казались чем-то грандиозным, заставляли сжиматься от сладкой жути сердце каждого из нас. У всех на глазах выступили слезы. Когда она сошла вниз, ее лицо было неимоверно серьезным и таинственным, и наши первые восторженные слова казались отражением какого-то религиозного экстаза...»

Через несколько дней Мария с Шарлем отправились в Бельгию, в местечко Иксель, у въезда в Брюссель, где Беро построил большой дом в классическом стиле в прекрасном большом парке-саду, окруженном живыми изгородями нежно-зеленых кустов. Эта поездка оказалась вынужденной: предстояло рождение еще одного «незаконного ребенка»...

12 февраля 1833 года у Марии рождается сын. В марте, едва оправившись от родов, она снова в Неаполе, где выступает в театре в роли Амины в опере «Сомнамбула», в которой вновь одерживает привычный для себя и для публики триумф. Ее пение производит такое сильное впечатление, что критики поставлены в тупик и не могут окончательно решить дилемму: кому же по праву принадлежит честь такого триумфа — Малибран или же композитору Беллини? Знаменитый преподаватель вокала Крестентини, который славился категоричностью суждений, заявил, что «возможно, в истории и были певцы, которые пели так же хорошо, но не лучше Малибран...»

В Италию до Малибран долетают отчаянные вопли о помощи из Лондона, из знаменитого театра «Друри Лейн». Она согласилась выволить театр из беды. Она едет в Лондон и, начиная

с 1 мая, ее выступления в «Сомнамбуле» притягивают словно магнит толпы людей. За последние годы такое и не снилось его дирекции. Мария поет по-английски, и публика поражена чистотой произношения иностранки. В один из вечеров давали «Норму». Сам автор Беллини сидел в зале. Теперь, наконец, он воочию мог лицезреть знаменитую примадонну, о которой прежде знал лишь понаслышке. Вначале, правда, он никак не мог узнать собственную музыку в исполнении «этих англичан», но когда на сцену вышла Малибран, сразу все стало на свое место: музыка, интонация, акценты. И вот знаменитый композитор, позабыв, что находится среди сдержанных англичан, что автору прежде всего следует соблюдать приличия, первым в зале начинает орать во всю глотку: «Bravo! Bravissimo!..»

Пораженные такой неслыханной наглостью, англичане, однако, сменили гнев на милость, узнав, что крикливый, дурно воспитанный тип и есть великий Беллини. Они дружно требуют его выхода на сцену. Он подходит к Малибран, протягивает ей руку. Но эмоциональная испанка бросается ему на шею, а затем, отступив на шаг, глядя ему прямо в глаза, начинает снова петь только для него знаменитую арию «Tu m'embraccio» («Меня ты обнимаешь...»). Беллини счастлив, он на вершине блаженства. «В тот миг мне показалось, что я пребываю в раю», — признался он потом, когда схлынуло возбуждение.

И произошло непредвиденное: Беллини, без ума от великолепной певицы и красивой женщины, влюбляется в Малибран. Разыгралась настоящая сентиментальная драма. Она выслушивает, волнуясь, его страстные признания, она очарована личностью и музыкой молодого композитора, но... она любит только Берио и сохранит ему верность. Таково твердое слово испанки. Беллини расстроен: он уверен, что Малибран — единственная певица, сумевшая до тонкости передать всю глубину, всю красоту его музыки. Она, по его мнению, лучше всех, даже лучше Пасты, и он страстно ее любит. Ее решительный отказ приводит его в отчаяние. Для своей «дорогой Малибран» он написал оперу «Пуритане». Он посвящает ей свое грандиозное сочинение, она становится прообразом его героини Эльвиры. Он выражает ей свою любовь в арии «Ah, per sempre». Эта опера будет пользоваться громадным успехом в Париже, хотя в ней не будет петь та, для которой эта опера, собственно, и была написана. Несмотря на любовное крушение, он все же любит ее по-прежнему, нежно и пылко. Но, увы, неизлечимая болезнь следует за ним по пятам, стоит за его спиной, не отпуская времени, столь необходимого для исполнения его многих творческих замыслов, даже не предоставляя ему возможности еще раз увидеть Марию. Он умрет через два года в Пюто, близ Парижа... В тот скорбный день 13 сентября 1833 года, она будет петь в его «Норме». Она поражена ранней смертью великого композитора, с которым ей посчастливилось испытать все восторги настоящей, возвышающей душу музыки. Узнав о его кончине, она печально обронила: «Я отлично знаю, что вскоре последую за ним...»

Но неожиданная радость вскоре развеяла ее тяжкие предчув-

ствия. В Париже ее ожидало приятное известие. В то время они с Берно выступали в Венеции, пожиная свой очередной триумф. Там и нашло ее письмо от парижского адвоката Коттине, который занимался бракоразводными делами с Эженом Малибраном. Их брак, как известно, был заключен в Нью-Йорке девять лет тому назад в присутствии французского консула. Однако, как выяснилось, этот последний не имел юридического права решать вопрос о гражданском состоянии гражданки Испании и гражданина Франции, тем более что к тому времени Малибран уже был натурализованным американцем. Брак в результате был признан недействительным.

Мария и Шарль были на вершине блаженства, наконец-то они свободны, могут пожениться, и их сын станет законным ребенком. Боже, какая радость свалилась с небес!

Гастроли в Венеции закончились. Счастливая чета собиралась к отъезду в Париж, укладывала чемоданы... Но вдруг перед самым отъездом к Малибран обратился директор маленького «народного» театра «Галло», который умолял ее спеть у него хотя бы один-единственный раз, чтобы спасти театр от банкротства и не лишать тем самым сотни простых венецианцев возможности за свои жалкие гроши посещать этот дешевенький, задрипанный театр.

Малибран тут же отменила отъезд и 8 апреля спела в этом театре в «Сомнамбуле» Беллини. Возле театра выстроился кордон полицейских — такой был наплыв желающих услышать настоящее пение. Сбор же за вечер — две тысячи франков. Но эта сумма вряд ли смогла устроить обреченный театр. Тогда Малибран отдала владельцу еще своих чetyре, и тем самым спасла театр «Галло» от неминуемого финансового краха. На следующий день на фронтоне театра появилось имя певицы: отныне он стал называться «Театр Малибран»...

Хлопоты увенчиваются успехом

Приехав в Париж, они, к своему великому разочарованию, узнали, что по закону в таких случаях требуется десятимесячная отсрочка, и только 29 марта 1836 года в мэрии II округа счастливая пара Малибран и Берно украсили безымянные пальцы золотыми супружескими кольцами, символами пожизненной верности друг другу. Вечером того же дня несколько близких друзей собрались на квартире «молодоженов» на улице Сент-Марк, в комнате, которую временно уступил их приятель. Россини, который знал Марию с детства, привел с собой молодого пианиста, который покори́л Вену. Им оказался Сигизмунд Тальберг. Однако всеобщее внимание привлекла не столько личность молодого музыканта, сколько пуговицы на его рубашке: они были сделаны из бриллиантов!

Вот как описывает этот вечер присутствовавший на нем знаменитый музыкальный критик Жюль Жанен: «Мы толпились вокруг нее в маленьком салоне, который она оживляла своим голосом, душой, взглядом, самым своим сияющим счастьем.

Вдруг она обратилась к юному Тальбергу с просьбой что-нибудь сыграть. Он начал играть, а она внимательно слушала его, одушевляясь, вскрикивая от удовольствия. Затем, успокоившись, сама села за фортепиано. «Теперь моя очередь!» — закричала она. И вот уже полилась дивная ария из «Сомнамбулы». Она пела превосходно, как в свои лучшие дни. Потрясенный нахлынувшими на него эмоциями, Тальберг не смог произнести ни слова, лишь шептал еле слышно что-то невнятное. Затем, обращаясь к Малибран, сказал: «Ах, мадам, ну теперь моя очередь». Он был великолепен. С последним его аккордом Мария разрыдалась и убежала в свою комнату. Через несколько минут она возвратилась к компании с сухими глазами, счастливая и взволнованная, и озорно закричала: «Теперь моя очередь!» Она исполнила несколько отрывков, и теперь все заметили, как полились слезы из глаз Тальберга. Те, кто видели эту своеобразную дуэль, не могли сдержать эмоций. Она продолжалась до утра...»

Легуве дополняет его впечатления: «Тот, кто не слышал в этот вечер игру Тальберга, никогда не сумеет его до конца оценить... Ему передалось что-то от пения Малибран. Его охватило какое-то горение, какая-то лихорадка. Волны каких-то незримых электрических флюидов бежали по его пальцам и перескакивали на черно-белые клавиши...»

Последний акт

Триумфальная карьера Малибран продолжалась. Позади шумный успех в неаполитанском «Сан-Карло», в Болонье, Милане, в незабываемом «Ла Скала», где в «Норме», по мнению знатоков, она превзошла знаменитую Пасту. Лондон, снова Милан, снова Неаполь. На всех гастролях ее неизменно сопровождала младшая сестра Полина. Малибран уверена, что для будущей певицы как воздух нужен постоянный контакт с публикой, она должна постоянно видеть, на себе почувствовать, что такое ремесло артиста. Кроме того, она дает много сольных концертов, поет в аристократических салонах, домах Парижа и Лондона.

В мае 1836 года она вновь выступила в Лондоне в опере Бальфа «Артуанская девушка», и новая роль ее сильно увлекла. Громадный успех. Она стала неоспоримой «королевой сезона» в Англии. Но осень уже не за горами. Пора строить новые планы. Куда же она направится: в Эдинбург, Дублин, Ливерпуль? Может, в Прагу, где предстоит коронация австрийского императора?

Но, увы, судьба вынашивает свои собственные планы...

Однажды лорд Леннокс пригласил Марию с Шарлем провести денек у него в поместье в Сюррейе. Лорд хорошо знал страсть Малибран к верховой езде, и она была не в силах удержаться от соблазна, когда к ней подвели красавицу-чистокровку по кличке Комета. Мария ловко вскочила в седло и понеслась вскачь вместе с группой всадников. К несчастью, Комета, испугавшись какого-то препятствия на дороге, отпрянула в сторону и понесла. Мария выпала из седла, но нога ее застряла в стремях. Обезу-

мевшее от страха животное протащило Марию несколько десятков метров по дороге. Только через несколько часов, когда ее привезли в Лондон, она, наконец, пришла в сознание. Ее друзья не могли скрыть беспокойства за ее дальнейшую судьбу: травма черепа была слишком серьезна. Каково же было их удивление, когда они услышали от нее четко произнесенные слова: «Имейте в виду, господа, сегодня вечером я, как обычно, выступаю в театре!» Никакие протесты не помогли. Она будет петь в «Друри Лейн», несмотря на чудовищные головные боли. Этот несчастный инцидент она скрыла даже от мужа, солгала ему, сказав, что упала с лестницы...

И на самом деле она продолжала свои гастроли до 23 июля. Лишь 24, окончательно выбившись из сил, подчинилась уговорам и согласилась уехать в свое имение в Иксель, чтобы там немного отдохнуть и подлечиться.

Но уже 14 августа Мария дала сольный концерт вместе с шестнадцатилетней сестрой Полиной в Льеже. Вначале они вдвоем исполняли виртуозные дуэты, а затем младшая Полина, превосходная пианистка, садилась за фортепиано и аккомпанировала сестре. Публика оказалась единодушной в оценке их высокого мастерства. Все были поражены слаженностью звучания, одинаковой постановкой голосов. Еще бы! Их серебристые голоса «ставил» один учитель, великий Мануэль Гарсиа, их отец, непревзойденный мастер вокала!

Малибран терзали ужасные мигрени, но она не желала прекращать работу. Иногда с ней происходили припадки, и она теряла сознание. Мария сильно похудела и, хотя чувствовала, как постепенно силы покидали ее, не могла, просто была неспособна прекратить петь.

В сентябре ее вновь позвали в Англию. Она согласилась предпринять продолжительные гастроли со знаменитым тенором Темплтоном в Ирландии и Шотландии. Но прежде ей предстояло выступить на Манчестерском музыкальном фестивале. Программа этого творческого конкурса предусматривала выступления как в театре, так и в церкви.

Приехав в Манчестер, она в первый же вечер созвала в своем гостиничном номере близких друзей. Мария была необычно возбуждена, предавалась каким-то вздорным мальчишеским выходкам, на которые была большой мастак. Затем, враз помрачнев, подошла к фортепиано и, обратившись к своему приятелю Лабланшу, попросила его послушать музыку, которую она только что сочинила на слова поэмы итальянского поэта С. Бенелли «Смерть». Сам поэт, написав эти стихи, через два месяца скончался.

Тук-тук-тук! Кто там?

Это смерть пришла, прячьтесь все по углам!

Вдруг она залилась слезами. Ее оставили одну. На следующий день, 12 сентября, было назначено официальное открытие Манчестерского фестиваля. Первое утреннее выступление проходило в церкви. Малибран очень плохо себя чувствовала, вероятно, ужасно устала, еле передвигала ноги. При первых мощных аккордах величественного органа она вдруг потеряла сознание.

Ее подхватили десятки рук. Придя в себя, Мария начала петь арию Авраама Чимарозы, и спела ее с такой силой, с таким эмоциональным накалом, что вся паства не скрывала катившихся по щекам слез. Вечером она исполнила все четырнадцать заранее объявленных номеров программы, хотя ей и пришлось петь, опираясь на крышку фортепиано.

13 сентября были запланированы еще два выступления. Вечером с ней опять произошел обморок. «Нет, я буду петь, непременно буду петь!» — упрямо повторяла она, отвергая все уговоры. Но администрация не хотела этого допустить, опасаясь за ее здоровье. Ее насильно уложили в постель и заперли комнату на ключ. Но она сумела обмануть бдительность «сторожей» и прика-тила в театр на простом извозчике.

Бледная, без кровинки в лице, опираясь рукой на свою партнершу мадам Карадори, начала петь таким дивным, ясным, звонким и твердым голосом, как это было в лучшие ее «звездные часы».

Она пела «Сотворение мира» Гайдна, «Реквием» Моцарта, ораторию Генделя, «Искушение», квартет из «Фиделио» Бетховена. Следующий номер — дуэт из «Андроника» Меркаданти — должна была исполнять вместе с мадам Карадори.

«Никогда еще голос Малибран не издавал таких чистых, таких мелодичных, таких вибрирующих звуков, — вспоминал критик Кастиль-Блаз. — Публика просто редела от восторга, бисировала, требуя повторения дуэта, но Малибран, видимо, уже чувствовала, как последние силы покидают ее».

— Если я начну сначала, — прошептала она дирижеру оркестра Джону Смигу, — то я просто умру...

— Отправляйтесь к себе в уборную, — ответил тот... — Я возьму на себя труд извиниться перед слушателями...

Но Мария не могла вызвать разочарование у своей публики, которой она стольким обязана, и вот, собрав все оставшиеся силы, она решила петь, пусть в последний раз в жизни!

— Нет, нет, я все же спою, но петь будет уже мертвая женщина...

Она закончила дуэт, и все в зале вскочили на ноги, горячо ей зааплодировали. К ней, как к божеству, потянулись в экстазе сотни рук. Но, увы, она уже не слышала громких оваций, истошных криков «браво!». Она — в глубоком обмороке...

...Мария Малибран умерла 23 сентября 1836 года.

Ей было всего двадцать восемь лет.

На цоколе ее памятника в виде фигуры певицы на кладбище в Икселе (Бельгия) высечено четверостишие Ламартина:

*Любовь, воодушевление, красота —
Так эту женщину повсюду назовут,
Душа ее на небо вознеслась в тройном обличье —
Оплакивая взгляд ее, мощь голоса, сердечное величье
Пусть небо и земля даруют трижды ей приют...*

Окончание следует.

ЛАЙМА ВАЙКУЛЕ:

«Кроме
МУЗЫКИ,
ЛЮБЛЮ
МУЗЫКУ»

Может быть, кто-то и упрекнет меня в «имперском мышлении», но я привык считать Лайму Вайкуле «нашей» певицей. Уверен, что в этом я не одинок. С тех пор, как талантливая рижанка стала появляться на всесоюзном телеэкране, она обзавелась множеством поклонников в России и дорожит ими не меньше, чем латвийскими или недавно появившимися — американскими. Выступая у нас, Лайма поет на русском языке.

Весной этого года, четыре вечера подряд, в столичном концертном зале «Россия» шло грандиозное шоу: роскошные декорации, изысканные костюмы от лучших модельеров страны, современнейшее звуковое и световое оборудование ведущих фирм мира, а главное — участие в программе самых популярных певиц бывшего Советского Союза.

Вполне естественно, что в их числе оказалась Лайма Вайкуле.

Это интервью певица дала перед концертом. Лайма была уже готова к выходу на сцену: экстравагантный концертный костюм, черная шляпка. Она заметно волновалась, была вся какая-то «напружиненная»...

— Приезжая теперь в Москву, чувствуете ли вы себя за границей?

— Нет. Чувствую себя как дома.

— Есть ли у вас любимые города?

— Да, Москва, Санкт-Петербург. Наверное, все столицы прекрасны, но в Москве и Санкт-Петербурге у меня больше всего дел. Я не говорю про Ригу — это мой родной город. Я не могу его не любить, потому что родилась там, и каждое дерево для меня что-то значит.

— Не собираетесь ли вы поменять постоянное место жительства, как это сделали многие артисты?

— Пока нет.

— Как вы считаете, после выступления в Америке ваша популярность у себя дома возросла или, может быть, наоборот?

— Думаю, теперь меня узнают больше, чем раньше, но некоторая опасность забвения есть, потому что публика быстро забывает своих кумиров. Кроме того, изменилась ситуация в стране — я имею в виду, что людям сейчас не по карману покупать пластинки, приобретать билеты на концерт.

— Вам труднее стало работать в таких условиях?

— Пожалуй, нет. Как ни странно, у меня сейчас все более качественное — концерты, пластинки, балет...

— Вы сказали, что публика быстро забывает своих кумиров, если

они постоянно не напоминают о себе. Были ли у вас кумиры, когда вы только начинали петь? Помните ли вы их?

— У меня никогда не было кумиров. Мне просто нравилась американская музыка.

— Без конкретных имен?

— Нравилась разные люди... Ну, если хотите, Джэвис Джоплин, Рэнди Кроуфорд, ближе к сегодняшним дням — Тина Тернер, Питер Габриэл, Брайан Ферри.

— А что вы любите кроме музыки?

— Кроме музыки, люблю музыку. Еще, конечно, родных и больше всего — маму. Обожаю свою собаку.

— Не могли бы вы рассказать о своей семье?

— У меня мама и две сестры. Папа умер.

— Сестры не занимаются музыкой?

— Нет. Из певцов была только бабушка.

— Бабушка была профессиональной певицей?

— Она пела в церкви. Тогда это считалось профессиональной работой.

— Как у вас обычно проходит день?

— Мой день — «сумасшедший дом». Мне не хватает 24 часов. Нужно еще прибавить двенадцать, чтобы я нормально жила. Бегаю, занимаюсь пением, хожу на уроки, придумываю костюмы, встречаюсь с художниками, композиторами, авторами текстов. Самый большой отдых для меня — прогулки с собакой.

— Приходится ли вам готовить дома?

— Крайне редко. Главное для меня — не есть хлеб, мучное, сахар, соль.

— Есть ли у вас близкие друзья или подруги среди артистов?

— Конечно, есть. Самый близкий друг — Леонид Трошкин, режиссер театра.

— Не приходилось ли вам заниматься бизнесом?

— Нет, к сожалению.

— Почему «к сожалению»?

— Потому что бизнес приносит деньги.

— Но, может быть, лично вам предпочтительнее заниматься творчеством, поручив бизнес своему менеджеру?

— Что значит поручить? Никому ничего нельзя поручать. Чтобы заниматься бизнесом, нужно иметь соответствующий талант. У кого-то это получается, у кого-то нет. У меня все время и все мысли заняты сценой. Я, наверное, ярко выраженный человек искусства. Мне бесполезно начинать заниматься бизнесом.

— Некоторые известные певцы и музыканты приобрели собственные студии звукозаписи. Это удобно для творческой работы, и, кроме того, студия предоставляется другим музыкантам, что дает доход владельцу. По-моему, нехитрый вид бизнеса. Нет ли у вас собственной студии?

— Чтобы иметь студию, нужны деньги. Конечно, собственная студия — это удобно, но очень дорого.

— В какой же студии вы предпочитаете записывать песни?

— Я работаю в Риге. Записываюсь на студии композитора Лиепиньша.

— С кем из композиторов вы предпочитаете сотрудничать в последнее время?

— Продолжаю работать с Раймондом Паулсом, сотрудничаю с несколькими молодыми компо-

зиторам, но их фамилий пока называть не буду. Работа еще не закончена. Появится новая программа — появятся и новые имена.

— Я видел вчера на репетиции, как вы занимались танцами со своим балетом. Это было исключение или так происходит всегда?

— У меня есть балетмейстер Павлович из Санкт-Петербурга. Но я все равно занимаюсь с балетом. Редко бывает так, чтобы я приходила на репетицию, а номер уже готов.

— Костюмы придумываете сами?

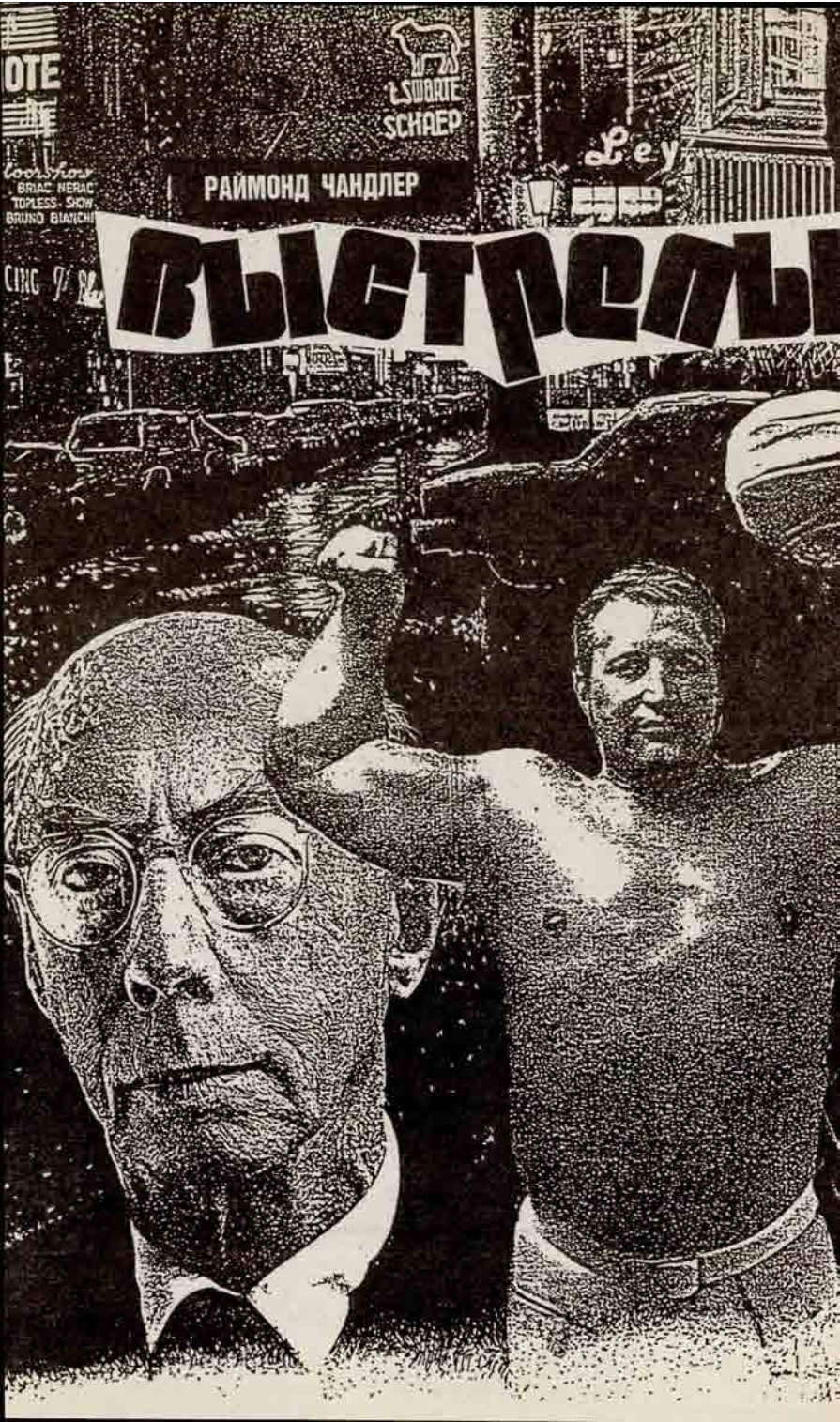
— Вместе с художницей из Риги Ингрид Драазнице.

— Насколько я знаю, вы собираетесь опять лететь в Америку... Какие планы связаны с будущей работой там?

— Меня ожидает не очень приятная, как мне кажется, работа — выступление на телевидении. В конце марта выходит моя пластинка в Америке, и я должна представлять ее зрителям. Потом запланировано турне по стране, которого я боюсь еще больше. Выйти на сцену «живьем» очень сложно. Все должно быть сделано досконально. Нужно очень хорошо знать язык. До приезда в Америку я плохо говорила по-английски. Только там появилась возможность серьезно заняться его изучением. Лишь через год мне удалось преодолеть психологический барьер и свободно говорить...

Вне зависимости от того, удастся ли «звезде зарубежной эстрады» Лайме Вайкуле покорить американскую публику или нет, ее, как и прежде, будут ждать с новыми песнями в Москве и Риге, в Минске и Киеве... — во всех столицах, которые певица успела полюбить.

Беседу вел АЛЕКСЕЙ ЗАЙКИН.

OTE
BRIAC HERAC
TOPLESS SHOW
BRUNO BIANCHI

L. SWARTZ
SCHAEF

Ray

РАЙМОНД ЧАНДЛЕР

ВЫСТРЕЛЫ

CINC 7 82

Рисунки ВИТАЛИЯ ЗАГОРСКОГО

Тед Малверн любил дождь: его прикосновение, его шум и запах. Он вылез из салона своего «ласаля», постоял немного у бокового входа в отель «Карондле», подняв высокий воротник синего замшевого пальто, глубоко засунув руки в карманы и попыхивая раскисшей сигаретой. Затем вошел в холл гостиницы и двинулся мимо парикмахерской, аптечного киоска, парфюмерного ларька, витрина которого была уставлена нежно подсвеченными флакончиками с духами, смахивающими на хористок в финале мюзикла на Бродвее.

Он обогнул колонну из мрамора с золотистыми прожилками и вошел в кабину лифта с мягкой циновкой на полу.

— Привет, Альберт! Приятный дождик, верно? На девя-

тый.

Худенький мальчуган в синей униформе с серебряными галунами попридержал рукой дверь, дожидаясь, когда Малверн войдет, и сказал:

— Господи, мистер Малверн, неужто я не знаю, где вы живете?

Бой поднял кабину на девятый этаж, не следя за сигнальным табло, с шиком распахнул дверь и вдруг, закрыв глаза, приткнулся к стенке кабины.

Малверн, готовый уже выйти, приостановился и бросил на него пронизательный взгляд своих ясных карих глаз.

— В чем дело, Альберт? Заболел?

Мальчик выдавил на лице вымученную улыбку.

— Вторую смену вкалываю. Корки болен — у него фурункулы. А я, верно, ослаб от голодухи...

Малверн порылся в карманах, вытащил смятую пятерку и сунул ее под нос мальчугану.

— Господи, мистер Малверн, я вовсе не хотел...

— Держи, держи, Альберт! Какие могут быть счеты между приятелями! Пятерка не деньги, пообедай на нее поплотнее.

Он вышел из кабины и направился к себе в номер, пробормотав еле слышно: «Бедный малыш...»

Его чуть не сбил с ног бегущий мужчина. Он вывернулся из-за угла, задев плечом Малверна, и кинулся к лифту!

— Вниз! — бросил мужчина резко, не дожидаясь, когда хлопнется дверца.

Малверн увидел бледное, напряженное лицо под низко нахлобученной на лоб шляпой, мокрой от дождя, близко посаженные пустые черные глаза. Он уже где-то видел неподвижный взгляд этих глаз. Наверняка наркоман.

Кабина камнем провалилась вниз. Малверн постоял еще некоторое время, затем завернул за угол.

В открытых дверях девятьсот четырнадцатого номера лежала девушка, одетая в пижамную пару из блестящего серо-стального шелка. Щекой она прижималась к ворсу ковровой дорожки в коридоре. Аккуратная прическа из густых пышных волос цвета спелой ржи — волосок к волоску, словно только что вышла от парикмахера. Она была молода и очень красива.

Малверн присел рядом, потрогал ее щеку — она была еще теплой, убрал со лба прядь волос и увидел кровоподтек.

— Удар кастетом!

Он поднял ее на руки, пронес через прихожую в гостиную и уложил у газового камина на большой велюровый диван-кровать.

Девушка лежала неподвижно, даже густой слой косметики не мог скрыть синеватого отлива на ее лице. Закрыв наружную дверь, Малверн осмотрел апартаменты, затем вернулся в прихожую и поднял с пола что-то белевшее на фоне плинтуса. Это был семизарядный автоматический пистолет 22-го калибра с костяной рукояткой. Он понюхал дуло пистолета, опустил его в карман и вернулся к девушке. Первым делом вытащил из внутреннего кармана пиджака большую серебряную фляжку, отвинтил колпачок и, разжав ей губы пальцами, вылил немного виски на мелкие белые зубы. Она задохнулась и, дернув головой, отстранилась. Некоторое время спустя девушка прошептала:

— Ваше виски мне понравилось. Нельзя ли еще немного?..

Он принес из ванной стакан и плеснул в него виски. Она медленно поднялась, со стоном ощупала голову. Затем взяла стакан и привычным движением руки опрокинула его содержимое в рот.

— Хорошее виски. Кто вы? — У нее был грудной мягкий голос.

— Тед Малверн. Я живу дальше по коридору, в номере 937.

— У меня... у меня, верно, был припадок от головокружения.

— Угу... У вас был удар кастетом, лапочка. Я видел этого негодяя — набрался наркотиков под завязку. А вот ваш пистолет.

Малверн вытащил пистолет из кармана и покачал на раскрытой ладони.

— Мне, очевидно, нужно придумать какую-нибудь правдоподобную историю, — задумчиво произнесла девушка.

— Не стоит. Если вы попали в переделку, я мог бы вам помочь. В зависимости...

— От чего? — Ее голос стал холоднее и резче.

— В зависимости от того, какова ваша роль в этом деле, — сказал он осторожно и, вытащив магазин из рукоятки, осмотрел верхний патрон. — Ого! Медно-никелевые пули! Вы умеете выбирать снаряжение, лапочка.

— А обязательно называть меня лапочкой?

— Я ведь не знаю, как вас зовут.

Усмехнувшись, Малверн подошел к столику у окна и положил на него пистолет. На столе стояла кожаная рамка с двумя портретами. Он случайно взглянул на них и задержал взгляд. На портретах были изображены двое: смуглая красивая дама и худой блондин с холодным выражением глаз, в манишке с высоким стоячим воротником и галстуком, повязанным широким узлом, — все указывало на почтенный возраст портретов.

— Меня зовут Джин Адриан. Я выступаю с сольными номерами у Сирано в кордебалете.

— Я знаком с Сирано довольно близко, — сказал он рассеянно. — А это кто, ваши родители?

Девушка подняла голову, и в ее глазах мелькнуло что-то вроде страха.

— Да, родители, но они умерли много лет тому назад.

— Ладно, простите, я сую нос не в свои дела. Ну так что? Это мой город. Мой отец был здесь мэром. Старый Маркус Малверн, его звали Друг Народа. И это мой отель — я владею частью его акций. Почему бы мне не помочь вам? По-моему, этот наркоман, что нанюхался кокаина, отпетый убийца, и вам надо поостеречься.

Девушка лениво оглядела его.

— Я бы выпила еще вашего виски. Нельзя ли мне...

— Отхлебни прямо из горлышка, так оно будет вернее, лапочка, — проворчал Малверн.

— Вы со мной разговариваете как с мошенницей. Если хотите знать, дело вот в чем: моему дружку стали угрожать. Он боксер, и они хотят, чтобы он проиграл встречу. А теперь добиваются своего через меня. Вы хоть немного удовлетворили свое любопытство?

— Извините меня. — Малверн двинулся к двери, но его остановил смехок, раздавшийся за спиной.

— У вас отвратительный характер. И вы забыли свою фляжку.

Он вернулся, поднял с дивана фляжку, затем вдруг нагнулся и, взяв девушку за подбородок, поцеловал ее в губы.

— Черт бы тебя побрал, лапочка, ты мне нравишься, — произнес Малверн и вышел из номера.

Девушка медленно провела пальцами по губам. На ее лице застыла лукавая улыбка.

II

Тони Акоста, старший над мальчиками отеля, был строен, темноволос и тонок, как девушка, с маленькими изящными ручками, бархатными глазами и твердым волевым ртом. Стоя в дверях, он заявил:

— Самое лучшее, что мне удалось достать, — седьмой ряд, мистер Малверн. Этот Дикон Верра не так плох, как я слышал, а Дюк Тарго вот-вот займет второе место в полутяжелом весе.

— Да, если ему его купят, — бросил Малверн через плечо. — Зайди и выпей чего-нибудь, Тони.

— Хорошо, мистер Малверн, только что-нибудь крепкое.

Паренек осторожно смешал коктейль, бросил в бокал лед, тонко звякнувший о хрустальные стенки, отхлебнул и заулыбался от удовольствия, показывая мелкие белые зубы.

— Тарго — боксер что надо, сила! Он быстр, умен, владеет одинаково левой и правой, а уж смел — шагу назад не ступит.

— Только выставляют против него боксеришек, что поплоче, — протянул Малверн.

— Но и он еще не показал всего, на что способен.

— Все равно, хоть и симпатяга с румянцем во всю щеку, но подонок.

Тони вздохнул.

— Мне надо идти, мистер Малверн. Сегодня ночью я выходной.

— Ну что ж, я тебя не держу.

— Голова что-то трещит...

— Опять ты без денег! Ну-ну, попроси у добренького Теда — он же набит деньгами, что ему стоит выбросить пару-другую монет. Он мягонький — расколоть его на трешку пара пустяков, только стоит попросить. Ну ладно, Тони, забирай назад входной билет и пару монет в придачу. — Он выгнул из кармана деньги и протянул их парнишке.

— Господи, мистер Малверн, у меня и в мыслях не было...

— Держи, что за счета между приятелями! Бери эти гроши и можешь захватить с собой на бокс девчонку. К чертям этого Тарго!

Тони взял деньги. Некоторое время он внимательно присматривался к своему старшему другу, затем мягко произнес:

— Я предпочел бы пойти на бокс с вами. Тарго выше их всех, и не только на ринге. Девчонка у него первый сорт, живет на этом этаже. Может, знаете мисс Адриан из девятьсот четырнадцатого номера?

Малверн застыл. Он медленно поставил бокал на стол и прикрыл его пальцами за доньшко.

— Все равно он подонок, этот Тарго. Хорошо, Тони, давай встретимся в семь часов у входа в отель и вместе пообедаем.

— Вот это чудненько, мистер Малверн.

Тони Акоста медленно вышел, беззвучно закрыв за собой дверь.

Малверн продолжал стоять у окна, постукивая кончиками пальцев по крышке.

— Тед Малверн, ты идиот, каких мало во всей Америке. Навязываешься всем со своей помощью и спасаешь заблудших девиц, которые, может быть, и не нуждаются в твоей помощи. Вот так-то!

Одним глотком он опорожнил бокал, посмотрел на часы, надел шляпу и синее замшевое пальто. Проходя по коридору мимо номера девятьсот четырнадцатого, он остановился, хотел постучаться в дверь, но передумал, опустил руку и медленно побрел к лифту.

Редакция «Трибюн» находилась на углу Четвертой улицы и Спринг-авеню. Малверн припарковал машину за углом, вошел в редакцию через служебный вход и в скрипучем лифте со стареньким лифтером поднялся на пятый этаж.

На пятом этаже у двери с надписью «ОТДЕЛ ГОРОДСКИХ НОВОСТЕЙ» за столом с телефоном внутренней связи сидел еще один старичок.

Малверн постучал по столу и сказал:

— Адамс. Вызывает Тед Малверн.

Старичок что-то буркнул в телефонную трубку, открыл дверь и кивком пригласил войти.

В самом конце комнаты сидел в кресле-вертушке долговязый рыжий мужчина, во рту у него торчала курительная трубка.

— Привет, Тедди! Как там бездельничают богачи?

Малверн ответил в тон:

— А как там насчет того, чтобы заглянуть в досье на парня по имени Кортузэй, а говоря точнее — сенатор Джон Майерсон Кортузэй?

Адамс сел прямо, его курительная трубка приняла горизонтальное положение. Он вынул ее изо рта и сплюнул в мусорную корзинку.

— Этот божий одуванчик? С каких пор он стал для тебя представлять интерес? Пожалуйста, можешь смотреть, сколько угодно.

Они прошли мимо ряда столиков с машинками, мимо толстушки с небрежно размалеванной физиономией и оказались в большой комнате, заставленной полками с папками; единственным свободным местом в ней была ниша со столом и стулом.

Адамс порывлся среди папок, выхватил одну из них и швырнул на стол.

— Припарковывайся, Тед! Что тебя интересует?

Малверн оперся локтем о стол, перекидывая листы толстенной стопки бумаг, состоящей главным образом из газетных вырезок. Он взглянул на несколько газетных снимков, изображающих худого седоволосого человека с плоским невыразительным лицом, в глазах которого не было ни света, ни тепла. Помолчав, Малверн спросил:

— Можно стащить одну из них? Я имею в виду подлинник.

Адамс вздохнул и исчез среди полок. Вскоре он вернулся с узенькой черно-белой фотографией на глянцевой бумаге и бросил ее на стол.

— Держи, у нас их навалом. Изобразить тебе автограф?

Малверн, прищурившись, внимательно разглядывал фотографию.

— Порядок, — сказал он наконец. — Этот Кортузэй был женат?

— С тех пор, как я вырос из пеленок, не был. А возможно, не был и до этого. Так в чем тут загвоздка?

Малверн улыбнулся, вытащил фляжку и поставил ее на стол рядом с папкой. У Адамса просветлело лицо, он схватился за фляжку.

— Значит, у него не может быть ребенка, — заметил Малверн.

Адамс взглянул на него поверх фляжки.

— По-моему, нет, если не считать ребенка, которого не рекламируют. Скорее всего женат он вообще не был.

— Вот в этом-то и загвоздка. Хлебни еще три раза и забудь, что видел меня.

III

Толстяк придвинулся вплотную к Малверну.

— Как насчет заклада, сосед?

— Можно, ставлю на Верру.

— На сколько идете?

— Посчитайте свои деньжата. На все.

— У меня завалилась тоненькая пачка зелененьких — штук пятьсот, которой не терпится потолстеть.

— Идет.— Малверн не в силах был оторвать взгляда от затылка блондинки, сидевшей в кресле у ринга. Он видел только палантин из белого меха на ее плечах и глянцевиные завитки прически. Но он и так знал, кто это.

Толстячок подмигнул и вытащил толстый бумажник. Положив его на колени, он отсчитал десять пятидесятидолларовых ассигнаций, сложил их и сунул бумажник обратно во внутренний карман.

— По рукам, приятель,— прохрипел он.— А теперь давайте посмотрим, какого цвета ваши денежки.

Малверн перевел взгляд на соседа, вытащил пачку новеньких сотенных бумажек. Пошлестев ими, он отделил из пачки пять купюр и поднес их к глазам толстячка.

— Ну, ты силен! — восхитился тот.— Меня зовут Скитс О'Нил. А ты не улизнешь потихоньку, а?

Малверн слегка улыбнулся, сунул деньги в ладонь толстячка.

— Держи их, Скитс. Я Тед Малверн, сын старого Маркуса Малверна. Я стреляю быстрее, чем ты бегаешь, и мне ничего за это не будет.

Толстячок глубоко вздохнул и откинулся на спинку сиденья. Тони Акоста умильно поглядывал на купюры в его мясистом кулаке.

— Все равно что выброшенные деньги, мистер Малверн,— прошептал Тони,— если только у вас нет кое-каких соображений на этот счет.

— Достаточно, чтобы рискнуть на пятьсот монет,— проворчал Малверн.

Прозвучал гонг к шестому раунду.

Первые пять закончились вничью. Высокий блондин Дюк Тарго был пассивен. Темноволосый Дикон Верра, мощный, но неуклюжий поляк со скверными зубами и изуродованными ушными раковинами, обладал силой, но понятия не имел о технике боя — умел только прикрываться в клинче и размахивать гигантскими кулаками. Но пока что он хорошо держал удары Тарго, почитатели которого уже не раз освистывали своего любимца.

Когда с ринга убрали стул, Тарго подтянул черные трусы с серебристыми полосами по бокам и едва заметно улыбнулся девушке в белом палантине.

Как только ударил гонг, Верра бросился через ринг, скользнул перчаткой по плечу Тарго и получил ответный хук левой. Тарго выгадал от хука больше, чем ожидал,— хук отбросил Верру на канаты, но тот, откинувшись от них телом, вошел в клинч.

Малверн спокойно улыбался во тьме зала.

Рефери развел боксеров. Тарго вышел из клинча чисто — Верра пытался достать его апшеркотом, но промахнулся. Некоторое время они боксировали, как на тренировке. Затем Верра предпринял попытку нанести размашистый свинг, сделав замах чуть ли не

от ног. Казалось, Тарго только и ждал этого, чтобы нанести ответный удар. На его лице застыл странный напряженный оскал. Вдруг девушка в меховом палантине вскочила на ноги.

Свинг Верры скользнул по скуле Тарго. Он едва покачнулся и достал Верру длинным правым, угодившим ему в глаз. Левый хук попал прямо в челюсть Верры, и опять удар справа достиг цели. Верра упал на четвереньки, медленно покачнулся и повалился всем телом на ринг, подложив под себя перчатки. Из зала понеслось кошачье мяуканье, когда рефери засчитал ему нокаут.

Толстячок с трудом поднялся на ноги, улыбаясь во весь рот.

— Ну, что скажешь, приятель? Не повезло тебе! Все еще думаешь, что бой кончился по взаимному уговору?

— Что-то здесь не сработало.— Голос у Малверна звучал тускло, как полицейское радио.

Толстяк стукнул Малверна носком ботинка по голени, переступая через его ноги.

Малверн сидел неподвижно, наблюдая, как пустеет зал. Боксеры и секунданты спустились с ринга. Девушка в белом меховом палантине исчезла в толпе. Огни потухли, и спортивный зал стал смахивать на простой убогий сарай.

Тони беспокойно ерзал, следя, как уборщик в полосатом комбинезоне ходил по рядам, подбирая меж кресел мусор и пустые банки.

Малверн внезапно встал с места.

— Пойду поговорю с этим парнем, Тони, а ты подожди меня на улице в машине.

250 Он поднялся по наклонному проходу в фойе, прошел мимо запоздалых зрителей с галерки к двери с надписью «ВХОД ВОСПРЕЩЕН», спустился по крутым сходням к другой двери с такой же вывеской, у которой торчал постовой полицейский в выцветшей расхристанной гимнастерке с бутылкой пива в одной руке и пирожком с сосиской — в другой. Малверн махнул перед его глазами полицейским удостоверением, и тот уступил ему дорогу, даже не глянув на него. На четвертой двери слева висела карточка, прищипленная кнопками, с надписью от руки «ДЮК ТАРГО».

Его встретил гулкий шум льющейся воды в душевой.

В узкой комнате не было никого, кроме мужчины в белом свитере, который сидел на краю массажного столика, заваленного одеждой. В мужчине Малверн узнал главного секунданта Тарго. Тут в дверях душевой показался второй человек — высокий шатен с седыми прядями в кудрявых волосах, слипшихся от пота. Он был изрядно пьян — его лицо побагровело от выпитого виски, губы кривились в бессмысленной улыбке. Пошатываясь, он подступил к Малверну, держа в руках большой бокал с виски, и сказал грубым басом:

— Т-т-топай отсюда, п-п-парень!

Малверн спокойно закрыл дверь и, прислонившись к ней, полез во внутренний карман пальто за портсигаром. Он даже не посмотрел на кудрявого. И напрасно! Кудрявый взметнул руку к груди, нырнул ею под пиджак и вытащил пистолет. Левая рука, задрожав, выплеснула из бокала часть виски на пол.

— А ну прекрати! — зарычал он.

Малверн медленно вынул портсигар, показал его кудрявому, вытащил сигарету и сунул ее в рот. Дуло пистолета почти упиралось ему в бок. Рука, державшая бокал, тряслась, словно в нервном припадке.

Малверн сказал развязно:

— Ты, видимо, хочешь нажать себе неприятности; ты их дождешься, шустряк.

Кудрявый ухмыльнулся.

— А мы любим неприятности. Обыщи его, Майк!

Мужчина в свитере поднялся с массажного столика.

— Я не играю в эту игру, Шенвэйр. Ради Бога, успокойся, ты пьян как сапожник и ничего не соображаешь!

— Знаешь что, Майк? — вдруг взорвался кудрявый. — Этот человек хочет устроиться на мое место. Черт меня побери, если не так! У него же вид падлы! Ты случайно не сыщик, мистер? — Он ткнул Малверна дулом пистолета.

— Если говорить точнее, частный детектив. Держи-ка пушку поближе к своему брюху, приятель!

Шенвэйр повернул голову и ухмыльнулся через плечо своему товарищу.

— Я угадал, Майк! Он ищайка и ищет здесь работу как пить дать!

— Убери оружие, идиот! — с отвращением произнес мужчина в свитере.

Курчавый повернул к нему голову.

— Кто охраняет Тарго? Ты или я? Его охраняю я!

Меж тем шум воды в душевой стих, и на пороге показался светловолосый боксер, энергично растиравшийся полотенцем. Увидев Малверна, он застыл на месте с раскрытым ртом.

Со словами: «Ты мне уже надоел, пьяная морда!» — Малверн оттолкнул кудрявого от себя и нанес ему сильный удар в челюсть. Тот попытался, ударился о стену и, соскользнув по ней вниз, уселся на пол. Мужчина в свитере схватил пистолет и встал в напряженной позе, следя за Малверном.

Тарго тем временем захлопнул свой крупный красивый рот и опять стал растираться полотенцем. Спустя некоторое время он спросил:

— Что тут, черт возьми, происходит? Кто вы такой?

— Частный детектив. Моя фамилия Малверн. Сдается, что вам нужна помощь.

— С чего вы это взяли? — заносчиво спросил Тарго.

— Как я слышал, вам предлагали проиграть бой. Видимо, вы пытались, но не смогли — слишком уж паршивым противником оказался Верра. А значит, вам грозит беда.

— Послушайте, приятель, многие люди недосчитались зубов за менее обидные слова.

На мгновение в комнате воцарилась тишина. Пьяница сидел у стены и моргал, затем сделал попытку подняться на ноги, но не смог и остался сидеть на полу.

Малверн спокойно заметил:

— Бенни Сирано — мой дружок. Он покровительствует и вам, не так ли?

Человек в свитере хрипло рассмеялся, вытащил из рукоятки пистолета обойму и кинул пистолет на пол. Потом вышел из комнаты, хлопнув за собой дверь.

Тарго посмотрел ему вслед, перевел взгляд на Малверна и тихо спросил:

— Что вам известно?

— Ваша подружка Джин Адриан живет в отеле на одном этаже со мной. Сегодня днем на нее было совершено нападение — какой-то бандюга стукнул ее по голове, и она потеряла сознание. Я случайно проходил мимо и видел, как убежал этот негодяй. Я помог ей добраться до постели, и она кое-что рассказала мне о ваших делах.

Тарго вытащил из шкафчика черную шелковую рубашку и надел ее.

— А мне она ничего не сообщила.

— Вероятно, не захотела... перед боем.

— Если вы знакомы с Бенни, тогда вам можно доверять. Мне начали угрожать, и неизвестно: может быть, это чужья собака — кто-нибудь из жучков на тотализаторе хочет погреть руки, а может, что-нибудь и посерьезнее. Но я провел бой так, как считал нужным. Вот и все. А теперь, мистер, вам пора подышать свежим воздухом.

Он надел черные брюки с широким поясом, повязал белый галстук и достал из шкафа белое пальто, отделанное черной тесьмой.

Малверн молча наблюдал, как он одевается, затем подошел к двери и обернулся, глядя на пьянчужку.

— Ладно, я вижу, вы обзавелись телохранителем. Именно это я и хотел предложить вам. Извините, если что не так.

Он вышел, тихо прикрыв за собой дверь, поднялся по крутым ступеням в фойе и выскользнул на улицу. Пройдя под дождем до угла, он свернул к огромной усыпанной гравием автостоянке.

«Ласаль» подкатил к тротуару и остановился рядом. За рулем сидел Тони Акоста.

Малверн уселся на сиденье рядом с ним и сказал:

— Поехали к Сирано, что-нибудь выпьем.

— Чудненько, мистер Малверн! Посмотрим выступление мисс Адриан. Помните, та блондинка, о которой я вам говорил?

— Да-а-а, мы с Тарго поговорили. Он мне вроде бы понравился, но одевается отвратительно.

IV

Гес Нишэккер был похож на китайца с декоративной тарелки — с таким же круглым лицом, красными щеками и тонкими, словно нарисованными карандашом, бровями. В петлице его широченного смокинга торчала гвоздика, которую он часто нюхал, наблюдая за работой старшего официанта. Увидев в дверях Малверна и Тони Акосту, он расплылся в улыбку и поспешил к ним навстречу с протянутой рукой.

— Как жизнь, Тед? С компанией?

— Нас только двое, — ответил Малверн, — познакомьтесь с мистером Акостой. Гес Нишэккер, метрдотель у Сирано.

Гес Нишэккер, не глядя, пожал руку Тони.

— Подожди, когда ты прошлый раз приходил сюда, ты был с...

— Она уехала, — перебил его Малверн. — Мы сядем рядом с танцплощадкой, но не слишком близко — танцевать мы не будем.

Гес Нишэккер проводил гостей по лестнице, устланной алым ковром, мимо столиков, окружавших овальную танцплощадку в середине зала.

Малверн заказал коктейли с ржаным виски и денверские сэндвичи. Нишэккер передал заказ официанту, выдвинул из-под стола кресло и сел рядом с ними. Вытащив карандаш, он принялся рисовать на спичечной коробке треугольники.

— Ходили на бокс? — спросил он как бы между прочим. — Какие теперь бои?! Вот прежде были бои так бои! У нас к вам просьба: позаботьтесь о том, чтобы угрозы прекратились. Бенни полюбит мальчишку и не позволит вредить ему. Он окружит его охраной — настоящей охраной, если только убедится, что все это не шуточки какого-нибудь жучка из подпольного тотализатора. Бенни берет под свою опеку только одного боксера и выбирает его чертовски тщательно.

Малверн зажег сигарету, выпустил дым уголком губ и спокойно произнес:

— Это, конечно, не мое дело, но чувствую, что тут что-то нечисто. У меня нюх на такие дела.

Гес Нишэккер пристально посмотрел на него, пожал плечами.

— Может быть, вы и правы.

Он встал, раскланиваясь по дороге с одними, улыбаясь другим, останавливаясь поговорить с третьими.

Бархатные глаза Тони Акосты сияли.

— Господи, мистер Малверн, неужели вы думаете, что дело дойдет до физического насилия?

Малверн молча кивнул. Оркестр на эстраде выдал несколько оглушительных музыкальных фраз, и ухмыляющийся конференсье выскочил на эстраду, прижимая к губам небольшой микрофон.

Представление началось. На дорожку для выхода артистов упал белый круг света. Лица людей стали белы как мел. Там и сям во тьме вспыхивали красными точками кончики горящих сигарет.

В круг вступили четверо негров, несущих на плечах белый саркофаг. Они шли медленно, в такт музыке, покачивая древнеегипетскими турбанами. Одежда их состояла из белой кожаной набедренной повязки и белых сандалий со шнурками, оплетающими ноги до коленей.

Они вышли на середину танцплощадки и стали медленно поднимать конец саркофага, пока его крышка не опрокинулась, подхваченная одним из негров. Затем из него на пол так же медленно вывалилась тонкая фигурка, закутанная в белый саван, и стала падать, как увядший лист с засохшего дерева. Она словно парила в воздухе под дробный стук барабанов.

Свет погас и опять вспыхнул. Фигура в саване стояла уже на полу, вращаясь, как волчок, а один из негров кружился в обратную сторону, наматывая на себя белый саван. Наконец он был сорван, обнаженная девушка — вся в блестках — предстала в ослепительном свете. Ее тело, подхваченное руками четырех негров, мелькнуло в воздухе, как бейсбольный мяч, отбитый локвой рукой защитника.

Девушка грациозно закружилась в вальсе, сделав тур вокруг каждого из четырех негров, после чего номер закончился. Аплодисменты волнами прокатились по залу. Свет снова погас, а, когда вспыхнул, девушка и четверо негров исчезли.

— Здорово! — кричал Тони Акоста. — Ох и здорово! Это была мисс Адриан, правда?

— Да, немного смело. — Малверн закурил сигарету и огляделся вокруг. — А вот еще один этюд в черно-белых тонах. Посмотри-ка, Тони, Тарго собственной персоной.

В проходе у одной из кабинок стоял Дюк Тарго, неистово аплодируя. На его лице застыла блаженная улыбка, он был изрядно навеселе.

На плечо Малверна опустилась рука. Другая рука угодила в пепельницу, стоявшую рядом с его локтем. Он почувствовал тяжелый запах перегара. Медленно повернув голову, Малверн увидел перед собой лицо Шенвэйра, телохранителя Дюка Тарго.

— Ниггеры и белая девушка — позор, — пьяно произнес Шенвэйр. — Мерзость, проклятая мерзость!

Малверн слегка улыбнулся, отодвигаясь от стола. Крепко сжав губы в тонкую линию, Тони во все глаза уставился на Шенвэйра.

— Это не настоящие ниггеры, мистер Шенвэйр. У них лица окрашены черной краской. Мне, сэр, очень понравилось.

— А кому, черт побери, интересно знать, что тебе понравилось? — осведомился Шенвэйр.

Малверн вежливо улыбнулся, положил сигарету на край тарелки и еще дальше отодвинул стул.

— Ну и как, Шенвэйр, вы все еще уверены, что мне нужно ваше место?

— Да, и, кроме того, за мной остался должок — удар по морде.

Он убрал ладонь с пепельницы, вытер руку о скатерть и сжал ее в кулак.

— Хочешь получить сейчас?

— Вы не забыли, сэр, где ваш стол? Прощу сюда, — перехватил его руку официант.

Шенвэйр похлопал официанта по плечу.

— Пойдем, милый, выпьем по рюмочке, ну их всех к чертям! Они отошли и затерялись меж столиков.

— Какого черта торчать здесь, Тони? Пойдем отсюда! — произнес Малверн, задумчиво глядя в сторону эстрады. Вдруг его взгляд стал сосредоточенным.

Блондинка с волосами цвета спелой ржи, в меховом палантине шла вдоль внешнего ряда столиков к проходу, где была кабинка Тарго. Она проскользнула в проход и исчезла.

Малверн сердито сказал:

— Ну ее к черту, эту забегаловку. Пойдем, Тони. — И вдруг

тихим озабоченным голосом добавил: — Нет, подожди, я вижу одного парня, и мне что-то не нравится его вид.

Парню было не более тридцати, но ранняя лысина на макушке уже приносила ему огорчения. Пиджак под левой рукой слегка оттопыривался. Это был тот самый человек, который убежал из номера Джин Адриан в отеле «Карондле».

— Постой, Тони! — Малверн резко откинул от себя стул и встал.

В этот момент кто-то сзади стукнул его по затылку. Он повернулся и увидел перед собой ухмыляющуюся, лоснящуюся от пота физиономию Шенвэйра.

— А я опять тут как тут! — пьяно заржал кудрявый и ударил Малверна в челюсть.

Это был короткий прямой удар, заставивший Малверна пошатнуться. Тони Акоста вскочил на ноги, очерившись, как кошка. Малверн все еще покачивался, когда Шенвэйр пустил в ход другой кулак. Этот удар был чуть медленнее, чем следовало, и Малверн уклонился от него, одновременно ударив кудрявого зверским ашперкотом по носу. Шенвэйр покачнулся, сделал шаг назад и уселся на пол, прижимая руки к носу.

— Проследи за этой скотиной, Тони, — торопливо бросил Малверн.

Шенвэйр ухватился за скатерть и сдернул ее со стола, вместе с ней на пол посыпались тарелки, стаканы, столовое серебро. Какой-то мужчина выругался, официант с побагровевшим от ярости лицом бросился к столику.

Малверн едва расслышал два выстрела.

Они последовали друг за другом почти без перерыва, приглушенно и слабо. Официант внезапно остановился на месте с побелевшими губами, словно наткнулся на невидимую стенку. Замер весь зал, казалось, что наступила вечная тишина. И тогда Малверн бросился бежать к проходу между кабинами, в который вошел мужчина с бледным лицом. У одной кабины дверь была распахнута, и из нее торчали согнутые в коленях ноги. Носки черных туфель смотрели вниз.

Выхватив пистолет, Малверн подбежал к кабинке. Человек лежал животом на столе, уткнувшись лицом в белую скатерть, свесив левую руку между столом и мягким стулом. Правая рука была вытянута вдоль стола, возле ладони лежал большой черный пистолет 45-го калибра с обрезанным дулом. Макушка светилась лысинкой, из груди текла кровь, расплываясь алым пятном по белой скатерти.

В глубине кабины стоял Дюк Тарго.левой рукой он опирался на стол, правую протянул перед собой — на ладони лежал автоматический пистолет с белой костяной ручкой. Тарго тупо смотрел на Малверна.

— Я убил его, — хрипло произнес он. — Он наставил на нас свою пушку, и я его застрелил.

Джин Адриан сидела рядом, она все время терла ладонь скамканым платочком.

— Его застрелил я, — повторил Тарго, бросив пистолет на стол.

— Он мертв. Поздравляю вас — когда рядовой гражданин

убивает бандита, это всегда сенсация. Сядьте, Тарго, вам нельзя уходить.

— Ладно, нельзя так нельзя, но вы подтвердите, что я убил его.

— Хорошо, пусть будет так. Только успокойтесь.

У кабинки толпились люди. Малверн стоял в дверях, сдерживая напор любопытствующих, и улыбался девушке.

V

Фигурой Бенни Сирано походил на два яйца, посаженных друг на друга: маленькое яйцо — голова — сидело на большом — туловище. Коротенькие ножки в щегольских лаковых туфлях болтались под низким столом из темного матового дерева. В зубах он сжимал уголок платочка, приглушавшего его голос, когда он говорил.

— Нет, подождите, ребята. Давайте разберемся.

В углу кабинета стоял диван, на котором между двух полицейских агентов сидел Дюк Тарго. Его скулу украшал огромный кровоподтек, густые белокурые волосы были растрепаны, а черная шелковая рубашка помята.

У одного из агентов вздулась губа. У другого, помоложе, такого же белокурого, как и Тарго, был подбит глаз.

Малверн сидел на стуле у стены и сонно поглядывал на расположившуюся рядом в кожаной качалке Джин. Губы ее были сердито сжаты.

Гес Нишэккер стоял, прислонившись к дверям, и курил.

— Нет, ребята, подождите минутку, — повторил Сирано. — Если бы вы не поступили с ним грубо, он бы не сопротивлялся. Он хороший парень, лучший из всех, что у меня были.

Кровь сочилась из уголка губ Тарго, стекая тоненькой струйкой на подбородок. Лицо было пустое и отрешенное.

— А не пожаловаться ли вам, Бенни, на этих ребят — что-то они слишком свободно размахивают дубинками? — холодно произнес Малверн.

Белокурый агент окрысился:

— У тебя еще не отобрали разрешение на частное сыскное агентство, Малверн?

— Кажется, где-то валяется.

— Так дождешься, что мы отберем его у тебя!

— А фигу с маслом не хотите? Уж очень ты прыткий, приятель.

Дверь кабинета распахнулась, и на пороге появился Макчесни, лейтенант полиции.

Это был человек лет сорока, высокого роста, с волосами песочного цвета, бледными пронзительными глазами и узким нервным лицом. Он закрыл дверь на ключ и подошел к Тарго.

— Застрелен насмерть, — сказал он, — одна пуля в сердце, а другая рядом. Снайперская стрельба! Вы член стрелкового клуба?

— Если уж бить, то бить наверняка, — тупо ответил Тарго.

— Вы узнали, кто это? — спросил седоватый агент, пододвигаясь на диване, чтобы дать место лейтенанту.

Макчесни кивнул.

— Да, Торчи Плант — наемный убийца, наркоман и бандит. Два года его не было видно. Он скользкий, как угорь, никак не могли схватить его. Тарго, а у вас есть разрешение на оружие?

— Да, Бенни вытребовал его две недели тому назад. Мне стали угрожать...

— Послушайте, лейтенант, — вмешался Сирано. — Какая-то шпана пыталась шантажировать его, чтобы заставить проиграть нынешний бой. Он выиграл уже девять боев подряд, так что они сорвали бы жирный куш на этом проигрыше. Я велел ему взять на всякий случай пистолет. А они подослали убийцу.

— Так-так, — тихо произнес Макчесни. — Я бы сказал, что это чертовски удачные выстрелы. Скажите, а как вам угрожали?

— По телефону, — ответил Тарго.

— Голос был знакомый?

— Возможно, вот этого самого типа, только я не уверен.

— Такие парни, как эта шпана, часто болтают попусту, но работа есть работа. Вы двое отправитесь в Управление и дадите там свои показания. — Макчесни вышел, а двое агентов поднялись, придерживая Тарго. Пропуская вперед Джин Адриан, молодой агент угрожающе кивнул Малверну:

— А что касается тебя, голубок, ты у нас еще дождешься!

— Долго ждать придется, полицейская дубина, — ответил Малверн.

Гес Нишэккер рассмеялся, закрыл дверь и подошел к столу.

— Я весь дрожу, как третий подбородок Бенни. Давайте хватим по рюмочке коньяка.

Малверн залпом осушил свой стакан и, поглядывая на Сирано, спросил:

— Как, по-вашему, на какую сумму сегодня заключались пари во время боя?

Сирано поморгал, потирая губы тыльной стороной ладони.

— Пожалуй, на несколько тысяч.

Малверн кивнул приятелям в знак прощания и вышел из кабинета. Он прошел по темному коридору мимо дверей уборных в пустой гардероб, отыскал свою шляпу и пальто и подошел к официанту, стоявшему у входа.

— Вы не заметили, куда делся паренек, с которым я был здесь?

Официант отрицательно покачал головой и потянулся к задвижке, чтобы открыть дверь.

— Извините, — сказал он, — здесь было четыреста человек, и триста из них скрылись прежде, чем прибыла полиция.

Малверн вышел на улицу и поймал такси.

VI

Извилистый спуск в подвальный гараж отеля «Карондле» вел в полутьму и промозглый холод. Темные остовы неподвижных машин на фоне беленых стен выглядели зловеще, а единствен-

ный светильник в дежурной комнате бросал безжалостный свет, как в морге. Из дежурной вышел крупный негр в замасленном комбинезоне. Он озирался по сторонам, протирая глаза, и вдруг его лицо озарилось улыбкой.

— А, это вы, миста Малв'н? Здравствуйте, миста Малв'н. Похоже, вам не спится нынче ночью?

Малверн ответил:

— У меня что-то нервы шалют, когда идет дождь. Готов спорить, что моего драндулета здесь нет.

— Нет, миста Малв'н, я протирал машины, вашей среди них нет.

— Я одолжил ее приятелю. Должно быть, он ее угробил...

Малверн подбросил в воздух серебряную монетку, упавшую прямо в руки негра, и поднялся по подъездной дорожке на боковую улицу. Затем направился по аллее к отелю. На противоположной стороне стояло четырехэтажное кирпичное здание, на фронтоне которого висел матовый шар с надписью «Hotel Blaine».

Малверн поднялся на третий этаж и потрогал дверь. Дверь была закрыта. Заглянув через матовое стекло в темную прихожую, он вытащил отмычку — она отодвинула задвижку достаточно далеко, чтобы открыть дверь.

Он вошел и заглянул за пустую конторку с табличкой «УПРАВЛЯЮЩИЙ». На стене висела пустая доска с полочками для ключей и корреспонденции. Малверн зашел за конторку и взял кожаный регистрационный журнал для проживающих. На третьей странице он нашел фамилию Тони Акоста, написанную детским почерком, и номер комнаты.

Положив журнал на место, он поднялся по лестнице на четвертый этаж. Предпоследняя дверь с левой стороны была помечена номером 411. Из фрамуги над дверью пробивался бледный свет. Он поднял руку, чтобы постучаться, но вдруг убрал ее, заметив, что шарообразная дверная ручка была измазана чем-то похожим на кровь. Паркет возле двери тоже был испачкан каплями крови.

Вытащив платок, Малверн обмотал им руку, взялся за дверную ручку у основания и повернул ее. Затем вошел, закрыв за собой дверь на ключ, осмотрелся вокруг и тихо позвал: «Тони... Эй, Тони!»

В центре комнаты с потолка свисала на трех цепочках люстра в виде шара. Она освещала разобранную постель, немного мебели, крашенной в светлый тон, старый зеленый коврик, квадратный письменный стол.

За столом, навалившись на него грудью, сидел Тони Акоста. Голова его лежала на левой руке, вытянутой вдоль стола. Правая рука упиралась в крышку, будто он пытался приподняться. Рядом с рукой лежал помятый конверт. Под стулом блестела темно-красная лужа.

— Тони... боже мой, Тони, — еле слышно прошептал Малверн. Он взял конверт и прочитал расплывшиеся каракули: «Преследовал его... до итальянской части города... Корт-стрит, 28, над гаражом... думал, что я... его... ваша машина...»

На конверте стоял кровавый отпечаток большого пальца Тони.

Малверн аккуратно сложил конверт, чтобы сохранить отпечаток, и положил его в свой бумажник. Скинув пальто и пиджак, он засучил рукава, намочил полотенце в раковине и подошел к двери. Вытер обе дверные ручки, закапанный кровью пол под дверью, затем выполоскал полотенце, тщательно вымыл руки и оделся. С помощью платка открыл фрамугу над дверью, закрыл дверь на ключ снаружи, забросил его в комнату через щель во фрамуге и услышал, как он звякнул внутри.

Он спустился по лестнице и вышел из отеля, никого не встретив по дороге. Косой дождь продолжал барабанить по пустынным улицам.

VII

Из-под двери девятьсот четырнадцатого номера пробивалась полоска света. Малверн осторожно постучался, дожидаясь, когда ее откроют. Ждать пришлось долго. Наконец усталый голос за дверью спросил:

— Кто там? В чем дело?

— Тед Малверн, лапочка. Мне нужно поговорить с вами. Абсолютно деловой разговор.

Замок щелкнул, и дверь открылась. У нее было усталое, бледное лицо с серыми, а не лилово-синими, как раньше, глазами.

— Ах, это вы, — сказала она в изнеможении. — Кто еще может заявиться в такое время?! Но мне просто необходимо принять ванну. Я вся пропахла полицией.

— Пятнадцать минут вам достаточно? — спросил он равнодушно, но глаза его смотрели требовательно и серьезно.

Она медленно пожала плечами, затем кивнула. Захлопнувшая дверь чуть не стукнула его по носу. Он прошел в свой номер, сбросил шляпу и пальто и налил в стакан виски. Затем переоделся, вынул из бельевого ящика короткоствольный наган, покачал его на ладони и сунул обратно.

Надев сухую шляпу и твидовое пальто, он снова направился в девятьсот четырнадцатый номер.

Джин Адриан сидела на диване, посвежевшая, в свободной пижаме фиолетового цвета.

Малверн спросил:

— Как там Тарго, сидит в холодной?

Она опустила голову.

— Он опять вырвался из рук полицейских, расшиб о стену двух фараонов. Теперь они просто обожают его.

— Ну, ему еще придется познакомиться с полицией поближе. А утром его возьмут в осаду киношники и фоторепортеры с камерами. Наверняка в газетах будут заголовки: «ИЗВЕСТНЫЙ БОКСЕР ОПЕРЕЖАЕТ БАНДИТА. ДЮК ТАРГО РАССТРАИВАЕТ ПЛАНЫ ПРЕСТУПНОГО МИРА!»

Джин перебила его:

— Как я устала! И ноги зудят. Давайте перейдем к делу.

— Давайте. — Он нажал на кнопку портсигара и поднес его

к лицу Джин. Она стала копать пальчиками, выбирая сигарету, но не успела еще вынуть одну из них, как Малверн сказал:

— Когда прикурите, расскажете, зачем вы его убили.

Она зажала сигарету в зубах, наклонилась к горящей спичке, вдохнула дым и откинулась. В глазах ее появился блеск, а тонкая линия губ искривилась в слабой улыбке.

С минуту Малверн следил за ней, затем Джин услышала его спокойный тихий голос:

— Пистолет был ваш. Тарго заявил, что выхватил его из кармана, — такого медленного выпада мне еще не приходилось видеть. И все же он успел сделать два выстрела — достаточно быстро, чтобы убить человека, прежде чем тот вытащил свое оружие из кобуры. Чуть собачья! Вот вы, держа пистолет в сумочке на коленях и узнав этого человека, могли выстрелить. Тем более что все его внимание было направлено на Тарго.

— Я слыхала, вы частный сыщик и... сын известного политика. Полиция побаивается вас, вернее ваших связей с людьми наверху. Кто вас натравил на меня?

Малверн возразил:

— Они специально завели этот разговор, чтобы проверить, как вы будете реагировать, если в дело ввяжусь я. Они не знают, за какую ниточку ухватиться, полиция никогда не верит версиям, которые им преподносят со стороны. Вы думаете, Макчесни не знает, что стреляли вы?

Джин слепо тыкала недокуренную сигарету в пепельницу. Портгера на окне вздулась от порыва ветра, и легкий пепел закружился в пепельнице.

— Ладно, я застрелила его. Вы считаете, что мне нужно было раздумывать после того, что случилось днем?

Малверн потер мочку уха.

— Не принимайте все это за легкую игру. Если бы вы знали, что у меня творится на сердце! Случилось что-то ужасное. Так вы считали, что этот бандит собирается убить Тарго?

— Я так думала — иначе не выстрелила бы.

— А может быть, он просто хотел вас попугать? Все-таки ночной клуб не такое место, откуда легко скрыться, совершив убийство.

— Как же, попугать! Они не для того носят оружие, чтобы пугать им. И он мог скрыться легче легкого. Наверняка он собирался убить кого-то. Дюк выхватил у меня из рук пистолет и принял на себя мою вину. Ах, какое это теперь имеет значение? Я знала, что все в конце концов раскроется.

Опустив глаза, Джин продолжала тыкать горевшим окурком в пепельнице. Через некоторое время она еле слышно спросила:

— Что вы еще хотите узнать?

— Во всем этом замешан Шенвэйр. Парень, с которым я был у Сирано, проследил за Шенвэйром до его логова. Шенвэйр застрелил его. Он умер, лапочка. Почти еще мальчик, он работал здесь старшим над рассельными. Фараоны еще не знают об этом убийстве.

Она вскочила на ноги. Когда она заговорила, голос у нее был низким, напряженным и сердитым.

— Нет, вы просто ужасны! В вас есть что-то сатанинское — вы приходите и рассказываете о том, что убит еще один человек, ваш друг. Убирайтесь отсюда, я не могу больше с вами разговаривать. Уберетесь вы или нет?

— Почему бы и нет? — Малверн встал, взял шляпу и пальто и направился к двери. Девушка вскрикнула, прошла легким, упругим шагом к окну и остановилась там, повернувшись к Малверну спиной. Тот остановился, затем подошел к ней сзади и сказал, глядя на распущенные по плечам волосы:

— Почему, черт возьми, вы не позволяете помочь вам? Я же знаю, что вы попали в беду.

Джин, не поворачивая головы, заговорила:

— Уходите, мне ваша помощь не нужна. Я не хочу вас видеть... никогда.

Малверн продолжал убеждать ее:

— Вам не обойтись без моей помощи, хотите вы этого или нет. Человек на фотографии — я знаю, кто он, и знаю, что он не умер.

Девушка повернулась к нему. Ее лицо стало белым, как бумага. Она впиалась взглядом в его глаза. Дыхание с хрипом вырывалось из горла. Прошла целая вечность, прежде чем она смогла произнести:

— Я попалась, попалась! Теперь ничего нельзя изменить!

Малверн поднял руку и провел пальцем по ее щеке. Его глаза заискрились смехом.

— Я ошибся, лапочка, я совершенно не знаю его. Спокойной ночи!

Он пересек комнату, вышел в маленькую прихожую и открыл дверь. Он еще стоял на пороге, когда увидел перед собой двух мужчин с пистолетами в руках. Один из них был толст и угрюм, другой — альбинос с пронзительно-красными глазами и с узким лицом, увенчанным снежно-белыми волосами под темной шляпой, сдвинутой на затылок.

— Придержи дверь, олух, — сказал альбинос, — нам нужно войти!

Другой мужчина подкрался к Малверну и тщательно ощупал его одежду. Отступая в сторону, он сказал:

— Оружия нет, только фляжка в кармане.

Альбинос махнул пистолетом.

— Ступай назад, олух! Нам нужна и девчонка.

— Для этого необязательно размахивать оружием, Криц. Я знаю тебя и знаю твоего хозяина. Если он хочет повидаться со мной, я с удовольствием побеседую с ним. — Малверн повернулся и прошел в комнату в сопровождении двух бандитов.

Джин продолжала стоять у окна, словно не слыша голосов у двери.

Альбинос прошел на середину комнаты, не говоря ни слова, огляделся, заглянул в спальню и ванную.

— Одевайся, сестренка. Мы едем покататься под дождем, лады?

Лицо Джин исказилось в презрительной гримасе.

Альбинос сунул сигарету в узкогубый рот и захихикал булькающим смехом.

- Не очень-то она тебя любит, олух.
- Она думает, что я ее продал,— нахмурился Малверн.
- А что, разве нет?
- Лучше присматривайте за ней — она ловко владеет оружием.

Заложив руки за спину, он, как бы между прочим, стал стучать пальцами по столу. Затем, не меняя положения тела, протянул руку к рамке с портретами, положил ее изображением вниз и засунул под промокательную бумагу.

VIII

Заднее сиденье машины разделял мягкий подлокотник. Малверн поставил на него локти и, опершись подбородком на ладонь, смотрел сквозь матовое стекло на дождь.

Джин сидела по другую сторону подлокотника, забившись в угол. На ней была черная шляпка и серое пальто с воротником из шелковистого меха. Она не смотрела на Малверна и не заговаривала с ним.

Альбинос сидел справа от полного седоватого мужчины, управлявшего машиной. Они ехали по пустынным улицам мимо расплывшихся домов, деревьев и уличных фонарей.

Начался подъем, и слабый свет фонаря над перекрестком осветил указатель с названием улицы «Кронг-стрит». Малверн тихо произнес:

— Приехали в итальянский район города, Криц? Раньше у твоего хозяина был такой толстый кошелек, что он вряд ли поселился бы здесь.

Альбинос обернулся, сверкнув глазами.

— Тебе лучше знать, олух.

Автомобиль замедлил ход перед большим каркасным домом с решетчатым крыльцом и облицованными круглой галькой стенами. На кирпичном здании напротив висела огромная вывеска «ПОХОРОННОЕ БЮРО ПАОЛО ПЕРУДЖИНИ».

Машина покачнулася, разворачиваясь на подъездную дорожку. Ее фары уперлись в открытый гараж. Они въехали в него и плавно остановились возле большого блестящего катаfalка.

Альбинос приказал:

— Вылазим!

— Я вижу, тут уже все приготовлено для нашей следующей поездки, — заметил Малверн.

— Юморист, — зарычал альбинос. — Все-то он знает.

— Угу! Юмор висельника.

Седоватый вырубил мотор, включил большой электрический фонарь, потушил фары и вылез из машины. Он метнул луч фонаря на крутую узкую лестницу в углу гаража. Альбинос приказал:

— Поднимайтесь по лестнице. Пусть девчонка идет впереди.

Джин вылезла из машины и прошла мимо Малверна, не глядя на него. Она поднималась по ступеням, едва переставляя непослушные ноги, за ней, выстроившись в шеренгу, шли трое мужчин.

Они вошли в почти пустую мансарду с балками под крышей

и плотно закрытыми ставнями. Яркая лампа свисала с балки над кухонным столом, за которым сидел крупный мужчина. Перед ним стояло блюдечко, полное окурков.

На кровати у стены развалился худой вислогубый человек, придерживавший левой рукой «люгер».

Человек, сидевший за кухонным столом, небрежно оглядел Джин Адриан и сказал, не выпуская изо рта сигареты:

— Припарковывайся, сестренка. Здорово, Малверн. Эй, Левша, дай-ка мне свою пушку и топайте вниз. — Он пристально взглянул на Малверна. — Разрешите представиться — Дол Конант, на случай, если вы обо мне забыли.

Малверн стоял в небрежной позе, широко расставив ноги и засунув руки в карманы пальто. Полузакрытые глаза казались сонными и холодными.

— Еще бы не помнить тот случай, когда мы с отцом чуть было не упекли тебя за решетку.

— Да, только вам это не удалось — апелляционный суд меня оправдал.

— Может быть, на этот раз удастся. В нашем штате похищение людей карается довольно сурово.

Конант ухмыльнулся с выражением мрачного удовлетворения.

— Не будем препираться, займемся делом, и тогда ты запишешь по-другому. Посмотри на вещественное доказательство номер один. В ванной, за твоей спиной. Да-да, хорошенько посмотри, а потом мы приступим к делу.

Малверн прошел в ванную и на минуту застыл в неподвижности: от того, что увидел, у него перехватило дыхание. Медленно выдохнув воздух, он протянул руку и прикрыл за собой дверь.

Ванна была достаточно большой, чтобы человек мог вытянуться во весь рост. В ней, полностью одетый, даже в шляпе, лежал человек с залитым кровью лицом. Во внутреннем уголке левого глаза виднелась дырка от пули, обрамленная засохшей кровью.

Это был Шенвэйр, и он был давно мертв.

Малверн судорожно вздохнул и заглянул в щель между ванной и стенкой. Там он заметил какой-то синевато-металлический блеск. Пистолет с вороненым отливом, пистолет Шенвэйра.

Малверн быстро оглянулся. Через неплотно прикрытую дверь он видел часть мансарды, лестничную площадку, ноги Дола Конанта под столом. Он поднял пистолет — в магазине имелось четыре патрона — и сунул его за пояс.

Затем вышел и плотно прикрыл дверь в ванную.

Дол Конант кивнул на стул:

— Садись.

Джин со жгучим любопытством смотрела на него. Малверн успокоил ее слабой улыбкой.

— Там только мистер Шенвэйр, лапочка. С ним случилось несчастье — он умер.

В глазах Джин ничего не отразилось, только сильно вздрогнули плечи. Она не произнесла ни слова.

Малверн уселся напротив Конанта. Пустив дым в потолок, тот равнодушно заметил:

— Да, умер, и убил его ты.

Малверн отрицательно покачал головой.

— Нет, не я.

— Не крути мне мозги, кореш. Его застрелил ты. Перуджини, итальяшка-гробовщик, хозяин этого дома, иной раз сдает его внаем на короткий срок. Он доводится мне приятелем, иногда оказывает кое-какие услуги в работе с макаронниками. Так вот, этот дом он арендовал Шенвэйру. Сегодня ночью Перуджини услышал выстрелы, выглянул в окно и увидел, как какой-то парнишка бежит к машине. Он заметил регистрационный номер. Это была твоя машина.

Малверн опять покачал головой.

— Но я не убивал его, Конант.

— Попробуй доказать... Перуджини прибежал сюда и нашел на лестнице мертвого Шенвэйра. Он затащил его наверх и положил в ванну. Обыскав его, нашел удостоверение частного сыщика и тут же позвонил мне. Как только я узнал имя сыщика, сразу же примчался сюда.

Конант замолчал и в упор посмотрел на Малверна. Тот тихо сказал:

— Вы слышали о стрельбе у Сирано сегодня ночью? Я был в это время там. Вместе с одним парнишкой, он служит в отеле. Как раз перед тем, как поднялась стрельба, у меня с Шенвэйром произошла стычка. Потом парнишка увязался за ним, и, как видно, они перестреляли друг друга. Шенвэйр был пьян, перецуган и, я уверен, выстрелил первым. А я даже не знал, что у парнишки есть оружие. Шенвэйр попал ему в живот. Он добрался до дома и там умер. Но оставил мне записку.

— Шенвэйра убил ты или нанял мальчишку для этого. И вот почему: Шенвэйр пытался урвать свою долю на ваших шантажистских делишках. И это он продал вас Кортузю.

Малверн вздрогнул и посмотрел в сторону Джин.

Живой румянец прихлынул к ее щекам, в глазах появился прежний блеск. Она медленно произнесла:

— Простите меня... лапочка, я напрасно думала о вас плохо!

Улыбнувшись, Малверн повернулся к Конанту.

— Она думала, что это я ее предал. Кто такой Кортузэй? Не тот ли продажный политикан, что служит вам в сенате как цепной пес?

У Конанта побледнело лицо. Он осторожно положил сигарету на блюдечко, перегнулся через стол и ударил Малверна в зубы. Малверн свалился на пол вместе с шатким стулом.

Джин вскочила на ноги, сжав кулачки. Малверн перевернулся на бок, поднялся сам и поднял с пола стул. Достав платочек, тщательно вытер губы.

На лестнице послышался топот, альбинос сунул в щель двери узкую голову и руку с пистолетом.

— Нужна помощь, хозяин?

Не глядя, Конант махнул рукой.

— Убирайтесь и закройте дверь с той стороны!

Шаги альбиноса затихли внизу. Малверн положил руку на спинку стула, покачивая его взад-вперед. В правой руке он все еще держал платочек. Губы у него раздулись и посинели, взглядом он косился на «люгер» Конанта.

— Может, вы думаете, что я долго буду терпеть ваш шантанжый бизнес? Совсем нет, браток. Я собираюсь его прикончить раз и навсегда. Тебе придется выболтать все, что знаешь о нем. У меня внизу три мальчика, которые соскучились без дела. Так что побеседуем всерьез.

— Да-а, но ваши мальчики внизу и вряд ли смогут вам помочь.

Он сунул руку с платком в карман пальто, а вытащил ее с вороненым пистолетом.

— Возьми-ка «люгер» за дуло и кинь сюда, чтоб я мог достать его.

Конант не тронулся с места, только переложил сигарету из одного уголка рта в другой.

— Ты догадываешься, что с тобой теперь будет?

Малверн слегка кивнул.

— Меня это мало заботит. Во всяком случае, я обещаю, что ты уже об этом не узнаешь.

Конант смотрел на него во все глаза.

— Откуда он у тебя? Разве эти подонки тебя не обыскали?

— Обыскали, но это пистолет Шенвэйра. Твой дружок-макаронник, должно быть, случайно зашвырнул его под ванну. Такая вот случайность.

Конант взял двумя толстыми пальцами «люгер» и бросил его через стол.

— Этот кон я проиграл. Такой ход нужно было предугадать заранее. Теперь мне остается только раскрыть карты.

Быстро пройдя через мансарду, Джин остановилась у стола. Малверн протянул руку и, взяв со стола «люгер», сунул его в карман пальто. Затем положил свой пистолет на спинку стула и направил ствол на Конанта.

— Кто этот человек? — спросила Джин.

— Дол Конант, местный заправила. Сенатор Джон Майерсон Кортузэй служит у него на побегушках в сенате. А сенатор Кортузэй, лапочка, тот самый человек, снимок которого красуется в рамочке на вашем столе. Тот самый, о котором вы сказали, что он ваш отец и что он давно умер.

— Он и есть мой отец, и я знала, что он жив. Как же иначе я могла посылать ему письма с требованием денег? Это делали мы втроем — Шенвэйр, Тарго и я. Он не был женат на маме, так что я незаконнорожденная, но все равно у меня есть права. Только он не хочет признавать их. Он обошелся с моей матерью отвратительно, оставив ее без цента. И он все время приставляет ко мне сыщиков, чтобы следить за мной. Шенвэйр был одним из них. Он узнал человека на фото, когда я приехала сюда и познакомилась с Тарго. Тогда он поехал в Сан-Франциско, чтобы достать копию моего свидетельства о рождении. Оно у меня с собой.

Она порылась в сумочке, открыла застёжку-«молнию» в под-

кладке, вытащила свернутый лист бумаги и швырнула его на стол.

Конант пристально оглядел Джин, протянул руку к бумаге и развернул ее.

— Этот документ ничего не доказывает.

Малверн тоже потянулся к бумаге.

Это была заверенная копия свидетельства о рождении, удостоверявшего подлинность рождения ребенка женского пола Адрианы Жанны Майерсон у родителей Джона и Антонины Джанни Майерсон.

Малверн внимательно изучил документ.

— Адриана Джанни — Джин Адриан. И вот это совпадение имен навело вас на след, Конант?

Конант покачал головой.

— Нет, Шенвэйр струсил и заложил девчонку Кортую. Его запугали, вот почему он снял себе это логово. Возможно, и убили его по этой причине. Тарго не мог этого сделать, потому что сидел в тюрьме. Все улики были против тебя, Малверн.

Малверн тупо посмотрел на него и ничего не ответил, а Джин горячо вмешалась:

— Я одна во всем виновата. Я хочу увидеть сенатора и сказать, что он больше обо мне не услышит. Но и он должен обещать, что не будет преследовать Дюка Тарго. Это возможно?

— Все возможно, лапочка, все, что угодно. Тому порукою два моих пистолета, — сказал Малверн. — Но почему вы так долго ждали? Почему не подали на него в суд раньше? Вы же артистка, и процесс только прибавил бы вам популярности, даже если бы вы его проиграли.

Джин прикусила губу.

— Моя мать не знала, кто он такой, не знала даже его полной фамилии. Для нее он был просто Джон Майерсон. Я тоже не знала этого, пока не приехала сюда и не увидела в газете его портрет. Он изменился, но я узнала его. И кроме того, первая половина фамилии...

Конант насмешливо перебил ее:

— Вы не требовали по закону потому, что чертовски хорошо знали — вы не его ребенок. Ваша мать навязывала вас ему, как всякая дешевка, которую лишили сытой кормушки. Кортую говорит, что он может это доказать, и докажет, чтобы поставить вас на место. Поверьте, сестричка, он именно из тех упрямцев, которые готовы погубить свою карьеру, разворотив старые сплетни двадцатилетней давности ради того, чтобы добиться своего. Только уж я постараюсь не доводить дело до конца. Мне недешево стоило провести его в сенат, и я намерен сохранить его там. Тебе не повезло, сестрица, я решил положить конец вашему шантажу. А для этого вам придется выехать за пределы штата... и надолго, вряд ли вы вообще сможете когда-нибудь вернуться сюда. Что касается вашего друга с двумя пушками, видимо, он был не в курсе. Но теперь-то он знает все и будет с вами в одной компании.

Конант постучал кончиками пальцев по столу, откинулся на

спинку стула, спокойно глядя на вороненое дуло пистолета в руках Малверна.

Малверн вкрадчиво спросил:

— А тот бандит у Сирано — не таким ли способом вы хотите положить конец шантажу?

Конант усмехнулся и покачал головой. Дверь на лестничной площадке тихо приоткрылась. Малверн, следивший за Конантом, не заметил этого, но Джин сразу же увидела. Ее глаза расширились от страха, и она отпрянула в сторону с испуганным возгласом, привлечшим к ней внимание Малверна.

В комнату с оружием в руках вошел альбинос. Его красные глаза горели, губы растянулись в звериной усмешке.

— Дверь у нас того... вроде бы чересчур тонка, хозяин. Я все слышал... Брось свою пушку, олух, не то я вышибу вам обоим мозги.

Малверн слегка повернулся, раскрыл ладонь, и тяжелый вороненый пистолет упал на ковер. Он пожал плечами и широко развел руками, не глядя на Джин. Альбинос приблизился к Малверну и уперся в его спину дулом пистолета.

Конант вышел из-за стола, вынул из кармана Малверна свой «люгер» и, не говоря ни слова, ударил им Малверна в скулу.

Малверн пошатнулся и рухнул на пол. Конант закурил новую сигарету и угрюмо проворчал:

— Так, значит, она хочет встретиться со своим папашей. Ладненько, устройм ей эту встречу. Поедем и побеседуем. Тут что-то не так — папахивает предательством. — Он поднял глаза на плотного приземистого бандита и приказал ему: — Вы с Левшой отправляйтесь в город и привезите Тарго в дом сенатора. Проверните дело как можно быстрее. Марш!

Два бандита отправились вниз по лестнице. Конант посмотрел на Малверна, ткнул его носком туфли и продолжал пинать до тех пор, пока тот не зашевелился и не открыл глаза.

IX

Машина остановилась на вершине холма перед высокими литыми воротами. Дверь в сторожку возле ворот была открыта, и желтый свет обрисовывал широкоплечую фигуру стоявшего на пороге человека в пальто и надвинутой на лоб шляпе.

— Чего надо? Выходите, я вас вижу! — закричал он.

— Открывая ворота, простофиля. Ослеп, что ли, мистер Конант приехал в гости к твоему хозяину!

— Ничего себе! А ты знаешь, который час?

Конант открыл дверцу машины и подошел к воротам. Шум дождя заглушил их голоса.

Малверн повернул голову к Джин и погладил ее руку. Она оттолкнула ее и тихо сказала:

— Дурачок, ах, какой вы дурачок!

Малверн вздохнул:

— Я всю наслаждаюсь жизнью, лапочка, просто наслаждаюсь.

Человек за воротами вытащил ключ на длинной цепочке,

отомкнул замок и открыл ворота настежь. Конант и альбинос вернулись к машине и припарковались на асфальтированной площадке, окруженной кипарисами. Широкая каменная лестница вела к парадному входу с открытой дверью, в которой стояли, дожидаясь их, мужчина в банном халате и Тарго с двумя бандитами по бокам, тесно прижимавшимися к нему. Он был без шляпы и пальто.

Гости поднялись по лестнице и вошли в дом. В сопровождении дворецкого они прошли через фойе, увешанное портретами, миновали чопорный овальный зал и оказались в кабинете, отделанном панелями, с мягким освещением, тяжелыми портьерами и уютными кожаными креслами.

За большим темным столом, в нише из невысоких книжных шкафов, стоял высокий худощавый человек в вельветовом халате.

Дворецкий закрыл дверь. Конант высунул за дверь голову и кивнул своим людям, сопровождавшим Тарго. Они вошли, и альбинос подтолкнул Тарго к стулу. Тарго выглядел каким-то сонным, на одной щеке у него засохла грязь, а глаза были безумны, как у наркомана.

— Ох, Дюк, что с тобой? Ты не болен? — рванулась к нему Джин.

Тарго заморгал глазами и попытался улыбнуться.

— Ты тоже вынохиваешь? Брось притворяться! Со мной все в порядке.

Джин отошла от него, села на стул и съезжилась, точно от холода.

Человек за столом оглядел их всех по очереди холодным взглядом, затем сказал безжизненным тоном:

— Значит, это и есть шантажисты? Так ли уж было необходимо тащить их сюда глубокой ночью?

Конант снял пальто и кинул его на пол, затем закурил сигарету и остановился посреди комнаты — крупный, грубый, неотесанный человек, уверенный в себе и в своих правах.

— Девчужка захотела встретиться с вами, сенатор, и сказать, что она просит прощения и согласна пойти на мировую. Парень в белом пиджаке — Тарго, боксер. Он угодил в беду со стрельбой в одном ночном заведении и попал в полицию, но там вел себя не совсем мирно, так что они были вынуждены накачать его снотворным, чтобы немного успокоить. А вот этот парень — Тед Малверн, сын старого Маркуса Малверна. С ним еще не все ясно.

Малверн сухо уточнил:

— Я частный детектив, сенатор. Здесь я представляю интересы моей клиентки, мисс Адриан.

Конант грубо продолжал:

— Шенвэйр, о котором вы знаете, отбросил копыта. Не по нашей вине. Тут надо еще кое-что выяснить.

Сенатор кивнул и, взяв гусиное перо, стал поглаживать им ухо.

— Как вы решили это дело, Конант? — спросил он тонким голосом, глядя в потолок.

Конант пожал плечами.

— Я человек простой, необразованный, но поступил бы по закону. Поговорите с прокурором и засадите их в тюрьму по подозрению в вымогательстве. Можно дать материал в газеты, а потом подождать, пока вся эта история заглохнет. Потом вышвырнуть их из штата и запретить возвращаться, если они не хотят нажить себе неприятностей.

Сенатор Кортузэй стал поглаживать себе другое ухо.

— Но они могут напасть на меня издали, — сказал он ледяным тоном. — Нет, я за открытый судебный процесс, чтобы засадить их надолго.

— Судить их нельзя, Кортузэй. Это повредит вашей политической карьере.

— Я устал от политики, Конант, и буду рад подать в отставку. — Губы сенатора сложились в слабую улыбку.

— Черта с два, подадите, — проворчал Конант и, повернув голову, резко скомандовал: — Сестра, подойдите сюда!

Джин встала, прошла через кабинет и остановилась возле стола.

— Узнаете ее?

Кортузэй долго всматривался в напряженное лицо девушки, не выказывая никаких чувств. Он бросил перо на стол, открыл ящик и достал фотографию. Несколько раз переводил взгляд с фотографии на девушку, потом невыразительно произнес:

— Карточка давнишняя, но сходство очень большое. Я, не колеблясь, могу утверждать, что это одно и то же лицо.

Кортузэй положил карточку на стол, таким же неторопливым движением вытащил из ящика автоматический пистолет и положил его рядом с фотографией.

— Он вам не понадобится, сенатор, — глухо произнес Конант. — Послушайте, ваша идея относительно открытого процесса — совершеннейшая чушь. Давайте сделаем так: я получу от них полное признание, и мы подержим их некоторое время за решеткой. Если они примутся за старое, тогда у нас будет время свернуть им шею.

Малверн чуть улыбнулся, пересек кабинет по диагонали и остановился у стола.

— Я бы хотел взглянуть на карточку, — сказал он и, внезапно наклонившись, взял фотографию.

Худая рука Кортузэя вцепилась в пистолет, потом разжалась. Он откинулся в кресле и устремил на Малверна холодный взгляд.

Рассмотрев фотографию, Малверн положил ее на стол и приказал Джин:

— Сядьте на место! — Джин повернулась, подошла к своему стулу и устало опустила на него.

— Мне понравилась ваша идея открытого процесса, сенатор. Это открытая и честная игра, которая вряд ли обрадует мистера Конанта — уж слишком она отличается от вашей обычной политики. Но она не пройдет. — Он щелкнул ногтем по фотографии. — Здесь лишь приблизительное сходство. Лично я не сказал

бы, что это одно и то же лицо. Уши у них разной формы и на портрете они расположены ниже, чем у мисс Адриан, глаза тоже расставлены ближе, а линия челюсти длиннее. Такие вещи с возрастом не меняются. Итак, что мы имеем? Письмо с попыткой вымогательства, но чье оно? Если бы вы могли конкретно указать на его автора, то давно обратились бы в суд. Далее — имя девушки? Простое совпадение. Что еще?

Лицо у Конанта стало твердым, как гранит, губы издевательски кривились.

— А свидетельство о рождении? Ведь девчонка вынула его из своей сумочки, умник ты этакий!

— Вы забыли, что его достал Шенвэйр, а он мертв, — заключил Малверн с хитрецей в голосе.

Лицо Конанта исказилось от ярости. Он сжал кулаки и шагнул к Малверну.

— Ты... ты... чертов ублюдок...

Джин наклонилась вперед, глядя на Малверна круглыми глазами, так же удивленно глазел на него и Тарго, улыбаясь разбитым ртом.

Малверн многозначительно продолжал:

— Я раскрою вам еще несколько причин, почему не будет судебного процесса. Выстрелы у Сирано. Угрозы Тарго, вынуждающие его проиграть нынешний бой. Бандит, что явился в номер мисс Адриан и ударил ее по голове кастетом, оставив валяться на пороге номера. Ты ничего не унюхал своим длинным носом, Конант? Ты не можешь связать все эти ниточки в узел? А ведь тут нет ничего хитрого!

Кортуэй придвинулся грудью к столу и положил руку на пистолет, охватив его рукоятку. Глаза на белом застывшем лице превратились в черные дыры.

Конант не шевелился и молчал.

— Почему Тарго угрожали? Почему бандит после того, как Тарго выиграл бой, появился в ресторане «У Сирано», хотя ночной клуб не лучшее место, чтобы сводить счета? Не догадываетесь? Да потому, что там он был вместе с Джин, а Сирано был покровителем Тарго, и если что-нибудь произошло бы у Сирано, то полиция первым делом уцепилась бы за версию угроз, упустив из виду все другие. Вот почему процесса не будет. Угрозы делались для отвода глаз и служили лишь предлогом для убийства. Согласно плану, Тарго обязательно должен был находиться вместе с Джин Адриан, чтобы бандит смог свалить ее вместе с Тарго, создавая видимость, что убийство Тарго и было его единственной целью.

Конечно, бандиту пришлось бы прикончить и Тарго, но главной его мишенью была девушка, потому что она служила движущей пружиной всей махинации и представляла для вас основную опасность. Без нее все дело теряло смысл, а с ней, даже в случае провала, всегда можно было бы начать обычный судебный процесс о признании отцовства.

Вы, сенатор, знали о девушке и о Тарго от Шенвэйра, который испугался и предал их. А Шенвэйр знал о плане убийства, потому что, когда убийца появился в ресторане, он затеял со

мною пьяную драку, чтобы помешать предотвратить это убийство.

— В этой игре я не участвовал, дружище, можешь мне поверить, не участвовал, — перебил его хрипло Конант.

Малверн продолжал:

— Слушайте дальше. Девушку можно было убить и в отеле кастетом, но бандит не сделал этого, потому что там не было Тарго, а бой еще не состоялся и не мог служить прикрытием для убийства. Зачем же он тогда приходил? Очень просто — ему нужно было посмотреть на девушку без грима, чтобы не обзавестись в следующий раз. А она была чем-то напугана и вытаскивала оружие. Он сбил ее с ног ударом по голове и убежал.

Конант опять повторил:

— Я не участвовал в этой игре, дружище. — Он вытащил из кармана «люгер» и положил его на колено.

Малверн пожал плечами и повернулся к сенатору.

— Да, но вот он участвовал. У него были для этого мотивы, и игра разыгрывалась по его нотам. Он затеял ее вместе с Шенвэйром, но в случае неудачи Шенвэйр раскололся бы и тогда в дело пришлось бы вмешаться властям. И важный, сильный, влиятельный Дол Конант оказался бы тем парнем, у которого рывок в пушку.

Кортуэй криво улыбнулся.

— Молодой человек очень изобретателен и хитроумен, но...

Тарго вскочил на ноги. Едва шевеля разбитыми губами, он крикнул:

— Для меня все это звучит очень убедительно! Вы заслуживаете того, чтобы вам свернули шею, проклятый интриган!

Альбинос проворчал:

— Сидеть, щенок! — и поднял пистолет.

Тарго слегка повернулся и ударил его в челюсть. Тот опрокинулся навзничь, пистолет вывалился из ослабевшей руки и покатился по полу.

Тарго бросился к столу... Кортуэй поднял пистолет, и его палец на курке побелел. Грохнул выстрел...

Малверн подскочил к Джин и заслонил ее своим телом. Тарго глянул на свои руки с какой-то глупой улыбкой, затем сел на пол и прижал руки к груди.

Кортуэй опять вскинул пистолет, и тогда «люгер» Конанта взметнулся и дважды польхнул огнем. Кровь брызнула из руки Кортуэя, и пистолет вывалился из нее, упав на стол. Длинное тело переломилось пополам.

Подождав немного, Конант нагнулся и спокойно произнес:

— Съел пулю. Прямо в рот... А для меня потерян честный, чистый, как стеклышко, сенатор.

Тарго отнял руки от груди, упал на пол и затих.

Дверь в кабинет распахнулась. На пороге стоял дворецкий с растрепанными волосами и с раскрытым от страха ртом. Он хотел что-то сказать, но, видя Конанта с пистолетом в руках и Тарго, лежащего на полу, промолчал.

Альбинос поднялся на ноги, потирая челюсть, и поплелся вдоль стены.

Конант зарычал на него:

— Дерьмовый же из тебя телохранитель! Отправляйся к телефону и вызови сюда капитана Мэллоя и полицейского дежурного. Да поживее!

Малверн повернулся к Джин и взял ее за подбородок.

— Светает, лапочка. И дождь, верно, уже кончился. Давай выпьем... за Тарго.

Девушка покачала головой и закрыла лицо руками.

Спустя некоторое время послышался вой сирены.

X

Тоненький усталый мальчуган в голубой униформе отеля «Карондле» придержал рукой в белой перчатке дверь лифта.

— У Корни фурункулы подживают, но он еще не вышел на работу, мистер Малверн. Старший над мальчиками, Тони, тоже сегодня утром не явился. Везет же некоторым...

В углу кабины стояли Малверн и Джин. Больше в лифте никого не было. Малверн резко бросил:

— Не говори, чего не знаешь!

Мальчишка покраснел. Малверн шагнул к нему, похлопал по плечу.

— Не обращай внимания, сынок. Я всю ночь провел у постели больного друга. Вот, возьми, это тебе на второй завтрак.

— Да что вы, мистер Малверн, я вовсе не хотел...

Дверь открылась на девятом этаже, и они пошли по коридору до девятьсот четырнадцатого номера. Малверн вынул ключ и открыл дверь.

— Выспитесь, лапочка, чтобы встать свежей как огурчик. Возьмите мою фляжку и слегка надеритесь — вам это будет полезно.

Девушка бросила через плечо:

— Я не хочу надираться. А вы лучше зайдите на минуту, мне нужно вам что-то сказать. — Она прошла в комнату, сбросила шляпку и села на диван. — Вы пережили столько неприятностей ради меня. Не знаю, чем я заслужила такое отношение.

— Я мог бы выдумать всякие причины, но не буду, так как они не спасли Тарго от смерти, и здесь есть доля моей вины. А с другой стороны, он сам виноват — я не просил его пытаться свернуть сенатору шею.

— Вы себя считаете прожженным, повидавшим виды детektivом, на самом деле вы сентиментальный олух, готовый подставить себя под выстрелы ради первой встречной шлюхи. Забудьте о Тарго и обо мне. Мы не стоим ваших забот. Я говорю вам это потому, что собираюсь уехать отсюда, как только мне позволят. Это мои прощальные слова. Мне трудно признаться, что я обыкновенная шлюха, но я не нуждаюсь в сочувствии. Я слишком много голодала и слишком много лгала. Поэтому не хочу иметь с вами дела... никогда.

— Мне нравится, каким тоном вы все это рассказываете, — заметил Малверн, — продолжайте.

Она взглянула на него и отвела взгляд в сторону.

— Я совсем не Джинни. Но об этом вы догадались сами. Я только была знакома с ней. Мы выступали вместе в номере под названием «Танцующие сестры» — Ада и Джин Адриан. Номер провалился, мы поступили в передвижной эстрадный театрик, но и он лопнул. Переезды оказались для нее непосильными — она отравилась. Я храню у себя ее фото, потому что мы были близки, и я знала ее историю. Глядя на эту худющую скотину на портрете и думая о том, что он мог бы сделать для нее, я стала ненавидеть его. Она на самом деле была его дочерью, можете не сомневаться. Я даже писала ему, прося помощи, и подписывалась ее именем, но ответа от него не получала. Я возненавидела его так сильно, что решила отомстить, и приехала сюда, как только наскребла денег. С Тарго я познакомилась через Сирано, а потом и с Шенвэйром. Тот узнал карточку. Он работал во Фриско в каком-то агентстве, которому было поручено следить за Адой. Остальное вы знаете.

— Все это не так страшно. Я только удивляюсь, что попытка сорвать куш не была сделана раньше. Или вы хотите меня уверить, что вам не нужны были его деньги?

— Нет, я бы их взяла, но главным для меня были не деньги. Малверн слабо улыбнулся.

— Вы пустились в авантюру и были пойманы. Что было, то было. Но деньги не пошли бы вам на пользу — это были бы грязные деньги. Поверьте мне, я знаю, что говорю. Знаю потому, что у меня тоже грязные деньги. Мой отец делал их на подложных сделках по прокладке очистных сооружений и дорог, на концессиях игорного бизнеса и, смею думать, на пороке. Он наживался любым способом, каким только можно, занимаясь управлением городом. А когда скопилась целая куча денег и больше ничего не оставалось, как сидеть и любоваться ею, он умер, оставив все мне. А мне они тоже ни к чему. Я жду, когда они начнут приносить мне счастье, но его нет и нет. Потому что я его потомство, его кровь и плоть, я возвращен в той же сточной яме. Я сутенер, лапочка, который проживает награбленное добро, а сам не осмеливается даже украсть.

Он замолчал, стряхнул пепел на ковер и надвинул шляпу на лоб.

— Подумайте об этом и не убегайте от меня слишком далеко — у меня уйма свободного времени, и я все равно вас найду. Для нас было бы забавнее сбежать куда-нибудь вместе.

Он двинулся к двери, остановился, быстро взглянул на девушку и вышел.

Когда дверь захлопнулась, Джин прошла в спальню и упала на постель. Потом долго лежала, уставясь глазами в потолок. Наконец она улыбнулась и, не переставая улыбаться, заснула.

**Перевод с английского
ВАДИМА ТОМИЛОВА.**

 заочное обучение - по почте

100 %-е, легкое и быстрое

ЗАПОМИНАНИЕ

активное и продуктивное

МЫШЛЕНИЕ

СКОРОЧТЕНИЕ

НАЧАЛЬНОЕ ЧТЕНИЕ

121151 Москва Кутузовский просп. 24, ШРЧ
 Тел. 24-999-84

очное обучение - в Москве

с 14 до 45 лет
 с 8 до 12 и с 4 до 6 лет

УЗНАЙТЕ ВАШЕ БУДУЩЕЕ

ОРИГИНАЛЬНЫЙ ПОДАРОК ЛЮБИМЫМ И БЛИЗКИМ
 К ДНЮ РОЖДЕНИЯ И НОВОМУ ГОДУ -

1. Личный Астрологический календарь на 1994 год — 450 руб.
2. Расчет цели жизни по фамилии, имени, отчеству — 350 руб.
3. Семейная и сексуальная совместимость с партнером — 450 руб.
4. Описание вашей предыдущей жизни — 300 руб.

Просуммировав услуги, произведите оплату почтовым переводом по адресу: 123154, Москва, а/я 89, Куропаткину С. Б. Квитанцию почтового перевода, названия прогнозов, а также сведения о себе и партнере: число, месяц, год, время (местное) и место рождения высылайте по адресу: 123154, Москва, а/я 89, Куропаткину С. Б. На каждый заказ вложите конверт с адресом и марками.

”Там чудеса, там леший...”

«Я ведал: ненарекаемость Возничего, неизбежность Полевичего, ненасытность Огневичего, нерассыпность Водяничего, неувядаемость Девичьего. Я ведал». Так блистательно сказал о своем постижении мира — далекого, неведомого и загадочного — мира древних славян — величайший поэт начала XX века, реформатор Велимир Хлебников. Это замечательное четверостишие взял в качестве заставки к одной из своих

картин — огромному полотну «Древний языческий праздник» — художник Сергей Поляков. С работы над «Праздником» начался новый период в его творчестве, сопровождавшийся поисками смелых живописных решений. Он смог как бы заново открыть дохристианскую эпоху с ее язычеством, древними ритуальными обрядами и праздниками. Яркие, самобытные полотна Полякова неоднократно выставлялись в Мо-

скве, в Нью-Йорке и других городах США. Сейчас его произведения хранятся в галереях крупных коллекционеров Америки, Европы, Японии и в нашей стране.

Сergeй Поляков родился в 1956 году в Гомеле. В его роду были кузнецы и врачи, военные и скульптор и даже плотгоны.

После переезда семьи в Москву он учился в художественном училище памяти Революции 1905 года, где прошел многочис-

ленные стадии увлечения всеми модными направлениями в живописи — от сюрреалистической графики до дизайна. После училища поступил на оформительский факультет Строгановки. Прочувшись год, понял, что его призвание — живопись, и перевелся в институт им. Сурикова, в мастерскую портрета профессора Ильи Глазунова. Первоначально он пытался выразить себя в православной традиции, увлекшей большое

количество художников студии портрета. У Сергея появились полотна, композиционно выстроенные по принципу русской житийной иконы (в картине «Слово о полку Игореве» он разместил центральную фигуру князя в середине, в клеймах — эпизоды «жизия» главного героя). Но характеру живописца оказалась чужда созерцательность, присущая традиционной иконе. Приняв участие в работах по росписям Новосибирского и Свердловского кафедральных соборов, домашней церкви патриарха в Свято-Даниловском монастыре, овладев техникой иконописания, художник избрал иной путь. Выходец из исконно славянской Белоруссии, он далеко не случайно обратился к духовности через мир сказок и мифов, героике эпоса и легенд своего народа. Усвоив русскую живописную традицию, уроки неоромантика Виктора Васнецова и символизм Михаила Врубеля, отталкиваясь от древнеславянских мотивов Рериха, Поляков обрел собственное художественное видение древнеславянского мира. Этот мир у него прекрасен, радостен, гармоничен и несет в себе светлое начало. Художник раскрепощен от каких бы то ни было условностей и одновременно таинствен и загадочен.

Работая над произведениями древнеславянской тематики, Поляков занялся мифотворчеством. Заново создал иконографию некоторых языческих богов, ведь практически не сохранилось никакого изобразительного материала, никаких свидетельств того, как древние славяне представляли своих божеств (археологические находки недостаточны для рекон-

струкции их облика). Фантазия художника как бы воскрешает величественную Мокошь, чье лицо не дано увидеть никому из смертных (некогда она возглавляла славянский пантеон), прекрасную богиню Зорьку-дивную, таинственного Велеса — скотьего бога и малые божества — духов земли, воды, леса: леших, кикимор, домовых. Они представлены не как злая сила — «нечисть», а как добрые обитатели и хозяева лесов, человеческого жилища. Обращается Сергей и к сказочным сюжетам. Он не ставит перед собой задачу иллюстрировать известные тексты, а открывает особенный сказочный мир. Так появились новые вариации на темы сказов Бажова «Хозяйка медной горы» и аксаковского «Аленького цветочка» («Сон»).

Художник постоянно обращается в своих работах к былинным персонажам, знакомым с детства, — Садко, Святогор, Микула Селянинович, Никита Кожемяка... Эти полотна Сергея Полякова завораживают красотой и неожиданностью цветовых решений. Художник может быть резок и лаконичен, а может быть щедрым, ярким и сочным. Подобная гибкость и универсальность его дарования обещает многое...

АЛЛА ПАВЛЕНКО

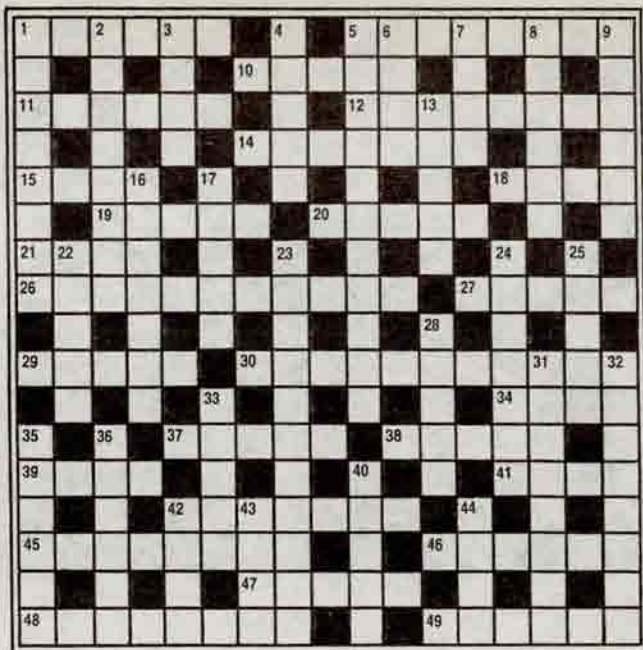

Домовой и кикимора.

Лютый.

1. Излучина реки. 5. Делец в сфере валют и ценных бумаг. 10. Звезда в созвездии Дракона, вблизи которой три тысячи лет назад был Южный полюс. 11. Сорокин быстро доложит, «кто и что отправил в рот, нет ли, есть ли ... новый, и из чьих таких щедрот новый сак у Ивановой» (В. Маяковский. «Сплетник»). 12. Виктор Ардов шутил: «Нет, вы знаете, я изо всех театров люблю ...» 14. Грузинская борьба под мелодию дудука и доли. 15. «Спутница» Дон Кихота в одноименной пьесе М. Булгакова. 18. Герой римской мифологии, чьей дочерью была Бона деа (Добрая богиня). 19. В Арабском халифате христианин или иудей обязан был для отличия носить на шее печать. Материал, из которого ее делали. 20. Прибрежный песок, способный утопить человека. 21. Пароход, на котором в 1910 году М. Сарьян плыл из Севастополя в Константинополь. 26. Актер А. Кторов или Б. Шукин по спортивному увлечению. 27. Россия — орел, Франция — .... 29. Река, в которой маршал Генриха Третьего Строщи приказал утопить восемьсот проституток, следовавших за его войском. 30. Процесс при встрече вещества и антивещества. 34. Одна из любимых карточных игр Н. Гумилева. 37. Ночное действо с тринадцатью участниками и участницами. 38. Скифский футляр для лука и стрел. 39. Цыганский суд, где с правом голоса присутствует весь табор. Лгать на нем цыгане не решаются. 41. Постель ночлежника (М. Горький. «Бывшие люди»).

42. Река, в которую в городе Мостар вот уже четыреста лет молодые парни, состязаясь в удали, прыгают с моста тридцатиметровой высоты, построенного в 1566 году. 45. Первоначальное название газетного подвала. 46. Каждый из тридцати трех больших боевых кораблей знаменитой испанской армады. 47. Техника, обогащающая орнаментальный ритм ювелирного изделия. 48. Меняла в Древней Греции, обычно вольноотпущенник, метек или раб. 49. Художник, чьи картины «Сосна» и «Крутой песчаный берег моря» были в собрании С. И. Щукина.

По вертикали:

1. Автор слов знаменитой в свое время песни о Павлике Морозове на музыку Ференца Сабо. 2. В Священном Писании встречаются Михаил, Гавриил, Рафаил, Уриил, Салафиил (каждый из них по чину). 3. Писатель, после похорон А. Пушкина взявший себе его сюртук со следом дуэльной пули. 4. Самоцвет. С ним в арабской поэзии часто сравнивают губы любимой. 5. Поэт, которого К. Павлова считала своим учителем. 6. Город на западе страны, чье название произошло от Рима. 7. Не хвали ветер, не извевя ... (русская пословица). 8. У белорусов и украинцев — дрымба, у марийцев — ковыж, у башкир и татар — кубыз, у русских — .... 9. Мясо, из которого казахи делают казы, карт и шужук. 13. Вожжи, гужи, седелка, уздечка, хомут, шлея (общее название). 16. Дисциплина, чье полное название в переводе с арабского значит: наука о том, как из рассеянных частей посредством сравнительного противопоставления восстановить целое. 17. Южный плод. Сушат его прямо на дереве. 22. Огородное растение гобо в Японии — это местный ... 23. Ричард Львиное Сердце, Иоанн Безземельный (династическая фамилия). 24. Первый репортер первой русской газеты «Ведомости». 25. Лицейский Большой Жанно, Иван Великий, Иоанн Богослов. 28. Плод, чей запах стимулирует человеческий организм. 31. В России — кремль, на Западе — .... 32. Близкий «родственник» венераина башмачка. 33. Высшая форма хореографии. 35. Место на «Палладе», где во время стоянки на Ликейских островах ненадолго разместили китайцев с корабля, севшего на мель (И. Гончаров, «Фрегат «Паллада»). 36. Василек, душистый горошек, ... — цветы, сулящие счастье рожденным под знаком Овна. 40. Представитель народа, слагающего каждому «личную песню». Она становится как бы его музыкально-психологическим портретом. 42. Ромен Роллан сказал о «Тиле Уленшпигеле»: «Это поэма той семьи, которая на языке символов означает: Клаас — мужество, Уленшпигель — дух, ... — сердце, Ламме — утроба народа Фландрии». 43. Режиссер, представитель итальянского «политического кино». 44. Французский композитор, «человек противоречий».

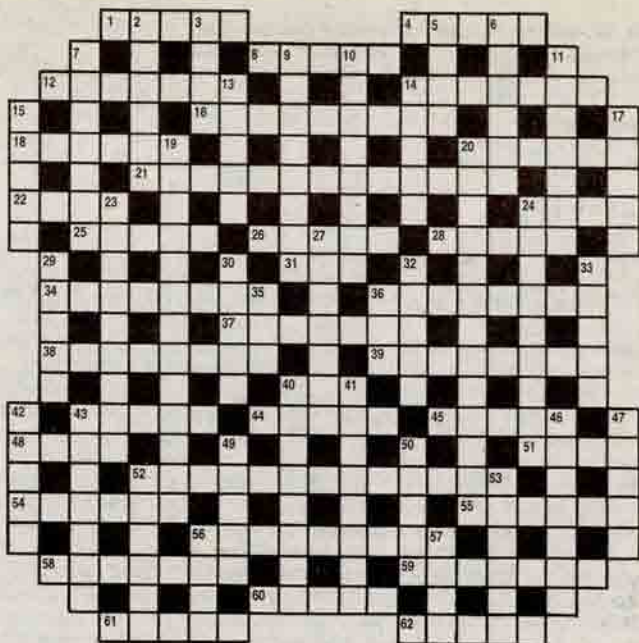
ОТВЕТЫ НА «ЗРУДИТ», НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. ...шкура... 4. Ессеи. 8. Охота. 12. Иезуит. 13. Эррера. 14. Лакомка. 15. Пример... 18. ...зудень... 19. Чевяк. 20. Родос. 25. Геронтолог. 26. Кипу. 28. Конь. 29. Окселиквит. 33. Серна. 34. Народ. 38. Куриал. 40. Федаин. 41. ...церковь. 42. ...боярин. 43. Пушкин. 44. Айван. 45. Гелий. 46. Бриар.

По вертикали:

2. Казбич. 3. Ртищев. 5. Страус. 6. Еремей (Парнов). 7. Лиена. 9. Хааб. 10. Трофология. 11. Патья. 13. Экзот. 16. Мейринк. 17. Рядно. 21. Огаки. 22. Волконский. 23. Нимврод. 24. Вушта. 27. Жираф. 30. Селен. 31. Якоби. 32. ...армяне... 33. Сациви. 35. Ренуар. 36. Даукша. 37. Юнона. 39. Увеа.

КРОССВОРД
Составил
М. АКУЛИЧ,
Омск

По горизонтали:

1. Отрок, ..., мужчина. 4. Буква старой русской азбуки. 8. Птица, способная вытащить из воды рыбу больше собственного веса. 12. Бассетгорн как инструмент. 14. Положение, когда у шахматиста нет времени обдумывать ходы. 16. Оптический прибор. 18. В России — репей, в Армении — кратук, в Грузии — ораванда, в Азербайджане — ... 20. К. Батюшков: «Любви И Очи и ланиты» (скопление гласных). 21. Царь Вавилонии, построивший первый подземный тоннель под рекой Евфрат. 22. Еда, пища. 24. Жена английского лорда или барона. 25. Домашняя одежда. 26. Картежный мошенник. 28. Способ транспортировки леса. 31. Теннисная партия. 34. Насыпь вдоль окопа. 36. Прекрасная и Премудрая героиня русских сказок. 37. Клевета, поклеп. 38. Греческий поэт, именем которого названа легкая, светлая, радостная лирика. 39. Антисептическое средство. 40. Строительный камень Еревана. 43. Штат США. 44. Русский скульптор, в девятнадцать лет приехавший с рыбным обозом из Холмогор в Петербург. 45. Соревнование на скорость. 48. Бадминтон, нарды, софтбол (общее название). 51. Узбекский поэт-просветитель. 52. «Детство», «В людях», «Мои университеты» М. Горького по жанру. 54. «Оценщик в литературе». 55. Азиатская страна, где лучший комплимент даме сердца звучит так: «Моя любимая, ты настоящая змея». 56. Отделочный, кровельный или упаковочный материал. 58. Хулиган. 59. Трава, теряющая ядовитые свойства при высушива-

нии. 60. Монета, на которой изображали Дмитрия Донского и хана Тохтамыша. 61. Снежный вихрь. 62. «Остромирово евангелие» (тип почерка).

По вертикали:

2. Напиток для опохмелки Мечникова в «Двенадцати стульях» И. Ильфа и Е. Петрова. 3. Ерихонка, мисюрка или шишак. 5. Колодезный журавль. 6. Персонаж в поэме А. Пушкина «Руслан и Людмила». 7. Страж порядка на Олимпиадах древности, вооруженный бичом или дубинкой. 9. Трутовик, превращающий древесину в труху. 10. Оружие, чье название советские космонавты присвоили созвездию Овен. 11. Сын полка в повести В. Катаева. 13. Страница книги с библиографическими сведениями. 14. Стук копыт бегущей лошади. 15. Часть геологического периода. 17. Слова «Лишенный наследства» на щите Айвенго в романе В. Скотта. 19. Профессия господина Бонасье в «Трех мушкетерах» А. Дюма. 20. Наука, изучающая, в частности, как ведет себя белая мышь в «ящике Скиннера». 23. Индийская предшественница шахмат. 24. Последний этап в отделке древесины. 27. Альпинистский инструмент. 29. Обезжиренное молоко. 30. Белолобый в рассказе А. Чехова. 32. Перевозчик умерших через реки подземного царства в греческой мифологии. 33. Головной убор у мусульман. 36. Громкий протяжный плач. 40. Часть тела человека. 41. И. Сеченов как ученый. 42. Круглая шапка с меховым опускающимся околышем. 43. Основной продукт питания сатиров согласно утверждению Герарда в его «Травнике». 46. Один из семи римских холмов. 47. Убыток, недостаток. 49. Плод, сироп из которого применяют в медицине. 50. Множество. 52. Французский писатель, продолжатель традиций Г. Флобера и А. Франса. 53. Старинный русский плащ. 56. Индийский струнный музыкальный инструмент. 57. Гибкий канат.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 8

По горизонтали:

1. Кноп. 4. Ясак. 8. Генетик. 10. Холиямб. 12. Вавилон. 15. Аркадьев. 16. Династия. 17. Сенокос. 18. Жасмин. 20. Льянос. 21. Цезальпиния. 26. Забава. 28. Иннинг. 30. Смеситель. 31. Облако. 34. Оценка. 38. Микротеутис. 43. Валдай. 44. Нсавам. 45. Сборщик. 47. Тбилисец. 48. Транжира. 49. Мозаика. 50. Эралиев. 51. Анчутка. 52. Уста ... 53. Хрип.

По вертикали:

2. Наездница. 3. Привес. 4. Янонис. 5. Алиханьян. 6. Черкеска. 7. ...Сметанин... 9. Кавеса... 10. Ходори. 11. Баржа. 13. Игорь. 14. Ляссе. 19. Невский. 20. Линьцин. 22. Замок. 23. Лассо. 24. Потье. 25. Нилот. 27. Бал. 29. Ион. 32. Биллиард. 33. Амариллис. 35. Ессентуки. 36. Коврижка. 37. Цветы. 39. Рубцов. 40. Торба. 41. Улитка. 42. Умиак. 45. Семела. 46. Кранах.

Шахматная эпиграмма

284

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Завершаем публикацию итогов международного конкурса составления шахматных задач-миниатюр журнала «Смена» за 1992 год.

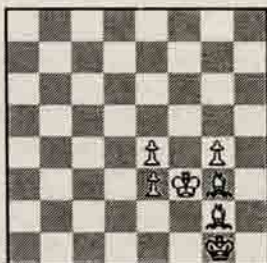
В конкурсе многоходовок приняло участие 137 задач 93 авторов (опубликовано 22). Из конкурса исключаются задачи: № 18 — из-за побочного решения, № 26 — как опубликованная в другом издании, № 51 — из-за предшественника.

Присуждение — предварительное. Замечания принимаются в течение двух месяцев со дня публикации итогов, после чего итоги вступают в силу.

I приз

50. В. АНТИПОВ

г. Боровичи Новгородской обл.

Мат в 6 ходов

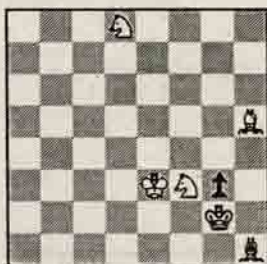
б) н. g4 — e2

а) 1. Ch4 Kph2 2. Cf1 Kpg1 3. Kpe2 Kph2 (h1) 4. Kpf2 Kph1 (h2) 5. Cg2 (g3) Kph2 (h1) 6. Cg3 (g2) x
б) 1. Ch3 Kph1 2. Ce1 Kph2 3. Kpg4 Kpg1 (h1) 4. Kpg3 Kph1 (g1) 5. Cg2 (f2) Kpg1 (h1) 6. Cf2 (g2) x
Превосходная изобразительная задача с красивой эхо-игрой и двумя парами правильных эхо-матов.

II—III приз

27. Н. ЗИНОВЬЕВ

г. Усть-Каменогорск

Мат в 5 ходов

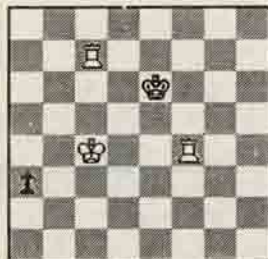
1. Ce8! Kpf1 2. Cb5 Kpg2 3. Ke6 Kph3 4. Kf4 Kpg4 5. Cd7x, 1...Kph3 2. Cd7 Kpg2 3. Ke6 Kpf1 4. Cb5 Kpg2 5. Kf4x.
 1. Cg6? Kpf1! 2. Cd3 Kpg2 3. Ke6 Kph3 4. Kf4 Kpg4 5. Cf5x?
 1. Cf7? Kph3! 2. Ce6 Kpg2 3. Ke6?

Только после далекого и красивого отступления белого слона возможны согласованные действия белых фигур. Это подчеркнуто ложными следами.

II—III приз

47. В. ЖЕЛТОНОЖКО

Екатеринбург

Мат в 4 хода

1. Lcf7? Кре5 2. Л7f6 a2 3. Kpd3 Kpd5 4. Л4f5x, 1...Kpd6 2. Ле4 a2 3. Лfe7 Крс6 4. Л4e6x, 1...a2!
 1. Лf7! Кре5 2. Лс6 a2 3. Лf6 Кре4 4. Лсе6x, 1...Kpd6 2. Лfe7 a2 3. Kpb5 Kpd5 4. Лсd7x.
 Перемена игры с правильными эхоматами.

1-й почетный отзыв — задаче № 90 Ю. Дорогова и В. Щербины (Донецк). Трудная для решения задача с тонкими маневрами белой ладьи.

2-й почетный отзыв — задаче № 87 М. Замотаева и В. Коваленко (Приморский край).

Соль задачи — в ложных следах, где черные спасаются благодаря вынужденному перекрытию превращенного ферзя и ладьи белых.

3-й почетный отзыв — задаче № 101 М. Онищенко (Калуга). Красивы антикритические маневры белых слонов.

4-й почетный отзыв — задаче № 61 В. Кожаккина (Магадан) и В. Щербины (Донецк).

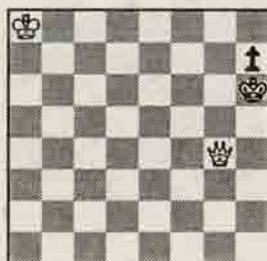
5-й почетный отзыв — задаче № 63 В. Антипова (г. Боровичи).

Похвальные отзывы (на равных) — задачам № 48 С. Ткаченко (Запорожская обл.), № 49 М. Марандюка (Черновицкая обл.), № 82 В. Гребешкова (Псковская обл.), № 36 Н. Резвова и В. Черноуса (Одесса), № 75 В. Кириллова (Екатеринбургская обл.).

Специальный приз

102. Б. ЛИНДГРЕН

Швеция

Мат в 7 ходов

Предельно экономичное воплощение редкой для задачной тематики игры на пат.

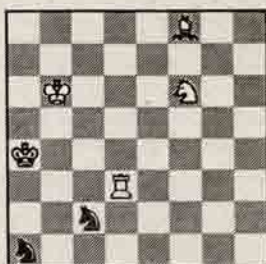
1. Kpb7? — пат!; 1. Фg3? Kph5 2. Kpb7 h6 3. Крс6 — пат!; 1. Фg2? Kph5 2. Kpb7 Kph4 3. Крс6 h5! 4. Kpd5 — пат!; 1. Фg1? Kph5 2. Kpb7 Kph4 3. Крс6 Kph3 4. Kpd5 h5 5. Кре4 h4! 6. Кpf3 — пат!; Решает 1. Фg8!!

Специальный почетный отзыв — задаче № 89 С. Захарова (Санкт-Петербург).

Специальный похвальный отзыв — задаче № 87 М. Жица (Калуга).

58. Л. ГРОЛЬМАН

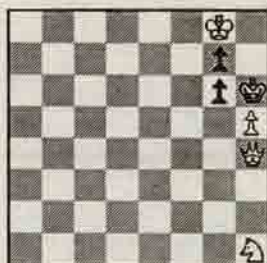
Казань

Мат в 2 хода

59. Н. ПАРХОМЕНКО

Винница

Мат в 2 хода

б) п. g7 — f4

60. В. КОЖАКИН

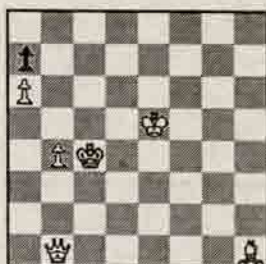
Магадан

Мат в 3 хода

61. В. ИВАНОВ и Н. ШИШКИН

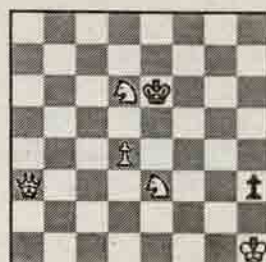
Карелия

Мат в 3 хода

62. М. МАРАНДЮК

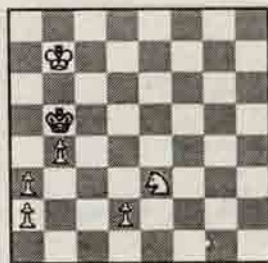
г. Новоселица Черновицкой обл.

Мат в 3 хода

63. М. КОРМИЛЬЦЕВ и В. ШИЛЬНИКОВ

Екатеринбург

Мат в 5 ходов

«СМЕНА»-94

В первом полугодии мы предполагаем опубликовать: новую повесть Николая Леонова «Наемный убийца» с любимыми читателям главным героем — полковником МУРа Львом Туровым, фантастический роман Колина Уилсона «Космические вампиры», детектив Эрла Стенли Гарднера «Секрет падчерицы», мистические бестселлеры Джеффри Конвица «Страж II» и Роберта Кука «Сфинкс» и другие произведения.

Ф. СП-I

АБОНЕМЕНТ на

70820

журнал (индекс издания)

«СМЕНА»

Количество комплектов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

ДОСТАВОЧНАЯ КАРТОЧКА

70820

на журнал (индекс издания)

ПВ

место

ли-тер

«СМЕНА»

Стои-мость

подписки пере-адресовки

руб.
руб.

коп.
коп.

Количество комплек-тов

I

на 1994 год

1	2	3	4	5	6	7	8	9	10	11	12

Куда

(почтовый индекс)

(адрес)

Кому

(фамилия, инициалы)

«СМЕНА»-94

Это 990 рублей за один номер, 2970 — за три, полугодовая подписка — 5940 рублей (цены указаны без стоимости доставки). Подписка принимается без ограничений всеми отделениями связи, но если вы хотите получать журнал с января, постарайтесь оформить ее до 10 октября.

ПРОВЕРЬТЕ ПРАВИЛЬНОСТЬ ОФОРМЛЕНИЯ АБОНЕМЕНТА!

На абонементе должен быть проставлен оттиск кассовой машины.

При оформлении подписки (переадресовки) без кассовой машины на абонементе проставляется оттиск календарного штемпеля отделения связи. В этом случае абонемент выдается подписчику с квитанцией об оплате стоимости подписки (переадресовки).

Для оформления подписки на газету или журнал, а также для переадресования издания бланк абонемента с доставочной карточкой заполняется подписчиком чернилами, разборчиво, без сокращений, в соответствии с условиями, изложенными в каталогах.

Заполнение месячных клеток при переадресовании издания, а также клетки «ПВ — МЕСТО» производится работниками предприятий связи.

СЕРГЕЙ ПОЛЯКОВ. *Ночь Купалы.*

Берендей.

Зорька дивная.

(Читайте стр. 276)

Три фигуры.

ИНДЕКС 70820

Дайма Вайкуле

Музыкальная антенна представляет: